

К. ВАЛИШЕВСКИЙ

ПЕТР
ВЕЛИКИЙ

ВОСПИТАНИЕ
ЛИЧНОСТЬ

К. ВАЛИШЕВСКИЙ • ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Петръ Великій.

(Портретъ работы худ. П. Леонасьева.)

К. ВАЛИШЕВСКИЙ

**ПЕТР
ВЕЛИКИЙ**

—•—

КНИГА ПЕРВАЯ
ВОСПИТАНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ
ЛИЧНОСТЬ

*Репринтное воспроизведение
издания 1911 года*

МОСКВА СП "ИКПА" 1990

По данным Всесоюзного социологического исследования "Книга в современном обществе", проведенного Институтом книги в 1988 году, большой интерес у читателей вызывает историческая литература, особенно по истории Отечества, как русских, советских, так и зарубежных авторов.

В этом плане для массового читателя представляют интерес и книги К. Валишевского.

В $\frac{4702010104-03}{939-90}$ – без объявл.

© Оформление СП "ИКПА"
1990

ISBN 5-85202-021-4

БВАЛИШЕВСКІИ

ПЕТРЪ
ВЕЛИКІИ

ВОСПИТАНІЕ. ЛИЧНОСТЬ.

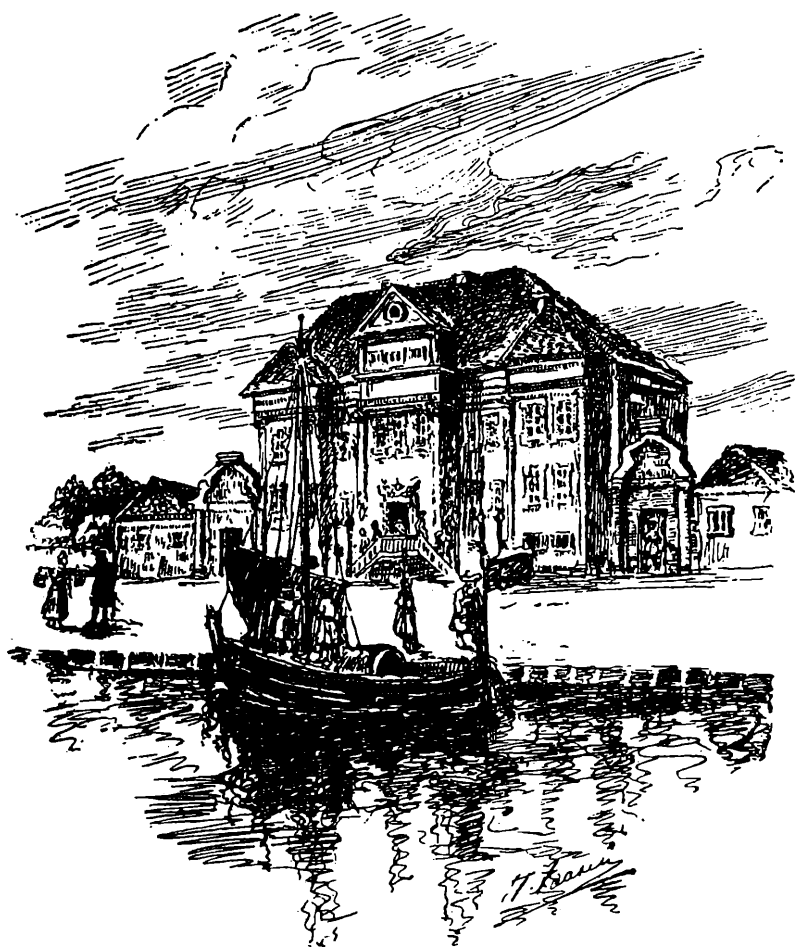
ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ
ФРАНЦ. А. ГРЕТМАНЪ.

ПО НОВЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

КНИЗДА СФИНКСЪ

ПЕТР О. ВОДНОГОЛЬЕВ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Соразмѣряй силы съ предпріятіемъ, а не предпріятіе съ силами». Этимъ смѣлымъ совѣтомъ, даннымъ однимъ поэтомъ-соотечественникомъ, мнѣ пришлось руководиться при задачѣ, взятой на себя, въ качествѣ историка. Какъ трудно подступиться къ человѣку, занимающему такое выдающееся мѣсто въ исторіи русскаго народа и оставившему такой неизгладимый слѣдъ на всемъ его существованіи.

Вотъ почему я подошелъ къ нему такъ поздно, поднимаясь отъ ближайшаго времени къ болѣе отдаленному, и только послѣ великой наслѣдницы перешелъ къ создателю наслѣдства.

Сумѣлъ ли я схватить своимъ взглядомъ то, что обнималъ своимъ взоромъ ты — бронзовый гигантъ, спускающійся иногда—какъ говорятъ поэты—въ бѣлыя петербургскія ночи съ своего гранитнаго подножія и побѣдоносно скачущій, не зная усталы, какъ при жизни, по заснувшему городу? Великій призракъ, двѣсти лѣтъ посѣщающій, какъ страшный, но всѣмъ близкій духъ тѣ

мѣста, гдѣ ты жилъ, нашелъ ли я то заклинаніе, которое возвращаетъ голосъ привидѣніямъ и изъ праха прошедшихъ временъ возсоздаетъ вокругъ нихъ былую жизнь?

Я переживалъ отошедшіе въ вѣчность часы; мнѣ казалось, что вокругъ меня оживали всѣ лица и вещи, наполнявшія ихъ. Я осязалъ чудеса волшебнаго царствованія, воочию видѣлъ осуществленіе сказки о пшеничномъ зернѣ, которое моментально прорастаетъ и превращается въ растеніе въ горсти индійскаго іюги. И я говорилъ съ человѣкомъ, совершившимъ это чудо—можетъ быть съ единственнымъ въ своемъ родѣ, какого зналъ міръ.

Наполеонъ только величайшій изъ французовъ или итальянцевъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, но онъ не Италія, не Франція. Петръ—это вся Россія; ея плоть и духъ, характеръ и геній, воплощеніе всѣхъ ея добродѣтелей и пороковъ. При разнообразіи своихъ способностей, громадности усилій и страстности, онъ кажется существомъ собирательнымъ. И этимъ онъ великъ, этимъ онъ выдѣляется изъ рядовъ блѣдныхъ умершихъ, которыхъ спасаютъ отъ забвенія наши слабыя историческія воспоминанія. Не приходится употреблять усилій, чтобы вызвать его тѣнь—онъ всегда тутъ. Онъ пережилъ себя; онъ вѣченъ; онъ какъ бы живъ и теперь; обликъ міра, извлеченнаго имъ изъ ничтожества, могъ измѣниться въ нѣкоторыхъ чертахъ, но принципъ остался неизмѣннымъ. Тутъ несоизмѣримая сила, три вѣка дѣйствовавшая вопреки всѣмъ расчетамъ и превратившая ничтожное владѣніе Ивана въ наслѣдіе Александровъ и Николаевъ, въ

имперію, превышающую своимъ протяженіемъ и численностью населенія всѣ государства, когда-либо извѣстныя Европѣ, Аѳрикѣ и Азіи, имперіи Александра и Римскую, имперію калифовъ и современную намъ Британскую со всѣми ея колоніями. И эта сила называлась нѣкогда Петромъ Великимъ. Она перемѣнила имя, но не измѣнила характера. Это душа великаго народа, но также душа великаго челоуѣка, въ которомъ какъ бы воплотилась мысль и воля милліоновъ существъ. Эта душа вся въ Петрѣ и онъ весь въ ней; и ее-то я желалъ заставить затрепетать на этихъ страницахъ.

Конечно, не только съ помощью одного своего воображенія. Я взялъ у документовъ — этого единственнаго ключа, способнаго открыть намъ двери, ежечасно запирающіяся за нами — все, что они могли дать мнѣ. Въ своей правдивости я увѣренъ. Можетъ случиться, что она вызоветъ удивленіе, разочарованіе или даже неудовольствіе. Но я прошу своихъ русскихъ читателей взвѣсить свои впечатлѣнія. Надо всегда имѣть мужество смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности и своему прошлому, а для русскихъ это не трудно.

Кромѣ того я прошу всѣхъ своихъ читателей не заблуждаться относительно цѣли, которую я имѣлъ въ виду. Занятый собираніемъ матеріаловъ для біографіи національнаго героя, Пушкинъ намѣревался воздвигнуть ему памятникъ, который нельзя было бы перемѣщать съ мѣста на мѣсто. Неподвижность образцоваго произведенія Фальконета какъ будто возбуждала неудовольствіе. За-

бота и стремленія поэта, общія большинству моихъ предшественниковъ, даже внѣ Россіи, мнѣ были совершенно чужды. Петръ, уже и безъ меня, имѣеть памятникъ, помоему, наиболѣе достойный его. И воздвигли его не Пушкинъ и не скульпторъ-французъ. Надъ тѣмъ памятникомъ, о которомъ я говорю, онъ самъ работалъ своими мозолистыми руками, и его наслѣдники будутъ работать еще долго. Сибирская дорога прибавила къ нему еще одинъ камень, который послужитъ къ его украшенію и укрѣпленію.

Моя цѣль совершенно иная. Взоры всего міра устремлены, полные симпатіи съ одной стороны, и недовѣрія или враждебности — съ другой, на это вмѣстилище душевной и физической энергіи неожиданно открытое между старой Европой, уставшей жить, и старой Азіей, утомленной своимъ бездѣйствіемъ. Что это? Пропастъ, куда суждено кануть обычнымъ судьбамъ? Или источникъ вѣчной юности? Наклонившись надъ обоими берегами, толпы смотрятъ въ напряженномъ вниманіи, вглядываясь въ глубину, зондируя ее. Я только даю разъясненіе общему любопытству и напряженному ожиданію. Это разъясненіе почерпнуто, какъ я уже сказалъ, изъ исторіи, но также и изъ современной жизни. Петръ Великій не умеръ. Взгляните! Можетъ быть, насталь часъ! Заря утра, которое принесетъ намъ неизвѣстно что, появляется на горизонтѣ, на широкой рѣкѣ влѣбится туманъ, какъ бы окутывающій призраки! Слышите! Не топотъ ли коня раздается по мостовой тихихъ улицъ?..

Валишевскій.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ переводѣ этой книги Валишевскаго, переводчикъ, точно такъ же, какъ въ «Вокругъ трона» и въ «Царствѣ женщинъ» не нашелъ возможнымъ *переводить* съ французскаго тѣ мѣста, которыя почерпнуты изъ русскихъ источниковъ и, предполагая, что для русскихъ читателей эти мѣста представляютъ гораздо больше интереса въ подлинникѣ, замѣнилъ пересказъ Валишевскаго словами первоисточниковъ.

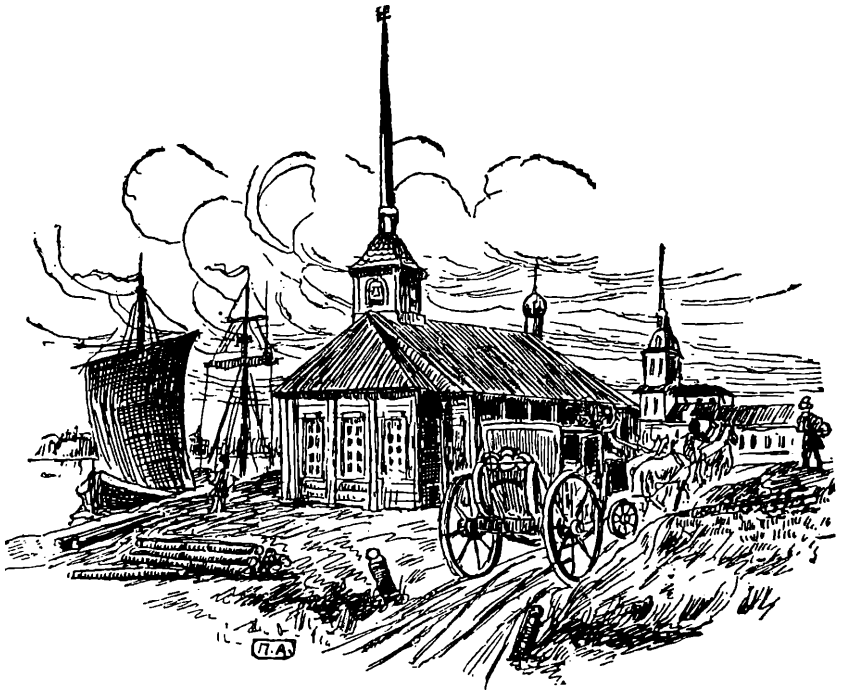
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОСПИТАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗЪ АЗІИ ВЪ ЕВРОПУ.

ГЛАВА I.

Кремль и нѣмецкая слобода.

I. Женитьба Алексѣя.—Выборъ невѣсты.—Вѣнецъ прекраснѣйшей.—Опочивальня въ Кремль.—Наталія Нарышкина.—Рожденіе Петра.—Спорное происхожденіе Петра.—Борьба Нарышкиныхъ съ Милославскими.—Изгнаніе. II. Кремль—Гробница, теремъ и тюрьма.—Десять вѣковъ исторіи.—Московская и Кіевская Русь.—Норманское завоеваніе.—Упадокъ величія.—Сыновья Рюрика.—Ярославъ Мудрый и Генрихъ I Французскій.—Нашествіе монголовъ.—Паденіе и возвышеніе.—Московская гегемонія подъ монгольскимъ протекторатомъ.—Освобожденіе.—Иванъ Великій.—Заря новой культуры.—Европейскія вліянія.—Поляки, нѣмцы, англичане и голландцы. III. Нѣмецкій кварталъ: Европа и Азія. Московское гетто.—Просвѣтительный трудъ.—Расцвѣтъ.—Петръ пойдетъ туда.—IV. Дни испытанія.—Послѣдняя попытка азіатскаго режима.—Смерть Алексѣя и Федора.—Выборная царская власть.—Роль патриарховъ.—Побѣда Нарышкиныхъ.—Избраніе Петра.—Кратковременное торжество.—Местъ Милославскихъ.

I.

Петръ Алексѣевичъ родился 30 мая 1672 года,—въ 1780 году по обычному въ то время лѣтосчисленію. Два съ половиной года передъ этимъ событіемъ старый Кремль былъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища: изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ, дворцовъ, избъ и монастырей было привезено въ Кремль нѣсколько сотъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ.

Тамъ, размѣщенные въ шести комнатахъ, приготовленныхъ для нихъ, онѣ, какъ и всѣ московскія женщины той эпохи, проводили время однообразно и праздно, коротая его рукодѣльями, пѣснями да сказками. Потомъ наступалъ вечеръ, который заставлялъ ихъ забывать длинные часы скуки, тоски и нетерпѣнія и переживать пріятное волненіе ожиданія и надежды. На порогѣ ихъ комнаты, превращавшейся на ночь въ спальню, появлялись мужчины; двое изъ нихъ приближались къ узкимъ кроватямъ, гдѣ спали прекрасныя дѣвушки, разсматривали ихъ, не стѣсняясь, обмѣнивались многозначительными взглядами и жестами; одинъ изъ этихъ мужчинъ былъ царь Алексѣй Михайловичъ, другой—докторъ, помогавшій ему выбирать между этими незнакомками супругу, которая «способна дать усладу государю», которую онъ сдѣлаетъ на другой день великой княжной, а затѣмъ и царицей Россіи, будь она даже дочерью послѣдняго крѣпостного. Это былъ старый обычай, заимствованный изъ Византіи по соображеніямъ высшей политики, а отчасти и по необходимости. Иванъ Васильевичъ (Великій 1435—1505) тщетно пытался выбрать невѣсту для своего сына между иностранными принцессами. Онъ получилъ унижительный отказъ и отъ короля датскаго, и отъ бранденбургскаго маркграфа. Царь не хотѣлъ породниться съ русскими князьями, которые были его сосѣдями и соперниками; поэтому онъ велѣлъ привезти въ Москву пятьсотъ дѣвушекъ. Великокняжескій вѣнецъ долженъ былъ достаться если не самой знатной, то самой красивой. Вѣкъ спустя, царь Михаилъ Федоровичъ попытался возобновить сватовство за границей, но также потерпѣлъ неудачу. Датскій король не хотѣлъ даже принять московскихъ посланцевъ *).

*) Забѣлинъ, *Частная жизнь царицъ*.

На бояръ и ихъ женъ возлагалась обязанность осматривать дѣвушекъ, отозвавшихся на призывъ царя. Осмотръ былъ очень тщательный и строгій, и даже самыя интимныя части тѣла не ускользали отъ него. Вслѣдствіе такого подбора, царю представлялись настоящія красавицы.

Иногда, впрочемъ, этотъ обычай совершался только для вида, какъ на примѣръ въ 1670 году. На этотъ разъ красавицы напрасно расточали свое кокетство. Выборъ царя былъ сдѣланъ до ихъ прибытія. Въ 1667 году царю Алексѣю Михайловичу было 38 лѣтъ, когда умерла его первая жена изъ рода Милославскихъ, подарившая ему шесть сыновей и восемь дочерей. Трое изъ этихъ сыновей умерли; оставшіеся въ живыхъ Федоръ и Иванъ были болѣзненны; царю было необходимо жениться снова. Увидя въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева красивую брюнетку, которую онъ принялъ за дочь своего любимаго совѣтника, онъ рѣшился окончательно. Это была воспитанница Матвѣева, Наталія Кирилловна Нарышкина, которую отецъ, бѣдный и мелкій дворянинъ, отдалъ на попеченіе вліятельнаго и богатаго боярина. Появленіе красавицы Наталіи передъ царемъ не могло бы произойти въ обыкновенномъ московскомъ домѣ, хранившемъ старинныя мѣстные обычаи. Тамъ дѣвушка оставалась бы за непроницаемой дверью своего терема. Но домъ Матвѣева отличался въ этомъ отношеніи отъ другихъ. Артамонъ былъ женатъ на иностранкѣ изъ рода Гамильтонъ. Англійская революція разгромила много семей, приверженныхъ Іакову, и многія изъ нихъ нашли себѣ пріютъ въ негостепріимныхъ широтахъ отдаленнаго варварскаго государства. Алексѣй былъ очень милостивъ къ этимъ иностранцамъ и самъ Матвѣевъ пріобрѣлъ почетъ при дворѣ, благодаря дружбѣ съ однимъ изъ нихъ. Близость къ иностранцамъ развила его; онъ много читалъ,

имѣлъ библіотеку, физическій кабинетъ и маленькую химическую лабораторію. Наталія садилась за столъ вмѣстѣ со своими пріемными родителями и даже съ гостями. Алексѣй объявилъ, что онъ беретъ на себя найти ей жениха, который не посмотритъ на то, что она безприданница, а затѣмъ объявилъ о своемъ намѣреніи жениться на ней. Артамонъ Сергѣевичъ больше испугался, чѣмъ обрадовался предложенію. Его положеніе, какъ царскаго любимца, создало ему немало враговъ.

Родъ Матвѣевыхъ не былъ знатнымъ, но, несмотря на это, Артамонъ Сергѣевичъ занималъ высокое положеніе, былъ начальникомъ многочисленныхъ приказовъ: иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и дворцоваго, командовалъ стрѣльцами, стоялъ во главѣ управленія Малороссіи, Казани и Астрахани. Онъ просилъ только сохранить внѣшнія приличія и Наталія должна была появиться въ спальнѣ Кремля.

Всѣ обычаи были съ точностью соблюдены; даже дядѣ одной изъ красавицъ пришлось повѣдаться съ царскимъ судомъ за его старанія обманнымъ образомъ выдвинуть свою племянницу: его подвергли пыткамъ, дыбамъ и наказали кнутомъ *).

Свадьба состоялась 22 января 1671 года, а 30 мая (12 іюня) 1672 года Наталія Кирилловна родила сына. Въ этотъ же день Людовикъ XIV, глядѣвшій на свою армію, переходившую Рейнъ подъ предводительствомъ Кондэ и Тюренна, послужилъ для Буало сюжетомъ его знаменитаго посланія; и въ тотъ же день турецкая армія, переходя Днѣпръ, заходила въ тылъ имперіи и протягивала руку великому королю. Но Москва не обратила вниманія на эти событія, занятая празднествами въ честь новорожденнаго царевича. Европейская политика не доходила туда.

*) Забѣлинъ.

Мѣсто, гдѣ родился величайшій человекъ Россіи, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Въ московскомъ ли Кремлѣ? Во дворцѣ ли села Коломенскаго, названнаго русскимъ Вифлеемомъ? Можетъ быть въ Измайловѣ? На этотъ счетъ нѣтъ ни одного точнаго указанія. Физически и духовно Петръ совсѣмъ не походилъ на своихъ старшихъ братьевъ и сестеръ, слабыхъ и хилыхъ, какъ Иванъ и Федоръ, какъ и сама царевна Софья. Да могъ ли Алексѣй, подтачиваемый смертельной болѣзью, передать сыну такое изобиліе силъ, богатырскій ростъ и желѣзную мускулатуру? Кто же тогда? Нѣмецъ-хирургъ, замѣнившій своимъ сыномъ дѣвочку, родившуюся у Натальи? Придворный—Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, человекъ скромнаго происхожденія, недавно возвысившійся благодаря женитьбѣ Михаила Романова на красавицѣ Евдокии?

Какъ-то, Петръ, опьяненный винными парами, захотѣлъ доискаться истины. «Этотъ, по крайней мѣрѣ», воскликнулъ онъ, указывая на Ивана Мусина-Пушкина, «знаетъ, что онъ сынъ моего отца. Чей сынъ я? Не твой ли, Тихонъ Стрѣшневъ? Не бойся, говори, говори, а то удушю тебя...»

— Батюшка, смилуйся. Я не знаю, что отвѣчать... Я былъ не одинъ... *).

Чего только не рассказывали!

Со смертью Алексѣя (1674) началось смутное время, создавшее грозное, деспотичное кровавое правленіе Петра. Съ первыхъ же дней Петръ сдѣлался героемъ драмы и главой оппозиціи. Еще тѣло Алексѣя не успѣло остыть, какъ уже началась ожесточенная борьба двухъ партій, Милославскихъ и Нарышкиныхъ, которыхъ Алексѣй высилъ своей двукратной женитьбой.

Нарышкины приписывали свое происхожденіе знамени-

*) Vockerodt, *Correspondance*. Соловьевъ, *Исторія Россіи*. Семевскій, *Слово и Дѣло*. Долгоруковъ, *Мемуары*.

тому чешскому роду Narisci, владѣвшему Эгрой. Историкъ Мюллеръ предполагаетъ, что родоначальникомъ ихъ былъ татаринъ Нарышъ, жившій при дворѣ Ивана Васильевича (1463). Послѣдняя версія кажется болѣе правдоподобной. Милославскіе происходили изъ стариннаго литовскаго рода Корсакъ, существующаго въ Польшѣ. Свергнутые и потерявшіе свое вліяніе изъ-за Нарышкиныхъ, они чувствовали себя вдвойнѣ оскорбленными и униженными. Отецъ Натальи, Кирилль Полиевктовичъ, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался самымъ богатымъ во всемъ государствѣ, имѣлъ чинъ думнаго дворянина и окольничаго.

Колокольный звонъ на похоронахъ Алексѣя послужилъ сигналомъ для мести. Въ продолженіе 13 лѣтъ вся Россія, тѣсно связанная съ судьбой обѣихъ партій, пережила кровавую борьбу за власть.

Матвѣевъ, побѣжденный первой же схваткой, началъ собою цѣлый рядъ жертвъ. Заключение въ тюрьму, перенесшій цѣлый рядъ пытокъ, онъ ѣдетъ въ ссылку въ Пустозерскъ на Ледовитомъ океанѣ, гдѣ едва не умираетъ съ голоду. Наталью одно время намѣревались заключить въ монастырь; но затѣмъ сослали ее и ея сына въ Преображенское, около Москвы, гдѣ у Алексѣя былъ домъ.

При такихъ обстоятельствахъ Петръ покинулъ Кремль, куда ему пришлось возвратиться на непродолжительное время, чтобы пережить тамъ тяжелыя испытанія и оскорбленія, присутствовать при избіеніи своихъ приверженцевъ, при паденіи государственной власти, при своемъ собственномъ пораженіи. Петръ возненавидѣлъ Кремль, и даже побѣдителемъ и самодержцемъ онъ не забылъ свою злобу и отвернулся отъ него. Этотъ разрывъ есть символъ всей жизни и дѣла Петра.

II.

Теперешній Кремль съ его скученными постройками безъ опредѣленнаго стиля и характера мало напоминаетъ жилище Алексѣя Михайловича конца семнадцатаго вѣка. Послѣ пожаровъ 1701 и 1737 года и перестройки 1752 *) остались лишь слѣды своеобразнаго итальянскаго возрожденія, ввезеннаго въ концѣ пятнадцатаго вѣка дочерью одного Палеолога, воспитанной въ Римѣ **)—слѣды генія Фіоравенти, Солари, Алевизовъ, боровшихся съ обычнымъ для Москвы византійскимъ стилемъ. Нѣкоторыя церкви, части дворца и наружная стѣна, съ кирпичными башнями, напоминающими часовыхъ, походятъ скорѣе на укрѣпленный лагерь, чѣмъ на царское жилище. Только церковь Василия Блаженнаго, находящаяся за стѣной Кремля, на Красной площади, живо напоминаетъ картину исчезающаго прошлаго. Внутри было такое же смѣшеніе нѣмецкой, готической, индійской, византійской и итальянской архитектуръ, такая же запутанность въ постройкахъ, какъ бы втиснутыхъ одна въ другую на подобіе китайской головоломки. То же изобиліе украшеній, та же пестрота формъ и красокъ, странныхъ, безумныхъ, какъ плоды фантастическаго бреда, какъ слѣдствіе плохо усвоеннаго пластическаго идеала. Узкія комнаты съ низкими сводами, темные коридоры, мерцаніе лампадъ въ темнотѣ, расписан-

*) Забѣлинъ. *Частная жизнь царей*. Устряловъ, *Исторія Петра I*.

**) P. Pierling, *La Russie et le Saint Siège*.

ныя окрой и киноварью стѣны, желѣзныя рѣшетки на всѣхъ окнахъ, вооруженные люди у всѣхъ дверей; вездѣ толпа солдатъ и монаховъ...

Дворецъ прилегаетъ къ церкви и монастырю и мало отъ нихъ отличается. Царь на своемъ тронѣ походить на мощи, лежащія неподалеку въ ракъ. Съ одного конца до другого этого страннаго скопленія духовныхъ и свѣтскихъ зданій, изъ-за толстыхъ стѣнъ домовъ, соборовъ и монастырей доносятся глухіе звуки, сливающимся въ одну общую гармонію: монотонное чтеніе священниковъ въ церквахъ, пѣстни запертыхъ въ теремахъ женщинъ, отзвуки оргін, тайно совершающейся въ какомъ-нибудь углу дворца; или громкій крикъ пытаемаго въ тюрьмѣ заключеннаго. Но тишина царитъ надъ всѣмъ; всѣ говорятъ шопотомъ, всѣ ѣдятъ осторожно, всѣ наблюдаютъ другъ за другомъ. Это внутренность гробницъ, гарема и тюрьмы. Кремль, такимъ образомъ, не представляетъ изъ себя жилища исключительно царя. Вся Россія концентрируется тамъ—Россія странная, существующая уже десять вѣковъ, но все еще наивная, хотя и имѣющая за собой длинное историческое прошлое; Россія, отдѣленная отъ сосѣдней Европы, которая игнорировала ее, несмотря на то, что въ ея жилахъ текла чистая европейская кровь, что въ ея лѣтописяхъ были традиціи, а также и одинаковыя судьбы, одинаковое счастье и несчастье, побѣды и пораженія. Въ IX и X вѣкахъ, когда первые короли Франціи Карлъ Толстый и Людовикъ Заика съ трудомъ защищали свои сокровища отъ норманскихъ хищниковъ, другіе морскіе короли высаживались на берегъ Балтійскаго моря. Тамъ норманнъ Хрольфъ отнималъ у Карла побережье, названное именемъ его народа; тутъ въ обширной равнинѣ простирающейся отъ Балтійскаго моря до Чернаго, рѣдко населен-

ной финнами и славянами, норманны Рюрикъ и его товарищи основывали государство.

Полтора вѣка спустя, на трехъ окраинахъ Европы три другіе героя побѣдоносно устанавливаютъ свою власть: въ Италіи домъ Хотвилль, при Робертѣ Гвискарѣ, въ Англіи—Вильгельмъ, въ Россіи—Ярославъ.

Но это еще не Московская Русь. Москва еще не существуетъ. Столица Ярослава—въ Кіевѣ. Потомки Рюрика поддерживаютъ связь съ Греціей, Италіей, Польшей и Германіей. Византія имъ даетъ монаховъ, ученыхъ и священниковъ. Италія и Германія—архитекторовъ и ремесленниковъ, купцовъ и элементарное знаніе римскаго права. Приблизительно около 1000 года Владиміръ—«Красное Солнышко» былинъ, издаетъ законъ, по которому всѣ бояре должны были посылать своихъ дѣтей въ школы, устроенныя имъ при церквахъ; онъ прокладываетъ дороги, и устанавливаетъ въ церквахъ мѣры вѣса и длины. Его сынъ Ярославъ (1015—1054) чеканитъ монету, строитъ дворцы, украшаетъ площади своей столицы греческими и римскими статуями и пишетъ сводъ законовъ. Пять картинъ, сохранившихся въ Ватиканѣ подъ названіемъ коллекціи Каппони, представляютъ изъ себя образчики своеобразнаго русскаго искусства, которое процвѣтало въ Кіевѣ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ *), картины эти нисколько не ниже лучшихъ произведеній одного изъ итальянскихъ художниковъ примитивовъ Andrea Ricodi Candia. Эти начатки культуры не были единичными въ Кіевѣ: въ 1170 году въ Смоленскѣ князь Романъ Ростиславовичъ занимается

*) Эта коллекція есть даръ Петра Великаго графу Каппони въ благодарность за его участіе при составленіи торговаго договора съ Генуей.

науками, устраиваетъ библіотеки, школы и семинаріи, гдѣ обучаютъ классическимъ языкамъ.

По всей Россіи отъ Дона до Карпатъ, отъ Волги до Двины, завязываются торговыя сношенія съ югомъ и съ сѣверомъ Европы. Новгородъ первенствуетъ на Балтійскомъ морѣ; въ Кіевѣ пестрыя толпы купцовъ, норманновъ, славянъ, венгерцевъ, венеціанцевъ, генуэзцевъ, нѣмцевъ, арабовъ и евреевъ наполняютъ улицы своими лавками и всевозможными продуктами. Въ 1028 году тамъ насчитываютъ 12 рынковъ. Кіевскіе князья не принуждены брать себѣ женъ въ теремахъ своихъ подданныхъ. Ярославъ женился на дочери шведскаго короля Олафа Ингегардъ; онъ выдалъ свою сестру за короля Польши Казимира; одинъ изъ его сыновей, Всеволодъ, взялъ себѣ въ жены дочь византійскаго императора Константина Мономаха, другой, Вячеславъ, графиню де-Стадъ, Игорь—Кунегунду, графиню Орламюнде. Его старшая дочь Елизавета вышла замужъ за норвежскаго короля Гарольда; третья, Анастасія, за венгерскаго короля Андрея I. Въ 1048 году три епископа: Готье де-Мо, Госселефъ де-Шалиньяръ и Роже де-Шалонъ отправились въ Кіевъ просить руки второй дочери царя, Анны, для французскаго короля Генриха I.

Къ половинѣ тринадцатаго вѣка все это рухнуло, исчезло безслѣдно. Россія не была тогда прочнымъ государствомъ, которое могло бы выдержать сильные удары судьбы. Хотя владѣтели Кіева, Новгорода и Смоленска, Рюриковичи соединяли въ себѣ, на ряду съ воинственными инстинктами, замѣчательныя организаторскія способности, они носили на себѣ печать своего происхожденія: буйный духъ безпорядка, только со временемъ смягчившійся подъ вліяніемъ нравовъ просвѣщеннаго общества и зако-

новъ организованнаго государства. Но они не успѣли окрѣпнуть. Въ 1224 году появленіе монгольскихъ ордъ Батыя нанесло имъ непоправимый ударъ. Къ этому времени—къ началу двѣнадцатаго столѣтія—послѣ попытки объединить Россію въ княженіе Владимира Мономаха, среди шестидесяти князей, жившихъ между Волгой и Бугомъ, происходила непрестанная борьба изъ-за власти и первенства. Батый и внукъ Чингисъ-Хана заставили ихъ объединиться.

Подъ копытами тысячей коней исчезаютъ три вѣка усиленнаго труда и попытокъ къ цивилизаціи. Отъ той древней Россіи, заимствовавшей такъ много у Европы, но нисколько не потерявшей вслѣдствіе этого своего національнаго своеобразія, благодаря быстрому поглощенію мѣстнымъ населеніемъ малочисленнаго норманскаго элемента, не остается почти ничего. Въ слѣдующемъ столѣтіи, въ 1319 и 1340 годахъ Кіевъ и прилегающія къ нему страны становятся добычей литовскихъ князей, будущихъ королей Польши. Послѣ Гедимина, Ягелло соединилъ подъ своимъ скипетромъ всѣ остатки эфемернаго государства Мономаховъ, Червонную Русь, Бѣлую и Малую, — «всѣя Россію», по выраженію, сохранившемуся съ того времени. Но онъ присоединилъ пустыню. Казалось, что исторія Рюриковичей прекратилась.

Но она продолжается на востокѣ того огромнаго пространства, предназначеннаго самой судьбой для многочисленнаго народа, и развитія неизвѣстнаго будущаго. Въ верхнемъ бассейнѣ Волги, на берегахъ рѣки Москвы, среди рѣдко населеннаго финскаго народа небольшое село становится съ двѣнадцатаго вѣка жилищемъ и удѣломъ одного изъ потомковъ Рюрика. Много разъ уничтоженное во время непрекращавшихся войнъ съ сосѣдними князьями,

почти стертое съ лица земли татарскимъ нашествіемъ, оно поднималось снова, разросалось и къ началу XIV вѣка стало центромъ торговли между норманнами, славянами и финнами. Смирясь подъ игомъ монголовъ, оно сумѣло извлечь выгоду изъ побѣдителя, отдавъ ему роль внутренней полиціи и внѣшней охраны. Дѣйствуя смиренно, терпѣливо и ловко, оно брало на себя роль посредника между побѣдителями и побѣжденными народами, которые соглашались на это: однимъ это было полезно, другимъ необходимо. Оно брало на себя унижительную роль сборщика податей для общаго повелителя, роль полицейскаго и, если того требовали обстоятельства, не гнушалось даже быть и палачомъ. Оно подвигалось такимъ образомъ все впередъ, расширяясь, укрѣпляя шагъ за шагомъ завоеванный авторитетъ и полученное за заслуги главенство, до того долгожданнаго дня, когда почувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы порвать оскорбительный договоръ, послужившій ему средствомъ для возвышенія.

Это продолжалось около двухъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ сосѣдніе князья Переяславля, Рязани, Владимира, Углича, Галича, Ростова, Ярославля и Суздаля дѣлались одинъ за другимъ, сперва вассалами, а затѣмъ и простыми подданными, боярами, необыкновенно усилившагося Московскаго князя. Въ это же время монгольская гегемонія, благодаря междоусобицамъ, стала ослабѣвать.

Наконецъ, приблизительно въ 1480 году, время испытанія, казалось, закончилось, и вся Европа, удивленная, узнала, что между ней и Азіей существуетъ новое государство, князь котораго провозгласилъ свою независимость. Онъ прогналъ Золотую Орду за предѣлы огромнаго пространства, подчиненнаго его власти, завоевалъ Новгородъ и Тверь; женился на греческой княжнѣ, жившей въ Римѣ,

и сдѣлалъ гербомъ двухглаваго орла. Этотъ князь назывался Иваномъ и его народъ далъ ему имя «Ивана Великаго».

Но это была уже не Кіевская Русь, и кромѣ происхожденія самого царя, у нея не было ничего общаго съ могуществомъ и славой Ярослава и Владиміра. Европа ничѣмъ не была представлена въ этомъ новомъ государствѣ. Московскій великій князь, хотя и назывался царемъ «всѣя Россіи», но на самомъ дѣлѣ земли, которыя онъ считалъ своими, принадлежали еще Польшѣ. Монгольское теченіе оставило на славянской землѣ, какъ толстый слой ила, все, что оно имѣло въ себѣ прочнаго: характеръ правленія, нравы и наклонности, но не оставило никакой культуры. Кромѣ традицій византійско-русской церкви, охранявшейся греческими священниками и монахами, государство и общество, которыя понемногу соорганизовались подъ вѣковой опекой преемниковъ Батыя, были главнымъ образомъ азіатскимъ и варварскимъ. Феодализмъ, крестовые походы, рыцарство, ученіе римскаго права,—вся та высшая школа, въ которой сформировалось умственное и моральное единство Запада, вся та великая борьба между мощью духа и временной властью, изъ которой родились инья свободы, осталась чуждой Россіи.

Московская метрополія, основанная въ 1325 или 1381 гг., не захотѣла признать унію съ Римомъ, выработанную на флорентійскомъ соборѣ, принятую Кіевскимъ митрополитомъ, и порвала такимъ образомъ съ Западомъ. Папа сначала проклялъ ее, но потомъ, наскучивъ спорами съ этимъ восточнымъ расколомъ, предалъ его полному забвенію.

Несмотря на все, сѣмена культуры произростали, пробивая, хотя и медленно, толстую, азіатскую кору. Они приносились постоянно изъ Европы и, главнымъ образомъ

черезъ Польшу, черезъ литовскихъ князей, бывшихъ, когда-то русскими.

Прежде, чѣмъ укрыться у своихъ сосѣдей, Курбскій, переписывался съ Чарторыжскими, оставшимися русскими и православными съ головы до ногъ.

Возвратившись изъ Польши послѣ удачнаго похода, Иванъ привезъ оттуда первую печатню, которую когда-либо видала Москва. Побѣда Новгорода (1475) привела въ соприкосновеніе новое московское государство съ Ганзой.

Въ 1553 году англичанами было открыто устье Двины, гдѣ въ скоромъ времени выросъ Архангельскъ и завязалась торговля въ сѣверныхъ моряхъ. Но вотъ снова надвинулось нашествіе, а съ нимъ новая борьба за существованіе. Къ счастью оно шло съ другой стороны. То былъ отливъ изъ Европы. Польская армія тащила въ своихъ фургонахъ все, что принадлежало къ папскому Риму: іезуитовъ и бернардинцевъ, католическую пропаганду и схоластику. За учеными, краснорѣчивыми и хитрыми іезуитами слѣдовали элегантные и утонченные лже-цари польскаго происхожденія. Дворъ Димитрія и Марины Мнишекъ содержался на подобіе двора Сигизмунда. Польская свѣтская музыка проникла въ православные обряды. Даже въ дни національной побѣды и возрожденія Москвы чувствовалось вліяніе Польши и Запада. Завладѣвъ вновь Кіевомъ, войска царя Алексѣя не нашли уже тамъ слѣда прежняго блеска, но все же больше, чѣмъ въ опустошенной Москвѣ: нѣсколько школъ, основанныхъ поляками, печатню, которая могла бы замѣнить прежнюю, но которую сейчасъ же передали анаѣемъ и уничтожили; духовную греко-латинскую академію—цѣлую маленькую сокровищницу цивилизаціи.

III.

Съ этой эпохи Москвѣ былъ открытъ прямой путь въ Европу. Если Петръ, изгнанный изъ Кремля враждебной политической партіей, выброшенный, такъ сказать, на улицу, не пожалѣлъ о родномъ гнѣздѣ, то только потому, что нашелъ въ близкомъ сосѣдствѣ иной, болѣе привлекательный очагъ. Присоединяя Новгородъ, этотъ республиканскій и непокорный городъ, Иванъ поставилъ себѣ цѣлью искоренить его буйный духъ. Онъ рѣшилъ переселить десять тысячъ семей. Въ Россіи сохранили секретъ административныхъ государственныхъ переворотовъ, способныхъ расшевелить цѣлыя челоуѣчества. Новгородскіе изгнанники пріѣхали въ Москву, а на ихъ мѣста послали покорныхъ и надежныхъ подданныхъ, наказанныхъ такимъ образомъ за свою вѣрность. Между переселенными въ Москву находились ганзейцы, которые основали первую иностранную колонію на берегу Москвы. Но народъ рѣшилъ, что присутствіе этихъ иностранцевъ оскверняло городъ. Въ своемъ патріотизмѣ москвичи, да и вся Россія, считали этотъ городъ святымъ. Поэтому *нѣмцамъ*, т.-е. людямъ, не говорящимъ на мѣстномъ языкѣ, слѣдовательно нѣмымъ, было отведено мѣсто на подобіе еврейскаго квартала въ Римѣ, за воротами, замыкавшими столицу въ сѣверо-восточной ея части, между Басманной и Покровкой, гдѣ находится въ настоящее время лютеранская церковь, на грязныхъ берегахъ маленькаго притока Москвы—Яузы, Въ XVI вѣкѣ

царь Василій помѣстилъ тамъ свою гвардію, состоявшую изъ поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ.

Преемники Василія не довольствовались одними солдатами-иностранцами, они выписывали себѣ изъ-за границы ремесленниковъ, художниковъ и учителей. Въ любопытной книгѣ Аделунга есть гравюра, показывающая видъ предмѣстья, гдѣ жили всѣ эти эмигранты. Это было селеніе съ деревянными домами, наскоро выстроенными изъ бревенъ, покрытыхъ корой, съ обширными огородами, окружавшими жилища. Этотъ видъ быстро мѣнялся, такъ же, какъ и само населеніе. При Алексѣѣ отъ Нѣмецкой слободы осталось только ея названіе въ память первыхъ ея обитателей германскаго происхожденія. При немъ же первое мѣсто занимаютъ англичане и шотландцы. Между послѣдними, вслѣдствіе изгнанія сторонниковъ Кромвелля изъ Англіи, встрѣчаются люди высокаго происхожденія: Друммоны, Гамильтоны, Дальзіели, Кроуфорды, Граамы, Лесли, а позднѣе Гордоны. Французовъ еще нѣтъ въ то время. Ихъ боятся, какъ католиковъ и янсенистовъ. Исключеніе составляютъ только приверженцы короля Іакова, которые, какъ изгнанники, кажутся безопасными. Позже съ отмѣной нантскаго эдикта это довѣріе распространяется и на подданныхъ христіаннѣйшаго короля.—Якобиты жили отдѣльно; они не были ни ремесленниками, ни купцами, но много содѣйствовали процвѣтанію слободы; своимъ происхожденіемъ и воспитаніемъ они внушали уваженіе москвичамъ. Профессіи купцовъ, учителей, врачей, аптекарей, ремесленниковъ и художниковъ принадлежали въ то время голландцамъ. Нѣмецкій контингентъ, примѣшивавшійся къ нимъ, былъ самаго лучшаго качества. Тѣ и другіе приносили туда свои національныя добродѣтели: духъ предприимчивости и постоянства, благочестія и семейственности, общее

стремленіе къ законности и порядку, домашнему миру и плодотворному труду. Нѣмцы имѣли двухъ лютеранскихъ пасторовъ, голландцы одного пастора-кальвиниста; но въ сосѣдствѣ съ варварами всѣ религіозные споры затихли; въ слободѣ царила свобода; только католикамъ запрещалось имѣть священника. Школъ было много. Шотландецъ Патрикъ Гордонъ слѣдилъ за работами лондонскаго *Royal Society*. Англійскія дамы выписывали цѣлыми тюками романы и стихотворенія національныхъ писателей, и велась оживленная корреспонденція со всей Европой. Въ нѣмецкихъ собраніяхъ устраивались скромныя развлечения, танецъ «гросфатеръ» считался проявленіемъ самаго большого веселія. Былъ театръ, гдѣ Алексѣй слышалъ въ первый разъ Орфея. Значительную роль въ колоніи играла политика; члены дипломатическаго корпуса: англичане, голландцы, датчане, шведы,—последніе тоже входившіе въ составъ слободы,—представляли тамъ интересы протестантскихъ державъ. Голландскій резидентъ Ванъ Келлеръ, богатый, образованный, осторожный и ловкій занималъ особое положеніе, передъ которымъ преклонялись сами москвичи. Отправляя самъ каждый день огромную корреспонденцію, онъ получалъ всѣ новости Запада, заставлявшія трепетать всю слободу при извѣстіяхъ, касавшихся европейской политической жизни *).

Нѣмецкій путешественникъ Таннеръ, посѣтившій слободу въ 1678 году, вынесъ оттуда очень хорошее впечатленіе **); о чемъ свидѣтельствуетъ также гравюра начала восемнадцатаго вѣка: Слобода казалась совсѣмъ измѣнившейся. Съ ея кирпичными комфортабельными домами,

*) Vullieinin. Брикнеръ, *Культурно-историческіе очерки*.

***) Tanner, *Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam*. Nuremberg. 1689.

цвѣтниками, прямыми аллеями, фонтанами на площадяхъ, она представляла такой контрастъ съ остальными русскими городами, не исключая и Москвы, что это поражало Петра. Несмотря на вліяніе и сосѣдство Польши, которая была, такъ сказать, преддверіемъ Европы, Москва осталась въ общемъ такой же, какой ее сдѣлали три вѣка азіатскаго рабства. Нѣкоторые признаки указывали все же на начало знакомства съ интеллектуальнымъ міромъ Запада.

Появились люди, снявшіе смѣшной византійско-татарскій нарядъ, имѣвшіе новыя идеи, новыя намѣренія, въ которыхъ намѣчалась цѣлая программа реформъ, болѣе обширныхъ, чѣмъ исполненная вполнѣдствіи Петромъ *). Занималась новая заря. Къ сожалѣнію всѣ эти нарождающіяся идеи раздѣлялъ сравнительно небольшой кругъ избраннаго общества. Царь Алексѣй не выкалывалъ уже глазъ художникамъ, какъ его предшественникъ Иванъ, чтобы помѣшать имъ воспроизводить ихъ созданія искусства въ другомъ мѣстѣ, но когда Михаилъ вознамѣрился пригласить къ себѣ на службу знаменитаго Олеарія, при дворѣ и въ городѣ поднялся цѣлый бунтъ. Бунтовщики грозили утопить колдуна. На обѣдѣ у одного знатнаго иностранца, русскіе вельможи, не стѣснясь, набивали себѣ карманы разными явствами къ немалому удивленію хозяина **).

Изгнаніе поляковъ и лже-царей нисколько не измѣнило Кремль, и Петръ передъ своимъ изгнаніемъ оттуда не видѣлъ никого, кромѣ лицъ свиты, окружавшей его по дорогѣ въ церковь или въ баню, куда онъ шелъ между двумя рядами карликовъ, несшихъ занавѣсы изъ красной матеріи, такъ что

*) Этотъ взглядъ довелъ нѣкоторыхъ историковъ до парадоксальныхъ преувеличеній. В. Ключевскій, *Лекціи по исторіи*.

***) Соловьевъ.

домашнее заключеніе продолжалось и на улицѣ *). Ребенокъ задыхался въ такой атмосферѣ. Въ Преображенскомъ онъ вздохнулъ свободно. Однажды, предоставленный самому себѣ, онъ попалъ на берегъ Яузы и въ первый разъ увидѣлъ Слободу. Онъ не хотѣлъ больше отъ нея удаляться, а, наоборотъ, звалъ туда всю Россію. Но его ждали еще тяжелыя минуты окончательной борьбы съ азіатскимъ режимомъ.

*) Котошихинъ. *Россія въ царствованіе Алексѣя.*

IV.

Федоръ, старшій сынъ и наслѣдникъ Алексѣя, умеръ въ 1682 году бездѣтнымъ. Кто же долженъ былъ наслѣдовать ему? Со смерти послѣдняго Рюриковича въ 1598 году престолъ захватывался почти все время силой. Борисъ Годуновъ достигъ его посредствомъ цѣлаго ряда убійствъ; Димитрій—благодаря польскимъ штыкамъ; Василій Шуйскій былъ обязанъ своимъ избраніемъ однимъ боярамъ, и наконецъ—Михаилъ Романовъ—народу. При этомъ послѣднемъ избраніи было выработано нѣчто въ родѣ династическаго права; но, несмотря на это, при восшествіи на престолъ Алексѣя пришлось прибѣгнуть къ всеобщему голованію.

Одинъ изъ младшихъ братьевъ Федора, Иванъ, сынъ Милославской, которому въ то время исполнилось 15 лѣтъ, былъ почти слѣпой и на половину идиотъ. Въ письмѣ, адресованномъ въ 1684 году министрамъ Людовика XIV, говорится о болѣзни вѣкъ царевича, благодаря чему онъ не можетъ видѣть, если ихъ не поднять искусственно. И бояре единогласно высказывались за избраніе Петра, сына Нарышкиной, который былъ моложе своего брата на десять лѣтъ. Имъ противно было, говорили они, превращать свои обязанности въ занятія сидѣлокъ. Вѣроятно, также, что ихъ привлекалъ болѣе ранній возрастъ Петра, благодаря чему предвидѣлось болѣе продолжительное междуцарствіе и власть должна была сохраниться въ рукахъ бояръ на болѣе долгое время.

Они привлекли на свою сторону бояръ, присутствовавшихъ при послѣднихъ минутахъ Алексѣя, и патріарха Іоакима, соборовавшаго его. Въ Россіи, какъ въ Польшѣ, глава церкви пользовался временной властью во время междуцарствія. Въ 1598 году, напримѣръ, патріархъ Іовъ рѣшилъ побѣду Годунова. Во всякомъ случаѣ на этотъ разъ избраніе Петра было незаконно. Рѣчь, сказанная «всякихъ чиновъ людямъ», случайно собравшимся въ Кремлѣ; призывъ къ голосованію, приведшій къ одобренію; появленіе импровизированныхъ избирателей на Красномъ крыльцѣ передъ народомъ, привлеченномъ туда тревожными событіями; имя, брошенное въ эту толпу—и дѣло было сдѣлано: у Россіи былъ царь, котораго звали Петромъ.

Объ Иванѣ не было сказано ни слова; оправданія этому нарушенію закона и наслѣдственныхъ правъ не было никакихъ. То была просто побѣда Нарышкиныхъ надъ Милославскими, застигнутыми врасплохъ и лишенными возможности защищаться, благодаря быстротѣ и неожиданности развязки. Но это было кратковременное торжество; оно продолжалось всего мѣсяць. На другой день послѣ своего пораженія, побѣжденная сторона снова выходитъ на сцену, а за ней неожиданно появляются два новыхъ политическихъ фактора, которые измѣняютъ весь внѣшній видъ борьбы: царевна Софія и стрѣльцы *).

*) Сумароковъ. *Первый стрѣлецкій бунтъ.*

ГЛАВА II.

Царевна Софья

I. Теремъ въ Кремль.—Москва и Византія.—По стопамъ Пульхеріи.—У изголовья умирающаго царя.—Честолюбіе и любовь.—Василій Голицынъ. II. Стрѣльцы.—Величіе и паденіе.—Солдаты и кушцы.—Признаки и причины возстанія.—Народныя движенія.—Софія и Голицынъ пользуются возстаніемъ для захвата власти.—Осажденный Кремль.—Трехдневная рѣзня.—Софія беретъ власть окровавленными руками.—Неудача Петра.—Восшествіе на престолъ Ивана.—Два царя.—Регентша. III. Регентъ.—Идиллія и семейная драма.—Мечты о будущемъ.—Препятствіе. IV. Дѣтство Петра.—Изгнаніе.—На волѣ.—Ученіе и игры.—Самоучка.—Астролябія.—Англійская шлюпка.—Солдатъ и морякъ.—Преображенскій лагерь и Переяславское озеро.—Товарищи.—Начало преобразованій.—Армія, флотъ и кутежи. V. Юность.—Женитьба.—Евдокія Лопухина.—Раннее вдовство.—Петръ возвращается къ своимъ удовольствіямъ.—Увлеченный потокомъ.—Работа увлекаетъ работника.—Орудіе партіи.—Аристократическая оппозиція.—Петръ ея глава.—Между двухъ цивилизацій.—Римская и протестантская Европа.—Выборъ.—Приготовленіе къ борьбѣ.—Переломъ.

I.

У Алексѣя осталось пять дочерей, но имя только одной изъ нихъ, Софіи, сохранилось въ исторіи. Софія была родной сестрой Ивана, и ей шелъ уже двадцать шестой годъ. Я упомянулъ о ея красотѣ: нѣкоторые историки во

главѣ съ Сумароковымъ и даже иностранцы, какъ Штраленбергъ и Перри утверждаютъ, что она была красива, но ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ царевны. Свидѣтельство франко-польскаго дипломата Ла-Невиль, заслуживаетъ бѣльшаго довѣрія *). Оно нарушаетъ поэзію; но что дѣлать? «Уродливое тѣло непомѣрной толщины, широкая, какъ котелъ, голова, покрытое волосами лицо и шишки на ногахъ». Вотъ его свидѣтельство. Историкъ Костомаровъ старается смягчить краски: «Некрасивая на взглядъ иностранцевъ, Софія могла казаться привлекательной москвичамъ того времени, которые не считали тучность недостаткомъ». Монахъ Медвѣдевъ, довѣренный царевны и преданный ей челоуѣкъ, краснорѣчиво молчитъ о ея наружности и упорно превозноситъ ея душевныя качества. Но въ одномъ согласны всѣ, не исключая и Ла-Невиля. «Насколько ея тѣло было коротко, широко и грубо, настолько же тонокъ и развитъ былъ ея политическій умъ; не читавъ никогда Маккиавели, и не учившись, она отъ природы владѣла всѣми его правилами».

До 1682 года жизнь Софіи была такою же, какъ жизнь всѣхъ русскихъ дѣвушекъ того времени, но усложненная по ея положенію еще большими, почти монастырскими строгостями. Кремлевскій теремъ превосходилъ всѣ остальные въ этомъ отношеніи: одиночество, строгое и мелочное исполненіе обрядовъ, частые посты. Патріархъ и самые ближніе родственники были единственными посторонними посѣтителями терема. Даже врачъ допускался только въ случаяхъ очень серьезной болѣзни. Когда онъ входилъ, ставни заворялись, и онъ могъ шупать пульсъ больной только черезъ какую-нибудь ткань. Потайные ходы вели изъ терема въ церковь, гдѣ царица и царевны скрывались за неизбѣж-

*) *Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie*, la Haye 1698.

ными красными занавѣсами отъ любопытства остальныхъ молящихся. Въ 1674 году, сворачивая въ одинъ изъ внутреннихъ дворовъ дворца, два молодыхъ дворянина, Бутурлинъ и Дашковъ, случайно встрѣтили карету, въ которой царица отправлялась на богомолье въ монастырь. Этотъ случай чуть не стоилъ имъ головы. Послѣдовалъ строгій допросъ въ застѣнкѣ. Мѣсто царевенъ не указывалось ни при одномъ торжествѣ, которыя нарушали ужасное однообразіе подчиненной неизмѣнному и строгому этикету жизни всѣхъ остальныхъ членовъ царской семьи и придворныхъ. Онѣ появлялись только на похоронахъ, слѣдуя за гробомъ непременно въ непроницаемыхъ фатахъ. Народъ зналъ о нихъ только по именамъ, произносимыхъ на эктеніяхъ; а онѣ, въ свою очередь, ничего не знали, внѣ того узкаго круга, въ которомъ онѣ были замкнуты судьбой. Не имѣя возможности выйти замужъ ни за простого смертнаго, благодаря своему высокому положенію, ни за иностраннаго принца, благодаря своей религіи, онѣ не должны были знать ни любви, ни брака, ни материнства. Таковъ былъ законъ. Не нарушая этихъ строгихъ правилъ, Софія не могла бы сыграть роль, въ которой она вскорѣ появляется. Петръ былъ провозглашенъ царемъ 27 апрѣля; 23-го слѣдующаго мѣсяца стрѣльцы уничтожили его единовластіе, присоединивъ къ нему Ивана. Всѣ свидѣтельства исторіи указываютъ на Софію, какъ на непосредственную вдохновительницу, даже какъ на главное дѣйствующее лицо этого государственнаго переворота.

Кремлевскій теремъ долженъ былъ находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ византійскихъ идей,—смѣси аскетизма и интригъ, наполнявшихъ жизнь восточной Римской имперіи.

У изголовья умирающаго брата Софія и ея сестры на-

поминали Пульхерію, дочь Аркадія, захватившую въ свои руки власть во время царствованія малолѣтняго Феодосія, а, затѣмъ, послѣ его смерти царствовавшую при помощи Марція, начальника императорской гвардіи. Софія безъ сомнѣнія видѣла въ Кремлѣ другія мужскія лица, кромѣ патріарха и своихъ ближайшихъ родственниковъ Милославскихъ, энергичныхъ, но ограниченныхъ людей. Прикованный на долго къ постели Федоръ нуждался въ женскомъ уходѣ. Среди близкихъ ему лицъ находился человекъ, который посовѣтовалъ ему нарушить правила терема и найти себѣ сидѣлку, указавъ при этомъ на Софію. Это былъ Василій Голицынъ, человекъ интересный во многихъ отношеніяхъ—личность выдающаяся. Онъ проявляетъ сильнѣе, чѣмъ Матвѣевъ, въ болѣе выдающихся чертахъ ту нравственную и умственную эволюцію, которую потомъ, можетъ быть преувеличивали, но которая безъ сомнѣнія предшествовала появленію великаго реформатора и подготовила почву для его дѣла. Онъ является однимъ изъ тѣхъ передовыхъ людей (Морозовъ, Ордынскій, Нащокинъ, патріархъ Никонъ), которые уже въ предыдущія царствованія предвѣщали новыя времена и эру преобразованій. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ; при его содѣйствіи произошла отмена мѣстничества,—обычай чисто-азиатскаго, согласно которому одинъ изъ подданныхъ царя не могъ занимать по отношенію къ другому мѣста болѣе низкаго, чѣмъ то, которое занималъ хотя бы только нѣсколько дней его предокъ, по отношенію къ предку другого. Этотъ обычай былъ непреодолимымъ препятствіемъ для цѣлесообразнаго подбора способныхъ людей и неизсякаемымъ источникомъ споровъ, которые дѣлали непроизводительными дѣйствія правительства. Голицынъ задумалъ учредить

постоянную армію. По словамъ Ла-Невиля его мечты шли даже дальше попытокъ Петра: онъ хотѣлъ освободить крестьянъ и сдѣлать ихъ собственниками, цивилизовать Сибирь и перерѣзать ее почтовыми дорогами. Отецъ Аврелій, задержанный въ Москвѣ и не допущенный въ Китай въ эпоху полновлестія будущаго регента, несмотря на это воздастъ должное его либеральному уму. На его рѣшеніе повліяли остальные бояре изъ ненависти къ католицизму *). Голицынъ бѣгло говорилъ и изысканно писалъ по-латыни; посѣщалъ Нѣмецкую слободу, гдѣ у него были близкіе друзья, принималъ у себя шотландца Гордона и лѣчился у врача-нѣмца Блументроста; грекъ Спафари, одинъ изъ близкихъ ему людей, занимавшій благодаря ему видное положеніе въ Посольскомъ Приказѣ, былъ вполнѣ современномъ дипломатомъ и космополитомъ, объѣздившимъ всю Европу и побывавшимъ даже въ Китаѣ. Онъ составлялъ планы навигаціи по большимъ рѣкамъ Азіи и переписывался съ бургомистромъ Амстердама Витценомъ. Голицынъ жилъ во дворцѣ, который ничѣмъ не отличался отъ европейскихъ аристократическихъ жилищъ; имѣлъ цѣнную мебель, гобелены, картины и большія зеркала. Въ его библіотекѣ были латинскія, польскія и нѣмецкія книги; у него же оказалась рукопись серба Крыжанича, апостола реформъ, вдохновившаго Петра. Голицынъ приказалъ построить въ Москвѣ три тысячи домовъ и первый въ Москвѣ каменный мостъ, построенный по плану польскаго монаха. Онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Франціи и сынъ его носилъ на себѣ портретъ Людовика XIV **). Его паденіе, послѣдовавшее за водареніемъ Петра, совершенно искренне принимается Ла-Невилемъ за гибель культурныхъ

*) *Voyage en divers pays de l'Europe*. Paris, 1692.

**) Соловьевъ, *Исторія Россіи*.

начинаній. Но Голицынъ былъ еще очень сильно привязанъ къ тому, что онъ хотѣлъ разрушить. Онъ не былъ свободенъ отъ суевѣрія. Онъ пыталъ крестьянина, который былъ заподозрѣнъ въ томъ, что хотѣлъ напустить на него порчу *). Его обвиняли впоследствии въ томъ, что желая угодить Софіи, онъ клалъ «для прилюбленія» въ кушанья, подносимыя царевнѣ, разныя травы и коренья, данныя ему однимъ человѣкомъ, но велѣлъ сжечь этого человѣка **).

Василій Васильевичъ Голицынъ родился въ 1643 году. Ему было 39 лѣтъ, когда болѣзнь Федора сблизила его съ Софіей. Онъ былъ женатъ и имѣлъ взрослыхъ дѣтей.

Съ нимъ вмѣстѣ у изголовья умирающаго появился и Симеонъ Полоцкій, человѣкъ очень образованный для своего времени, Сильвестръ Медвѣдевъ, ученый монахъ, библиографъ и придворный поэтъ и Хованскій, военный, — любимецъ стрѣльцовъ. Такимъ образомъ формировалась политическая группа, члены которой уже раньше собирались и сговаривались втайнѣ. Медвѣдевъ былъ душой этой партіи; но Голицынъ занималъ въ ней первое мѣсто: любовь Софіи давала ему въ руки власть. Царевнѣ было тогда 25 лѣтъ, но Ла-Невиль давалъ ей цѣлыхъ сорокъ. Съ ея горячей страстной натурой она еще не жила, и ея мысль и сердце, проснувшіяся разомъ, заставили ее броситься въ жизнь безъ расчета, безъ страха и всецѣло отдаться потоку, который долженъ былъ унести ее. Влюбившись, она стала честолюбивой и совершенно естественно присоединяла къ своимъ честолюбивымъ мечтаніямъ человѣка, безъ котораго успѣхъ ни имѣлъ бы прелести. Она

*) Желябужскій, *Мемуары*.

**) Устряловъ, *Исторія Петра Великаго*. Но Голицынъ отрицалъ это обвиненіе, говоря: «Ничего того не дѣлалъ и не мыслилъ и человѣка въ банѣ не сжигалъ».

влекла его къ высокой цѣли, которую они должны были достигнуть вдвоемъ. А онъ, повидимому, былъ застѣнчивымъ, неувѣреннымъ и нерѣшительнымъ человѣкомъ, легко приходившимъ въ уныніе. Онъ отступилъ бы, можетъ быть, въ рѣшительную минуту, если бы не Медвѣдевъ и не Хованскій. Медвѣдевъ электризовалъ свою партію, вдыхалъ въ нее свою страсть, свою боевую лихорадку. Хованскій передалъ въ ея руки страшное орудіе, въ которомъ она нуждалась для своихъ цѣлей.

Петръ Семеновъ.

311.

II.

Созданіе Ивана Грознаго и его товарища по оружію Адашева,—стрѣльцы имѣли за собой недолгое прошлое и уже омраченную славу; свободные люди, солдаты изъ поколѣнія въ поколѣніе, они составляли среди всеобщаго рабства привилегированную военную касту, приобрѣли въ силу этихъ привилегій важность, превышавшую ихъ значеніе и заслуги. Государство давало имъ помѣщеніе, обмундировку и жалованье даже въ мирное время, тогда какъ другіе свободные люди были принуждены служить безъ жалованья и за собственный счетъ даже во время войны. У нихъ была своя администрація и свой начальникъ, который всегда назначался изъ знатныхъ бояръ. Въ мирное время они исполняли обязанности уличной полиціи, несли караульную и развѣдочную службу и служили почетной стражей, а также тушили пожары. Избранный «полкъ стремянныхъ» сопровождалъ царя на всѣхъ выѣздахъ за городъ. Во время войны они составляли передовой отрядъ и ядро его войска. Въ Москвѣ было двадцать такихъ полковъ, отъ 800—1000 человекъ въ каждомъ, отличавшихся цвѣтомъ своей одежды, красными, синими и зелеными кафтанами съ широкими красными поясами, желтыми сапогами и бархатными шапками, опущенными мѣхомъ. Въ провинціи также было нѣсколько такихъ полковъ. Такъ какъ ихъ служба оставляла имъ много свободнаго времени, то они занимались ремеслами и торговлей; они легко богатѣли, потому, что не платили

ни пошлинъ, ни налоговъ. Случалось нерѣдко, что зажиточные граждане Москвы испрашивали милости быть зачисленными въ ряды стрѣльцовъ, которые не легко допускали въ свою среду постороннихъ *). Въ свое время Борисъ Годуновъ былъ имъ обязанъ своими побѣдами надъ татарами. Въ царствованіи Михаила они взяли въ плѣнъ Марину Мнишекъ и Заруцкаго, ея послѣдняго приверженца; въ царствованіе Алексѣя отняли у поляковъ Смоленскъ, при Федорѣ защищали Чигиринъ отъ турокъ. Во время продолжительныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ 17-го столѣтія они всегда были на сторонѣ законной власти, побѣдили возставшаго казака Разина и спасли монархію. Но эта смутная эпоха дурно повліяла на нихъ и внесла въ ихъ ряды духъ непослушанія, а праздная жизнь окончательно испортила ихъ. Естественные защитники порядка, они съ нѣкоторыхъ поръ стали дѣйствовать заодно съ мятежниками всякаго рода и поднимали возстанія, которыя были обычнымъ дѣломъ для людей низшихъ сословій, возмущенныхъ алчностью чиновниковъ и ихъ злоупотребленіями. Возведеніе Петра на престолъ также подготовлялось въ этомъ распущенномъ обществѣ разстроеннаго государства. Стрѣльцы, вовсе не имѣвшіе причины жаловаться, кричали громче всѣхъ. Ближайшее будущее показало, что они были очень посредственными солдатами, но очень опасными крикунами, а тревожное время превратило ихъ въ кровожадныхъ бандитовъ.

Признаки тревоги проявлялись у нихъ еще до кончины Федора. Стрѣльцы полка Семена Грибоѣдова возстали противъ своего начальника, обвиняя его во взяточничествѣ: онъ бралъ себѣ ихъ жалованье и заставлялъ работать по

*) Устряловъ, Бергъ. *Царствованіе царя Федора*. Негтманн. *Jeschichte Russlands*.

воскресеньямъ на постройкѣ загородной дачи. Благодаря ослабѣвшей власти, переходившей отъ умирающаго царя къ малолѣтнимъ наслѣдникамъ, возмущеніе это широко распространилось. Овладевъ властью, Нарышкины застали уже шестнадцать возмущившихся полковъ. Не зная, что дѣлать, они вызвали Матвѣева, творца ихъ величія, и въ ожиданіи этого спасителя выдавали начальниковъ. Къ нимъ примѣнялся «правежъ», какъ къ несостоятельнымъ должникамъ. Передъ собравшимися войсками обвиненныхъ начальниковъ били батогами по икрамъ до тѣхъ поръ, пока они не отдавали все свое имущество, собранное хищеніями дѣйствительными или предполагаемыми. Пытка продолжалась нѣсколько часовъ. Дисциплина была убита, и разнузданный звѣрь, проснувшійся въ рядахъ этихъ дикихъ преторьянцевъ ждалъ только добычи, чтобы броситься на нее и вонзить въ нее свои когти. Софія и ея совѣтчики указали имъ на Нарышкиныхъ.

Возстаніе было подготовлено и организовано быстро при барабанномъ боѣ и съ циничной откровенностью. Дядя царевны Софіи, Иванъ Милославскій, объявленный впоследствии главнымъ зачинщикомъ и преслѣдуемый до самой смерти неукротимымъ гнѣвомъ Петра, усиленно хлопоталъ, агитируя и передавая ложныя извѣстія. Пустили слухъ, что Нарышкины отравили Федора, что они мучатъ старшаго брата Петра, лишеннаго престола царевича, что одинъ изъ нихъ хочетъ даже завладѣть престоломъ; говорили, будто Нарышкинъ въ сопровожденіи вооруженныхъ людей преслѣдовалъ жену одного стрѣльца. Одна изъ подругъ Софіи, Феодора Родиница, пробиралась въ кварталы стрѣльцовъ, разнося есюду деньги и обѣщанія.

Всѣ ждали пріѣзда Матвѣева: это было условнымъ знакомъ. Подученные стрѣльцы радостно встрѣтили сво-

его стараго начальника и усыпили его подозрѣнія. 11 мая 1682 года депутація отъ двадцати полковъ поднесла ему хлѣбъ-соль, «меду на кончикѣ ножа», какъ сказалъ впоследствии сынъ несчастнаго старика, приговореннаго уже къ смерти. Четыре дня спустя во всѣхъ кварталахъ забили тревогу, всѣ двадцать полковъ взялись за оружіе и осадили Кремль. На этотъ разъ стрѣльцы сняли свои пестрые кафтаны, одѣлись въ красныя рубахи, съ засученными до локтя рукавами, указывая такимъ образомъ на дѣло, за которое они принимались; это были уже не солдаты, а судьи и палачи. Опынѣвъ отъ водки и готовясь опынѣть еще больше отъ крови, они кричали и дико размахивали своими саблями.

Они думали или притворялись, что думали, будто Петръ и Иванъ зарѣзаны, и хотѣли отомстить за ихъ смерть. Имъ показали съ верху краснаго крыльца здравыхъ и невредимыхъ царя и царевича; ихъ старались успокоить; но они уже ничего не слышали и никого не узнавали. Они громко кричали: «Смерть убійцамъ!» Начальникъ ихъ приказа, старикъ Долгорукій вышелъ на крыльцо, чтобы призвать ихъ къ порядку. Въ ту же минуту нѣсколько человекъ устремилось на старика и сбросило его внизъ, а другіе, поднимая пики, кричали: «любо! любо!» И рѣзня началась.

Она длилась три дня. Извлекаемые одинъ за другимъ изъ дворца, сосѣднихъ домовъ и даже церквей, друзья и родственники Натальи, Матвѣевъ и Нарышкины раздѣлили участь Долгорукаго. Нѣкорыхъ мучили, тащили за волосы по площади, били кнутами, жгли раскаленнымъ желѣзомъ и рубили на куски саблями. Наталья отчаянно боролась, разставаясь съ своимъ любимымъ братомъ Иваномъ, но ему пришлось таки выйти къ стрѣльцамъ, по совѣту ста-

раго князя Одоевскаго, и спасти остальныхъ своей смертью. Причастившись въ одной изъ церквей Кремля, онъ вышелъ къ стрѣльцамъ съ иконой, которая мгновенно была вырвана у него изъ рукъ, и онъ исчезъ въ морѣ ярости и крови, продолжавшемъ бушевать у стѣнъ стараго дворца. Оно кипѣло и разливалось по сосѣднимъ улицамъ, охватывая частные дома и общественныя зданія, вездѣ разыскивая предполагаемыхъ сообщниковъ мнимаго преступленія, убивая и грабя всѣхъ. Мятежники бросились даже на архивы, какъ бы желая придать движенію общенародный характеръ. Говорятъ, будто они хотѣли уничтожить документы, относящіеся къ учрежденію крѣпостного права.

Нѣкоторые историки стараются снять всю отвѣтственность съ Софіи. *) Но это утверждение грѣшитъ противъ очевидности. Никогда еще случай такъ хорошо не подтверждалъ изреченіе: *Is fecit cui prodest!* (Сдѣлалъ тотъ, кому было надо.) Въ эти кровавые дни горя и несчастій, торжествовала одна Софія. Она крѣпко держала въ рукахъ движеніе и могла остановить его, когда хотѣла. Одному неизвѣстному до тѣхъ поръ лицу, Циклеру, поручено было усмирить стрѣльцовъ и остановить рѣзню. Онъ блестяще выполнилъ порученіе и на другой же день очутился среди самыхъ близкихъ царевнѣ людей. Высокіе посты были распредѣлены между вчерашними друзьями и родней: Хаванскими, Милославскими и Василиемъ Голицынымъ. Начался дѣлежъ добычи, и Софія, конечно, взяла свою долю. Петръ былъ покаместъ оставленъ царемъ, но она была назначена правительницей и не собиралась останавливаться на этомъ. Стрѣльцы за свои труды получили по 10 рублей на душу. Они надѣялись, что имущество

*) Аристовъ, *Московскіе мятежи въ правленіе Софіи.*

ихъ жертвъ будетъ раздѣлено между ними, но дѣйствительность не вполне оправдала ихъ надежды: имъ только было предоставлено преимущество передъ другими покупателями во время распродажи конфискованнаго имущества убитыхъ. Ихъ ласкали, потому что въ нихъ еще нуждались. 23 мая они снова появились у стѣнъ Кремля, требуя провозглашенія царемъ Ивана. И царская власть была раздѣлена между братьями. Въ то время говорили много о блестящихъ примѣрахъ фараона и Иосифа, Аркадія и Гонорія, Василія и Константина, но забывали Михаила и Филарета, двойное правленіе которыхъ оставило по себѣ дурныя воспоминанія.

Но и этого партіи Софіи было мало. Она хотѣла, чтобы Иванъ, больной идиотъ, имѣлъ первенствующій титулъ. Новое возстаніе, новые мнимые выборы. На этотъ разъ Софія окончательно сбросила маску: когда Иванъ былъ провозглашенъ первымъ царемъ, она устроила для мятежниковъ пиръ, и сама угощала ихъ. Ихъ руки еще были красны отъ крови, а она ужъ опять давала имъ вина. И они отблагодарили ей тѣмъ, что потребовали для нея титула правительницы.

III.

И вотъ Софія на вершинѣ своей славы. Но стремясь къ власти цѣной столькихъ преступленій, она хотѣла наслаждаться ею только вмѣстѣ съ избранникомъ своего сердца. Все было покорно ей, а она хотѣла, чтобы онъ повелѣвалъ. Настоящимъ хозяиномъ Россіи, въ послѣдовавшіе 10 лѣтъ, и дѣйствительнымъ правителемъ былъ Василій Голицынъ.

Какъ политическая честность царевны, такъ и ея добродѣтель, нашли себѣ среди историковъ горячихъ защитниковъ. Но влюбленная царевна сама снабжаетъ насъ неоспоримыми документами. Прошло пять лѣтъ. Она царствовала въ Кремлѣ, а онъ заканчивалъ въ Крыму неудачную кампанію, гдѣ по ея мнѣнію стяжалъ себѣ лавры. Въ ожиданіи его скорого возвращенія, она писала ему:

«Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя свое Святое, также и Матери Своея, пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой! Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдали намъ такого милосердія Божія. Не хуже Израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли Египетскія: тогда чрезъ Моисея, угодника Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя. Слава Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ тебя! Батюшка мой, чѣмъ платить за такіе твои труды непочетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ не вѣрится, сердце мое! Чтобы тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ

былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собой. Письма твои, врученныя Богу, къ намъ всѣ дошли въ цѣлости, изъ подъ Перекопу, изъ Каирки чрезъ сеуншиковъ, и съ Московки; всѣ приходили въ примѣтныя времена. Изъ подъ Перекопу, пришли отписки въ пятокъ къ 11 числа. Я брела пѣша, изъ Воздвиженскаго: только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, къ самымъ святымъ воротамъ, а отъ васъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла; чла идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, Свѣта, благодарить, за такую милость Его, и Матерь Его, пресвятую Богородицу и преподобнаго Сергія, чудотворца милостиваго.

Сеунщикъ Змѣвовъ къ намъ еще не бывалъ. Что ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила: по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша. А съ отпускомъ пошлю къ вамъ вскорѣ Василя Нарбекова. А золотые не поспѣли, не прикручиньтесь. За тѣмъ васъ держать жаль. Тотчасъ поспѣютъ, тотчасъ пришлю. А деньги собираю; стрѣльцамъ готовы; тотчасъ соберу, тотчасъ пришлю. Скажи имъ, будутъ присланы. А радѣнье твое, душа моя, дѣлами окажется. Почты отъ насъ свѣтъ мой, посланы три, четвертый Шошинъ. Порадѣй, батюшкамой, чтобъ его окупить или на размѣну отдать. Что пишешь, батюшка мой, чтобъ я помолилась: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть, и надѣюся на милосердіе Божіе: велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя. Какъ самъ пишешь о ратныхъ людяхъ, такъ и учини? А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами и всѣ мы здоровы. Когда дастъ Богъ увижу тебя, свѣте мой, о всемъ своемъ житьѣ скажу. И вы, свѣтъ мой, не стойте, подите помалу: и такъ вы утрудились. Чѣмъ вамъ платить за та-

кую надежную службу, наипаче всѣхъ твои свѣта моего, труды? Если бы ты такъ не трудился, никтобъ такъ не сдѣлалъ.»

По мнѣнію Ла-Невилъ, Софія не задумалась бы наградить своего героя такъ, какъ онъ того заслуживалъ, если бы одно препятствіе не сдерживало порывовъ ея благодарности. Этимъ препятствіемъ была жена Василя Голицына, съ которой онъ, къ сожалѣнію, не хотѣлъ разстаться. «Онъ былъ честный человекъ, и у него было большое состояніе и дѣти, бывшіе дороже тѣхъ, которыхъ ему дарила царевна. Онъ любилъ ее только за то, что она возвысила его. «Между тѣмъ»,—продолжаетъ хроникеръ,—«Софія, съ чисто женской хитростью, убѣдила Голицына, чтобы онъ уговорилъ жену идти въ монастырь, вслѣдствіи чего, по религіи москвитянь, мужъ, оправдываемый силой своего темперамента, не позволявшаго ему вести холостую жизнь, получалъ разрѣшеніе снова жениться. Когда добрая женщина дала на это свое согласіе, царевна уже не сомнѣвалась въ успѣхѣ.» *)

Но она упустила изъ виду другое препятствіе, которое внезапно встало между ней и осуществленіемъ ея высшихъ желаній.

*) Дешеша французскаго агента Ла Ви, 10 ноября 1718 г., приводящая подлинныя слова самого Петра, подтверждающія это сообщеніе.

IV.

Среди ужасныхъ волненій, которыя не разъ колебали на его молодомъ челѣ вѣнецъ Ивана Грознаго и мелькали передъ его глазами кровавыми призраками, сынъ Натальи Нарышкиной игралъ, конечно, только роль пассивной жертвы. Преданія говорятъ намъ о его храбрости, удивлявшей свѣтъ, о неустрашимости передъ убійцами, которыхъ онъ заставилъ отступить огнемъ своего взгляда, о его раннемъ развитіи, далеко оставлявшемъ за собой удалство Пикъ-де-ла-Мирандоля. Рассказываютъ, будто бы онъ трехъ лѣтъ командовалъ полкомъ и отдавалъ рапортъ отцу; въ 11 лѣтъ подъ руководствомъ шотландца Мензіеса, углублялся въ тайны военнаго искусства и высказывалъ новые и оригинальные мысли и взгляды. Я придаю большое значеніе преданіямъ, но оставляю за собой право опровергать тѣ изъ нихъ, которыя кажутся мнѣ невѣрными.

Поэтому, я утверждаю, напротивъ, что физическое и умственное развитіе великаго человѣка совершалось очень медленно. Этотъ колоссъ съ трудомъ становился на ноги. Въ три года у него была еще кормилица, а въ 11 лѣтъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Его дѣтская стратегія и его «Петровъ полкъ», о которыхъ историкъ говоритъ въ довольно интересномъ этюдѣ, наивны и притомъ не достовѣрны *). Даже въ болѣе позднемъ возрастѣ Петръ не проявлялъ никакой храбрости. Онъ былъ для этого

*) Забѣлинъ. *Дѣтство Петра Великаго*.

слишкомъ нервнымъ и впечатлительнымъ. Его первые дебюты на жизненномъ поприщѣ, которое ему суждено было наполнить шумомъ своей славы, вовсе не были геройскими. Смѣлость и знаніе пришли къ нему позже: онъ добился ихъ своей волей, закаленной въ испытаніяхъ. Ужасъ и отчаяніе, которые онъ пережилъ въ дѣтствѣ, наложили на его характеръ неизгладимую печать, сдѣлавъ его склоннымъ къ нарушенію умственного и физическаго равновѣсія подѣ влияніемъ малѣйшаго удара, инстинктивно отступающимъ передъ опасностью, способнымъ теряться и легко приходящимъ въ уныніе. Воля впоследствии оказалась побѣдительницей, и укрощенная натура стала повиноваться ей. Но въ сущности Петръ былъ именно такимъ. Онъ всю жизнь носилъ на себѣ эту уродливую печать, вѣвшуюся въ его тѣло, сжимавшую болѣзненной судорогой его гордое и суровое лицо, подчеркивая грозное выраженіе послѣдняго. Возможно, что это было слѣдствіемъ попытки отравить его, но тотъ духовный ядъ, который стрѣльцы влили въ сердце несчастнаго ребенка, кажется мнѣ болѣе вѣроятной причиной.

Онъ былъ напуганъ, какъ всякій другой ребенокъ былъ бы напуганъ на его мѣстѣ; онъ навѣрное прижимался къ матери, прятался за ней, и безъ сожалѣнія покинулъ дворецъ, населенный ужасными кошмарами. Торжество Софіи обрекло его на одиночество, и поставило его, если не внѣ закона, то внѣ общихъ правилъ, и это послужило къ его благу. Изгнаніе для десятилѣтняго царя,—ребенка, чрезвычайно подвижнаго и любознательнаго, было просторомъ и чистымъ воздухомъ, которые вернули здоровье его тѣлу и уму. Изгнаніе это—было свободой.

И онъ воспользовался ей. Онъ пріѣзжалъ въ Кремль только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ и садился на

двойной престолъ, заказанный нарочно въ Голландіи и хранящійся теперь въ Московской Оружейной палатѣ. Все остальное время онъ проводилъ въ Преображенскомъ, избавленный отъ скучныхъ обязанностей этикета и власти. Со стороны матери онъ принадлежалъ къ средѣ сравнительно независимой. Въѣзжая въ Кремль, Наталья Нарышкина привела всѣхъ въ негодование своими полушотландскими манерами: она осмѣлилась поднять уголь занавѣсокъ своей кареты. Происхожденіе связывало Петра съ европейски-культурнымъ обществомъ, но судьба оставила въ сторонѣ отъ греко-латинской и польской школы, вліяніе которой до сихъ поръ преобладаетъ въ Россіи. Представители этой школы съ Матвѣевымъ во главѣ, принадлежали къ партіи Софіи. Воспитатель Петра, Зотовъ, принужденъ былъ бѣжать и не былъ никѣмъ замѣненъ. Предоставленный самому себѣ, ребенокъ выбираетъ себѣ другихъ руководителей по-своему вкусу, проявляя инстинктивную склонность къ иностранцамъ. Онъ узнаетъ отъ нихъ многое, но врядъ ли что-нибудь, касающееся военного ремесла. Петръ никогда не былъ великимъ полководцемъ: для этого онъ былъ слишкомъ буржуазно-практиченъ. Онъ дѣйствительно опустошалъ Оружейную палату; но этотъ московскій арсеналь 17-го вѣка только по имени былъ военнымъ; онъ скорѣе походилъ на восточный базаръ. Петръ посылалъ туда за часами, забавляясь разбираниемъ ихъ механизма, но бралъ оттуда и садовые инструменты.

Преувеличивала и его дѣтскую любознательность. Представимъ себѣ любого ребенка, способнаго и любознательнаго, избавленнаго отъ обычной процедуры систематическаго обученія, свободнаго въ удовлетвореніи всѣхъ потребностей ума и воображенія: его жажда знаній непременно обратится къ тысячѣ разнообразныхъ предметовъ.

Петръ былъ «автодидактомъ»—самоучкой, какъ называлъ его въ своемъ письмѣ къ Лейбницу одинъ изъ дипломатовъ, состоявшій впоследствии на его службѣ *).

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ былъ развитъ не по лѣтамъ. Изъ сохранившихся тетрадей видно, что онъ въ шестнадцать лѣтъ писалъ очень неумѣло и изучалъ только два первыхъ правила ариѳметики. Его преподаватель Францъ Тиммерманъ самъ съ трудомъ производилъ умноженіе четырехзначныхъ чиселъ. Правда, на этихъ урокахъ ариѳметическія задачи чередовались съ теоремами начертательной геометріи **).

Намъ, привыкшимъ къ пріемамъ систематичной и послѣдовательной школьной тренировки, странно видѣть перевернутый такимъ образомъ порядокъ умственного развитія; хотя можетъ быть, этотъ порядокъ и не основателенъ.

Своей склонностью къ наукамъ, рѣдко захватывающей юные умы, Петръ обязанъ случаю. Въ 1686 году его вниманіе случайно привлекъ разговоръ о какомъ-то удивительномъ инструментѣ, привезенномъ изъ-за границы княземъ Яковомъ Долгорукимъ. Этимъ инструментомъ можно было измѣрять разстояніе, не сдвигаясь съ мѣста! Ничего подобнаго не было въ Оружейной палатѣ. И Петръ потребовалъ, чтобы ему принесли астролябію. Но Долгорукій вернулся съ пустыми руками: чудесный инструментъ былъ украденъ. Къ счастью, князь скоро собирался опять въ страну чудесъ: Софія и Голицынъ посылали его ко двору Людовика XIV съ порученіемъ просить помощи противъ турецкаго султана. Христіаннѣйшій король оказалъ послушнѣе пріемъ, котораго можно было ожидать, но астролябія была все-таки куплена. Когда она очутилась въ рукахъ Петра,

*) Баронъ Ульбрихъ.

**) Устряловъ. *Кабинетъ Петра I. Архивы Имперіи.*

онъ былъ въ большомъ недоумѣннн, и никто не умѣлъ научить его пользоваться ею. Кто-то разсказалъ ему про Тиммермана, и голландецъ, строившій дома въ Нѣмецкой Слободѣ, былъ сдѣланъ преподавателемъ математики въ Преображенскомъ.

Но у Петра не было ни времени, ни желанія, ни возможности, дѣлать успѣхи въ этой наукѣ съ подобнымъ преподавателемъ. Астролябія была просто проявленіемъ дѣтскаго любопытства, бросающагося съ жадностью на все новое. Но родъ этого любопытства съ одной стороны указываетъ на особенности характера, на склонность къ серьезнымъ знаніямъ, а съ другой стороны—на среду, которая вліяла на юнаго царя. Судьбѣ было угодно, чтобы предметы, которые главнымъ образомъ привлекали его вниманіе, оказались и самыми полезными для него.

Невѣрно было бы предполагать, что въ 10 или даже въ 16 лѣтъ юный царь и будущій реформаторъ понималъ, насколько будетъ полезно Россіи имѣть царя, владѣющаго 14-ю ремеслами. (Священное число!) Да Петръ вовсе и не изучилъ ихъ: онъ занимался нѣкоторыми изъ нихъ, напр., токарнымъ и зубо-врачебнымъ, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Какъ бы ни былъ великъ размахъ его ума, разбрасываясь такимъ образомъ, онъ сдѣлался поверхностнымъ. Впослѣдствіи, обратившись къ серьезнымъ знаніямъ, онъ убѣдился, что примѣръ его лучше всякихъ увѣщаній послужитъ его подданнымъ, этому лѣнивому, невѣжественному и неловкому народу. И тогда онъ уже изъ принципа, хотя и слѣдуя своей природной склонности, началъ неутомимо работать, собирая всякія свѣдѣнія и изыскивая всякіе способы примѣненія своихъ десяти пальцевъ. Тѣ же самыя побудительныя причины толкнули его на единственный путь, гдѣ онъ могъ сдѣлаться если и не

мастеромъ, то хорошимъ работникомъ, гдѣ онъ нашелъ неизякаемый источникъ наслаждений, если не положительной пользы для себя и своей родины.

Кто не знаетъ изукрашенной вымыслами исторіи о старомъ англійскомъ ботѣ, найденномъ среди хлама, принадлежавшаго дѣду молодого героя, Никитѣ Ивановичу Романову. Изобрѣтательное преданіе говоритъ, что Петръ ребенкомъ имѣлъ такое отвращеніе къ водѣ, что дрожалъ при видѣ малѣйшаго ручейка. Это, можетъ быть, не болѣе какъ символическое выраженіе той трудности, съ которой обитатель суши, далекій отъ береговъ какого-бы то ни было моря, вступаетъ въ общеніе съ далекой, неизвѣстной, почти недосыгаемой для него стихіей. Петръ далъ Россіи флотъ прежде, чѣмъ далъ ей море. Весь характеръ его великой дѣятельности съ его стремительностью и парадоксальностью, сказывается въ этомъ. Старая шлюпка, найденная въ Измайловѣ, побѣждаетъ будто бы его отвращеніе къ водѣ и дѣлаетъ настоящимъ морякомъ.

Какимъ образомъ этотъ ботъ очутился въ Измайловѣ, вдали отъ всякой воды? Когда впослѣдствіи Петръ устроилъ на Переяславскомъ озерѣ верфь, онъ и тутъ шелъ по слѣдамъ, проложеннымъ до него. Онъ создалъ эту странную вещь, морской флотъ безъ моря, но не онъ выдумалъ ее. Изъ того, что онъ исполнилъ, онъ вообще ничего не выдумалъ самъ. Всѣ эти попытки уже дѣлались до него: при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Дѣдиновѣ, на берегу Оки, была построена яхта «Орель» иностранными мастерами, приглашенными специально для этого. Струисъ говоритъ объ этомъ въ своихъ путешествіяхъ *).

Итакъ, идея уже до Петра носилась въ воздухѣ, еще неясная, но направленная къ видимой цѣли.

*) Амстердамъ, 1746.

Какъ и астролябія, Измайловская лодка показалась Петру предметомъ загадочнымъ. Крестьяне рассказывали, что ботъ ходилъ когда-то противъ вѣтра. Новое чудо! Его немедленно спустили на воду въ одномъ изъ сосѣднихъ прудовъ. Но какъ заставить его идти? Тиммерманъ ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ. Къ счастью, мастера, работавшіе въ Дѣдиновѣ, не всѣ исчезли. И вотъ у Петра оказалось два новыхъ учителя: Карштень-Брандъ и Кортъ, плотники. Они посовѣтовали перевезти ботъ на Переяславское озеро, гдѣ было больше простора. Петръ послѣдовалъ ихъ совѣту и съ жаромъ принялся учиться у нихъ.

Но много времени уходило у него и на пустяки. Приобрѣтая кое-какія полезныя свѣдѣнія, онъ вырабатывалъ въ себѣ привычки, однако, нерѣдко очень печальныя. Но все же онъ запасался здоровьемъ и силой, вырабатывалъ себѣ стальные мускулы и стойкій темпераментъ. Его умъ былъ удивительно гибокъ и предприимчивъ.

Онъ приобрѣталъ и друзей, выбранныхъ наудачу среди многочисленной прислуги, напр., конюшихъ, скакавшихъ вмѣстѣ съ нимъ на неосѣдланыхъ лошадяхъ. Онъ игралъ съ ними въ солдаты и, конечно, командовалъ ими. Такимъ образомъ создалось потѣшное войско, и другое огромное дѣло родилось изъ этой забавы—русская армія.

Псевдо-морская забава на Переяславскомъ озерѣ и псевдо-военная на поляхъ Преображенскаго привели къ двумъ великимъ результатамъ: завоеванію Балтійскаго моря и Полтавской побѣдѣ.

Но для того, чтобы осуществить ихъ, для того, чтобы заполнить эти два разстоянія отъ исходныхъ точекъ до ихъ завершенія, нужно было многое. Не только нуженъ былъ переходъ отъ дѣтскаго возраста къ зрѣлому, какъ бы исключительно одаренъ ни былъ человѣкъ; не только необ-

ходимо развитіе, въ границахъ возможнаго, человѣческаго генія, понадобилась помощь огромныхъ силъ, присоединившихся къ его усилію, подготовленныхъ заранѣе, но неподвижныхъ въ ожиданіи благопріятной минуты и появленія человѣка, способнаго примѣнить ихъ. Но пробилъ желанный часъ и явился желанный человѣкъ, который сумѣлъ воспользоваться ими, направить ихъ и возбудить. Человѣкъ самъ былъ продуктомъ этихъ скрытыхъ силъ, поэтому встрѣча ихъ и была плодотворна. Онъ вышелъ изъ нихъ и выросъ вмѣстѣ съ ними и благодаря имъ.

Не только армія и флотъ, цѣлое новое общество создавалось въ этихъ бурныхъ забавахъ пылкаго юноши. Вся старая аристократія, вся обветшавшая іерархія Москвы скоро рушились подъ ногами его дерзкихъ товарищей, выскочившихъ изъ кухонь и конюшенъ и превращенныхъ имъ въ князей и графовъ, министровъ и маршаловъ. Но и въ этомъ онъ только слѣдовалъ порвавшейся нити національныхъ традицій: онъ не выдумалъ этого самъ, онъ только подражалъ своимъ предкамъ до-монгольской эпохи; онъ дѣлается, подобно русскимъ князьямъ, начальникомъ дружины, работаетъ наравнѣ съ ними, пьетъ съ ними по окончаніи работы и не хочетъ переходить въ магометанство, потому что «Руси есть веселіе пити».

Петръ навсегда остался хорошимъ товарищемъ и веселымъ собутыльникомъ; онъ навсегда сохранилъ на себѣ отпечатокъ, вынесенный имъ изъ общенія съ людьми низшихъ классовъ; онъ передалъ этотъ отпечатокъ и своему дѣлу и русской жизни, измененной имъ на свой ладъ.

Народный бытъ эпохи, предшествовавшей Петру, находилъ себѣ ревностныхъ поклонниковъ. Но, въ такомъ случаѣ, похвала должна будетъ простираться и на интимную жизнь Петра, а это рискованно. Дурныя привычки, грубыя

манеры, пороки и пиничный кабацкій духъ, — вообще все, что въ немъ было отталкивающего, Петръ впиталъ въ себя съ улицы изъ ежедневной жизни своей до-реформенной родины. Но, къ сожалѣнію, онъ сохранилъ свою привязанность къ этимъ привычкамъ и хотѣлъ видѣть то же и у своего народа.

V.

Царица Наталья, повидимому, поздно спохватилась о томъ, какой вредъ могло принести сыну подобное общество. У нея было свое, которое поглощало ее всецѣло, и врядъ ли было лучше подобрано. Происхожденіе потѣшныхъ полковъ вѣроятно всего относится къ 1682 году, а это является вполне достаточнымъ аргументомъ противъ того серьезнаго характера, который пытаются имъ придать. Петру было тогда всего 10 лѣтъ *).

Но черезъ 5 лѣтъ игры молодого царя начали принимать такіе размѣры, которые привлекали на нихъ всеобщее вниманіе.

На берегу Яузы, въ Преображенскомъ, была построена крѣпость, въ которой стрѣляли изъ пушекъ. Въ слѣдующемъ году былъ открытъ англійскій ботъ, и, разрываясь между водой и огнемъ, Петръ ускользалъ отъ всякаго надзора матери. Говорятъ, онъ не разъ подвергалъ свою жизнь опасности, такъ какъ всевозможныя несчастливныя случайности были не рѣдкостью. Чтобы положить этому конецъ, Наталья прибѣгла къ средству, которое она считала самымъ дѣйствительнымъ. «Женится, перемѣнится», говоритъ русская пословица. И царица стала подыскивать сыну невѣсту. Въ противоположность своему будущему сопернику, суровому Карлу XII, Петръ не чувствовалъ къ прекрасному поду ни равнодушія, ни презрѣнія. 27 января

*) Устряловъ. *Записки* Матвѣевъ.

1689 года онъ велъ къ алтарю Евдокію Лопухину, дочь одного знатнаго боярина. Но Петръ не оправдалъ пословицы. Черезъ три мѣсяца молодые разстались: онъ вернулся къ Переяславскому озеру, а она пріучалась къ вдовству, которое продолжалось всю ея жизнь.

Катанье по водѣ сдѣлалось любимымъ дѣломъ молодого царя, его ревнивой исключительной страстью. Темный пережитокъ, наслѣдіе древнихъ варяговъ шевелилось въ его душѣ. Онъ никогда не видѣлъ моря и цѣлые дни мечталъ о немъ. Обратимся къ исторіи: уже два вѣка тому назадъ предпринимались войны, цѣлью которыхъ было завладѣть моремъ—отнять его у Швеціи или Турціи.

Не разставаясь съ своими «конюхами», Петръ углублялся въ стратегическія соображенія и строилъ планы, въ которыхъ играли роль сухопутныя и морскія силы. Эти силы выросли вмѣстѣ съ юношей, который тѣмъ временемъ сталъ великаномъ. Игрушка понемногу превращалась въ оружіе. Въ сентябрѣ 1688 года Петръ потребовалъ для своей военной забавы всѣ барабаны и трубы лучшаго стрѣleckаго полка. Въ ноябрѣ, къ великому неудовольствію князя Василя Голицына, онъ отнялъ у другого полка двѣ трети его наличнаго состава и взялъ изъ складовъ Конюшеннаго приказа упряжь для своей потѣшной артиллеріи. Въ Преображенскомъ появляется настоящее рекрутское присутствіе, куда приходятъ записываться уже не одни конюхи и поварята. Среди рекрутовъ 1688 года записаны два представителя самыхъ знатныхъ московскихъ фамилій: Бутурлинъ и Голицынъ.

Присутствіе этихъ двухъ аристократовъ является впрочемъ абсурдомъ, одной изъ тѣхъ неожиданныхъ ироній, которыми богата исторія. Безсознательный еще работникъ большого политическаго и общественнаго обновленія, Петръ,

думая только о своемъ удовольствіи, сдѣлался орудіемъ партіи, преслѣдовавшей совершенно инныя цѣли. Его трудъ конфисковался въ пользу діаметрально противоположныхъ тенденцій. Среди этихъ новыхъ пришельцевъ, которые вскорѣ заставили молодого царя требовать возвращенія отнятыхъ у нихъ правъ, оказались въ послѣдствіи самые горячіе противники реформъ.

Средства, которыми пользовались Милославскіе и Софія для захвата власти (уничтоженіе мѣстничества и призывъ къ народному возстанію), сблизили ихъ интересы съ интересами низшихъ классовъ. Задѣтая въ своихъ прерогативахъ, въ своихъ вѣковыхъ привычкахъ, высшая аристократія,—по крайней мѣрѣ, наиболѣе ретроградная часть ея,—стремилась сгруппироваться сначала вокругъ Матвѣева и Натальи, потомъ вокругъ Петра. И оружіе, которымъ игралъ Петръ, являлось въ мысляхъ тѣхъ, кто помогалъ ему отточить его, оружіемъ мести за пограніе консервативныхъ антиевропейскихъ идей, противъ наиболѣе культурнаго человѣка, котораго когда-либо видѣла Москва.

«Долой Василя Голицына!» было ихъ военнымъ кличемъ.

Преображенское стало служить мѣстомъ сборища недовольныхъ всякаго рода, среди которыхъ реакціонеры, какъ самые знатные, занимали первое мѣсто. Обиженный самъ тѣмъ временнымъ правительствомъ, конца котораго они съ нетерпѣніемъ ожидали, Петръ является ихъ естественнымъ предводителемъ и будущимъ отмстителемъ обидшихъ обидъ. Вотъ на что надѣялись люди стараго порядка.

Но Петръ и не думалъ объ этомъ; онъ продолжалъ играть на озерѣ своими парусными лодками.

Между тихимъ Кремлемъ и шумнымъ лагеремъ Преображенскаго завязывается битва, но юношескій умъ Петра

еще не могъ понять того, что будетъ результатомъ побѣды. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ найдетъ свой настоящій путь; пока еще онъ же не ищетъ его самъ и идетъ туда, куда ведутъ его эти случайные наставники. Въ назначенный ими день онъ возьметъ приступомъ власть и предоставитъ имъ наслаждаться плодами побѣды.

Онъ входитъ въ исторію, какъ бы пятясь задомъ, повернувшись спиной къ своей судьбѣ и своей славѣ.

Переворотъ произошелъ въ іюлѣ 1689 года.

ГЛАВА III.

Троицкій монастырь.

I. Правленіе регентства. Его заслуги. Причины слабости.—Неудачи и мечь.—Въ пространствѣ. — Отклоненія.—Крымскіе походы.— Неудачи. — Возвращеніе Голицына. — Возмущеніе общественнаго мнѣнія.—Паргія Петра пользуется этимъ.—Кремль и Преображенскій лагерь.—Софія прогивустоить грозѣ.—Конфликтъ. II. Ночь седьмого августа. — Покушеніе или военная хитрость.—Бѣгство Петра.—Троицкій монастырь.—Архимандритъ Викентій. — Борисъ Голицынъ.—Организація борьбы. III. Переговоры и маневры.—На чьей сторонѣ армія?—Храбрость Софіи.—Слабость Василя Голицына.—Измѣна.—Покорность регента.—Его приходъ въ Троицу.—Изгнаніе.—Допросъ и пытки. — Софія признаетъ себя побѣжденной.—Монастырь.—Новый режимъ.—Друзья Петра у власти.—Реакція.—Будущее.

I.

Въ 1689 году Петръ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, и регентство Софіи могло продолжаться на законномъ основаніи еще нѣсколько лѣтъ. Петру шелъ восемнадцатый годъ, а политическая зрѣлость русскихъ царей наступала не раньше, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ, не раньше, чѣмъ во Франціи при Карлѣ V. Нетерпѣніе и честолюбіе союзниковъ Петра ускорили событія. Но Петръ еще на долго остался безучастнымъ. Правленіе Софіи,

открывающее собой «царство женщинъ», продолжавшееся около вѣка, не кажется мнѣ заслуживающимъ той критики и тѣхъ похвалъ, которыя о немъ написаны. Ни Вольтеръ, сравнивающій ее съ Лукреціей Борджіа, ни Карамзинъ, провозглашающій ее одной изъ величайшихъ женщинъ міра, не правы.

Миллеръ въ своей критикѣ взглядовъ Вольтера, Болтинъ, одинъ изъ старыхъ русскихъ историковъ, въ своихъ «Замѣткахъ къ исторіи Леклерка», Эминъ *), Аристовъ пробовали согласовать эти противорѣчивыя крайности.

Я думаю, что ея правленіе носило византійскій характеръ. Въ немъ есть все: дворцовыя интриги, борьба партій, бунтъ стрѣльцовъ, религіозные споры о томъ, какъ складывать пальцы, когда креститься, сколько разъ повторять слово аллилуія, не слѣдовало ли бы святой Троицѣ состоять изъ четырехъ лицъ съ отдѣльнымъ престоломъ для Спасителя, и г. д. Но ко всему этому примѣшались элементы, приподнимавшіе уровень жизни. Экономическія нововведенія, начатыя при Алексѣѣ, продолжались и при Софіи; начиналось интеллектуальное развитіе общества.

Голицынъ строилъ дома, а Софія писала пьесы для театра, которыя ставились въ Кремлѣ. Говорятъ, будто она сама принимала въ нихъ участіе. Политика регентства отличалась энергіей и ловкостью. Оно смѣло боролось съ раскольниками и бунтовщиками, которые какъ и стрѣльцы шли во дворецъ, чтобы говорить съ патриархомъ. Никита, глава раскольниковъ, былъ казненъ. Правительство Софіи энергично стояло за охрану порядка, и стрѣльцы, желавшіе его нарушить, нашли въ Софіи, своей бывшей союз-

*) Біографія Русскихъ царей. Петербургъ 1767—1769.

ницѣ, неустрашимаго врага. Она призывала народъ противъ взбунтовавшихся войскъ и, почувствовавъ себя небезопасной въ Кремлѣ, искала защиты въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, куда прибыла съ Голицынымъ въ 1682 году.

Троицкій монастырь—это традиціонное убѣжище царской семьи во время опасности,—сохранялъ въ то время характеръ большихъ русскихъ обителей: маленькихъ укрѣпленныхъ городовъ съ населеніемъ изъ монаховъ, послушниковъ и прислужниковъ, которыхъ насчитывались тысячи. Тутъ были многочисленныя церкви и мастерскія различнаго рода. Тамъ же нашелъ себѣ пріютъ и Борисъ Годуновъ. До настоящаго времени въ Троицѣ съ гордостью показываютъ слѣды польскихъ пуль, безсильныхъ противъ стѣнъ святого города. Въ свое время Петръ тоже придетъ туда просить помощи и покровительства. Призывъ временнаго правительства былъ услышанъ, и армія стала на его сторону. Вовлеченный въ ловушку въ Воздвиженскомъ, на подорогѣ изъ Москвы въ Троицу, Хованскій, враждебный теперь вождь стрѣльцовъ, сложилъ тамъ свою голову. Сына его постигла та же участь, и возстаніе должно было положить оружіе. Во внѣшней политикѣ, по крайней мѣрѣ на дипломатическомъ поприщѣ, Голицынъ явился представителемъ традиціонной политики территоріальнаго расширенія, которая отодвинула на югъ и на западъ границы Московскаго царства.

Ловко пользуясь затруднительнымъ положеніемъ, въ которое продолжительная война съ Турціей поставила поляковъ, несмотря на побѣды Собѣсскаго, онъ отнялъ у нихъ Кіевъ. Въ іюнѣ 1685 года новый митрополитъ, водворившійся въ древней столицѣ, согласился принять свой санъ отъ московскаго патріарха: это былъ рѣшительный

шагъ по дорогѣ, которая должна была привести къ возвращенію малорусскихъ земель и раздѣлу республики. Эти усцѣхи, къ несчастью, встрѣтили противодѣйствіе со стороны регентства. Подавляя сторонниковъ безпорядка и анархіи, Софія и Голицынъ возстали противъ зачинщиковъ. Между разочарованіемъ, которое они вызвали съ одной стороны и озлобленіемъ съ другой, ихъ политика ничего не достигала. Недовольные бояре, казалось, подняли головы; на Лубянкѣ, людной площади столицы, собралась толпа. Было поднято подметное письмо, въ которомъ предлагалось народу бѣжать толпой въ Казанскій соборъ, гдѣ за иконой Божьей Матери было спрятано другое письмо, которое скажетъ, что надо дѣлать. Въ бумагѣ нашли тетрадь съ непристойными словами про Софію и воззваніе къ народу, требовавшее ея смерти. Это была провокація, авторомъ которой былъ Шакловитый, новый совѣтникъ, выбранный Софіей, представитель старой Москвы, — чисто византійскій типъ, жестокій и коварный интриганъ. Царевна притворилась испуганной, и народъ привѣтствовалъ ее радостными криками, предлагая избавить ее отъ враговъ. *)

Но вотъ счастье измѣняетъ ей. Обѣщавъ Польшѣ, взамѣнъ Кіева, содѣйствіе московскихъ войскъ противъ турокъ, регентъ два раза ходилъ въ Крымъ. Это тоже была традиціонная дорога. Между Москвой и Константинополемъ крымскіе татары были барьеромъ, преодолѣть который Россія не могла цѣлый вѣкъ. Но Голицынъ не имѣлъ настоящихъ качествъ воина; при каждой кампаніи онъ оставлялъ въ степи армію, массу снарядовъ и остатокъ своей репутаціи. Когда онъ отправлялся во второй походъ,

*) Устряловъ. *Исторія царствованія Петра.*

онъ нашелъ передъ дверью своего дворца гробъ съ угрожающей надписью: «Старайся быть счастливымъ». *) Когда онъ опять появился въ Москвѣ въ юнѣ 1689 года, его встрѣтили ропотомъ, свистками и угрозами смерти, публично обвиняя въ томъ, что онъ былъ подкупленъ. Кто-то видѣлъ, какъ въ его палатку ввозили бочки, наполненныя французскими луидорами. Лагерь Преображенскаго увеличивался съ каждымъ днемъ подъ наплывомъ новыхъ рекрутовъ, и Софія видѣла, что ряды ея приверженцевъ пустѣютъ. Она храбро шла навстрѣчу грозѣ. Ея честолюбіе, какъ и любовь, достигли въ это время апогея. Она воспользовалась заключеніемъ мира съ Польшей, чтобы объявить себя Самодержицей, наравнѣ съ братьями. Этотъ титулъ фигурировалъ во всѣхъ официальныхъ документахъ, и въ публичныхъ церемоніяхъ Софія занимала мѣсто рядомъ со своими братьями, или вѣрнѣе, рядомъ со старшимъ братомъ, такъ какъ Петръ на этихъ церемоніяхъ не появлялся. Она заказала въ Голландіи свой портретъ съ шапкой Мономаха на головѣ. Въ то же время (если вѣрить показаніямъ свидѣтельствъ), она хотъ и замѣнила отсутствовавшего Голицына Шаковитымъ,**) однако, все-таки горячо преслѣдовала конечную цѣль своей первой мечты: замужество съ регентомъ и занятіе трона вмѣстѣ съ нимъ. Чтобы достигнуть этого, она разрабатывала очень сложный планъ, въ которомъ самъ папа былъ призванъ играть роль. Должны были женить Ивана и дать любовника его женѣ, чтобы у нея были дѣти. Петръ былъ бы такимъ образомъ устраненъ. Потомъ посредствомъ хотя бы только проектированнаго соединенія православной церкви съ Ри-

*) Avril, *Voyages en divers Etats d'Europe et d'Asie.*

**) Архивъ Куракина.

момъ, папѣ предложили бы объявить незаконность дѣтей Ивана, и тогда Софіи и Голицыну оставалось бы только взять освободившееся такимъ образомъ мѣсто. Пока же царевна хотѣла брать храбростью.

Въ то время какъ Шакловитый, послѣ возвращенія регента занявшій второстепенную роль сыщика и полицейскаго, преслѣдовалъ рѣдкихъ сторонниковъ Петра, осмѣлившихся снять маски, и истреблялъ ихъ въ отдаленномъ уголкѣ лѣса въ окрестностяхъ Москвы, Софія завоевывала симпатіи, назначивъ раздачу наградъ соратникамъ Голицына, котораго она упорно называла «побѣдителемъ».

Она писала ему:

«Свѣтъ мой, братецъ Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіей и пресвятыя Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ Господи и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна предъ Богомъ и недостойна; однакожъ, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. Посемъ здравствуй, свѣтъ мой, на вѣки несчетные!»

По доброму совѣту окружающихъ Петръ на этотъ разъ отказалъ въ своей санкціи. Софія обошлась безъ него: это былъ открытый конфликтъ. Осыпанные почестями и наградами начальники отправились въ Преображенское благодарить царя; онъ отказался ихъ принять: это уже былъ разрывъ.

II.

Наступила историческая ночь съ 7-ое на 8-ое августа 1689 года, свѣтлая лѣтняя ночь, которую затемнили къ несчастью противорѣчія исторіи и преданія. Петръ былъ внезапно разбуженъ перебѣжчиками изъ Кремля, которые предупредили его, что царевна собрала вооруженное войско, чтобы напасть и убить его въ Преображенскомъ. Существованіе этого покушенія ничѣмъ не доказано, оно даже, пожалуй, невѣроятно. Изъ документовъ, собранныхъ однимъ изъ наиболѣе освѣдомленныхъ русскихъ историковъ, Устряловымъ, кажется очевиднымъ, что Софія не думала и не могла дажедумать въ это время о нападеніи на Преображенскій лагерь. Она знала, что онъ хорошо охраняется, держится на военномъ положеніи, на-готовѣ ко всякимъ неожиданностямъ. Она боялась, или вѣрнѣе дѣлала видъ, что боялась наступленія Потѣшныхъ полковъ, очень преданныхъ, очень пылкихъ, горящихъ желаніемъ отличиться въ смѣлой схваткѣ. У нея была привычка дѣлать видъ, что она боится, чтобы возбудить въ стрѣльцахъ и въ населеніи Москвы желаніе защищать ее. Она такъ мало была подготовлена къ дѣйствию, что до утра не знала о послѣдствіяхъ того, что братъ былъ предупрежденъ. Съ давнихъ поръ Преображенское и Кремль былъ насторожѣ одинъ противъ другого, наблюдая одинъ за другимъ, подозрѣвая и обвиняя другъ друга въ воображаемыхъ покушеніяхъ. За мѣсяцъ передъ тѣмъ, когда Софія пріѣхала къ Петру въ лагерь по случаю водоосвященія въ Яузѣ, ее сопровождали три-

ста стрѣльцовъ; черезъ нѣсколько дней, когда Петръ пріѣхалъ въ Кремль поздравить съ праздникомъ свою тетку, Анну Михайловну, Шаковитый поставилъ на Красномъ крыльцѣ для наблюденій пятьдесятъ вѣрныхъ солдатъ.

Въ эту роковую ночь вооруженное войско было собрано въ Кремль. Съ какой цѣлью?—«Чтобы сопровождать царевну утромъ на богомолье», объясняла потомъ Софія. Въ рядахъ нѣсколькихъ сотъ солдатъ, самыхъ преданныхъ царевнѣ, нашлось челоуѣкъ 5, которые произносили угрозы противъ Петра и его матери. Два другіе, имена которыхъ передались потомкамъ, Мельновъ и Ладогинъ, воспользовались случаемъ, чтобы перебѣжать въ Преображенскій лагерь и поднять тревогу. Нѣкоторые историки угадали въ нихъ подстрекателей, которые послушались приказанія партіи, побуждавшей Петра къ дѣйствию *). Это вполне возможно. Перейдемъ къ неоспоримому результату.

Петръ бѣжитъ. Не думая провѣрять опасность, которая ему угрожаетъ, онъ соскакиваетъ съ постели, бѣжитъ прямо въ конюшню, не одѣтый, вскакиваетъ на лошадь и прячется въ сосѣднемъ лѣсу. Нѣсколько конюховъ догоняютъ его, приносятъ ему одежду, за ними слѣдуютъ нѣсколько начальниковъ и солдатъ. Какъ только онъ увидѣлъ себя окруженнымъ достаточнымъ эскортомъ, не давъ знать матери, женѣ и другимъ своимъ друзьямъ, онъ поскакалъ по направленію къ Троицѣ. Онъ пріѣхалъ туда въ шесть часовъ утра съ разбитымъ тѣломъ и истомленной душой. Ему предлагали лечь, но онъ не способенъ былъ отдыхать. Онъ залился слезами и, не переставая, спрашивалъ архимандрита Викентія, можетъ ли онъ разчитывать на его покровительство. Этотъ монахъ съ давнихъ поръ былъ его

*) Погодинъ. *Первые сторонники Петра.*

преданнымъ приверженцемъ и даже въ критическіе моменты, которые ему приходилось переживать изъ-за бережливости Софіи *). Его ласковыя и твердыя слова успокоили молодого царя. Борисъ Голицынъ, двоюродный братъ регента, Бутурлинъ и другіе начальники Преображенскаго лагеря, присоединившись къ бѣглецамъ въ Троицѣ, объявили, что ими были заранѣе приняты мѣры къ борьбѣ, которая теперь началась; но Петръ былъ неспособенъ взять на себя инициативу управленія; онъ положился въ этомъ на своихъ друзей и думалъ главнымъ образомъ о своемъ Переяславскомъ озерѣ и о лодкахъ, которыя онъ спустить туда, спрашивая себя, когда будетъ въ состояніи строить ихъ волю. Онъ оставлялъ своихъ враговъ еще господами положенія, созданнаго ими же.

Царицы Наталья и Евдокія, потѣшныя и стрѣльцы Сухаревскаго полка, склонившіяся давно на сторону младшаго царевича, прибывали одинъ за другимъ въ Троицкій монастырь. Очевидно всѣ они заранѣе были подготовлены къ этому. Какъ будто все исполнялось и комбинировалось по заранѣе обдуманному плану и даже внезапное бѣгство царя кажется какъ бы предвидѣннымъ обстоятельствомъ (а слѣдовательно, можетъ быть и подготовленнымъ), сигналомъ, который долженъ показать открытіе враждебныхъ дѣйствій между обоими лагерями. О предметѣ борьбы никто не говорилъ; всякій зналъ за что сражается.

*) Архивъ Куракина.

III.

Сначала велись переговоры между Петромъ и Софіей. Петръ спрашивалъ о причинѣ ночныхъ вооруженій Кремля, и царица дала ему двусмысленный отвѣтъ. И съ той и съ другой стороны старались выиграть время. Въ этой борьбѣ не принимала участія ни армія мѣстная, ни иностранная, ни большая часть стрѣльцовъ и полковъ Гордона и Лефорта. Кто же привлечетъ ихъ на свою сторону? 16-го августа Петръ выступилъ первый: царская грамота призывала на слѣдующій день отряды изъ всѣхъ этихъ войскъ, по десяти человекъ отъ полка. Въ отвѣтъ на это, эмиссары Софіи перехватили царскихъ пословъ; въ то же время, какъ другая грамота, подписанная правительницей, запрещала начальникамъ и солдатамъ покидать ихъ слободы подъ страхомъ смерти. Сначала казалось, что мѣра подѣйствовала: призываемые отряды не отвѣчали на призывъ; прошелъ слухъ, что грамота Петра была подложная. Но между тѣмъ, медленно, незамѣтно слободы пустѣли, и въ то же время приливъ солдатъ и офицеровъ всѣхъ родовъ оружія увеличивался въ Троицѣ. Даже у самыхъ преданныхъ царевнѣ замѣчались признаки упадка духа. Василій Голицынъ первый подалъ примѣръ. Думаютъ, что онъ хотѣлъ пробраться въ Польшу, чтобы вернуться съ войскомъ поляковъ, татаръ и казаковъ и предупредить такимъ образомъ событія, но что Софія его отговорила отъ этого проекта, который разлучилъ бы ее съ любовникомъ. Тогда онъ покинулъ ее на произволъ судьбы и самъ удалился въ

свое имѣніе Медвѣдково въ трехъ верстахъ отъ Москвы, не желая ни во что вмѣшиваться. Иностраннымъ офицерамъ, которые приходили за приказаніями, онъ давалъ уклончивые отвѣты. Это было признакомъ неминуемаго пораженія. Но правительница не уступала еще поля сраженія брату. Она знала, чего ей ждать отъ него. Уже возставшіе раскольники кричали ей, наводняя Кремль: «Пора въ монастырь!» Но это казалось ей хуже смерти, и она торопилась отправить еѣ Троицу мирныхъ пословъ, даже самага патриарха. Почтенный парламентаръ воспользовался случаемъ перейти на сторону царя и появился рядомъ съ нимъ на торжественномъ приемѣ дезертировавшихъ офицеровъ и солдатъ, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Софія рѣшилась на послѣдній шагъ и отправилась въ Троицу сама. На полдорогѣ, въ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ упала голова Хованскаго, ее остановилъ Бутурлинъ, запрещая идти дальше. У вооруженной арміи, слѣдовавшей за бояриномъ, ружья были на-готовѣ. Софія отступила, но еще держалась, расточая ласки стрѣльцамъ, большую часть которыхъ удерживало прошлое сообщничество, боязнь наказанія и соблазнъ новыхъ наградъ, и которые оставались вѣрны ей. Они клялись умереть за нее, но, всегда легко возбуждаемые, не дисциплинированные, 6-го сентября появились передъ Кремлемъ, требуя выдачи Шакловитаго, довѣреннаго, правую руку и замѣстителя любовника царевны. Они хотѣли сдѣлать его козломъ отпущенія, искупительной жертвой, казнь которой утолить гнѣвъ царя и водворить общее согласіе. Послѣ упорнаго сопротивленія, Софія уступила и признала, что ей больше не на кого и не на что рассчитывать. Шакловитый въ рукахъ Петра оказался страшнымъ оружіемъ. Допрошенный подъ кнутомъ, онъ далъ жела-

тельные показанія, которыя нужны были сторонникамъ Петра противъ Софіи и ея приверженцевъ. Отголосокъ его показаній заставилъ самого Василя Голицына покинуть свое убѣжище и привелъ его въ Троицу, покорнаго и раскаявшагося. Это конецъ. Петръ отказался видѣть его; но, благодаря заступничеству Бориса, онъ согласился не быть слишкомъ строгимъ. Бывшаго регента ссылали въ Каргополь, по дорогѣ въ Архангельскъ, потомъ въ Яренскъ, дальше на востокъ, въ глухую деревню, гдѣ, послѣ конфискаціи имущества, онъ получалъ 1 рубль въ день на жизнь съ семьей, состоявшей изъ пяти человекъ. Тамъ онъ протянулъ до 1715 года. Но полуснисхождение царя остановилось только на немъ. Шапловитый же и его сообщники, настоящіе и предполагаемые, были осуждены на смерть. Медвѣдевъ, заключенный сначала въ монастырь и испытавшій жесточайшія пытки, кончилъ тѣмъ-же.

Софія, какъ она и предполагала, была отправлена въ монастырь съ нѣкоторыми мѣрами предосторожности, которыя увеличивали строгость наказанія. Петръ установилъ отношенія съ своимъ братомъ. Онъ написалъ ему слѣдующее письмо: *)

«Братецъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, съ невѣстусшкою, а съ своею супругою, и съ рожденіемъ своимъ въ милости Божіей, здравствуйте! Извѣстно тебѣ, государю, чиню, купно же и соизволенія твоего прошу о семъ: что милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія прародительскаго нашего Россійскаго царствія, якоже о семъ свидѣтельствуетъ матери нашіе восточныя церкви соборное дѣйство**) 190 году; также и братіемъ

*) Хранится въ Государственномъ Архивѣ. По всѣмъ признакамъ, оно подлинное, но не рука Петра и безъ числа.

**) т. е. коронація.

нашимъ окрестнымъ государемъ о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софія Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи что явилось особамъ нашимъ противное, и на роду тягость и наше терпѣніе о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Оедька Шаковитый съ товарищи, не удоволья милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперъ, государь братецъ, настойтъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есьми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей (ц. С. А.) съ нашими двѣмя мужескими особами въ титлахъ и въ росправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то бѣ и твоя бѣ, государя моего брата, воля склонилася, потому, что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату, объявляю и прошу: поволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшіе пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государь, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. И какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ и тогда поставимъ все на мѣрѣ, а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ. А о иномъ, къ тебѣ государю, приказано словесно донести вѣрному нашему боярину,

князю Петру Ивановичу Прозоровскому. И противъ сего моего писанія и словеснаго приказу учинить мнѣ отповѣдь.—Писавый въ печалѣхъ братъ вашъ царь Петръ здравія вашего желаю и челомъ бью.

Ивану Проскурову поручено было предложить царевнѣ поскорѣе выбрать себѣ монастырь. Послѣ недолгаго колебанія она подчинилась и назначила недавно построенный Новодѣвичій монастырь около Москвы.

Но это было лишь временное правленіе. Отъ Ивана, молча принимающаго совершившіеся факты и выступающаго только въ парадныхъ церемоніяхъ, и Петра, который по окончаніи кризиса возвратился къ своимъ развлеченіямъ и затѣмъ ступевался, власть попадала къ настоящимъ героямъ момента. Большую часть ея получилъ сначала Борисъ Голицынъ, коренной москвичъ, живая противоположность своему двоюродному брату Василю; потомъ, когда скомпрометировавшая его помощь виновному родственнику возбудила гнѣвъ Нарышкиныхъ, власть перешла къ самимъ Нарышкинымъ и другимъ родственникамъ царицы-матери. Но для будущаго великаго человѣка еще ни пробилъ часъ. Серьезная борьба, въ которую его временно вовлекли, еще не заставила его выйти изъ юношескаго возраста. Но эта борьба все-таки имѣла большое вліяніе на его судьбу, на развитіе его характера и наклонностей. Молодой царь оставляетъ своихъ прежнихъ товарищей, находитъ себѣ другихъ, которые быстро занимаютъ въ его сердцѣ мѣсто старыхъ и которые призваны, если не создать вмѣстѣ съ нимъ исторію великаго царствованія, то по крайней мѣрѣ указать ему дорогу и направить его шаги.

КНИГА II.

ВЪ ШКОЛѢ
ЦИВИЛИЗОВАНАГО МІРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ походѣ.—Школа войны.—Созданіе флота.—Взятіе Азова.

I. Новые товарищи Петра.—Патрикъ Гордонъ.—Францъ Лефорть.—Характеръ ихъ вліянія.—Домъ Лефорта въ Слободѣ.—Московское казино.—Красавицы Слободы.—Царь забавляется.—Правленіе бояръ.—Реакціонный духъ.—Развлеченія въ Преображенскомъ.—Военныя игры, удовольствія и забавы.—Король Петербурга и лже-король Польши.—Переяславское озеро.—Рѣчной флотъ.—Дорога въ Архангельскъ.—Море.—Смерть царицы Натальи.—Непродолжительный трауръ.—Петръ возвращается къ своимъ удовольствіямъ. II. Ненадежное положеніе Россіи.—Усталость царя.—Въ поискахъ развлеченій и разнообразія.—Проекты путешествія за границу.—Петръ хочетъ сначала отличиться на войнѣ.—Новый походъ противъ турокъ.—Первая попытка взять Азовъ.—Полное пораженіе.—Геній Петра обнаруживается.—Упорство. III. Величіе Петра и величіе Россіи.—Плоды монгольскаго ига.—Удвоенное усиліе.—Вторая попытка.—Повтореніе осады Трои.—Успѣхъ.—Петръ можетъ показаться Европѣ.—Путешествіе рѣшено.

I.

О товарищахъ иностраннаго происхожденія, которые появились теперь среди окружающихъ Петра, говорили различно, путая числа и факты такъ, что Патрика Гордона считали задолго до паденія Софіи однимъ изъ довѣренныхъ и воспитателей молодого царя, а Лефорта главнымъ

организаторомъ и творцомъ переворота 1689 г. Въ дѣйствительности и тотъ и другой познакомились съ Петромъ только во время его пребыванія въ Троицѣ, и значительно позже стали его близкими друзьями. Гордонъ принадлежалъ къ обществу Василя Голицына, Лефортъ не имѣлъ никакого значенія.

Родившись въ 1635 году въ семьѣ мелкихъ лордовъ, роялистовъ и католиковъ, Патрикъ Гордонъ прозябалъ уже 30 лѣтъ въ Россіи, занимая мелкія должности, которыя ему совсѣмъ не нравились. Прежде, чѣмъ пріѣхать сюда, онъ служилъ уже императору, шведамъ противъ поляковъ и полякамъ противъ шведовъ «*He was dearly a genuine Dugald Dolgetty*», говорятъ его англійскіе біографы. Его познанія сводились къ воспоминаніямъ о сельской школѣ, которую онъ посѣщалъ на родинѣ, около Эбердина; его военное прошлое—къ командованію драгунскимъ полкомъ въ Германіи и Польшѣ. Алексѣй въ 1665 и Софія 1685 г. поручали ему дипломатическія миссіи; онъ ѣздилъ два раза въ Англію съ порученіями относительно привилегій англійскихъ купцовъ, съ честью исполнилъ ихъ, но получилъ только чарку водки, которую Петръ, тогда четырнадцатилѣтній мальчикъ, поднесъ ему по возвращеніи изъ второго путешествія. Онъ счелъ себя обиженнымъ, просилъ отставки, но, не получивъ ее, примкнулъ къ недовольнымъ. Между тѣмъ, онъ принималъ участіе въ опустошительной крымской войнѣ и получилъ чинъ генерала. Отъ природы умный и дѣятельный, съ хорошими связями на родинѣ, онъ думалъ, что имѣетъ право на болѣе высокое положеніе. Лично извѣстный королямъ Карлу и Іакову англійскимъ, двоюродный братъ графа Гордона, бывшаго губернаторомъ Эдинбурга въ 1686 г., онъ былъ признаннымъ представителемъ роялистской шотландской колоніи

Слободы. Говоря по-русски, и любя выпить, онъ пользовался извѣстной популярностью между самими москвичами. Своимъ живымъ умомъ, внѣшностью цивилизованнаго человека и энергичной наружностью онъ долженъ былъ привлечь вниманіе Петра. Петръ всегда отдавалъ предпочтеніе людямъ съ сильнымъ темпераментомъ. Патрикъ Гордонъ страдалъ отъ болѣзни желудка, отъ которой и умеръ; но въ 1697 г., на 64 году, онъ кончилъ свой дневникъ *) словами: «На этихъ дняхъ я замѣтилъ въ первый разъ уменьшеніе здоровья и силъ».

Францъ Лефорть пріѣхалъ въ Москву въ 1675 году съ пятнадцатью иностранными офицерами искать счастья. Швейцарецъ по происхожденію, онъ принадлежалъ къ семьѣ, которая во время реформаціи покинула городъ Кони,—гдѣ она называлась Лифорти,—чтобы поселиться въ Женевѣ. Отецъ его былъ аптекаремъ, слѣдовательно, принадлежалъ къ высшему купечеству. Около 1649 г. женщины этого класса получили отъ реформаторской камеры право «носить платье изъ двойной тафты съ цвѣточками». Восемнадцати лѣтъ Францъ уѣхалъ въ Голландію съ 60 флоринами и рекомендабельнымъ письмомъ отъ принца Карла Курляндскаго къ его брату Казиміру. Карлъ жилъ въ Женевѣ, Казиміръ съ корпусомъ войска служилъ въ Голландіи. Онъ сдѣлалъ молодого человека своимъ секретаремъ, давая ему вмѣсто жалованья свое старое платье, стоившее 300 червонныхъ, и деньги на карты. Вознагражденіе было большое, но мало обезпеченное. Два года спустя Лефорть отправился въ Архангельскъ. Первою его мыслью, было уѣхать. Но въ то время нельзя было уѣхать

*) Изданный только въ нѣмецкомъ переводѣ. Оригиналъ находится въ архивахъ военнаго министерства въ С.-Петербургѣ. Отрывки появились въ 1850 году въ Эбердинѣ.

изъ Россіи, когда и какъ хотѣлось: за иностранцами строго слѣдили и отъѣзжающіе считались шпионами. Лефортъ оставался два года въ Москвѣ, думая, что умретъ съ голоду. Онъ старался попасть въ свиту одного изъ болѣе видныхъ членовъ дипломатическаго корпуса, обивалъ пороги швейцарской датскаго посла и кухни англійскаго. Но нигдѣ онъ не могъ пристроиться, мало-по-малу однако пріобрѣлъ друзей между жителями Слободы, вліятельныхъ покровителей и даже хорошенькую покровительницу, вдову иностраннаго полковника, женщину очень богатую. Въ 1678 г. онъ окончательно рѣшилъ основаться въ Россіи и началъ съ того, что женился. Это было необходимое условіе. Надо было имѣть семью и домъ, чтобы разсѣять недовѣріе. Онъ женился на Елизаветѣ Сухей, дочери уроженца города Метца, католичкѣ, съ довольно хорошимъ приданымъ и великолѣпными связями. Два брата г-жи Сухей, два Бокховена, голландцы родомъ, имѣли важное положеніе въ арміи; Патрикъ Гордонъ былъ зятемъ одного изъ нихъ. Лефортъ такимъ образомъ избралъ военную карьеру, къ которой, впрочемъ, у него не было ни любви, ни призванія.

Конечно, не въ школѣ этихъ двухъ иностранцевъ Петръ Великій и его армія выучились тому, что имъ надо было узнать, чтобы достигнуть Полтавы. Какъ я уже разсказалъ раньше, вліянія того и другого на великое дѣло прогресса, реформъ и цивилизациі, съ которыми связано имя сына Натальи Нарышкиной, было только очень косвенное. Въ то время, когда дѣло это лишь зарождалось, они одинъ за другимъ сошли въ могилу. Въ данный моментъ у Петра были другія заботы въ головѣ, онъ бралъ у стараго шотландца и молодого женевца другіе уроки, которые не имѣли ничего общаго съ наукой Вобана и Кольбера.

Лефорть былъ уже собственникомъ большого, хорошо меблированного во французскомъ вкусѣ, дома на берегу Яузы, уже нѣсколько лѣтъ служившаго любимымъ мѣстомъ собраній жителей Слободы. Даже въ отсутствіи хозяина было принято заходить туда, чтобы выпить и покурить.

Законъ Алексѣя запрещалъ табакъ, но и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Слобода представляла исключеніе. Какъ организаторъ всякихъ развлеченій, Лефорть не имѣлъ себѣ равныхъ. Веселый, съ постоянно работающимъ воображеніемъ и не знающими устали чувствами, онъ въ высшей степени обладалъ искусствомъ всѣхъ сближать. Банкеты, на которые онъ приглашалъ своихъ друзей, продолжались обыкновенно три дня и три ночи. Гордонъ чувствовалъ себя каждый разъ послѣ нихъ больнымъ, а на Лефорта они не оказывали никакого вліянія. Во время перваго путешествія Петра за границу, онъ удивлялъ нѣмцевъ и голландцевъ своей способностью пить. Въ 1699 году, выпивъ больше обыкновеннаго, онъ выдумываетъ закончить празднество подъ открытымъ небомъ въ февралѣ мѣсяцѣ! Это безуміе ему стоитъ жизни; но, когда пришелъ пасторъ съ послѣднимъ напутствіемъ, онъ выпроводилъ его, спрашивая еще вина и музыкантовъ, и тихо умеръ подъ звуки оркестра *). Это выдержанный типъ широкой натуры — типъ, теперь почти исчезнувшій, но очень долго державшійся въ Россіи. Почти такого же большого роста, какъ Петръ, еще болѣе мощный, Лефорть отличался во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Хорошій наѣзникъ, чудесный стрѣлокъ даже изъ лука, неутомимый охотникъ, онъ былъ красивъ лицомъ и имѣлъ граціозныя манеры. Образование онъ получилъ лишь элементарное, но

*) Дневникъ Корба.

владѣлъ всѣми языками, говорилъ по-итальянски, по-голландски, по-англійски, по-нѣмецки и по-славянски. Лейбницъ, который заискивалъ въ немъ, во время его пребыванія въ Германіи, говоритъ, что онъ пьетъ, какъ герой, но прибавляетъ, что онъ очень уменъ. Его домъ не только служилъ мѣстомъ свиданій веселой компаніи; тамъ собирались также и дамы: шотландки съ тонкимъ профилемъ, нѣмки съ мечтательными глазами и полныя голландки. Нитѣ, ни другія ничѣмъ не были похожи на московскихъ затворницъ, недоступныхъ за желѣзными прутьями оконъ или за фатой. Иностранки появлялись съ открытыми лицами, двигались, разговаривали, смѣялись, пѣли пѣсни своихъ странъ и танцевали съ кавалерами. Въ болѣе простыхъ костюмахъ, лучше обрисовывавшихъ фигуру, онѣ казались болѣе красивыми. Нѣкоторыя изъ нихъ не отличались черезчуръ строгими нравами. Все это сначала привлекало и плѣняло будущаго преобразователя.

Въ теченіе семи лѣтъ регентства, несмотря на тенденціи Софіи и Василя Голицына, исторія цивилизаціи Россіи отмѣчаетъ мало свѣтлыхъ дней. Правительство чувствовало себя плохо, находилось въ положеніи неувѣренномъ и безпокойномъ, боролось съ перваго до послѣдняго дня за свое существованіе и заботилось только о самосохраненіи. Но послѣ переворота 1689 г. и въ продолженіе семи слѣдующихъ лѣтъ было еще хуже. Это была откровенно ретроградная реакція противъ прогресса. Петръ здѣсь былъ ни при чемъ, но онъ ничему не мѣшалъ. Онъ не виновенъ въ указѣ, изгонявшемъ іезуитовъ, ни въ приговорѣ, благодаря которому мистикъ Кулльманъ былъ сожженъ живымъ на Красной площади; все это дѣлалось по приказанію патріарха Іоакима, авторитетъ котораго преобладалъ до марта 1690 года, года его смерти. Въ своемъ завѣщаніи этотъ духовный па-

стырь совѣтуеть молодому царю не довѣрять командованія арміей еретикамъ и уничтожить протестантскія церкви въ Слободѣ *). Но Петръ не хотѣлъ слушаться его, онъ даже желалъ назначить ему болѣе либеральнаго преемника въ лицѣ псковскаго митрополита Маркела. Но онъ еще не былъ хозяиномъ. Маркель не былъ утверждень по тремъ причинамъ: 1) потому, что онъ говорилъ на варварскихъ языкахъ (латинскомъ и французскомъ); 2) потому что у него борода не желаемыхъ размѣровъ; 3) потому что онъ сажалъ своего кучера на козлы повозки, вмѣсто того, чтобы сажать его на одну изъ упряжныхъ лошадей. Въ іюлѣ 1690 года Гордонъ пишетъ одному изъ своихъ друзей въ Лондонѣ: «Я еще при дворѣ, что причиняетъ мнѣ много расходовъ и безпокойства. Мнѣ обѣщаютъ хорошую награду но до сихъ поръ я еще ничего не получилъ. Когда молодой царь возьметъ управленіе въ свои руки, я не сомнѣваюсь, что буду удовлетворенъ». Но молодой царь не торопится, его никогда не было тамъ, гдѣ интересы управленія требовали его присутствія. Гдѣ же онъ? Очень часто въ Слободѣ въ домѣ Лефорта. Онъ тамъ обѣдалъ до двухъ или трехъ разъ въ недѣлю. Часто также, проводя цѣлый день у своего новаго друга, онъ оставался тамъ до слѣдующаго дня. Мало-по-малу онъ вводилъ туда и другихъ своихъ товарищей. Вскорѣ всѣ они тамъ стали чувствовать себя,

*) Еще же, да никакъ же они, государи, попустятъ кому христіаномъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками-иновѣрцами, съ Латины, Лютеры, Кальвина, безбожными Татараы (ихъ же гнушается Господь и церковь Божія съ богомерзкими прелестями ихъ проклинаяетъ) общеніе въ содружествѣ творити, но яко враговъ Божіихъ тѣхъ удалятися... и молбищныя бы по прелестямъ ихъ соборищъ еретическихъ строити не давати мѣста всеконечно, которые здѣ и близъ или между христіанскихъ домовъ и тѣ разорити годно и должно, яко дьявольскія сонмища...

какъ дома, и тогда кирпичный дворецъ замѣнилъ деревянный домъ фаворита. Во дворцѣ устроенъ былъ бальный залъ на 500 человѣкъ, столовая, обтянутая кордовской кожей, спальня желтаго дамъ «съ кроватью вышиною въ три локтя и великолѣпнымъ краснымъ гарнитуромъ», картинная галерея... *).

Вся эта роскошь была не только для Лефорта, но даже не для Петра, который очень мало объ этомъ заботился. Молодой царь вводилъ систему, которой онъ остался вѣренъ на всю жизнь. Позднѣе въ Петербургѣ, живя въ маленькомъ домицѣ, онъ пожелалъ, чтобы у Меншикова былъ еще болѣе роскошный дворецъ, но онъ свалилъ на него и его жилище всѣ приемы и дворцовыя празднества. Дворецъ Лефорта сдѣлался такимъ образомъ отдѣленіемъ недостаточно обширнаго помѣщенія въ Преображенскомъ и въ то же время чѣмъ-то въ родѣ казино. Послѣдніе сады Слободы соприкасались съ селомъ, гдѣ выросъ Петръ. Въ Слободѣ у Лефорта танцевали; въ Преображенскомъ устраивали фейерверки—новую страсть царя. Впослѣдствіи онъ старался оправдать крайности, до которыхъ доходилъ въ этомъ развлеченіи, вдохновителемъ котораго былъ Гордонъ, знакомый съ пиротехникой. Онъ говорилъ, что хочетъ приучить русскихъ къ шуму и запаху пороха. Послѣ Полтавы эта забота стала излишней, но Петръ съ тѣмъ же рвеніемъ пускалъ ракеты и составлялъ эмблематическія фигуры. Онъ всегда находилъ въ этомъ огромное удовольствіе. Это есть и будетъ его любимымъ спортомъ. Онъ не любилъ охоту. Въ 1690 году любимый загородный домъ его предковъ въ Сокольникахъ пришелъ въ упадокъ. Петръ любилъ шумъ, какъ его внукъ, несчастный мужъ

*) Vulliemín.

Екатерины II. Онъ во всемъ доходилъ до крайности. Но новый спортъ, благодаря неустрашимости Петра, сдѣлался опаснымъ для него и для его товарищей. 26 февраля 1690 года Гордонъ извѣщалъ въ своей газетѣ о смерти одного вельможи, убитаго пятифунтовой ракетой. Еще одинъ несчастный случай произошелъ 27 января слѣдующаго года.

Фейерверки смѣнялись маневрами Потѣшныхъ, которыми предводительствовалъ Гордонъ и которые также были сопряжены съ серьезной опасностью. 2 іюня 1690 года во время примѣрнаго сраженія Петру обожгло гранатой лицо; нѣкоторые офицеры около него получили серьезные раны. Нѣсколько времени спустя Гордонъ самъ былъ раненъ въ ногу. Въ октябрѣ 1691 года Петръ съ обнаженной шпагой лично повелъ отрядъ; офицеры и солдаты, возбужденные этимъ зрѣлищемъ, бросились въ рукопашный бой. Князь Иванъ Долгорукій былъ убитъ въ суматохѣ. *)

Сами по себѣ суровость и жестокость этихъ военныхъ игръ вовсе не были чѣмъ-нибудь особеннымъ; они вполне соответствовали современнымъ нравамъ. Карлъ XII, готовясь къ карьерѣ великаго завоевателя, превосходить въ этомъ отношеніи своего будущаго противника. Особенная и очень характерная черта проявляется въ потѣшныхъ войнахъ Петра: комизмъ и юморъ постоянно примѣшиваются къ нимъ. Крѣпость, выстроенная на берегу Яузы, сдѣлалась потомъ маленькимъ укрѣпленнымъ городомъ.

Тамъ находился постоянный гарнизонъ, судебная палата, приказы и митрополитъ, бывший наставникъ молодого царя, произведенный потомъ въ папы или патріархи шутовъ. Тамъ былъ даже король. Роль эту игралъ Ромода-

*) Устряловъ.

новскій, принявшій титулъ короля Пресбурга (имя, данное теперь городу) и въ качествѣ его ведущій войну съ польскимъ королемъ, котораго изображалъ Бутурлинъ. Въ 1694 году польскій король долженъ былъ защищать площадь, приведенную въ оборонительное положеніе, отъ осаждающей арміи, предводительствуемой Гордономъ. При первой атакѣ, не ожидая результата, но предрѣшивъ его заранѣе, гарнизонъ и его начальникъ сдаютъ оружіе и бѣгутъ. Разсерженный Петръ приказываетъ бѣглецамъ вернуться въ крѣпость и защищаться тамъ до послѣдней крайности. Производится масса выстрѣловъ, ранящихъ и даже убивающихъ людей. Въ концѣ-концовъ «польскій король» взятъ въ плѣнъ и отведенъ со связанными за спиной руками въ лагерь побѣдителя. *)

Не надо забывать, что въ это время Россія была въ мирѣ съ Польшей и даже въ союзѣ, и настоящій король этой дружеской націи, привѣтствуемый всей Европой, былъ Янъ Собѣгскій. Въ маневрахъ 1692 года принималъ участіе эскадронъ карликовъ. Въ 1694 году церковные пѣвчіе подъ командой дворцоваго шута Тургенева сражались съ военными писарями.

Петръ забавлялся: Вѣчный праздникъ, какая-то оргія движеній и шума, сопровождаемая нѣкоторыми образовательными упражненіями, переходящими въ ребячество и распущенность,—вотъ все, что мы видимъ изъ жизни будущаго героя въ этотъ переходный періодъ, продолжавшійся около шести лѣтъ. Онъ то учился бросать бомбы, взбираться на верхушки мачтъ, то пѣлъ въ церкви глубокимъ низкимъ голосомъ, потомъ, послѣ богослуженія, пировалъ въ веселой компаніи до слѣдующаго дня.

*) Желябужскій, Мемуары.

Шведскій посолъ фонъ-Кохенъ рассказываетъ о яхтѣ, построенной до послѣдняго винта самимъ ученикомъ Карштенъ-Бранта, а другой иностранецъ говоритъ о запискѣ, въ которой царь запрашивается къ нему въ гости, предупредая, что онъ будетъ пить всю ночь. *) Въ спискѣ вещей, которыя царь требовалъ изъ Москвы въ Преображенское, находятся мортиры, инженерные инструменты, артиллерійскіе снаряды и клѣтки для попугаевъ. Въ крѣпости Пресбурга геніальные офицеры, пиротехники и знающіе всѣ ремесла мастера находились рядомъ съ дураками, придворными шутами, которые въ видѣ развлечения убивали солдатъ и оставались безнаказанными. **) Полки уже давно утратили, или должны были утратить шуточный характеръ. Въ 1690 году гвардейскій Преображенскій полкъ превращенъ былъ въ настоящій полкъ подъ командой курляндца Георгія фонъ-Менгдена. Вслѣдъ за нимъ и Семеновскій полкъ—оба съ наличнымъ составомъ на цѣлую треть изъ французскихъ протестантовъ. ***) Но слѣдующая азовская кампанія показала молодому царю, чего стоило это съ виду храброе войско и что значить относиться не серьезно къ серьезнымъ вещамъ.

На Переяславльскомъ озерѣ Петръ очень старался построить флотилію, но не работалъ усидчиво.

Мѣстность кругомъ такъ красива; холмистая лѣсная дорога ведетъ туда изъ Москвы. Свѣтловодная Вика, вытекающая изъ восточнаго конца озера, пересѣкаетъ сосѣднее Сомино озеро и впадаетъ въ Волгу. На западѣ городъ

*) Устряловъ.

**) Русскій Архивъ 1875.

***) Подробности о примитивномъ устройствѣ этихъ полковъ, которымъ предстояло играть такую важную роль въ исторіи страны, находятся въ *Journal de S-t. Peters bourg, avril 1778.*

Переяславль-Залѣсскій блеститъ золотыми куполами своихъ 24 церквей, сгруппированныхъ вокругъ большого Преображенскаго собора. Петръ выстроилъ себѣ тамъ деревянный одноэтажный домъ. Помѣщавшійся надъ входной дверью двуглавый орелъ съ деревянной позолоченной короной составлялъ все украшеніе этого скромнаго жилища. Но тамъ умѣли весело проводить время. Верфь находилась въ нѣсколькихъ шагахъ, но сомнительно, чтобы Петръ работалъ тамъ во время частыхъ своихъ пребываній зимою на берегахъ своего «маленькаго моря». Въ февралѣ 1692 года его еле-еле удалось уговорить пріѣхать оттуда, чтобы дать аудіенцію посланнику персидскаго шаха *). Благодаря тому, что это было укромное мѣсто, защищенное отъ материнскаго надзора и любопытныхъ глазъ постороннихъ, Петръ чувствовалъ себя тамъ гораздо лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Много приглашенныхъ изъ Москвы часто бывало тамъ. Ихъ повозки встрѣчали по дорогѣ цѣлые караваны, везшіе бочки вина, пива, меда или водки. Пріѣзжали также и дамы. Весною, когда на озерѣ начиналась навигація, возобновлялись работы и упражненія, но все еще не серьезныя. За годъ до азовской кампаніи Петръ еще не зналъ, гдѣ онъ используетъ свой военный флотъ, на какомъ морѣ и противъ какого врага; но онъ уже зналъ, что Лефортъ, не бывшій никогда морякомъ, будетъ его адмираломъ, что корабль, на которомъ онъ воздвигнетъ свой флагъ, будетъ называться «Слонъ», что на этомъ кораблѣ будетъ много позолоты, отличные голландскіе матросы и капитанъ въ лицѣ самого Петра **).

Послѣднее путешествіе молодого царя въ Переяславль было въ маѣ 1693 года. Онъ увидитъ опять свое озеро и

*) Гордонъ, *Journal*, 16 февраля, 1692.

**), *Посельтъ. Генералъ и Адмиралъ Францъ Лефортъ.*

свою верфь только черезъ 30 лѣтъ, въ 1722 году по дорогѣ въ Персію. Рѣчная флотилія, которая доставила ему такъ много горя и радости и которая никогда ни на что не пригодилась, была тогда въ совершенномъ упадкѣ, съ гнилыми снастями и деревомъ, негоднымъ къ употребленію. Онъ разсердился: это вѣдь реликвіи! Онъ отдалъ строгія приказанія о сохраненіи ихъ, но это было напрасно. Въ 1803 году на мѣстѣ осталась только одна лодка, защищенная сараемъ которая тоже разрушилась. Никакого слѣда не осталось отъ домика, гдѣ прежде жилъ Петръ. Все исчезло, даже березы, подъ тѣнью которыхъ отдыхалъ ученикъ-плотникъ отъ своего труда *).

Въ 1693 году, какъ прежде на Преображенскихъ прудахъ, онъ почувствовалъ, что ему тѣсно на Переяславльскомъ озерѣ; онъ добился позволенія долго не соглашавшейся матери и отправился въ Архангельскъ. Наконецъ онъ увидить настоящее море! Онъ долженъ былъ обѣщать не пускаться въ море и только съ берега смотрѣть на корабли. Но, конечно, онъ быстро забылъ свои обѣщанія и рисковалъ утонуть, пускаясь въ море на плохой яхтѣ навстрѣчу купленному въ Амстердамѣ кораблю. Это военный корабль, но на немъ были, кромѣ пушекъ, прекрасная мебель, французскія вина, обезьяны и болонки. Входя на корабль, Петръ былъ въ восторгѣ:

«Ты будешь его командиромъ», писалъ онъ Лефорту, «а я на немъ простымъ солдатомъ». Затѣмъ Андрею Андреевичу Виніусу, 21 іюля 1694, изъ Архангельска:

«Min Her!

Ничто иное нынѣ мнѣ писать, только, что давно желали, нынѣ въ 21 д. совершилось: Янъ Фламъ въ цѣлости

*) Устряловъ.

пріѣхалъ; на которомъ корабль 44 пушки и 40 матросовъ. Пожалуй, поклонись всѣмъ нашимъ, пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ; а нынѣ, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя; понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати.

«Отъ Юрода іюля 21 д.»

«Schi Per Fonshi
Psantus Pro Fet
ities.» (Schiper von ship santus
Profeties, т.-е. шкиперъ корабля
«Святое пророчество».)

Это означало: Капитан... (Ecrits et correspondance).

Петру уже было 21 годъ, но онъ продолжалъ ребячески относиться ко всему. Онъ игралъ въ моряка, какъ прежде игралъ въ солдата или европейца. У Лефорта онъ одѣвался по-французски; въ Архангельскѣ—въ костюмъ голландскаго моряка. Онъ всецѣло былъ поглощенъ Голландіей: принялъ ея морской флагъ: красный, синій и бѣлый, измѣнивъ только порядокъ цвѣтовъ и пилъ въ кабакахъ съ соотечественниками Тромжа и Рюйтера.

Въ январѣ 1694 года Петръ вернулся въ Москву къ умирающей матери. Онъ выказалъ много горя, плакалъ, но черезъ три дня уже кутилъ у Лефорта. Что это, безсердечіе, неспособность къ любви? Не вполнѣ. Онъ до конца сохранилъ лучшія чувства по отношенію къ своему старшему брату; Екатерина нашла въ немъ въ послѣдствіи нѣжнаго мужа, не вполнѣ безупречнаго, но вѣрнаго въ несчастіяхъ и крѣпко привязаннаго. Но пока онъ еще былъ молодъ и не поддавался горю. Онъ утѣшился такъ же быстро послѣ потери матери, стѣснявшей его свободу, какъ забылъ о существованіи жены.

1-го мая Петръ возвратился въ Архангельскъ и сталъ заниматься по прежнему своими морскими забавами. Онъ раздавалъ чины: Ромодановскій, Бутурлинъ и Гордонъ становятся адмираломъ, вице-адмираломъ и контръ-адмираломъ, никогда не видѣвши моря. Петръ остается простымъ капитаномъ, какъ онъ былъ простымъ бомбардиромъ въ полку.

Въ этой скромности, проявляемой также впоследствии и возведенной въ систему, историки старались найти глубокий смыслъ. По моему же: время возникновенія, сопровождавшія обстоятельства, самое происхожденіе и первыя проявленія этой скромности ясно указываютъ, что мы имѣемъ дѣло только съ отклоненіемъ воображенія, логическое объясненіе которому—какъ вообще всѣмъ уклоненіямъ—можно искать въ какой либо чертѣ характера. Такимъ образомъ всегда выражается прирожденная застѣнчивость личности, выдающая себя замаскированной, преображенной, идеализированной противорѣчивымъ внѣшними проясненіями характера сильнымъ, властнымъ, и призрачнымъ блескомъ удачной карьеры.

Нѣтъ, во всемъ, что составляетъ въ этотъ періодъ жизнь будущаго великаго человѣка, во всѣхъ его удовольствіяхъ, ученіи, поѣздкахъ за границу, въ посѣщеніяхъ Слободы, и кабаковъ Архангельска, въ Преображенскомъ лагерѣ, въ дружбѣ съ Лефортомъ, Гордономъ и голландскими матросами, не было ничего глубокаго, но все это выбило его изъ обычной колеи предковъ на дорогу, по которой онъ пришелъ къ своей великой цѣли.

II.

А что же дѣлала Россія въ то время, какъ ея хозяинъ разгуливалъ, гонимый своимъ капризнымъ, непосѣдливимъ духомъ? Россія, насколько она понимала и могла разсудить о томъ, что съ ней происходитъ, начинала думать, что она ничего не выиграла отъ переворота 1689 года. Народъ безъ особеннаго страха и недовольства смотрѣлъ на знакомства, которыя молодой царь заводилъ съ нѣмцами и на его постоянное пребываніе въ Слободѣ. Алексѣй пріучилъ его къ этому. Но склонность покойнаго царя къ Западу проявлялась въ достиженіи болѣе заманчивыхъ результатовъ: въ развитіи промышленности, законодательныхъ реформахъ и дѣйствительномъ прогрессѣ, приносившемъ плоды.

Фейерверки и воинственныя игры Петра причинили нѣсколько смертей и много увѣчій—это былъ весь видимый результатъ его забавъ. Если новый царь въ своихъ играхъ приближался къ Европѣ, бояре, которые правили вмѣсто него, въ серьезныхъ вещахъ шли назадъ. Они управляли отвратительно. Голицынъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ татарами; они разбили себя далеко за предѣлами страны въ Перекопскихъ степяхъ и захватили нѣсколько областей святой Руси! Тревожныя извѣстія, просьбы о помощи, извѣщенія о пораженіяхъ приходили со всѣхъ сторонъ. Мазепа сообщалъ о томъ, что Украинѣ угрожали враги. Досиѣей, патріархъ Константинопольскій, передавалъ тревожныя свѣдѣнія: французскій посоль встрѣтился въ

Адрианополь съ Крымскимъ ханомъ и великимъ визиремъ и передалъ первому 10000 дукатовъ и 70000 визирю за то, чтобы они уступили Франціи охрану Святой Земли. Договоръ былъ уже отчасти приведенъ въ исполненіе: католическіе священники отняли у православныхъ монаховъ Святую Могилу, часть Голгофы, Виоелеемскую церковь и Святой гротъ. Они разрушили иконы и русское имя стало для султана и его подданныхъ презрѣннымъ. Вступая на престолъ, султанъ не считалъ нужнымъ извѣстить объ этомъ русскихъ царей *). Изъ Вѣны пришло извѣстіе, что министры императора, посланникъ польскаго царя и посланникъ султана поддерживали постоянныя сношенія, о которыхъ Россія ничего не знала. Она была какъ бы отстранена и рисковала остаться одна лицомъ къ лицу съ турками и татарами. И симптомы тревоги и недовольства становились все сильнѣе, а Петру тѣмъ временемъ начинали надоѣдать его забавы. Архангельскій рейдъ и воды Бѣлаго моря, недоступныя въ продолженіи 7 мѣсяцевъ изъ двѣнадцати, имѣли очень небольшое значеніе. Петръ пытался найти черезъ Ледовитый океанъ путь въ Китай и Индію, но средствъ на это огромное предпріятіе не было никакихъ. Со стороны Балтійскаго моря тоже ничего нельзя было сдѣлать: шведы сидѣли тамъ крѣпко и не собирались уходить. Лефортъ предлагалъ другой проектъ. Во время этого переворота въ жизни молодого царя онъ приобрѣлъ на него особенно сильное вліяніе. За послѣднія нѣсколько лѣтъ у него не было соперника. Онъ открылъ собою серію иностранныхъ проходимцевъ (Остерманъ, Биронъ, Минихъ), которые цѣлый вѣкъ распоряжались Россіей. Двѣнадцать человекъ стояли на стражѣ у его дворца и самые знатные

*) Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ; письмо отъ 18-го марта 1690.

вельможи страны толпились въ его прихожей. Петръ относился къ нему не какъ царь къ подданному; онъ публично наказывалъ собственноручно своего зятя Абрама Федоровича Лопухина нѣсколькими пощечинами за то, что тотъ, поссорившись съ фаворитомъ, испортилъ ему парикъ *). Разставшись съ нимъ, Петръ писалъ ему письма подозрительной нѣжности и получалъ равнодушные и безцеремонные отвѣты. Вотъ напр. образчикъ письма Лефорта къ Петру**).

«Господинъ Коммандеръ

Письма твоё, которой писано 7 марта, досталъ иво съ велики радусь. Дай, Богу, тебѣ здорова на многи лѣты и веселить да своей воли. А я, по милось твоя, здѣсь по-маленьку живу не безъ кручина; а какъ, Богъ изволить, увижу твоя милось съ добремъ здорова, забуду несчастливе дни, которы я здѣсь потираю. Товарись моё Θεодеръ Алексѣвичъ кочеть мене пакидать и у Англеска земли быть по указѣ твоя. Какъ ты изволишь люди наши отпустить стану скоро, а дазидать буду милось твоя. Вѣсте съ Польски земли, слава Богу, получше. Кароль въ Данцихъ изволить быть. Съ Москва потста ни бевала: сія петница ана будетъ. Чало быо милось твоя, что ты изволишь араповъ достать. Прости надѣже моё. Дай Богъ тебе видатсь съ велики радусь. Твоё вѣрной слуга

Лефортъ ген. ад.

Амстер. 25 м. 1698.

Пужалесте адъ мене скажи солобить (челобитную) ваша Компания и не забевати про наша пити... воистянѣ не кали (николи) забеваёмъ; кодь питья здѣшнее не добро. Вчерась я уженалъ у Туртонъ. Дѣвице добре про твоя здорова пили великой стаканъ: ани рады твоя милось видатсь.

Въ 1695 году Лефорту приходитъ въ голову показать сво-

*) Пыляевъ, *Старая Москва, Старый С.-Петербургъ*.

***) *Переписка Петра*. Всѣ письма Лефорта писаны ломанымъ русскимъ языкомъ, латинскими буквами. Письмо приведено съ сохраненіемъ его ореографіи.

имъ землякамъ и друзьямъ свое удивительное счастье. Петру уже давно хотѣлось послать нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей за границу.— Отчего ему не поѣхать съ ними самому и не посмотрѣть вблизи на тѣ чудеса, о которыхъ Тиммерманъ и Карштень-Брандъ дали ему лишь туманное понятие. Какая радость, какое развлеченіе отъ начинающейся скуки, какое поучительное зрѣлище и какая прелесть новизны! Но встрѣтилось препятствіе: какую роль будетъ играть въ Европѣ всероссійскій императоръ?—Онъ явится съ неизвѣстнымъ именемъ, омраченнымъ давнишними и недавними неудачами, ничего не успѣвъ совершить, чтобы его поднять. Это заставило Петра оглянуться назадъ и посмотрѣть на все, что онъ сдѣлалъ, на свои занятія и развлеченія, которыя поглощали все его время: и онъ пришелъ къ убѣжденію, что не сдѣлалъ ничего.

Его осянула мысль: раньше, чѣмъ показаться этимъ людямъ Запада, которыхъ онъ представлялъ себѣ такими большими, не нужно ли было бы ему подняться до ихъ уровня. Но какъ достичь этого? Въ этомъ случаѣ работающее воображеніе молодого царя встрѣтилось съ пришедшими въ отчаяніе боярами, которымъ онъ до сихъ поръ предоставлялъ заботу о правленіи. Они сами чувствовали необходимость сдѣлать что-нибудь, чтобы выйти изъ того непріятнаго положенія, въ которое ихъ поставила небрежность и неловкость ихъ политики, предоставленной случайностямъ минутнаго вдохновенія. Вѣроятно подъ давленіемъ этихъ различныхъ мотивовъ была рѣшена первая попытка завоеванія Азова.

Интуитивный геній будущаго полтавскаго побѣдителя, которому довѣрили выработанный по этому случаю планъ, кажется былъ тутъ ни при чемъ. Впрочемъ, ему и не надо было очень трудиться: планъ былъ начертанъ заранѣе, тра-

диціонный и классическій въ исторіи отношеній Россіи со своими страшными южными сосѣдями. Баторій, знаменитый полководецъ, указывалъ его царю Ивану въ 1579 г. *). Древній, до-христіанскій Танаисъ, Тано въ средніе вѣка, торговая колонія генуэзцевъ, завоеванная въ 1475 г. турками, превращенная въ крѣпость Азовъ, въ пятнадцать верстахъ, отъ устья Дона, былъ съ давнихъ поръ причиною раздора двухъ народовъ, какъ ключъ къ устью большой рѣки съ одной стороны и ключъ къ Черному морю съ другой.

Впрочемъ, не тамъ должны были сосредоточиться главныя усилія московской арміи. Ведя съ собою главныя силы, бывшія въ ихъ распоряженіи, — всю старую армію государства и ту армію, которая ходила съ Голицынымъ въ неудачныя предпріятія противъ татаръ, — бояре просто пошли бы по его стопамъ и вернулись бы съ тѣмъ же успѣхомъ. Азовская попытка была единичнымъ случаемъ, на которомъ должна была выработаться инициатива молодого царя. Въ огромномъ лагерѣ были довольны присутствіемъ царя и представляли ему свободу. Онъ-же не утруждалъ себя приготовленіями. По его мысли, ясно выраженной въ письмѣ, написанномъ въ началѣ экспедиціи **) она должна была сдѣлаться

*) Pierling. Papes et Tsars.

**) 16 апрѣля 1605 г. Федору Матвѣвичу Апраксину.

†

Min Her Gouverneur Archangel.

О кораблѣ будетъ писать Францъ Тиммерманъ. Яхту прикажи по прежнему для кораблей вывести. Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ. Генералиссимусы оба остаются, а съ войскомъ посылаютъ генераловъ; и съ ними 31.000, 60 пол-

продолженіемъ большихъ маневровъ, центромъ которыхъ была крѣпость Пресбургъ. Петръ рассчитывалъ взять Азовъ внезапно. Но во всякомъ случаѣ онъ воздерживался до-вѣрять свои «потѣшные» полки импровизированнымъ начальникамъ, которыхъ прежде имъ назначалъ во время шуточныхъ сраженій на берегахъ Яузы. Эти сраженія его видимо убѣдили въ томъ, что въ войскахъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, онъ приобрѣлъ большую военную силу, способную вступить въ настоящую войну; но видимо онъ сознавалъ также, что предпріятіе на этотъ разъ другое, и что оно требуетъ другихъ мѣръ. Онъ далъ отпускъ «Пресбургскому и польскому королямъ», но въ то же время, вѣрный старымъ приемамъ, давно отвергнутымъ военной наукой Запада, онъ хотѣлъ раздѣлить верховное командованіе. Его армейскій корпусъ, гдѣ фигурировали всѣ полки новой фармаціи: гвардейскіе полки, полкъ Лефорта съ нѣсколькими отрядами ополченцевъ, городской и дворцовой милиціи, стрѣльцы и царедворцы,—всего 31,000 человекъ,—имѣлъ трехъ главнокомандующихъ: Головина, Гордона и Лефорта *).

кортаупъ, 110 мортировъ, 2000 бомбъ; и о достальномъ впредь писать буду.

Piter.

Едодръ Матвѣевичъ, многолѣтно здравствуй, и на многія лѣта! А мы, Юрій Ивановичъ, Василій Ивановичъ, про твое здоровье пьемъ водку и ренское, а паче пиво.

Преосвященный митрополитъ Кіевскій Гедеонъ благословеніе присылаю.

Преображенскаго полку капитанъ Васька Соймоновъ челомъ бьетъ.

Смиранный діаконъ Петръ, сержантъ Преображенскаго полку, Оедька Плещеевъ, Петрушка Гутманъ много челомъ бьютъ.

*) Петровъ. *Вооруженная сила Россіи*. (Сочиненіе, изданное Военнымъ Министерствомъ).

Организованная такимъ образомъ экспедиція еще походила на прогулку. Генералы, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ, Лефорть, не имѣлъ никакого понятія о войнѣ, начинаютъ свое дѣло моремъ; а молодой царь, продолжая потѣшаться, вмѣшивается во все, давая совѣты вкривъ и вкосъ и принимаетъ псевдонимъ Петра Алексѣева и чинъ капитана, парадирюя во главѣ своего отряда бомбардировъ. Онъ отнялъ у Ромодановскаго его вѣдомство, но сохранилъ ему титулъ и пишетъ ему, собираясь въ походъ:

Генералиссимусу князю Федору Юрьевичу 19 іюня изъ
Нижняго-Новгорода *) 1695 года.

«Min Her Kenich.

Письмо вашего превосходительства, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Прешпургѣ мая въ 14 день писанное, мнѣ въ 18 день отдано; за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови своей пролить; для чего и нынѣ посланы, и чаемъ за ваши многія и теплыя къ Богу молитвы, вашимъ посланіемъ, а нашимъ трудами и кровью, оно совершить. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопы ваши, генералы Автонъ Михайловичъ и Францъ Яковлевичъ, со всѣми войски далъ Богъ здорово, и намѣрены завтрешняго дня итти въ путь, а мѣшкали для того, что инья суда въ три дни на силу пришли, и изъ тѣхъ многіе небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ, которыхъ была бѣльшая половина въ корованѣ, также и суды, которыя дѣлали гости, гораздо худы, инья на силу и пришли.

*) Надпись на оборотѣ: Поднестъ великому государю генералиссимусу князю Федору Юрьевичу. Все письмо, кромѣ перваго и послѣдняго словъ (Min Her Kenich и Piter), писано рукою Шафирова, также и всѣ прочія письма изъ обоихъ Азовскихъ походовъ.

А казну здѣсь перегрузили въ пауски; а служивыхъ людей по се число умерло небольшое число; а изъ того числа иные больные съ Москвы поѣхали. За симъ отдаюсь въ покровъ щедротъ вашихъ.

Изъ Нижняго
мая въ 19 д.

Всегдашній рабъ пресвѣтлѣйшаго
вашего величества Бомбардиръ
Рітер».

Конецъ былъ таковъ, какого можно было ожидать *). Петръ принужденъ былъ, подобно Софьѣ и Голицыну, присылать извѣстія о вымышленныхъ побѣдахъ. Въ Москвѣ отслужили молебень по поводу взятія двухъ незначительныхъ фортовъ, но всѣ знали, что двѣ атаки на самую крѣпость были безплодны и причинили много потерь. Было произведено испытаніе новой арміи и ея молодому творцу, и оно было рѣшающимъ. Семь лѣтъ юношескихъ импровизацій привели къ самому жалкому и самому унижительному результату. Вотъ, гдѣ начинается исторія Петра Великаго.

*) 19 мая 1695 года. *Переписка.*

III.

Петръ былъ не только великимъ человѣкомъ. Онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ полнымъ, самымъ понятнымъ и самымъ многостороннимъ олицетвореніемъ великаго народа.

Никогда народъ не отражался такъ точно съ своими недостатками, и своими достоинствами, съ высотами и глубинами своего нравственного уровня, со всѣми чертами своей физиономіи въ одной единственной личности, бывшей его представителемъ въ исторіи. Тѣ скрытые источники ума и души, которые Петръ обнаруживаетъ въ эту минуту; то, что онъ дѣлаетъ и то, благодаря чему онъ достигаетъ своего полного развитія, Россія будетъ проявлять изо дня въ день, изъ года въ годъ, на протяженіи двухъ вѣковъ, и она возвеличится такъ же, какъ онъ. Разбитая турками и шведами, захваченная Европой, какъ прежде Азіей, послѣ 20-ти пораженій, 20-ти мирныхъ договоровъ, продиктованныхъ ея побѣдителями, она будетъ раздвигать свои границы за ихъ счетъ, расчленивъ Турцію, Швецію и Польшу и будетъ диктовать свои законы европейскому континенту, благодаря своей настойчивости.

Упорно преслѣдовать свою цѣль,—недостижимую на первый взглядъ,—по избранному ею опасному пути, пользуясь, иногда, неудачными средствами, удваивать, утраивать усилія, учащать удары и терпѣливо выжидать часа, — въ этомъ

весь ея секретъ. Все дѣло въ одной ея душѣ, твердомъ металлѣ, закаленномъ вѣками рабства и искупительнаго труда. Величіе Петра, величіе Россіи подготовлено монгольскимъ завоеваніемъ и терпѣливымъ духомъ московскихъ князей, закаленномъ на наковальнѣ, о которую разбился молотъ завоевателя.

На другой день послѣ этого неудачнаго похода московская оппозиція со злорадствомъ вспоминала пророческія слова патріарха Іоакима, его проклятіе иностранныхъ солдатъ и еретическихъ начальниковъ. Но Петръ, напротивъ, еще усиленнѣе призывалъ иностранную науку и промышленность, просилъ инженеровъ у Австріи и Пруссіи, матросовъ и плотниковъ у Голландіи и Англіи. Флотъ Переяславльскаго озера никуда не годился; царь рѣшилъ построить другой въ Воронежѣ, въ Донскомъ бассейнѣ, но натолкнулся на затрудненія, которыя другому могли бы показаться непреодолимыми. Рабочіе, набранные за границей, собирались медленно и сплошь и рядомъ возвращались на родину при видѣ страны, въ которую ихъ вызвали и гдѣ имъ предстояло жить и работать. Мѣстные рабочіе только портили, ничего не понимали и также убѣгали массами отъ дурнаго обращенія. Лѣса, изъ которыхъ привозили строительный матеріалъ, выгорали цѣлыми десятинами; болѣе образованные сотрудники, офицеры, инженеры, врачи подражали хозяину, превосходя его недостатки. Происходили безконечныя оргіи, ссоры, драки. Лефортъ, извѣщенный курьеромъ, принужденъ былъ давать отчетъ о всемъ, что происходило въ ввѣренной ему отрасли. И онъ начинаетъ: «Сего числа князь Борисъ Алексѣевичъ у меня будетъ кушать и про ваше здоровье станемъ пить; а съ Москвы мой первый наслегъ (ночлегъ) будетъ въ Дубровицахъ и тамъ мы вашу милость не забудемъ. Что я, что у вашей милости

пива добра нѣтъ на Воронежѣ: я къ милости твоей привезу съ собою и мушкатель-вейнъ и пива добра *).

Работы были начаты осенью 1696 года; на слѣдующій годъ, 3 мая на воду было спущено двадцать три галеры и четыре брандера, которые тотчасъ же были отправлены къ Азовскому морю. Во главѣ этой флотиліи на галерѣ *Rijn-sirium*, построенной почти цѣликомъ имъ самимъ, находился капитанъ Петръ Алексѣевъ. На борту другихъ судовъ за нимъ слѣдовали: адмиралъ Лефортъ, вице-адмиралъ Лима, венеціанецъ, и контръ-адмиралъ Валтазаръ де-Лозіеръ, французъ. На этотъ разъ русскій флотъ былъ созданъ не на шутку.

Нельзя сказать, чтобы онъ покрылъ себя славой, такъ же, какъ сухопутное войско подъ командой боярина Шеина, вмѣстѣ съ которымъ онъ долженъ былъ совершить новую попытку взятія Азова. Потѣшные полки слишкомъ привыкли «потѣшаться»; стрѣльцы годились только на осаду дворцовъ; пушечные выстрѣлы приводили ихъ въ смятеніе. Подъ стѣнами неприступной крѣпости Петръ рѣшалъ уже ихъ участь.

Видъ и приемы всего этого лагеря до прибытія настоящихъ мастеровъ своего дѣла, напоминали осаду Трои. Генералы теряли головы, Гордонъ, самый ловкій изъ нихъ, тщетно пытавшись пробить брешь, собралъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ на военный совѣтъ. Одинъ изъ стрѣльцовъ предлагалъ насыпать холмъ выше стѣнъ крѣпости и затѣмъ засыпать ее оттуда. Владиміръ Великій

*) На письмѣ приписка по-голландски: «Г. капитаны! Всѣ добрые друзья и подруги привѣтствуютъ тебя покорнѣйше. Остаюсь слуга твой навсегда Лефортъ». Адресъ на оборотѣ: *Den Heer Capitain Petrus. Voronets* (Воронежъ).

прибѣгалъ будто бы къ этому способу при взятіи Херсона. *) Стратегія Владиміра Великаго принята была съ энтузіазмомъ, но она лишь слегка напугала турокъ и вызвала улыбку сожалѣнія на лицахъ нѣмецкихъ инженеровъ, прибѣжавшихъ наконецъ. Петръ былъ очарователенъ въ своемъ увлеченіи, своей веселости и юношеской дерзости. Онъ писалъ своей сестрѣ Натальѣ, обезпокоенной опасностями, которымъ онъ подвергалъ себя:

«По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ и чаю, что желаютъ насъ къ себѣ». **)

Но стойкій въ своихъ рѣшеніяхъ, Петръ все также былъ подверженъ унынію, также легко выходилъ изъ равновѣсія. 20 мая, отправившись на рекогносцировку съ цѣлью помѣшать турецкимъ судамъ подвозить съѣстные припасы къ крѣпости, Петръ при видѣ ихъ многочисленности быстро отступилъ съ своими галерами. На другой день въ 10 часовъ утра онъ явился къ Гордону мрачный, унылый, ожидающій всякихъ неудачъ, но въ 3 часа возвратился сіяющій: не получивъ никакихъ распоряженій, повинуясь только своей храбрости, козаки на своихъ чайкахъ (легкихъ челнокахъ, сдѣланныхъ изъ кожи), летающихъ по водѣ какъ птицы, имя которыхъ они носили, атаковали наканунѣ вечеромъ большіе корабли султана и обратили ихъ въ бѣгство, причинивъ имъ большія потери. ***) Это былъ для артиллеріи Гордона удобный случай отличиться. Не попавъ ни однимъ ядромъ въ неприятеля, она выпалила

*) Петровъ,

***) Переписка Русскихъ Государей.

***) Гордонъ Journal. 10 мая 1696.

огромное количество пороха на воздухъ въ честь побѣды. Вообще палили при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: будь то прибытіе новаго отряда, взятіе редута или неприятельской шлюпки.

Усиліе на этотъ разъ было такъ велико, желаніе побѣдить такъ сильно, что при помощи казаковъ и нѣмецкихъ инженеровъ предпріятіе было наконецъ приведено къ вождѣльному концу. 16 іюля батареи, воздвигнутыя наконецъ артиллеристами иностраннымъ, открыли губительный огонь; 17-го смѣлая помощь запорожцевъ (днѣпровскихъ казаковъ), дѣйствовавшихъ на сушѣ и на морѣ съ одинаковой храбростью, передала въ ихъ руки часть крѣпостныхъ сооружений, а 18-го Петръ писалъ Ромодановскому:

Государю генералиссимусу князю Федору Юрьевичу
20 іюля 1896 года.

«*Min Her Kenich.*

Извѣстно вамъ, государь, буде, что благословилъ Господь Богъ оружія ваша государское; понеже вчерашняго дня, молитвою и счастьемъ вашимъ государскимъ, Азовцы, видя конечную тѣсноту, сдались, а какимъ поведеніемъ и что чего взято, буду писать въ будущемъ письмѣ. Измѣнника Якушку отдали живо. Съ галеры Принципіумъ іюля 20 дня»^{*)}.

Молодому царю послѣ этой побѣды не стыдно было показаться своимъ западнымъ сосѣдямъ. Онъ горькимъ опытомъ убѣдился, что долженъ многому поучиться у нихъ. Его умъ расширился и просвѣтился новымъ свѣтомъ. Замышляя обширный планъ морской политики, онъ видѣлъ, что широкое участіе придется удѣлить въ немъ иностранцамъ. Собираясь соединить Донъ и Волгу цѣлой системой каналовъ, онъ больше не рѣшался дѣйствовать по-

^{*)} *Переписка государей.*

прежнему наобумъ. Недостаточно привезти строителей изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи; недостаточно послать своихъ офицеровъ за границу—28 въ Италію и 22 въ Голландію и Англію; *) надо самому поѣхать съ ними, самому серьезно поучиться, и поработать въ потѣ лица. Въ этой жаждѣ знаній и въ этомъ усердіи было еще не мало ребячества; будущему ученику саардамскихъ плотниковъ суждено проявить еще не мало чисто-дѣтскихъ чертъ; но цѣль была намѣчена, размахъ сдѣланъ. Большимъ путешествіемъ по Европѣ начнется одна изъ самыхъ удивительныхъ карьеръ въ исторіи.

*) Устряловъ; Соловьевъ.

ГЛАВА II.

Путешествіе — Германія.— Голландія.— Англія.— Возвращеніе.

I. Примѣры прежняго времени.—Инкогнито царя.—Первое пе-
реодѣваніе.—Великое посольство.—Петръ Михайловъ.—Впечатлѣ-
нія въ Москвѣ и въ Европѣ.—Задержка.—Заговоръ.—Кровавыя
тѣни.—Топоръ дровосѣка и сѣкира Іоанна Грознаго.—Швеція.—
Рига.—Холодный приѣмъ.—Будущій «casus belli».—Германія.—
Кёнигебергъ.—Любознательность и эксцентричность.—Дипломъ
артиллериста.—Коппенбругге.—Встрѣча съ Софіей-Шарлот-
той Прусской.—Первый шагъ въ свѣтъ Петра.—Лейбницъ.—
II. Голландія.—Саардамъ.—Преданіе и исторія.—Домъ въ Кримпен-
бургѣ.—Прекрасная голландка.—Амстердамъ.—Начало серьез-
ныхъ занятій.—Плотникъ и государь.—Странности и слабости.—
Русскій Бахусъ.—III. Англія.—Непригодная для жилья комната.—
Петръ въ Кенсингтонскомъ дворцѣ.—Неблагопріятныя сужденія.—
Бёрнетъ.—Опять легенда.—Изъ Лондона въ Дептфордъ.—Труды и
развлеченія.—Актриса Гроссъ.—Всеобъемлющая инициатива.—
IV. По пути въ Вѣну.—Неудавшійся вѣздъ.—Австрійская спѣсь.—
Урокъ дипломатіи.—Угнетенное состояніе духа.—Въ замкѣ «Фа-
ворить».—Царь и императоръ.—Неудобство инкогнито.—Дипло-
матическая неудача.—Несостоявшееся путешествіе въ Венецію.—
Тревожныя вѣсти изъ Россіи.—«Сѣмя Милославскихъ».—Поспѣш-
ное возвращеніе.—Свиданіе въ Равѣ съ Августомъ II.—Окончаніе
путешествія.

I.

Чтобы найти въ исторіи Россіи примѣръ подобнаго
путешествія, слѣдуетъ вернуться къ одиннадцатому вѣку.
Въ 1075 г., великій князь кіевскій Изяславъ посѣтилъ

въ Майнцѣ Генриха IV. Снова старая традиція, возобновленная Петромъ, конечно, бессознательно. Со временъ Іоанна Грознаго, уже одно только желаніе посѣтить иноземные края считалось со стороны царскихъ подданныхъ величайшей измѣной. Въ царствованіе Михаила по этому поводу князь Хворостинъ подвергся жестокому преслѣдованію. Онъ въ присутствіи друзей завелъ разговоръ о путешествіи въ Польшу и Римъ, очень для него желательномъ, «чтобы найти людей, съ которыми можно бы было поговорить». Немного позднѣе, когда сынъ наиболѣе приближеннаго совѣтчика Алексѣя, Ордынъ-Нашокинъ, тайнымъ образомъ переѣхалъ черезъ границу, возникъ вопросъ объ убійствѣ его въ чужихъ краяхъ.

Самъ Петръ не рѣшался итти настолько въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, чтобы придать своему отъѣзду officialный характеръ. Онъ позволилъ себѣ путешествіе почти украдкой, и какой-то примитивной наивностью отзываются предосторожности, принятыя имъ, чтобы обезпечить себѣ удобства инкогнито, тайну котораго онъ постоянно самъ первый нарушалъ съ своей природной горячностью. Снаряжается великое посольство, съ порученіемъ, посѣтивъ поочередно императора римскаго, королей англійскаго и датскаго, папу, Голландію, курфюрста бранденбургскаго и венеціанскую республику— всю Европу, за исключеніемъ Франціи и Испаніи, — «выразить тамъ желаніе о возобновленіи старинныхъ узъ дружбы, имѣя въ виду ослабленіе враговъ рода христіанскаго». Посланниковъ было всего трое, Лефортъ въ качествѣ перваго представителя стоялъ во главѣ своихъ союзниковъ, Головина и Возницына. Въ ихъ свитѣ значилось пятьдесятъ пять дворянъ и добровольцевъ и въ числѣ ихъ «унтеръ-офицеръ Преображенскаго полка, по имени Петръ Михайловъ» — самъ царь. За все время

путешествія, на письмахъ, адресованныхъ государю, должна была стоять краткая надпись: «передать Петру Михайлову». Все это ребячество; но вотъ трогательная подробность: печать, предназначенная для пользованія самозваннымъ унтеръ-офицеромъ во время переписки, представляла молодого плотника, окруженнаго инструментами, необходимыми при постройкѣ кораблей, кругомъ—надпись: «Мое званіе—ученикъ, и мнѣ нужны учителя».

Въ Москвѣ существовали иныя предположенія относительно дѣйствительной цѣли путешествія. Большинство думало, что царь, отправляясь за границу, намѣревается заниматься тамъ тѣмъ же, чѣмъ до сихъ поръ занимался въ Слободѣ, т.-е. ѣдетъ для забавы. Самъ Петръ предвидѣлъ ли въ то время обширные горизонты, раскрывшіеся благодаря его поѣздки? Сомнительно. Проѣзжая по Лифляндіи, онъ правда уже поговаривалъ о намѣреніи обрѣзать бороды и укоротить полы одежды своихъ подданныхъ*), но судя по лицамъ и платью его спутниковъ можно было думать, что это пустыя слова. Лефортъ одѣвался по татарски, а рядомъ съ нимъ молодой князь Имеретинскій щеголялъ въ великолѣпномъ персидскомъ нарядѣ.

Вообще, съ самаго начала, ни съ русской, ни съ европейской точки зрѣнія, путешествіе не имѣло той важности, какую впоследствии придали ему событія. Оно не обратило на себя особаго вниманія. Въ этомъ отношеніи мнѣ, къ сожалѣнію, приходится разрушить еще одну лишнюю легенду, любовно взлелѣянную народнымъ тщеславіемъ. Въ Россіи уже привыкли къ мысли о скитаніяхъ государя или вѣрнѣе отвыкли совсѣмъ его видѣть; въ Европѣ умы были заняты въ другомъ направленіи. Чась, выбранный

*) Бломбергъ, *An account of Livonia*, Лондонъ 1795 г.

Петромъ, чтобы завязать знакомство со своими западными сосѣдями и представить себя ихъ любопытствующимъ взорамъ, былъ для нихъ полонъ торжественности. Предстоялъ конгрессъ Росвикскаго мира. Все вниманіе дипломатіи, торговли, умственныхъ интересовъ было направлено въ ту сторону. Приведу лишь одно доказательство: въ французскихъ архивахъ хранится восемь томовъ, заключающихъ переписку Людвига XIV съ уполномоченными, обязанными въ 1697 г. защищать его интересы предъ лицомъ великаго дипломатическаго собранія. Ручаюсь, что имя Петра упоминается тамъ не болѣе одного раза, да и то мимоходомъ. Прервавъ свои труды и научныя работы, царь изъ Амстердама отправился въ Гаагу, гдѣ для него готовилась официальная встрѣча. Уполномоченные сообщаютъ объ этомъ фактѣ, и тѣмъ дѣло кончается. Долгіе мѣсяцы они были его близкими сосѣдями, — они, засѣдая въ Дельфтѣ, онъ, работая въ Амстердамѣ, — и повидимому не подозрѣвалъ о его существованіи. Извѣстно ли имъ было по крайней мѣрѣ, какъ его зовутъ? Даже по поводу польскихъ дѣлъ, которыми имъ часто приходилось заниматься, они не обмольвливаются о немъ ни словомъ. Очевидно, они не предчувствовали ту роль, которую будущій союзникъ Августа II, собирався себѣ въ этомъ отношеніи присвоить.

Появленіе московскаго государя за предѣлами своей страны, вообще мало извѣстными, возбуждало интересъ только въ очень узкой сферѣ. Въ слѣдующемъ году оно послужило темой для публичнаго диспута въ Горнскомъ университетѣ. *) Ученые уже съ нѣкоторыхъ поръ начали

*) *Conjecturoe aliquot politicoe de susceptis magni Moscoviae Ducis... itineribus*. Творуніи 1698 г. (С.-Петербургская бібліотека).

заниматься Московіей. Въ Англіи Мильтонъ написалъ книгу о великомъ сѣверномъ государствѣ и породилъ цѣлую литературу, посвященную тому же вопросу. Въ Германіи Лейбницъ недавно выразилъ мнѣніе, что только русскіе въ состояніи избавить Европу отъ оттоманскаго ига. Но именно съ научнымъ міромъ Петръ Михайловъ всего болѣе стремился въ данную минуту вступить въ общеніе, и съ этой точки зрѣнія,—послѣ великаго кризиса, поставившаго Людвига XIV лицомъ къ лицу съ могущественнѣйшей коалиціей, и передъ близкимъ кризисомъ испанскаго наслѣдства, въ краткій промежутокъ затишья и успокоенія, дарованнаго Европѣ истощеніемъ Франціи,—минута была наиболѣе подходящая для путешествія по старому европейскому континенту съ научной цѣлью и для развлечения.

Назначенный на февраль 1697 г. отъѣздъ оказался отсроченнымъ раскрытіемъ заговора на жизнь царя. Во главѣ злоумышленниковъ мы встрѣчаемъ стараго знакомаго, Циклера, прежняго сторонника Софіи, изъ котораго пренебреженіе Петра создало недовольнаго. Что же касается его сообщниковъ, ихъ легко угадать: опять все тѣ же стрѣльцы! Петру предстояло, слѣдовательно, постоянно видѣть ихъ передъ собой, дышащими ненавистью и угрозами! Впрочемъ, инцидентъ былъ быстро исчерпанъ; отсѣчено нѣсколько головъ, и отъѣздъ, наконецъ, состоялся 10 марта. Но тѣнь уже омрачила радость путешествія и оставила въ душѣ молодого государя осадокъ мрачнаго злопамятства. Опять тѣ же безконечныя галлюцинаціи кровавыхъ призраковъ, витавшихъ вокругъ его колыбели.

Такъ чтожъ, пусть будетъ объявлена война, разъ они того желали! При первомъ удобномъ случаѣ счеты будутъ сведены. А пока слѣдовало держаться на сторожѣ, мечъ

отражать мечомъ, постояннымъ заговоромъ противопоставить вѣчный розыскъ, кинжалу, всегда занесенному изъ-за угла—Лобное мѣсто, надолго воздвигнутое на Красной площади. Временно этой обязанностью должны были заняться друзья и наиболѣе надежные сотрудники царя, пока, вернувшись, онъ не возметя за дѣло самъ. Но издалека онъ поощрялъ рвеніе Ромодановскаго. Въ Германіи, въ Голландіи, въ Англіи, повсюду, среди невиданныхъ зрѣлищъ, изумленія, ослѣпленія, ожидавшихъ его, за нимъ неотступно слѣдовалъ тревожный призракъ, гнетущій кошмаръ смертельныхъ опасностей, повидимому, неразлучныхъ съ его судьбой. Такимъ образомъ возродился и развился въ немъ мрачный, дикій и неумолимый духъ его предковъ, сливая блескъ распространенія цивилизаціи съ кровавой тѣнью ужасной рѣзни. вмѣстѣ съ сѣкирой онъ взялъ въ руки топоръ: онъ дровосѣкъ и палачъ.

Посольство медленно подвигалось впередъ. Поѣздъ состоялъ изъ двухсотъ пятидесяти человекъ. Въ свитѣ одного только Лефорта значилось одиннадцать дворянъ, семь пажей, пятнадцать камердинеровъ, два ювелира, шесть музыкантовъ и четыре шута. Въ Ригѣ, на шведской территоріи, приѣмъ былъ оказанъ любезный, но холодный. Губернаторъ Дальбергъ, сказавшись больнымъ, не появился. Петръ впоследствии воспользовался этимъ обстоятельствомъ и превратилъ его въ *casus belli*, указывая на личныя оскорбленія. Въ ссылкахъ на западную цивилизацію не доставало искренности. Официальнымъ образомъ его особа не могла быть затронута. Въ Ригѣ, какъ и вездѣ, послы получили приказъ принимать за смѣшную выдумку указаніе на присутствіе среди посольства молодого государя. Всѣ должны были думать, что онъ находится въ Воронежѣ и занятъ постройкой своего флота. Дальбергъ, можетъ

быть, проявилъ нѣкоторую насмѣшливость, дѣлая видъ, что вполне вѣрить такому утвержденію; а русскіе, слѣдуя склонности,—къ сожалѣнію, кажется, слѣвавшейся наслѣдственной, слишкомъ безцеремонно предъявляли свои права на черезчуръ широкое гостепріимство. Петръ собственноручно собирался набросать планъ крѣпости! Его остановили. Повидимому, на это были основанія: его отецъ осаждалъ городъ! Обиды, если онѣ существовали, были по крайней мѣрѣ обоюдными.

Дурное настроеніе путешественниковъ разсѣялось въ Митавѣ. Правившій въ то время герцогъ, Фридрихъ-Казимиръ, былъ для Лефорта стариннымъ знакомымъ. Онъ приготовилъ посольству сердечный и торжественный пріемъ. Петръ позабылъ свое инкогнито и поражалъ любезныхъ хозяевъ неожиданностью своихъ рѣчей, высмѣивая нравы, предразсудки и варварскіе законы своей страны. Западъ уже начиналъ его захватывать. Но онъ оставался еще прежнимъ причудливымъ и сумасброднымъ юношей. Въ Либавѣ онъ увидалъ въ первый разъ Балтійское море, море варяговъ, и не имѣя возможности, благодаря дурной погодѣ, продолжать свой путь, проводилъ время въ винныхъ погребкахъ въ обществѣ портовыхъ матросовъ, чокаясь и болтая съ ними, упорно выдавая себя на этотъ разъ за простаго капитана, на котораго возложено порученіе вооружить каперъ для царской службы. Вотъ онъ въ Кёнигсбергѣ, опередивъ свое посольство, предоставивъ ему совершать переѣздъ сушей, а для себя сокративъ дорогу и поплывъ напрямикъ на торговомъ суднѣ. Онъ отказывается выйти къ принцу Голштейнъ-Бекскому, посланному ему на встрѣчу курфюрстомъ бранденбургскимъ; заставляетъ судебного шкипера поклясться, что на его суднѣ нѣтъ никакого знатнаго пассажира, засиживается

тамъ до ночи и только въ десять часовъ вечера рѣшается переѣхать въ приготовленное для него помѣщеніе. Тамъ встрѣчаетъ его придворный церемоніймейстеръ, Іаковъ фонъ-Бессеръ, утонченный царедворецъ, кромѣ того поэтъ и ученый. Петръ подскакиваетъ къ нему, срываетъ съ него парикъ и отбрасываетъ въ сторону.

— Кто это?—спрашиваетъ онъ у спутниковъ.

Ему объясняютъ по мѣрѣ возможности обязанности Бессера.

— Хорошо, пускай приведетъ ко мнѣ дѣвку.

Сознаюсь, что анекдотъ, хотя приведенный историкомъ серьезнымъ и вовсе не недоброжелательнымъ *), можетъ показаться подозрительнымъ. Многочисленность подобныхъ выходокъ, повторяемыхъ легендой, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно общаго, получаемого отсюда впечатлѣнія. Ясно, что будущій преобразователь оставался пока еще молодымъ дикаремъ. На слѣдующій день онъ видѣлся съ курфюрстомъ, бесѣдовалъ съ нимъ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ, усиленно пилъ венгерское вино, но отказывался отъ посѣщенія курфюрста: онъ снова превратился въ Петра Михайлова. Потомъ спохватился и приготовилъ пріемъ, по его мнѣнію великолѣпный, сопровождаемый фейерверкомъ собственнаго изготовленія. Въ послѣднюю минуту курфюрстъ прислалъ свое извиненіе. Горе вѣстникамъ, сообщившимъ такую досадную новость, двумъ знатнымъ сановникамъ, графу фонъ-Крейзену и судѣ фонъ-Шлакену! Петръ сидѣлъ за столомъ въ обществѣ Лефорта и одного изъ шутовъ. Лефортъ держалъ трубку въ зубахъ. Царь, по видимому, пьяный, въ порывѣ нѣжности, по временамъ наклонялся къ своему любимцу и обнималъ его. Онъ при-

*) Бергманъ, *Peter der Grosse als Mensch und Regent.*

гласилъ посланныхъ сѣсть рядомъ съ собою за столъ, потомъ вдругъ, ударивъ кулакомъ по столу: «Курфюрстъ славный, но его совѣтники черти. Gehe! Gehe! (Пошли вонъ!..) Онъ вскочилъ, схватилъ одного изъ бранденбургцевъ за шиворотъ и вытолкнулъ за дверь: «Gehe! Gehe!»

Когда онъ выходилъ на прогулку въ Кенигсбергъ въ качествѣ простаго туриста, всѣ разбѣгались въ разныя стороны, чтобы не испытать на себѣ его остроумія, богатаго не особенно пріятными выходками. Повстрѣчавшись съ придворной дамой, онъ остановилъ ее рѣзкимъ движеніемъ руки и раскатомъ своего громового голоса: «Halt!» Онъ взялъ часы, замѣченные у нея на корсажѣ, посмотрѣлъ который часъ, и пошелъ дальше *).

Курфюрстъ высказывалъ полную готовность радушно встрѣтить своего гостя и приготовить ему пышный пріемъ; его любви къ церемоніалу и блеску льстило присутствіе такого необычайнаго посольства, и онъ имѣлъ въ виду заключеніе оборонительнаго союза противъ Швеціи. Стоило ему это полтора ста тысячъ талеровъ: зря выброшенные деньги! Петръ уклонялся отъ разговоровъ, выслушивая ихъ разсѣяннo, далеко блуждая мыслями. Въ вопросахъ политическихъ его вниманіе, или вѣрнѣе, вниманіе его совѣтниковъ, было поглощено дѣлами польскими, гдѣ смерть Собѣсскаго выдвинула двѣ соперничавшія кандидатуры: курфюрста Саксонскаго и принца де-Конти. Петръ держалъ сторону Августа, противъ его конкурента, т. е. противъ Франціи, союзницы Турціи. Переписываясь изъ Кенигсберга съ польскими вельможами, онъ выражалъ рѣшительное намѣреніе принять участіе въ борьбѣ. Армія подъ

*) Posselt, Theiner «*Monuments historiques*, Nermann, Geschichte Russlands.

предводительствомъ Ромодановскаго двинется къ границамъ Лифляндіи. Онъ уже грозилъ!

Посольство задержалось въ Кенигсбергѣ въ ожиданіи событій, чѣмъ Петръ воспользовался, чтобы удовлетворить свое настойчивое любопытство, ненасытную потребность знаній. Иногда ему приходили очень странныя фантазіи, въ родѣ желанія присутствовать при казни посредствомъ колесованія; какую онъ мечталъ, повидимому, включить въ уголовное судопроизводство своей страны, чтобы внести разнообразіе въ его репертуаръ. Передъ нимъ извинились отсутствіемъ въ настоящую минуту преступника, заслужившаго подобную кару. Онъ удивился: что за нѣжность съ осужденнымъ на смерти! Почему не хотятъ воспользоваться кѣмъ-нибудь изъ его свиты *) Однако, въ то же время онъ занимался съ фельдцехмейстеромъ Штернфельдомъ и черезъ нѣсколько недѣль получилъ отъ него формальный дипломъ, которому однако напрасно придавали слишкомъ большое значеніе. Три года спустя во время пребыванія Петра въ замкѣ Бирзэ, въ Лифляндіи, вмѣстѣ съ королемъ польскимъ, оба государя, одинаковые поклонники оригинальности, развлекались стрѣльбою въ цѣль изъ пушекъ. Августъ попалъ два раза, а Петръ ни одного **).

Молодой царь въ это время уже былъ тѣмъ страннымъ человѣкомъ, съ которымъ два года спустя предстояло познакомиться европейскому міру, гдѣ онъ надолго оставилъ по себѣ удивленіе и страхъ: невѣроятно дѣятельнымъ, подвижнымъ, предприимчивымъ, обыкновенно веселымъ, полнымъ неистощимой живости и шутливости, даже добродушія, съ неожиданными припадками раздраженія, внезап-

*) Пёльница (баронъ Карлъ Людовикъ). «Записки». Берлинъ, 1791 года.

**) Устряловъ.

ными взрывами гнѣва, приступами ярости или тоски; геніальнымъ и причудливымъ, безпокойнымъ и безпокоящимъ другихъ. Однажды во время ужина у курфюрста въ низкой залѣ съ мраморнымъ поломъ, одинъ изъ слугъ уронилъ тарелку. Моментально Петръ съ дикимъ видомъ, свирѣпымъ лицомъ, обнажаетъ шпагу и принимается наносить удары, которые по счастью никого не раняютъ. Успокоившись, онъ настойчиво требуетъ наказанія виновнаго. Отъ него удается отдѣлаться, только, приказавъ отстегать плетью въ его присутствіи какаго-то бѣднягу, провинившагося въ другомъ проступкѣ *).

Въ первыхъ числахъ іюля, когда Августъ, повидимому окончательно взялъ верхъ въ Польшѣ, посольство двинулось въ дальнѣйшій путь. Вѣна была его преднамѣченной цѣлью, такъ какъ имѣлось въ виду начало переговоровъ о союзномъ договорѣ; но царскій посланникъ Нефимовъ пожелалъ взять инициативу на себя или по крайней мѣрѣ поддерживать такую видимость. Союзъ оборонительный и наступательный, по его словамъ, былъ готовъ. Съ другой стороны, Лефортъ настаивалъ на путешествіи прямо въ Голландію, хотя его весьма умѣренное рвеніе кальвиниста тутъ было не при чемъ, какъ то предполагали. Вообще случай гораздо болѣе руководилъ планомъ путешествія, чѣмъ это принято думать, и даже общимъ направленіемъ, приданномъ ему обстоятельствами.

Странно, что по пути въ Голландію Петръ не остановился въ Берлинѣ. Онъ только проѣхалъ черезъ городъ. Будущая столица великаго Фридриха показалась ему не заслуживающей особаго вниманія. Ему удалось въ другомъ мѣстѣ встрѣтиться со всѣмъ, что цѣлая Пруссія могла бы

*) Пёльльницъ, «Memoires». Свидѣтельства Пёльльница являютъ сомнительными.

ему представить наиболее привлекательного,—познакомиться въ то же время съ Германіей просвѣщенной и образованной въ ея самомъ плѣнительномъ проявленіи. Курфюрстина Бранденбургская, будущая королева, Софія-Шарлотта Прусская, не сопровождала мужа въ Кенигсбергъ она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы посѣтить свою мать, курфюрстину Софію Ганноверскую. Однако, прибытіе еще нѣсколько сказочнаго государя изъ таинственной Московіи не оставило ее вполне равнодушной. Мать и дочь считались однѣми изъ наиболее образованныхъ женщинъ своей эпохи. Предназначавшаяся прежде въ невѣсты принцу французскаго королевскаго дома, Софія-Шарлотта два года провела въ Версалѣ. Она сохранила характеръ француженки. Двадцати девяти лѣтъ отъ роду, въ данную минуту она считалась самой красивой и остроумной женщиной своей страны. Ея интимный кружокъ являлся умственнымъ центромъ. Лейбницъ принадлежалъ къ нему и передалъ ей тотъ горячій интересъ, какой возбудило лично въ немъ событіе, взволновавшее Кенигсбергъ, открывая передъ ея подвижнымъ умомъ новые горизонты, цѣлую программу занятій по этнографіи, лингвистикѣ, археологіи,—цѣлый планъ обширныхъ научныхъ изслѣдованій, для исполненія котораго, при помощи московскаго государя, роль величайшаго ученаго Германіи казалась уже предначертанной. Онъ уже изучалъ языкъ и исторію страны. Раньше онъ указывалъ на Польшу, какъ на природный оплотъ христіанства противъ варваровъ всякаго происхожденія, турокъ или русскихъ. Теперь эти слова были позабыты. Петръ, можетъ быть, и оставался варваромъ, но варваромъ съ великимъ будущимъ, и Лейбницъ радовался тому, хотя и причислялъ его къ одному разряду съ Камъ-Ки-Амалогдо-Ганомъ, китайскимъ императоромъ, и съ Ясокъ-Аджемъ-Нугбадомъ, королемъ абис-

синскимъ, его современниками, тоже—повидимому замышлявшими великія дѣла *). Софія-Шарлотта приказала присылать себѣ подробные отчеты относительно пребыванія царя въ Кенигсбергѣ. Они не внушили ей особенно выгоднаго представленія о степени культурности и воспитанности, какія можно было ожидать встрѣтить у высочайшаго путешественника; но не уменьшили ея желанія его увидать. По этому поводу она вела дѣятельную переписку съ министромъ Фуксомъ; въ маѣ 1697 г. она писала ему: «Мнѣ бы хотѣлось, чтобы его убѣдили проѣхать здѣсь, не для того, чтобы посмотреть, а чтобы показаться, и мы съ удовольствіемъ употребили бы то, что тратится на рѣдкихъ звѣрей, для такого случая». И мѣсяць спустя: «Хотя я врагъ нечистоплотности, но на этотъ разъ любопытство беретъ верхъ **).

Заинтересованный въ свою очередь, увлекаемый безъ сомнѣнія воспоминаніями, оставшимися отъ любезныхъ слободскихъ нѣмокъ, Петръ охотно согласился на встрѣчу, состоящую въ Коппенбрюге, въ великомъ герцогствѣ Целль, резиденціи герцога брауншвейгскаго. Молодой государь сначала испугался множества встрѣтившихъ его здѣсь лицъ, такъ какъ обѣ курфюрстины забыли его предупредить, что пригласили всѣхъ членовъ своего семейства. Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ избѣжать свиданія, поспѣшно покинулъ селеніе, и пришлось цѣлый часъ его уговаривать, чтобы убѣдить вернуться. Наконецъ, онъ появился въ замкѣ, но на привѣтствіе, съ какимъ обратились къ нему курфюрстины, отвѣчалъ только жестами, закрывая себѣ лицо руками и повторяя: «Ich kann nicht spre-

*) Герье. *Лейбницъ и его отношенія къ Россіи.*

**) Варнагенъ фон-Энзе, «*Leben der Königin von Preussen, Sophie-Charlotte.*»

шен»... *)—дикость, а также природная застыбчивость, въ чемъ я убѣжденъ и что подтверждается дальнѣйшимъ свиданіемъ, такъ какъ молодой государь вскорѣ стяхнулъ съ себя смущеніе и довольно быстро приручился. За ужиномъ онъ еще проявлялъ нѣкоторую неловкость, сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, не зналъ, куда дѣвать салфетку, употребленіе которой ему было неизвѣстно, и ѣлъ неопратно. Онъ заставилъ все общество просидѣть четыре часа за столомъ и пить, каждый разъ вставая, безконечное количество тостовъ за его здоровье; но несмотря на это, все-таки не произвелъ дурного впечатлѣнія. Онъ казался простымъ; при ясномъ природномъ умѣ, быстро отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы и безъ затрудненія поддерживалъ какой угодно длинный завязавшійся разговоръ. У него спрашивали, любитъ ли онъ охоту, и онъ отвѣчалъ, показывая свои руки рабочаго, покрытыя мозолями, что ему некогда охотиться! Послѣ ужина онъ согласился танцовать, попросивъ предварительно обѣихъ принцессъ показать ему примѣръ. Онъ хотѣлъ надѣть перчатки, но ихъ не оказалось въ его багажѣ. Его спутники принимали корсеты со вставленными костями своихъ дамъ за ихъ природное тѣло и громко дѣлали замѣчанія, что у нѣмецкихъ женщинъ чертовски жесткія спины. Онъ призвалъ одного изъ шутовъ, но видя, что обществу не нравятся его нелѣпныя дурачества, вооружился огромной метлой и выгналъ его вонъ. Но опять-таки, въ общемъ, онъ очаровывалъ больше, чѣмъ поражалъ. Это былъ любезный дикарь. Даже болѣе того. «Это», пишетъ курфюрстина-мать, «человѣкъ совершенно необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить себѣ какое-нибудь представленіе объ немъ, не выдавъ его». Четыре часа, проведенные за ужиномъ, не

*) Я не умѣю говорить.

показались долгими ни матери, ни дочери; обѣ просидѣли бы еще дольше, «не испытывая ни минуты скуки». Отдавая отчетъ Фуксу въ своихъ впечатлѣніяхъ, дочь заканчиваетъ свое письмо фразой, недоговоренной и весьма многозначительной: «Ну, довольно вамъ надоѣдать; но право не знаю, что дѣлать; мнѣ доставляетъ удовольствіе говорить про царя и если бы я вѣрила самой себѣ, я бы вамъ сказала еще больше, я... Остаюсь расположенной къ вамъ и готовой къ услугамъ *)».

Къ сожалѣнію Лейбницъ не присутствовалъ на праздникѣ. Онъ рассчитывалъ на проѣздъ посольства черезъ Минденъ и наскоро набросалъ планъ работъ и преобразованій, намѣреваясь представить его царю. Ему удалось увидаться только съ племянникомъ Лефорта, вѣжливо отъ него отдѣлавшимся. Петръ остался недоступнымъ: ученые, не строившіе кораблей и ничего не понимавшіе въ изготовленіи фейерверковъ, его еще не интересовали. Онъ торопился увидать родину Карштень-Брандта и Корта. По дорогѣ въ Амстердамъ, въ Шенкеншенѣ, голландскомъ пограничномъ городѣ, какая-то женщина спросила путешественниковъ, христіане ли они. Разнесся слухъ, что русскіе намѣреваются креститься въ Клевѣ.

*) Hermann. «*Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie-Charlotte*». Подробности свиданья заимствованы изъ «*Correspondance des deux princesses avec Fuchs*».

II.

Саардамъ или Заандамъ и домъ царя-плотника, теперешняя достопримѣчательность прелестнаго нидерландскаго городка, приобрѣли извѣстность только въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Посвящая пять страницъ на описаніе этого уголка въ своихъ «Мемуарахъ», написанныхъ въ 1726 г., баронъ Пелльницъ ни словомъ не упоминаетъ о знатномъ гостѣ, которому городокъ обязанъ теперь своею славою.

Разсказывая о пребываніи Петра въ Голландіи, знаменитый Вагенеръ умалчиваетъ о Саардамѣ *). Эта страничка исторіи являетъ собой любопытный примѣръ дополнительной работы народнаго воображенія. Съ исторической точки зрѣнія, какъ это удостовѣрено, большинство подробностей, относящихся къ пребыванію Петра въ окрестностяхъ Амстердама, не имѣютъ подъ собой дѣйствительной почвы. Нельзя сказать съ увѣренностью, что онъ въ самомъ дѣлѣ выстроилъ домикъ, бережно охраняющійся въ настоящее время. По Шельтема, ссылающемуся на еще неизданныя записки Нумена жилище принадлежало кузнецу, по имени Герритъ Кисту; вѣдомость мѣстной лютеранской общины называетъ другого собственника—Бой-Тійсена. Всѣ домики рабочихъ, окаймляющіе маленькій каналъ, впадающій въ заливъ, похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды; тутъ легко могла произойти путаница. Вольтеръ и его со-

*) Вагенеръ, «*Исторія Амстердама*» 1750 г. См. такъ же «*Vaderlandsche Historie*», Амстердамъ, 1757.

ревнователи, правда, шагъ за шагомъ и часъ за часомъ, прослѣдили жизнь славнаго ученика въ теченіе его легендарныхъ походовъ; они видѣли его стелящимъ себѣ постель въ убогой хижинѣ, собственноручно готовящимъ себѣ обѣдъ, устраивающимъ модель корабля, затѣмъ вѣтряной мельницы, обѣ величиной въ четыре фута. Онъ добавляетъ мачту къ судну, предназначенному для его прогулокъ, цѣлые дни проводитъ на верфяхъ, съ топоромъ или рубанкомъ въ рукахъ и, не довольствуясь такими разнообразными занятіями, посѣщаетъ лѣсопильни, прядильни, мастерскія компасовъ, слесарни; является на бумажную фабрику, беретъ инструменты для изготовленія листовъ и превосходно справляется съ этой тонкой работой. Сколько времени потребовалось ему, чтобы все это продѣлать? Около двухъ лѣтъ, отвѣчаетъ Вольтеръ *). Петръ же пробылъ въ Саардамѣ недѣлю!

Какъ онъ туда попалъ? Отчасти по игрѣ случая, а главнымъ образомъ, благодаря наивному невѣжеству, не покидавшему его за все время этого перваго путешествія по Европѣ. Саардамъ былъ тогда довольно значительнымъ центромъ корабельныхъ построекъ; тамъ насчитывалось до пятидесяти верфей; но, съ точки зрѣнія важности или совершенства работъ, эти мастерскія не выдерживали никакого сравненія съ Амстердамомъ. Разставшись въ Коппенбрюгге съ большей частью своихъ спутниковъ, въ сопровожденіи лишь десятка «добровольцевъ», Петръ, минуя большую резиденцію, направился прямо къ сосѣднему маленькому городку. Почему? Потому что среди голландскихъ плотниковъ, конечно, второстепенныхъ, съ какими онъ ра-

*) Вольтеръ самъ себѣ отчасти противорѣчитъ въ этомъ отношеніи.

боталъ въ Преображенскомъ, Переяславлѣ и Воронежѣ, лучшими оказались уроженцы Саардама. Изъ этого онъ вывелъ заключеніе, что слѣдуетъ отправиться прямо туда, а не въ какое-либо иное мѣсто, чтобы увидать хорошіе корабли и научиться ихъ строить.

Онъ остановился въ харчевнѣ; слѣдуя своей любви къ переодѣваніямъ, велѣлъ поскорѣе принести для себя и для своихъ спутниковъ платье мѣстныхъ судовщиковъ—красныя камзолы съ крупными пуговицами, короткую жилетку и широкіе штаны,—и отправился въ такомъ нарядѣ странствовать по улицамъ, заходя на верфь, заглядывая въ домики рабочихъ, къ великому изумленію жителей.

Дома эти были вполнѣ похожи на тѣ, въ какихъ Петръ привыкъ жить у себя на родинѣ; онъ облюбовалъ себѣ одинъ изъ нихъ и въ немъ поселился; купилъ *бойеръ*, маленькое парусное судно, приладилъ складную мачту—въ то время новое изобрѣтеніе,—и проводилъ время въ испытаніяхъ своего судна въ заливѣ. Въ недѣлю ему это надобло. Корабли, видѣнные ими въ водахъ или въ верфяхъ, представляли изъ себя только торговые суда, небольшой вмѣстимости, и его присутствіе внесло смуту въ мирное населіе городка, поставивъ мѣстныя власти въ затруднительное положеніе и причиняя не мало досады ему самому. Переодѣваніе очевидно никого не обмануло, пріѣздъ его былъ возвѣщенъ заранѣе, и примѣты сообщены одному изъ городскихъ жителей его родственникомъ, работавшимъ въ Россіи. «Высокаго роста; голова трясется; постоянно машетъ правой рукой; бородавка на лицѣ». Ребятишки, которыхъ онъ толкнулъ, стали бросать въ него камнями; онъ разсердился и сейчасъ же позабылъ инкогнито, весьма громко заявляя о своемъ высокомъ санѣ. Ему дали понять, что его отъѣздъ доставилъ бы большое удоволь-

ствіе, а такъ какъ въ это время его посольство прибыло въ Амстердамъ, то онъ рѣшился также направиться туда.

Недѣлю провелъ онъ въ Саардамѣ; катался тамъ на лодкѣ и ухаживалъ за трактирной служанкой, которой подарилъ пятьдесятъ дукатовъ *); но онъ поразилъ умы своими эцентричными манерами и своимъ маскараднымъ переодѣваньемъ оставилъ въ гнѣздѣ, этомъ тихомъ уголкѣ, выводокъ живописныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ впоследствии развилась легенда. Іосифъ II, Густавъ III, Великій князь Павелъ, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, Наполеонъ и Марія-Луиза въ началѣ девятнадцатаго, посѣтили жилище, — подлинное или нѣтъ, — средоточіе посмертнаго культа, запоздавашаго преклоненія. Наполеонъ, повидимому, заглянулъ сюда лишь мимоходомъ, а Марія-Луиза разразилась смѣхомъ, увидавъ убожество домика **); но Александръ I въ 1814 г. приказалъ прибить на домѣ бѣлую мраморную доску въ память прошлаго. Сопровождавшій будущаго императора Александра II поэтъ Жуковскій написалъ карандашемъ на стѣнѣ восторженные стихи, привѣтствующие колыбель Россіи подъ убогой кровлей рабочаго, и рядомъ съ портретомъ великаго человѣка, туристы читаютъ слѣдующее двустихіе:

Nichts is
den grooten man
te Klein. (Ничто не мало для великаго человѣка).

Расположенный на Кримпѣ, въ восточной части залива, довольно удаленной отъ города, домикъ—деревянный на

*) Меерманъ, «*Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand*», Нартовъ, «*Анекдоты о Петрѣ Великомъ*», «*Journal inédit de Noo-ten*», въ Утрехтской библиотекѣ. Шельтема безусловно ему довѣряетъ. Нуменъ былъ торговецъ сукнами въ Саардамѣ.

**) Шельтема, «*Anecdotes historiques sur Pierre le Grand*».

кирпичномъ фундаментѣ. Герритъ Кистъ или Бой-Тійсенъ владѣлъ имъ въ 1697 г. сообща съ одной вдовой, а послѣдняя уступила свою часть жилища Петру за плату семь флориновъ, которую тотъ забылъ уплатить. Въ этомъ отношеніи у него была плохая память. Все помѣщеніе состоитъ изъ единственной комнаты, снабженной очагомъ подъ навѣсомъ, на фундаментѣ съ деревянными наличниками, и двустворчатой дверью, и рѣшоткой изъ мѣдныхъ прутьевъ. Въ стѣнѣ углубленіе съ занавѣской — мѣсто для матраца. *Betstelle*. Лѣстница ведетъ на чердакъ. Не сохранилось никакой мебели, можетъ быть, служившей жильцу 1697 года. Императрица Елизавета купила ее и перевезла въ Россію. Домикъ, въ которомъ послѣ того жило нѣсколько поколѣній ремесленниковъ, долгое время находился въ забвеніи. Возможно, что удалось его узнать. Сводчатый навѣсъ, устроенный голландскимъ королемъ, окружаетъ и предохраняетъ теперь то, что осталось отъ этого жилища: лѣвое крыло съ двумя комнатами и чердакомъ надъ ними, на половину разрушившееся подъ развалившейся крышей. Правое крыло исчезло, такъ же, какъ очагъ. Голландское правительство недавно уступило эти реликвіи русскому правительству, принявшему для ихъ охраненія новыя мѣры, довольно обидныя для любителей старины, но можетъ быть необходимыя. Тамъ даже устроено духовое отопленіе.

Во дворцѣ Монплеизиръ въ Петергофѣ, картина голландской школы, изображающая человѣка въ красномъ камзолѣ, крѣпко обнимающаго толстую дѣвушку, долгое время считалась отголоскомъ воспоминаній, оставленныхъ великимъ мужемъ въ Саардамѣ. Полотно находится теперь въ Эрмитажѣ и безъ сомнѣнія не могло быть написано съ натуры, такъ какъ художникъ Л. И. Хоремансъ родился въ 1715 г. Нартовъ, впоследствии одинъ изъ приближенныхъ Петра,

упоминаетъ о дѣвушкѣ, согласившейся принять царя любовь, только убѣдившись взглядомъ, брошеннымъ въ кошелекъ чужеземца, что имѣетъ дѣло не съ простымъ судовщикомъ; а въ отрывкѣ письма, приведенномъ Лейбницомъ безъ указанія его происхожденія, мы читаемъ отъ 27 ноября 1697 г. слѣдующія строки: «Царь встрѣтилъ въ Саардамѣ поселянку, пришедшуюя ему по вкусу, и къ ней онъ отправляется одинъ на лодкѣ, чтобы отдаваться любви въ дни отдыха по примѣру Геркулеса» *).

Гораздо больше пользы извлекъ Петръ въ Амстердамѣ. Тамъ ожидалъ его другъ, почти сотрудникъ, городской бургомистръ, Николай Витсенъ. Посѣтивъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, авторъ знаменитой книги о восточной и южной Татаріи, переписывавшійся съ Лейффортомъ и служившій посредникомъ для его повелителя при заказахъ кораблей и другихъ покупкахъ, производимыхъ въ Голландіи, онъ не могъ не принять путешественника съ распростертыми объятіями. Витсенъ поторопился устроить Петру доступъ въ большія верфи Ост.-индской кампаніи. Отсюда начинается серьезная работа и полезное путешествіе для Петра.

Правда, онъ оставался все такимъ же, съ тѣми же причудами и странностями, гримасами и подергиваніями, продолжалъ скрываться подъ именемъ «Peter bas», мастера Петра—или «плотника Петра изъ Саардама», не откликаясь, если его называли иначе и тѣмъ еще болѣе выставляя себя на показъ. Когда его посольство отправилось въ Гаагу, гдѣ его ожидалъ торжественный пріемъ, онъ отказался присоединиться къ нему, но изъявилъ желаніе присутствовать на аудіэнціи, находясь въ смежномъ залѣ. Такъ какъ тамъ собрался народъ, онъ хотѣлъ уйти, но для этого надо было

*) Герье, *Переписка Лейбница*.

пройти через пріемный залъ, поэтому онъ просилъ представителей правительства отвернуться къ стѣнѣ, чтобы его не видать. Въ городъ онъ прибылъ въ одиннадцать часовъ вечера; въ гостиницѣ «Амстердамъ», куда его привезли сначала, онъ отказался отъ прекрасной постели, устроенной для него въ лучшей комнатѣ, и собрался лѣзть подъ крышу, чтобы выбрать себѣ тамъ маленькую каморку; затѣмъ, передумавъ, рѣшилъ искать ночлега въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ гостиница «Старый Делень», имѣла честь пріютить его у себя. Тамъ уже находился одинъ изъ его слугъ, спавшій въ углу, подостлавъ себѣ медвѣжьёю шкуру. Петръ разбудилъ его пинкомъ ноги: «Пусти меня на свое мѣсто» *).

Между Амстердамомъ и Гаагой онъ двадцать разъ останавливалъ экипажъ, чтобы измѣрить ширину моста на сваяхъ, заглянуть на мельницу, перейдя черезъ залитый лугъ, гдѣ вода доходила ему до колѣнъ, зайти въ домикъ горожанина, откуда предварительно удалили всѣхъ жильцовъ. Такимъ образомъ повсюду проявлялъ онъ свое ненасытное любопытство и причуды. Онъ чуть не искалѣчился, пытаясь остановить лѣсопилку; вѣшался на маховое колесо ткацкой фабрики, рискуя, что его зацѣпитъ одно изъ вспомогательныхъ колесъ; изучалъ архитектуру съ Симономъ Шиновутомъ изъ Лейдена; маханику съ ванъ-деръ-Гейденомъ; фортификацію съ Гохорномъ, котораго старался переманить къ себѣ на службу; книгопечатанье съ однимъ изъ братьевъ Тессингъ; анатомію съ Рюншемъ, естественную исторію съ Левенхокомъ. Онъ повелъ своихъ спутниковъ въ знаменитый анатомическій музей Бурхаава, и, видя ихъ отвращеніе передъ выставленными тамъ препаратами, заставилъ ихъ укусить зубами трупъ, пригото-

*) Шельтема.

вленный для диссекціи. Онъ научился владѣть циркулемъ пилой, рубанкомъ, а такъ же щипцами для дерганья зубовъ, увидавъ, какъ эта операція производится подъ открытымъ небомъ, среди площади. Онъ построилъ фрегатъ, смастерилъ себѣ кровать, устроилъ для собственного употребленія русскую баню и самъ готовилъ себѣ пищу *). Онъ также бралъ урокъ рисованія и гравированія по мѣди; посѣщалъ мастерскую Іоанны Кёртенъ Блокъ, позировалъ для портрета, который она съ него написала, расписался въ ея альбомѣ и самъ исполнилъ гравюру на доскѣ, изображающую торжество христіанской религіи надъ вѣрой Магомета **).

Во всемъ этомъ, очевидно, было больше лихорадочной торопливости, чѣмъ обдуманного прилежанія, много причудъ и даже нѣкоторая доля безумія. Познанія въ наукахъ и искусствахъ, пріобрѣтенныя Петромъ, такимъ образомъ оказались весьма смутны: «Когда похочешь дѣлать корабли», читаемъ мы въ одной изъ его учебныхъ тетрадей, относящихся къ тому времени, «перво надобенъ длину оверштевня взявъ, сдѣлать по концамъ прямые углы» ***). При всей разносторонности своего генія, наиболѣе обширнаго и всеобъемлющаго, изъ извѣстныхъ современному міру, Наполеонъ никогда не претендовалъ на роль великаго доктора или гравировщика; онъ специализировался въ своихъ практическихъ знаніяхъ. Однако, поступая такимъ образомъ, Петръ подчинялся инстинкту, его не обманывавшему: онъ удивительно подготовился къ дѣйствительной обязанности,

*) Меерманъ.

***) Шельтема, *Россія и Нидерланды*, Ф. Мюллеръ, *Essai d'une bibliographie néerlandaise-russe*, Пекарскій. *Наука и искусство въ Россіи*. Гравюра находится въ музеѣ въ Амстердамѣ.

***) Устряловъ.

ожидавшей его и заключавшейся не въ постройкѣ кораблей, мастерскихъ или дворцовъ—это всегда могутъ исполнить иноземные специалисты—но въ водвореніи цивилизаціи въ своей странѣ. Въ общемъ онъ только продолжалъ дѣло, начатое имъ при первыхъ попыткахъ разобраться среди иноземныхъ сокровищъ Оружейной Палаты, когда составлялъ спѣшную, и поэтому краткую, опись всего, что онъ собирался позаимствовать у западной культуры касательно ремеслъ, наукъ и искусствъ. Только поле его любознательности расширилось, а сообразно съ этимъ расширился также его умъ, и вмѣсто беззаботнаго ребенка, еще недавно легкомысленнаго юноши, все рѣзче выступали черты государя. Въ Переяславѣ и Архангельскѣ ему частенько случалось забывать Москву, да и всю остальную свою имперію. Уже не то было теперъ. Какъ ни далеко онъ находился отъ столицы и границы своей страны, однако требовалъ, чтобы ему сообщали о мельчайшихъ подробностяхъ, касавшихся общественной жизни, которая еще недавно находилась у него въ полномъ пренебреженіи. Онъ желалъ знать изо дня въ день все происходившее на родинѣ. А тамъ творилось многое. Примѣненіе, хотя краткое, его энергичной дѣятельности, уже принесло свои плоды. Близъ Азова строились крѣпости Алексѣя и Петра; въ Таганрогѣ—крѣпость во имя Св. Троицы и Апостола Павла. Тамъ же устраивалась гавань. На Днѣпрѣ были побѣдоносно отбиты нападенія турокъ на Казикермень и Тавань. Постройка кораблей двигалась впередъ быстрыми шагами. Шведскій король прислалъ триста пушекъ для ихъ вооруженія. Онъ не воображалъ еще, что онѣ могутъ служить противъ него самого, или, при своей храбрости, этимъ не тревожился. Августъ укрѣплялся въ Польшѣ. Петръ былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ. Онъ велъ дѣятельную переписку съ лицами,

заступавшими его мѣсто, во главѣ правительства на время его отсутствія. Ромодановскій сообщалъ ему извѣстія относительно стрѣльцовъ, а Виніусъ просилъ у него голландскихъ оружейныхъ мастеровъ. Петръ не только ихъ выслалъ, но набралъ цѣлый персоналъ,—чрезвычайно многочисленный и разнообразный,—помощниковъ въ дѣлѣ преобразования, планъ котораго все яснѣе складывался у него въ головѣ. Онъ завербовалъ искуснаго боцмана, норвежца, Корнелиуса Крюи, котораго назначилъ адмираломъ, нѣсколько капитановъ кораблей, двадцать три командира, тридцать пять лейтенантовъ, семьдесятъ два лоцмана, пятьдесятъ докторовъ, триста сорокъ пять матросовъ, четырехъ поваровъ. Для этихъ людей нуженъ былъ соотвѣтствующій матеріалъ; онъ взялъ на себя трудъ его достать и переправить: двѣсти шестьдесятъ ящичковъ, помѣченныхъ буквами П. М. (Петръ Михайловъ), были отосланы въ Москву съ грузомъ изъ ружей, пистолетовъ, пушекъ, парусовъ; циркулей, пилъ, краснаго дерева, китоваго уса, пробковаго дерева, якорей. Въ одной изъ посылокъ заключалось восемь глыбъ мрамора, предназначенныхъ очевидно для поощренія и вдохновенія будущихъ ваятелей. То готовилась академія изящныхъ искусствъ. Въ одномъ изъ ящичковъ находилось чучело крокодила. Это былъ зачатокъ зоологическаго музея *). Конечно иногда случались остановки въ этой удивительной дѣятельности; въ перепискѣ государя съ его сотрудниками происходили задержки; иногда Петръ медлилъ съ отвѣтомъ, но тотчасъ въ этомъ извинялся, не безъ смущенія, почти пристыженно; «въ томъ вина Хмѣльницкаго», русскаго Бахуса. Ученикъ Лефорта еще не бросилъ, въ этомъ отношеніи прежнихъ привычекъ ежедневнаго сотрапезника пирушекъ, устраивавшихся въ

*) Устряловъ.

Слободѣ. Но въ общемъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, пока длилось его пребываніе въ Голландіи, онъ выполнилъ громаднѣйшій трудъ.

Для этого у него имѣлась полная возможность. Вспоминая на пѣблюю недѣлю городокъ Саардамъ, въ Амстердамѣ, послѣ первыхъ минутъ удивленія, его присутствіе осталось почти незамѣченнымъ. Лишь позднѣе, великая роль, выпавшая на его долю и частыя посѣщенія Европы привлекли общественное вниманіе къ этимъ первымъ шагамъ, сравнительно мало извѣстнымъ. И тогда, застигнутая врасплохъ, не находя слѣдовъ своего героя въ сутолокѣ большого морского порта, легенда перекочевала, ища точки опоры, въ болѣе укромный уголокъ и основалась въ Саардамѣ. Непосредственное впечатлѣніе, произведенное тамъ появленіемъ Петра Михайлова и его шумныхъ спутниковъ, точно передается въ слѣдующихъ двухъ выдержкахъ изъ современной хроники.

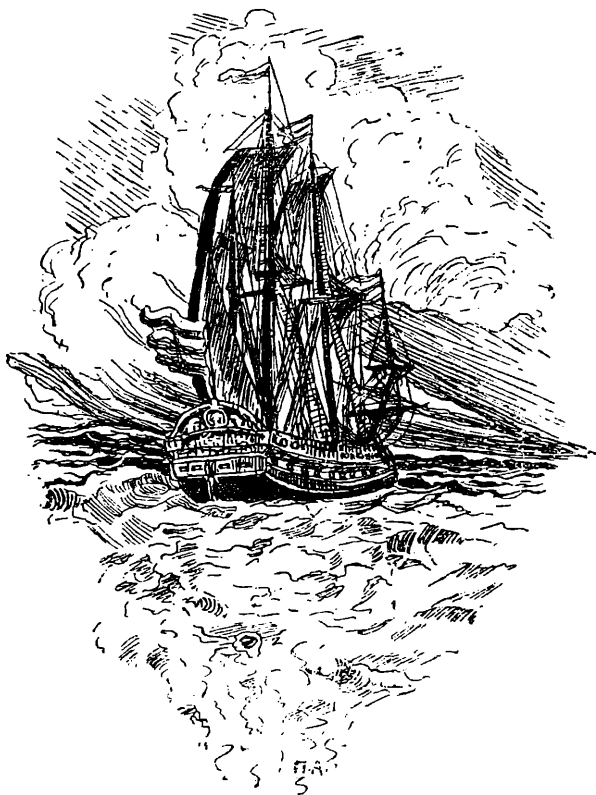
Вѣдомости Лютеранской общины Саардама пишутъ: «Онъ пріѣхалъ инкогнито въ сопровожденіи малочисленной свиты, прожилъ восемь дней въ Кримпенбургѣ, у кузнеца по имени Бой-Тійсена, потомъ отправился въ Амстердамъ, куда прибыло все его посольство. Ростомъ онъ семи футовъ, носилъ платье Саардамскаго крестьянина, работалъ на адмиралтейскихъ верфяхъ. Онъ любитель корабельныхъ сооружений».

Нумень заноситъ въ свои записки:

«Такимъ образомъ государство и нашъ маленькій городокъ Вестсаардамъ освободились и вздохнули свободно послѣ этого посѣщенія, столь знаменитаго, многочисленнаго, почетнаго, необыкновеннаго и разорительнаго»...

Одна изъ «резолуцій» Голландскихъ Штатовъ, помѣ-

ченна 15 августа 1698 г. намъ сообщаетъ, что на пріемъ посольства истрчено было сто тысячъ флориновъ. Ни въ этомъ документѣ, ни въ остальныхъ резолюціяхъ, относящихся къ пребыванію посольства въ Амстердамѣ, нигдѣ не упоминается имени Петра *).

*) Гаагскій Архивъ. Кромѣ уже указанныхъ источниковъ см. относительно пребыванія Петра Великаго въ Голландіи: А. Языковъ, *Петръ Великій въ Саардамъ и Амстердамъ*.

III.

Амстердамскіе судостроители пользовались въ семнадцатомъ столѣтіи заслуженной славой; но это была скорѣе практика, нежели ученье. Употребляемые ими приемы мѣнялись сообразно съ верфями, безъ всякой теоретической послѣдовательности, безъ всякаго осмысленнаго оправданія размѣровъ и преемственно передаваемой методы. Совершенство въ изученіи ремесла, Петръ замѣтилъ это и огорчился. Причина вещей отъ него ускользала, а слѣдовательно и возможность усвоить себѣ ихъ принципъ. Англичанинъ, съ которымъ онъ встрѣтился на дачѣ купца суконщика, Іоанна Тессинга, расхвалилъ ему въ этомъ отношеніи однородныя учрежденія своей родины: теорія тамъ стояла на одномъ уровнѣ съ практикой. Такимъ образомъ въ январѣ 1698 г. у молодого царя зародилась мысль предпринять путешествіе черезъ Ламаншъ.

Онъ уже встрѣчался съ Вильгельмомъ III въ Утрехтѣ и Гаагѣ и обезпечилъ себѣ лкбезный пріемъ. Королевская яхта явилась за нимъ въ Амстердамъ въ сопровожденіи трехъ линейныхъ кораблей. Вице-адмиралъ Митчель и маркизъ Кермартенъ—послѣдній большой оригиналъ и любитель бриндэ почти въ такой же степени, какъ Лефорть,—были прикомандированы къ особѣ царя. Неизвѣстенъ достоверно домъ, гдѣ жилъ въ Лондонѣ Петръ: одни указываютъ на № 15 въ Бѣкингамъ-Стритѣ, или Страндѣ, гдѣ въ настоящее время красуется надпись, гласящая объ этомъ событіи; другіе на Норфолькъ-Стритѣ. Войдя въ комнату,

выбранную Петромъ для себя, гдѣ онъ ночевалъ въ обществѣ трехъ или четырехъ слугъ, Король едва не почувствовалъ себя дурно: воздухъ тамъ былъ невозможный. Пришлось открыть всѣ окна, несмотря на холодъ. Однако въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, отдавая визитъ Вильгельму, Петръ обнаружилъ значительные успѣхи въ смыслѣ умѣнья держать себя въ обществѣ; онъ долго бесѣдовалъ на голландскомъ языкѣ съ королемъ, высказывалъ большую предупредительность относительно принцессы Анны, наследницы престола, и пришелъ въ такой восторгъ отъ разговора съ ней, что въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, называлъ ее: «Истинной дочерью нашей церкви». Въ кабинетѣ короля онъ заинтересовался приборомъ, указывавшимъ направленіе вѣтра, но бросилъ лишь мимолетный взоръ на сокровища искусства, наполнявшія дворецъ, и въ концѣ концовъ остался не въ выигрышѣ: впечатлѣніе, произведенное имъ здѣсь, нельзя назвать благопріятнымъ. Въ этой культурной и утонченно-изящной средѣ къ нему предъявлялись большія требованія, чѣмъ въ Коппенбрюгге. Немного позднѣе Бернетъ въ своихъ воспоминаніяхъ даже какъ будто извиняется передъ читателями за бесѣду съ ними о такой незначительной личности. «Это человѣкъ, способный управлять обширной имперіей? Сомнительно. Будущій хорошій плотникъ? Можетъ быть. Его никто не видалъ занятымъ другимъ дѣломъ, да и тутъ онъ размѣнивался на мелочи». Великій историкъ-вигъ указываетъ такимъ образомъ вѣрно на слабыя струнки поразительнаго генія, не подозревая его сильныхъ сторонъ, которыя я стараюсь освѣтить впоследствии. Кромѣ того Бернетъ передаетъ не непосредственныя впечатлѣнія; а на разстояніи они оказываются у него претерпѣвшими вліяніе той же иллюзіи перспективы, съ какою намъ уже пришлось встрѣ-

титься въ Голландіи. Петръ провель въ Англии почти столько же времени, какъ и тамъ. Такъ же занимался онъ здѣсь разнообразными вещами: со своей обычной любознательностью, точностью и практическимъ умомъ, онъ посѣтилъ всѣ общественныя учрежденія, гдѣ надѣялся почерпнуть полезныя свѣдѣнія для своихъ будущихъ твореній—монетный дворъ, обсерваторію, Королевское Общество Наукъ. Хотя онъ и не растаялъ отъ восхищенія передъ картинами Кенсингтонскаго дворца, однако позволилъ сдѣлать свой портретъ Кнеллеру, ученику Рембрандта и Фердинанда Бооля. Портретъ, сохраняющійся въ Хэмптонъ-Кортъ одинъ изъ лучшихъ, дошедшихъ до насъ. Наконецъ онъ развлекался, отдавая дань своимъ двадцати пяти годамъ, и на практикѣ знакомясь съ мѣстными нравами. Служанку изъ саардамской харчевни замѣнила актриса Гроссъ, повидимому, оставшаяся недовольной его скупостью. Но онъ рѣзко отчиталъ тѣхъ, кто вздумалъ читать ему наставленія по этому поводу: «За пятьсотъ пенни я нахожу людей, готовыхъ преданно служить мнѣ умомъ и сердцемъ; эта же особа лишь посредственно служила мнѣ тѣмъ, что можетъ дать, и что такой цѣны не стоитъ» *). Онъ вернулъ свои пятьсотъ пенни благодаря пари, которое держалъ у герцога Лейдскаго за одного гренадера изъ своей свиты, противъ знаменитаго англійскаго боксера. Изъ трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ такимъ образомъ, онъ употребилъ шесть недѣль, отдавшись въ Дептфордъ,—пригородномъ селеніи, теперь вошедшемъ въ черту столицы,—занятіямъ, какія не могъ довести до совершенства въ верфяхъ Амстердама. Онъ опять разыгрывалъ тамъ роль ученика-рабочаго, проходя по улицамъ съ топоромъ на плечѣ и отправляясь пить пиво и курить свою короткую голландскую трубку въ кабачекъ, сохранившій до

*) Нартовъ. Выраженіе, употребленное тамъ еще рѣзче.

1808 г. название «Царской таверны», и портретъ царя вмѣсто вывѣски. Такимъ образомъ создавалась для легенды новая пища, которой та не преминула воспользоваться; и благодаря этому Бернетъ утратилъ свою обыкновенно столь ясную точку зрѣнія и точную память.

Что касается жилища, гдѣ Петръ помѣщался въ Дептфордѣ, то оно случайнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію: его подлинность удостовѣрена судебнымъ порядкомъ. Вернувшись въ свой домъ, уступленный московскому государю, владѣлецъ, адмиралъ Джонъ Эвелинъ, нашелъ его въ такомъ видѣ, словно тутъ самъ Батый войной прошелъ: дверь и окна были выбиты или сожжены, обои ободраны или испачканы, цѣнныя картины безслѣдно исчезли, а рамы поломаны на куски. Онъ потребовалъ и получилъ отъ казны вознагражденіе за понесенные убытки *). Теперь наполовину разрушенный, окруженный доками, занятый полиціей и счетнымъ бюро, домъ, называемый Сеисъ-кортъ, тѣмъ не менѣе сохранилъ воспоминаніе о славномъ гостѣ, которому служилъ пріютомъ. Ведущая къ нему улица носитъ название Czars-Street.

Петръ серьезно работалъ въ Дептфордѣ подъ руководствомъ знаменитаго Антона Дина, противъ отца котораго возставали за то, что онъ отправился во Францію для изученія тамъ кораблестроительнаго искусства. Въ письмѣ отъ 4 марта 1698 г. по поводу буйства, произведеннаго въ Москвѣ однимъ изъ его временныхъ замѣстителей въ состояніи опьяненія, Петръ говоритъ съ ноткой грустнаго сожалѣнія: «Здѣсь мы не рискуемъ натворить что-либо подобное, безъ отдыха предаваясь занятіямъ». Но даже въ Дептфордѣ царь не погрузился всецѣло въ плотничье ремесло

*) Шубинскій, «Историческіе очерки».

и не отдался исключительно своей страсти къ навигаціи; онъ, какъ ранѣе въ Голландіи, разнообразилъ свои труды и заботы и продолжалъ вербовку своихъ будущихъ сотрудниковъ: рабочихъ и мастеровъ для уральскихъ рудниковъ, инженеровъ для прорытія соединительнаго канала между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, черезъ Волгу и Донъ; вель переговоры съ маркизомъ Кермартепомъ относительно предоставленія группѣ англійскихъ капиталистовъ монополіи на русскій табакъ за довольно умѣренную сумму въ сорокъ восемь тысячъ рублей, которая понадобилась царю для возстановленія шаткаго бюджета своего посольства. Обо всемъ этомъ Бернетъ позабылъ. Зато легенда вспоминаетъ о необдѣланномъ брилліантѣ, завернутомъ въ грязную бумагу, будто бы подаренномъ Петромъ при отъѣздѣ своему августѣйшему хозяину. Уже въ Кенигсбергѣ, если вѣрить собирателямъ анекдотовъ, былъ случай съ громаднымъ рубиномъ, брошеннымъ за столомъ за корсажъ курфюрстины *), тамъ не присутствовавшей.

*) Сохе. «Travels»; Нестроевъ, «Пребываніе Петра Великаго въ Голландіи и Анліи.

IV.

Въ концѣ апрѣля Петръ возвратился въ Голландію, а оттуда отправился въ Вѣну. Просьба о помощи противъ Турціи, представленная Голландіи его послами, не встрѣтила сочувствія. Напротивъ, Генеральные Штаты намѣревались предложить Англіи посредничество между Оттоманской Портой и Австріей, чтобы дать послѣдней возможность собраться со всѣми силами и оказать отпоръ Франціи въ новой борьбѣ, угрожающе нависшей на горизонтѣ. Здоровье Карла II испанскаго слабѣло съ каждымъ часомъ. Слѣдовало отразить ударъ. Къ сожалѣнію, черезчуръ многочисленное посольство московскаго государя двигалось черепашьимъ шагомъ; ему понадобилось три недѣли, чтобы добраться до столицы Священной Имперіи. По нѣмецкимъ официальнымъ источникамъ составъ поѣзда былъ слѣдующій: 1 гофмейстеръ, 1 шталмейстеръ, 1 мажордомъ, 4 камергера, 4 шута, 6 пажей, 6 трубачей, 1 мундшенкъ, 1 поваръ, 1 гоффурьеръ, 12 лакеевъ, 6 кучеровъ и фореиторовъ, 24 камердинера, 32 гайдука, 22 упряжныхъ лошади, 32 экипажа на четверку; 4 фургона на шестерку для клади, 12 верховыхъ лошадей. За то Петръ выразилъ желаніе совершить свой вѣздъ въ столицу Леопольда только въ одиннадцать часовъ вечера и въ четвертой каретѣ, чтобы остаться совершенно незамѣченнымъ. Въ послѣднюю минуту однако весь планъ былъ разрушенъ, и дѣло приняло досадный оборотъ: все посольство и его безконечный поѣздъ потеряли цѣлый день въ предмѣстьяхъ города, не

имѣя возможности въ него проникнуть: проѣздъ былъ загороженъ проходящими войсками, не соглашавшимися пріостановиться изъ-за такихъ пустяковъ. Петръ не выдержалъ и, вскочивъ въ почтовую телѣжку въ сопровожденіи одного слуги, уѣхалъ впередъ. Однако происшествіе это привело его въ дурное расположеніе духа и лишило самообладанія. Онъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи, а все, что онъ видѣлъ въ императорской столицѣ еще усиливало это ощущеніе. Городъ очевидно производилъ на него подавляющее впечатлѣніе, полный таящейся въ немъ несокрушимой смѣси высокоомѣрнаго этикета и неприступнаго величія. Уже вошедшіе въ соглашеніе съ Голландіей и Англійей министры императора подыскивали всевозможные предлоги, чтобы отсрочить аудіенцію, просимую послами Петра. Царь рѣшился положить этому конецъ, потребовалъ личнаго свиданія съ императоромъ и встрѣтилъ сухой отказъ: «По какому праву?» «Петръ Михайловъ» получилъ тутъ первый урокъ дипломатіи и началъ понимать неудобства маскарада. Три раза онъ предлагалъ тотъ же вопросъ. Наконецъ къ нему прислали богемскаго вице-канцлера, графа Чернина: «Что вамъ угодно?» — «Видѣть императора, чтобы переговорить съ нимъ о неотложныхъ дѣлахъ». — «Какихъ дѣлахъ? Для чего же здѣсь послы вашего государства?» Бѣдный переряженный царь вынужденъ былъ взять свои слова обратно и обѣщать не поднимать разговора о дѣлахъ. Ему назначили свиданіе въ замкѣ «Фаворитъ», гдѣ онъ долженъ былъ подняться по внутренней маленькой винтовой лѣстницѣ, выходящей въ паркъ. Онъ согласился на всѣ условія. Принятый Леопольдомъ, онъ потерялся на столько, что хотѣлъ поцѣловать руку императора, передъ которымъ очевидно чувствовалъ себя такимъ маленькимъ и незначительнымъ. Нерв-

нымъ жестомъ онъ снималъ, надѣвалъ и опять снималъ свою шляпу, не рѣшаясь оставить ее на головѣ, несмотря на повторныя настоянія императора. Разговоръ длился съ четверть часа и не выходилъ за предѣлы повседневности, при чемъ Лефортъ служилъ переводчикомъ, такъ какъ Петръ не рѣшался воспользоваться своимъ плохимъ нѣмецкимъ языкомъ. Только по окончаніи аудіенціи онъ пришелъ въ себя и сразу очнувшись, проявилъ обычную веселую порывистость характера. Замѣтивъ въ паркѣ челнокъ, причаленный на маленькомъ пруду, онъ вскочилъ въ него и началъ грести, насколько хватало духу. Словно какъ школьникъ, отдѣлавшійся отъ трудного экзамена *).

Вторичнаго свиданія не произошло. Императоръ твердо рѣшилъ уважать инкогнито Петра Михайлова. На банкетѣ, послѣдовавшемъ за аудіенціей, наконецъ дарованной его посламя, молодой государь, вернувшись къ своей маніи, пожелалъ стоять за кресломъ Лефорта. Ему предоставили свободу дѣйствій. Его предложенія шли совершенно въ разрѣзъ съ окончательно установившимися намѣреніями двора, который рѣшилъ во что бы то ни стало добиваться мира съ Турціей. Однако, Петръ употреблялъ громадныя усилія, чтобы достигнуть успѣха на этомъ новомъ поприщѣ. Онъ былъ очень остороженъ въ своихъ поступкахъ, поспѣшаетъ—попрежнему въ замкѣ Фаворитъ, и почти украдкой—императрицу и принцессу царской семьи и прилагалъ всѣ старанія, чтобы казаться любезнымъ. Онъ даже рѣшился сдѣлать шагъ въ сторону господствующей церкви, подавая надежду католикамъ, какъ, впрочемъ, подавалъ ее и протестантамъ. Въ Петровъ день онъ присутствовалъ со всей своей свитой на торжественномъ богослуженіи въ церкви Иезуитовъ; выслушалъ проповѣдь, сказанную по-славянски

*) *Бумаги и переписка*, Арх. иностр. дѣлъ.

отцомъ Вольфомъ съ знаменательными словами, что «ключи будутъ второй разъ вручены другому Петру, чтобы отворить иную дверь» Онъ самъ устраивалъ и зажигалъ фейерверкъ на празднествѣ, данномъ въ этотъ самый день его посольствомъ высшему вѣнскому обществу и, по свидѣтельству царя, закончившемся отчасти на подобіе пирушекъ въ Слободѣ. «На день святыхъ Аностоловъ», писалъ онъ Виніусу, «было у насъ гостей мужского и женскаго пода больше 100 человекъ, и были до свѣта, и безпрестанно употребляли и тарара, тарара кругомъ, изъ которыхъ иные и свадьбы сыграли въ саду».

Въ свою очередь, императоръ пригласилъ пословъ на костюмированный балъ, гдѣ Петръ одѣлся въ костюмъ фрисландскаго крестьянина. Императоръ и императрица нарядились трактирщикомъ и трактирщицей. *Wirtschaft* (трактиръ) въ это время былъ въ большой модѣ, какъ въ послѣдствіи пастораль. Но маскарадъ не носилъ никакого officialнаго характера. За ужиномъ Петръ сидѣлъ между фрейлиной фонъ-Турнь, составлявшей съ нимъ пару въ костюмѣ фрисландской крестьянки, и супругой маршала фонъ-Штаренберга, наряженной швабской поселянкой. Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ отъѣздъ. Дипломатическая цѣль путешествія не удалась окончательно, и въ смыслѣ научныхъ источниковъ въ Вѣнѣ для Петра не нашлось ничего, что было бы въ состояніи загладить этотъ недочетъ. Онъ предполагалъ отправиться въ Венецію для изученія новаго для него вида кораблестроенія: вельсельныхъ галеръ, которымъ суждено было играть такую роль въ будущемъ русскаго мореходства. Но увы! уже закончивъ приготовленія къ путешествію, онъ принужденъ былъ неожиданно отказаться отъ него: изъ Россіи получились тревожныя извѣстія.

«Сѣмя Милославскихъ росло», какъ выражался Петръ на своемъ образномъ языкѣ. Стрѣльцы опять подняли бунтъ. Быстро принявъ рѣшеніе, онъ направилъ свой путь не на югъ, а на востокъ. Нѣсколько дней спустя, онъ былъ уже въ Краковѣ. «Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла», писалъ онъ Ромодановскому, «однако, сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете» — и относительно того, что «сѣмя Милославскихъ растетъ», говорилъ, что «только крѣпостию можно угасить сей огонь». Однако, въ древней польской столицѣ его ожидали болѣе успокоительныя донесенія: главнокомандующій Шейнъ разбилъ мятежниковъ; Москва была внѣ опасности. Петръ нѣсколько умѣрилъ свою стремительность, остановился въ Равѣ и провелъ тамъ три дня съ Августомъ II. Исторія этого свиданія, породившаго Сѣверную войну, принадлежитъ другой главѣ. Путешествіе Петра съ научной цѣлью закончилось въ Вѣнѣ; но прежде, чѣмъ приступать къ описанію его послѣдствій, немедленныхъ или отдаленныхъ, т.-е. созданію на границахъ старой Европы новаго могущества политическаго, соціальнаго, экономическаго, и преобразования политическаго, соціальнаго, экономическаго части стараго европейскаго континента, я хочу пролить свѣтъ на орудіе такого переворота. Работа начинается, постараюсь сначала обрисовать ея творца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ,

ПЛОТЬ И ДУХЪ.

ГЛАВА I.

Внѣшній обликъ. — Черты характера.

I. Портреты кистью и перомъ.—Кнеллеръ и фонъ-Мооръ.—Сень-Симонъ.—Энергичность и нервность.—Судорожныя подергиванія.—Странности въ одеждѣ.—Манекенъ въ Зимнемъ дворцѣ.—Дѣйствительное наслѣдіе героя.—Заштопанные чулки и заплаканные башмаки.—Дубинка.—II. Характеръ.—«Жажда дѣятельности».—Аудиенція въ четыре часа утра.—Четырнадцать часовъ ежедневной работы.—Вездѣсущность и всесторонность.—Государственный дѣятель и тамбуръ-мажоръ, танцмейстеръ, пожарный, метрд'отель, докторъ.—Царь и его арабченокъ.—Национальность.—Русская лѣнь.—А все-таки Петръ сынъ своей родины.—Согласованіе физическихъ и духовныхъ явленій.—Длиныя зимы и торопливыя весны.—Періоды бездѣйствія и пробужденія лихорадочной дѣятельности.—Герои народныхъ легендъ.—III. Былъ ли Петръ храбръ?—Нарва и Полтава.—Сознаніе долга.—Противорѣчія.—Подъемъ духа и упадокъ силъ.—Непостоянство и неустойчивость въ частностяхъ, послѣдовательность и постепенность въ общемъ.—Петръ дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты.—Национальныя черты характера.—Умъ и сердце.—Безчувственность.—Настроеніе веселое и обходительное.—Проказы.—Почему онъ не пользовался любовью.—Частыя вспышки раздражительности и запальчивости.—Удары шпагой и побои тростью.—IV. Злоупотребленіе спиртными напитками.—Рѣзня въ базильянскомъ монастырѣ.—Царь пьяный.—Постоянное пьянство.—Послѣдствія.—V. Грубые нравы.—Пиръ и оргія.—Пьянство среди женщинъ.—Перворазрядная пьяница.—Богословскія слова за столомъ.—Былъ ли Петръ жестокъ?—Судья и палачъ.—Государственныя побужденія.—Идеализмъ и чувственность.—Безусловное преклоненіе передъ закономъ.

I.

Красиваго юношу изобразилъ въ 1698 году въ Лондонѣ Кнеллеръ: пріятное, мужественное лицо, съ чертами тонкими и правильными, выраженіемъ благороднымъ и гордымъ, съ блескомъ ума и красоты въ большихъ глазахъ, улыбкой на пожалуй слишкомъ крупныхъ губахъ. Отмѣчена слегка обозначенная на правой щекѣ бородавка:—одна изъ примѣтъ, присланныхъ въ Саардамъ—заставляетъ вѣрить изображенію художника. Однако, это свидѣтельство встрѣчаетъ сильныя противорѣчія. Не говоря объ ужасной восковой фигурѣ, безобразящей галерею С.-Петербургскаго Зимняго дворца, Леруа и Каравакъ льстятъ ему гораздо меньше, такъ же, какъ Даннхауеръ и самъ Карлъ фонъ-Мооръ, работой котораго Петръ остался настолько доволенъ, что въ 1717 г. выслалъ гаагскій портретъ въ Парижъ, для изображенія его на гобеленѣ. *) Портреты, исполненные въ это же время на мѣстѣ кистью Наттье и Риго, понравились царю не настолько. Дѣйствительно, они отличаются нѣкоторой поверхностностью, и не передаютъ дикое величіе оригинала, такъ рѣзко подчеркнутое Мооромъ, но какими стуженными красками! Между Кнеллеромъ и Мооромъ, надо сказать, двадцать лѣтъ,—и какой жизни!—пронеслись надъ этимъ лицомъ. Но Нумень видѣлъ великаго человѣка раньше Кнеллера, и въ его запи-

*) Ровинскій, «Словарь гравированныхъ портретовъ.» Неизвѣстно, куда дѣвался оригиналъ этого портрета.

скахъ мы находимъ слѣдующій силуэтъ, очевидно, вполне искренній: «Высокій и крѣпкій, тѣлосложенія обыкновеннаго, подвижной, живой и ловкій во всѣхъ движеніяхъ; лицо круглое съ нѣскольکو суровымъ выраженіемъ, темныя брови и волосы, коротко остриженные и курчавые... Ходитъ большими шагами, размахивая руками и держась рукой за рукоятку новаго топора». Обликъ героя исчезъ. Читаемъ дальше подъ тѣмъ же числомъ: «Въ его личности, внѣшности и манерахъ нѣтъ ничего выдающагося, указывающаго въ немъ царское происхожденіе». Это отзывъ кардинала Коллоница, примаса венгерскаго, находившагося въ Вѣнѣ во время пребыванія тамъ царя въ 1698 г., очевидца скорѣе благожелательнаго. *) Портретъ Сенъ-Симона извѣстенъ; по-моему, изъ всѣхъ портретовъ слѣдуетъ выбрать середину, потому что всѣ собранные мною современные документы сходственны въ главныхъ чертахъ. Вотъ два отрывка изъ архива Вѣд. Иностр. Дѣлъ Франціи, относящіеся къ пребыванію царя въ Парижѣ въ 1717 г.:

«Черты лица у него довольно красивыя, въ нихъ даже просвѣчиваетъ доброта, и, глядя на него, трудно повѣрить, что онъ срубаетъ головы своимъ подданнымъ, вызвавшимъ, его неудовольствіе. Онъ былъ бы очень хорошо сложенъ, если бы не такъ плохо держался; онъ горбится на ходу хуже голландскихъ матросовъ, которымъ, кажется, стараются подражать по внѣшности. У него большіе глаза, хорошо очерченные носъ и ротъ, пріятное, хотя нѣскольکو блѣдное лицо, свѣтло-каштановые, довольно короткіе волосы. Онъ часто дѣлаетъ гримасы. Привычное его движеніе смотрѣть на свою шпагу, стараясь склонить голову черезъ

*) Тейнеръ, а также «*Relation*»—*Рисунки венеціанскаго посла въ Вѣнѣ; Fontes rerum Austriacarum*».

плечо, и поднимать и вытягивать назадъ ногу. Иногда онъ вѣрочаетъ головой, словно желая углубить лицо въ плечи. Его приближенные увѣряютъ, что это судорожное подергиваніе является у него при усиленной сосредоточенности мыслей. *)

И еще:

«Царь очень высокаго роста, слегка горбится, голова обыкновенно опущена. Онъ брѣнетъ, и на лицѣ у него печать суровости; обладаетъ повидимому быстрымъ умомъ и сообразительностью; въ манерахъ есть нѣкоторая величавость, но не хватаетъ выдержанности. **)»

Разногласіе относительно цвѣта волосъ ложится на отвѣтственность парикмахеровъ, такъ какъ Петръ принялъ обычай носить парикъ, — неотъемлемое дополненіе современнаго костюма. Нѣтъ противорѣчія въ отзывахъ относительно гримасъ, судорожныхъ подергиваній, дрожащей головы, сгорбленной спины, замѣченной министрами императора въ 1698 г. — когда Петру было двадцать четыре года! — выраженія жестокости во взглядѣ. Допущенный къ цѣлованію руки Ивана и Петра во время дуумвирата обоихъ братьевъ, архіепископъ Новгородскій, Яновскій, не испыталъ никакого смущенія, приближаясь къ старшему изъ государей; но, встрѣтившись взглядомъ съ младшимъ, почувствовалъ, что колѣни подъ нимъ подгибаются. Съ тѣхъ поръ его угнетало постоянное предчувствіе, что смерть ему грозитъ отъ этой руки, до которой онъ едва коснулся помертвѣлыми губами.

«Извѣстно», сообщаетъ Штахлинъ, «что монархъ этотъ съ молодости и до самой смерти былъ подверженъ частымъ

*) «Мемуары и документы.» (Россія).

**) Деша де Либуа, высланнаго на встрѣчу царю въ Дюнкирхень, 23 ч. апрѣля 1717 г.

и короткимъ приступамъ довольно сильныхъ мозговыхъ припадковъ. Подобные припадки конвульсій приводили его на нѣкоторое время, иногда на цѣлые часы, въ такое тяжелое состояніе, что онъ не могъ выносить не только присутствія постороннихъ, но даже лучшихъ друзей. Пароксизмъ этотъ всегда предвѣщался сильной судорогой шеи съ лѣвой стороны и неистовымъ подергиваньемъ личныхъ мускуловъ. Вслѣдствіе того—постоянное употребленіе лекарствъ иногда странныхъ, вродѣ порошка, приготовленнаго изъ желудка и крыльевъ сороки. *) Вслѣдствіе этого же—привычка спать положивъ обѣ руки на плечи ординарца. **) Въ этомъ хотѣли найти источникъ недоброжелательныхъ предположеній относительно интимныхъ нравовъ государя. Но объясненіе, къ сожалѣнію, недостаточно убѣдительно.

Въ 1718 г., сидя за столомъ съ королевой прусской, Петръ принимается выдѣлывать одной рукой, въ которой держитъ ножъ,—такія рѣзкія движенія, что на Софію-Шарлотту нападаетъ страхъ, и она хочетъ встать. Чтобы успокоить, онъ схватываетъ королеву за руку, но такъ ее стискиваетъ, что королева вскрикиваетъ. Онъ пожимаетъ плечами: «У Екатерины не такія нѣжныя кости». Замѣчаніе это дѣлается имъ во всеуслышаніе. ***)

Подобныя черты болѣзненной нервности встрѣчаются такъ же у Іоанна Грознаго и пожалуй одинаковаго происхожденія: причина ихъ—слишкомъ сильныя потрясенія, испытанныя въ дѣтствѣ. Старая Русь, въ лицѣ ея представителей стрѣльцовъ, осужденная на смерть, передаетъ это наслѣдіе своему преобразователю. Но одновременно съ ядомъ,

*) Шереръ, «Анекдоты». Парижъ, 1792 г.

**) Нартовъ.

***) *Memoires de la margrave de' Baireuth.*

къ счастью, она даетъ ему и противоядіе: великое дѣло, ожидающее его трудовъ, гдѣ очистится его кровь и закалятся нервы. У Іоанна не было столь благопріятной судьбы.

Гѣмъ не менѣе Петръ по внѣшности былъ красивый мужчина очень высокаго роста—ровно 2,045 метра *),—смуглый—«такой смуглый словно родился въ Африкѣ», утверждаетъ одинъ изъ современниковъ **) крѣпкаго тѣлосложенія, величавой наружности, съ нѣкоторыми недостатками въ манерѣ держаться и досадной болѣзненностью, портящей общее впечатлѣніе. Одѣвался онъ плохо, неакуратно, поражалъ небрежностью въ одеждѣ и часто мѣнялъ платье, военное и штатское, иногда выбирая чрезвычайно странный костюмъ. Онъ совершенно былъ лишенъ чувства благопрістойности. Въ Копенгагенѣ, въ 1716 г. онъ показывался датчанамъ въ зеленой шапкѣ, съ чернымъ солдатскимъ галстукомъ на шеѣ, съ воротникомъ рубашки, застегнутымъ крупной серебряной запонкой, украшенной поддѣльными камнями, какъ носили его офицеры. Коричневый сюртукъ съ розовыми пуговицами, шерстяной жилетъ, очень узкіе коричневые штаны, толстые, заштопанные шерстяные чулки и очень грязные башмаки дополняли костюмъ ***). Онъ соглашался носить парикъ, но требовалъ, чтобы онъ былъ совсѣмъ короткимъ—и его можно было прятать въ карманъ, а собственные волосы, которые онъ забывалъ стричь, виднѣлись изъ-подъ низу. Волосы у него были очень длинные и густые. Въ 1722 г., во время похода въ Персію, почувствовавъ, что они ему мѣшаютъ, онъ велѣлъ себя остричь; но чтобы ничего даромъ не пропадало, будучи

*) Два аршина, четырнадцать вершковъ. Голиковъ. «Исторія Петра Великаго.»

**) Лувиль, «Мемуары».

***) Лундбладъ, «*Vie de Charles XII*» (нѣм. пер. Іенссенъ-Тухъ).

весьма бережливымъ, онъ приказалъ сдѣлать изъ нихъ новый парикъ: тотъ самый, что красуется на манекенѣ Зимняго дворца. Подлиннаго въ немъ только эти волосы. Восковое лицо со стеклянными глазами слѣплено по маскѣ, снятой послѣ смерти, и давленіе гипса на разлагающееся тѣло дало несообразныя выпуклости и впадины. У Петра были круглыя и полныя щеки. Только одинъ разъ надѣвалъ онъ свѣтло-голубой гродетуровый кафтанъ, вышитый серебромъ, въ которомъ здѣсь увѣковѣченъ, такъ же, какъ вышитый поясъ и пунцовые чулки съ серебряными стрѣлками: въ Москвѣ, въ 1724 г., въ день коронаціи Екатерины. Она собственными руками сдѣлала великолѣпную вышивку этого костюма, и Петръ согласился въ него нарядиться по такому случаю. Но онъ остался въ своихъ обычныхъ башмакъ, старыхъ и заплатаанныхъ. Остальныя части его одѣянія, подлинныя и изъ его дѣйствительнаго обихода, находятся въ двухъ шкафахъ по сторонамъ трона—такъ же поддѣльнаго—на которомъ сидитъ манекенъ: поношенное платье изъ тодстаго сукна, шляпа безъ галуна, продырявленная пулей подъ Полтавой, сильно заштопанныя сѣрыя шерстяныя чулки. Въ углу—знаменитая дубинка,—довольно толстая палка съ набалдашникомъ изъ слоновой кости; съ ней намъ предстоитъ еще болѣе близкое знакомство.

Приближенные государя, часто видали его неодѣтымъ: если ему было жарко, онъ, нисколько не стѣсняясь, снималъ верхнее платье. Вообще онъ не признавалъ стѣсненій.

II.

The souls joy lies in doing! *) Величайшій поэтъ сѣвера разгадалъ героя великой эпохи, образъ котораго я стараюсь воскресить, и въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ весь его темпераментъ, характеръ и даже геній. «*In Thatendrange war sein wahres Genie*» **)—сказалъ такъ же Поссельтъ. Да, его силой, его величіемъ, его успѣхомъ была эта неизсякаемая энергія, дѣлавшая изъ него и въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніяхъ самаго подвижного, неутомимаго, полнаго «жажды дѣятельности» человѣка, изъ когда-либо существовавшихъ на землѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что легенда задумала превратить его въ подкидыша, сына родителей-иностранцевъ: настолько сильно и во всѣхъ отношеніяхъ не подходитъ онъ къ той средѣ, въ которой родился! Онъ былъ свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ, а его москвичи были полны ими; они были религіозны до фанатизма, онъ—почти вольнодумецъ; они опасались всякаго новшества, онъ неустанно стремился къ всевозможнымъ нововведеніямъ; они были фаталисты, онъ—человѣкъ инициативы; они стойко держались за внѣшность и обрядность, онъ доводилъ въ этомъ отношеніи свое пренебреженіе до цинизма; и наконецъ, и въ особенности, они—вялые, лѣнныя, неподвижныя, словно застывшіе отъ зимняго холода, или заснувшіе нескончаемымъ сномъ, онъ—

*) Счастье души въ дѣятельности.

**) Въ стремленіи къ дѣятельности заключался его истинный геній.

сгорающій какъ мы видѣли, — лихорадкой дѣятельности и движенія, насильственнымъ образомъ заставляющій ихъ очнуться отъ ихъ оцѣпенѣнія и спячки ударами палки и топора.

Любопытно прослѣдить, хотя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, за графической линіей его постоянныхъ передвиженій и путешествій.

Достаточно взглянуть на оглавленіе его переписки съ Екатериной, въ числѣ двухсотъ двадцати трехъ писемъ; изданныхъ въ 1861 г. Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и на ихъ помѣтки: Лембергъ въ Галиціи, Маріенвердеръ въ Пруссіи, Царицынъ на Волгѣ, Вологда, Берлинъ, Парижъ, Копенгагенъ... Можетъ закружиться голова. То онъ въ глуши Финляндіи осматриваетъ лѣса, то на Уралѣ забирается въ рудники; то въ Помераніи принимаетъ участіе въ осадѣ, или на Украинѣ занимается разведеніемъ овецъ; то при блестящемъ дворѣ нѣмецкаго государя, гдѣ самъ является собственнымъ посломъ, то вдругъ въ Богемскихъ горахъ, въ качествѣ простаго туриста. 6 іюля мы застаемъ его въ Петербургѣ, уходящимъ въ море со своимъ флотомъ; 9-го онъ возвращается обратно въ столицу и пишетъ соболѣзновательное письмо черногорцамъ по поводу звѣрствъ, учиненныхъ въ ихъ странѣ турками, подписываетъ договоръ съ прусскимъ посланникомъ, даетъ указанія Меншикову относительно сохраненія строевого лѣса въ окрестностяхъ города; 12-го онъ въ Ревелѣ; 20-го нагоняетъ свой флотъ въ Кронштадтѣ и снова отплываетъ съ нимъ*). И такъ, изъ года въ годъ, съ начала жизни до конца. Онъ постоянно спѣшилъ. Въ экипажѣ онъ летѣлъ въ галопъ; пѣшкомъ, онъ не ходилъ, а бѣгалъ.

*) Голиковъ.

Когда, въ какіе часы онъ отдыхалъ? Довольно трудно себѣ это представить. Со стаканомъ въ рукахъ ему нерѣдко случалось засиживаться далеко за полночь, но и тутъ онъ спорилъ, толковалъ, испытывалъ своихъ собесѣдниковъ рѣзкими переходами отъ веселья къ запальчивости, шутками, выходками плохого тона и взрывами гнѣва, и назначалъ аудіенціи въ четыре часа утра! Въ 1721 г. послѣ заключенія мира со Швеціей, именно въ этотъ часъ, онъ вызвалъ къ себѣ своихъ двухъ пословъ, Остермана и Бутурлина, передъ ихъ отправленіемъ въ Стокгольмъ. Онъ принялъ ихъ въ короткомъ халатѣ, не прикрывавшемъ голыя ноги, въ толстомъ ночномъ колпакѣ, обшитымъ внутри полотенцемъ (потому что Петръ сильно потѣлъ), въ чулкахъ, опустившихся на туфли. По словамъ ординарца, онъ уже давно прогуливался въ такомъ нарядѣ, ожидая своихъ уполномоченныхъ, и сейчасъ же набросился на нихъ, закидывая ихъ вопросами, щупая ихъ во всѣхъ направленіяхъ, чтобы убѣдиться, что они твердо знаютъ свое дѣло; потомъ отпустилъ ихъ, быстро одѣлся, выпилъ стаканъ водки и поспѣшилъ на верфи *).

Даже устраиваемыя имъ развлечения, банкеты, иллюминаціи, маскарады, только прибавляли ему лишней работы, доставляли больше труда, чѣмъ отдыха, потому что онъ самъ зажигалъ фейерверки, управлялъ шествіями, играя на барабанѣ въ качествѣ тамбуръ-мажора, дирижировалъ танцами,—такъ какъ изучалъ и хореографію. Въ 1722 г. въ Москвѣ, на свадьбѣ графа Головина съ дочерью князя Ромодановскаго, онъ исполнялъ обязанности метрдотеля; а когда стало душно, приказалъ принести себѣ слесарные инструменты, чтобы выставить окно и съ полчаса во-

*) Шереръ.

зился надъ этой работой. Онъ расхаживалъ, важно держа жезлъ, эмблему своей обязанности, расшаркивался передъ молодой, стоялъ во время обѣда, присматривая за при-слугой и ѣлъ самъ послѣ *). Арабченко, состоящій при немъ въ качествѣ пажа, страдалъ солитеромъ; Петръ ввлялся самъ его выгашить и работалъ собственными пальцами **).

Вообще его любимымъ развлеченіемъ въ часы досуга являлась опять-таки работа. Вотъ почему онъ занимался гравированіемъ по мѣди и рѣзьбой изъ слоновой кости. Въ маѣ 1711 г., французскій посолъ, Балюзъ, явившись на назначенный ему приемъ въ Яворовѣ, въ Польшѣ, засталъ его въ саду въ интересномъ обществѣ: онъ ухаживалъ за любезной полькой, г-жей Сѣнявской и, вмѣстѣ съ ней держа въ рукахъ пилу и рубанокъ, строилъ лодку***).

Заставить его приостановиться или, по крайней мѣрѣ: согласиться побережь себя въ такой непомѣрной тратѣ силъ могла только болѣзнь, лишившая его возможности двигаться. И какъ онъ тогда охалъ и огорчался и извинялся передъ своими сотрудниками! Пусть они не думаютъ, «что это лѣнь съ его стороны, онъ право не въ состояніи, чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ!» И, жалуясь и раздражаясь на свое вынужденное бездѣйствіе, въ 1708 г., напр., въ жесточайшемъ приступѣ цынготной лихорадки, онъ

*) Берггольцъ, «Дневникъ»; Хмировъ, «Графиня Головкина».

**) Однажды маленькій арапъ, сопровождавшій Петра въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: государь, изъ меня кишка ползеть. Петръ подошелъ къ нему и, увидавъ въ чемъ дѣло, сказалъ: Врешь, это не кишка, а глиста!. И выдернулъ глисту своими пальцами. (Пушкинъ, *историч. анекдотъ*).

***) Депеша Балюза королю, 12 мая 1711 г.

лично распоряжается усмиреніемъ возмущенія казаковъ на Дону, снабженіемъ провіантомъ армій, построиками, воздвигающимися въ столицѣ, безконечнымъ количествомъ мелочей *).

Ни одна подробность отъ него не ускользала. Въ Архангельскѣ, на Двинѣ, онъ умудрялся осматривать каждую барку, привозившую на базаръ грубую глиняную посуду, изготовляемую въ окрестностяхъ; заглядывалъ вездѣ и повсюду, пока не провалился, наконецъ, въ трюмъ, гдѣ разбилъ вдребезги своею тяжестью цѣлый грузъ хрупкаго товара **). Въ январѣ 1722 г., въ Москвѣ, послѣ разгульной ночи, проведенной въ скитаніи въ саняхъ изъ дому въ домъ, славя Христа по мѣстному обычаю, собирая мелкія подачки и выпивая не мало стакановъ вина, пива и водки, онъ вдругъ узналъ утромъ, что въ отдаленной части города вспыхнулъ пожаръ. Онъ немедленно полетѣлъ туда и въ продолженіе двухъ часовъ работалъ, какъ пожарный, а затѣмъ опять мчался въ саняхъ, какъ бы намѣреваясь загнать лошадей. Надо замѣтить, что въ это время онъ былъ занятъ важными преобразованіями въ высшей администраціи государства; онъ работалъ надъ учрежденіемъ Сената, но тутъ же дѣлалъ распоряженія относительно похоронъ полкового майора ***).

Въ 1721 г. взявшись за редактированіе своего «Морского регламента», онъ выработалъ самъ для себя расписание своего времяпрепровожденія и точно его придерживался. По его запискамъ, письменнымъ занятіямъ отводилось четыре раза въ недѣлю по четырнадцать часовъ ежедневно; съ пяти часовъ утра до полудня и съ четырехъ часовъ

*) Голицовъ.

**) Штелинъ. *Анекдоты*.

***) Берхгольцъ. *Дневникъ*.

дня до одиннадцати вечера. И такъ продолжалось съ января по декабрь 1721 г. Рукопись «Регламента», вся написанная его рукой и покрытая помарками, хранится въ Московскомъ Архивѣ. Тамъ же находятся собственноручные черновики, доказывающіе, что наиболѣе существенная часть многочисленныхъ политическихъ документовъ, относящихся къ Сѣверной войнѣ и носящихъ подпись канцлера Головина, принадлежитъ непосредственно перу и вдохновенію Петра. Тоже надо сказать относительно большинства докладныхъ записокъ и важныхъ депешъ, подписанныхъ его обычными политическими сподвижниками: Головинымъ, Шереметьевымъ, генераломъ Вейде, и всѣхъ законодательныхъ и административныхъ работъ его царствованія: созданія арміи и флота, развитія торговли и промышленности, учрежденія фабрикъ и заводовъ, организаціи юстиціи, искорененія взяточничества среди чиновничества, основанія государственнаго казначейства. Онъ писалъ черновики, иногда по многу разъ ихъ передѣлывая, составлялъ проекты, часто въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ, что не мѣшало ему слѣдить за столовой росписью своего дома и даже своихъ родственниковъ и назначать, напримѣръ, количество и качество водокъ, доставляемыхъ его невѣсткѣ, царицѣ Прасковьѣ *).

И однако при всемъ томъ, и даже именно благодаря этому, Петръ былъ истинный сынъ своей родины и своего народа, и нетрудно поручиться за подлинность его метрическаго свидѣтельства. Онъ являлся воплощеніемъ фазиса національной жизни, въ этихъ пиротахъ, кажется, находящейся въ зависимости отъ особыхъ условій физической жизни. Полслѣ долгой, суровой зимы, неожиданно и поздно наступаетъ

*) Семевскій, «Царица Прасковья».

весна, могучимъ притокомъ растительныхъ соковъ мгновенно покрывающая землю проснувшуюся землю. Душа русскаго народа переживаетъ такія же весеннія пробужденія и взрывы жизнедѣятельности. Осуждая на бездѣліе, продолжительныя студеныя зимы дѣлають его лѣнливымъ, не изнѣживая однако, какъ жаръ Востока, напротивъ, закаляя его духъ и тѣло въ неизбежной борьбѣ съ безжалостной и неблагодарной природой. Съ возвращеніемъ солнца необходимо спѣшить, чтобы поспѣвать за торопливой работой стихій и въ нѣсколько недѣль справиться съ дѣломъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Отсюда проистекають физическія и духовныя привычки народа, а такъ же и способности его. Петръ является только его необыкновенно могучимъ олицетвореніемъ, и исключительное въ немъ— только пережитокъ дикихъ, стихійныхъ силъ, проявляющихся въ эпическихъ герояхъ русскихъ былинъ,—сверхъестественныхъ богатырей, несущихъ, словно тяжелое бремя, избытокъ мощи, которую не знаютъ къ чему примѣнить, тяготясь своею силою! Послѣ Петра появляются раскольники, которые, чтобы облегчить себя отъ этого бремени, отправляются босякомъ, раздѣтые, странствовать въ холодныя январскія ночи и катаются въ снѣгу *).

*) Соловьевъ. «Исторія Россіи».

III.

Стояла ли у Петра храбрость на одной высотѣ съ энергійей и предприимчивостью, даже склоннымъ къ авантюръ гениемъ? Онъ не искалъ опасности, какъ его противникъ—шведъ; не находилъ въ томъ удовольствія. Сначала онъ обнаруживалъ даже всѣ признаки малодушной трусливости. Всѣмъ памятно его поспѣшное бѣгство въ ночь на 8 августа 1689 г. и совсѣмъ не геройское появленіе въ Троицѣ. Тоже повторилось въ 1700 г. подъ стѣнами Нарвы. Несмотря на всѣ объясненія и самыя хитроумныя восхваленія, фактъ остается на лицо. При извѣстїи о неожиданномъ приближенїи шведскаго короля, онъ покинулъ свои войска, предоставляя начальствованіе еще неиспытанному, только что принятому на службу вождю, снабдивъ его указанїями, свидѣтельствовавшими, по мнѣнію всѣхъ компетентныхъ судей, столько же о растерянности, сколько о невѣжествѣ. «Это не солдатъ», грубо говоритъ саксонскій генераль Халларъ, увидавъ его въ эту минуту въ палаткѣ новаго вождя, принца-де-Круа «удрученнымъ и чуть не полоумнымъ», горько сѣтующимъ и пьющимъ стаканами водку, чтобы успокоиться, забывая помѣтить числомъ свои распоряженія и приказать приложить печать своей канцеляріи *). Въ своихъ запискахъ Петръ даетъ понять, что ему неизвѣстно было быстрое приближеніе Карла XII, а такая завѣдомая ложь равносильна признанію.

*) Документы, обнаруженные Германомъ въ «Исторїи Россїи».

Однако, при Полтавѣ онъ мужественно исполнялъ свой долгъ, не шадя себя въ самомъ разгарѣ битвы *). Къ этому онъ заранѣе подготовился, какъ къ тяжелому и ужасному испытанію, безъ воодушевленія, но и безъ слабости—холодно, почти печально. Не было въ немъ ни малѣйшаго признака рыцарскаго духа, и въ этомъ отношеніи онъ былъ такъ же истый русскій. Больной, лежа въ постели въ началѣ года, невеселымъ тономъ просилъ онъ Меншикова предупредить себя, когда явится увѣренность въ близости рѣшительнаго сраженія, такъ какъ «эта чаша не должна его миновать». Прийдя къ извѣстному рѣшенію, онъ не отдѣлялъ личной опасности, грозящей ему, отъ жизни всѣхъ окружающихъ, взвѣшивалъ ее съ одинаковымъ хладнокровіемъ и въ случаѣ надобности принималъ съ тѣмъ же душевнымъ величіемъ. Въ 1713 г. вице-адмиралъ Крюйсъ выразилъ желаніе, чтобы онъ не подвергалъ себя риску опасной крейсеровки, указывая на недавнюю катастрофу,—примѣръ шведскаго адмирала, пошедшаго ко дну вмѣстѣ со своимъ судномъ. Петръ написалъ на поляхъ рапорта: «Окольнічій Засѣкинъ подавился поросчымъ ухомъ... Я никому не совѣтую и не приказываю рисковать зря; но получать деньги и уклоняться отъ службы стыдно». Имъ всегда руководило чувство обязательнаго исполненія *дома* и заставляло его преодолевать крупныхъ мужественныхъ добродѣтелей и героическихъ жертвъ. Но никогда сразу ему не удавалось взобраться на вершину, и этотъ человекъ, со временемъ одинъ изъ самыхъ неустрашимыхъ, рѣшительныхъ и настойчивыхъ, подверженъ былъ быстрымъ припадкамъ отчаянія и растерянности, наступавшими въ нѣкоторыя критическія минуты. Наполеону, тоже невра-

*) Это признають даже шведскіе историки. См. Лундбладъ.

стенику, также былъ знакомъ этотъ мимолетный и вне запный упадокъ духа подъ вліяніемъ неудачи и подъемъ его, возвращавшій, вмѣстѣ съ самообладаніемъ, полное господство надъ напряженными силами и удесятиренной изворотливостью. Но у Петра такія явленія имѣли еще ярче выраженный характеръ. Узнавъ о пораженіи своихъ войскъ подъ стѣнами Нарвы, онъ переодѣлся крестьяниномъ,—конечно, чтобы легче убѣжать отъ врага, котораго уже воображалъ преслѣдующимъ себя по пятамъ,—проливалъ потоки слезъ и впалъ въ такое состояніе унынія, что никто болѣе не рѣшался упоминать при немъ о войнѣ. Онъ готовъ былъ принять самыя унижительныя условія мира *). Два года спустя мы встрѣчаемъ его подъ Нотебургомъ, небольшою крѣпостцой, которую онъ осаждалъ со всей своей арміей. Приступомъ руководить онъ лично, и не видя быстро, заранѣе обѣщаннаго себѣ успѣха, приказываетъ отступать.

— «Передайте царю, что сейчасъ я во власти не Петра, а Бога»—отвѣчаетъ подполковникъ Михаилъ Голицынъ, командиръ отряда семеновцевъ. По другимъ свидѣтельствамъ, приказъ, отданный царемъ не былъ переданъ по назначенію; но по приказу, или вопреки ему и, можетъ быть, безъ геройскихъ словъ, повторяемыхъ легендой, Голицынъ продолжалъ штурмъ и взялъ крѣпость **).

Много позднѣе, даже послѣ Полтавы, Петръ оставался неизмѣннымъ въ этомъ отношеніи, доказательствомъ чему служатъ событія у Прута, къ которымъ мнѣ еще предстоитъ возвратиться. Въ Петрѣ было почти невѣроятное сочетаніе силы и слабости, смѣшеніе основныхъ качествъ совершенно

*) Вокеродъ, можетъ быть, впадаетъ въ преувеличенье, рисуя сцену; но многочисленность тождественныхъ случаевъ мнѣ кажется убѣдительною.

**) Устряловъ.

несовмѣстимыхъ. Неразрывно связанный съ великой стезей жизни и творенія, являющихъ своимъ единствомъ и послѣдовательностью одно изъ чудесъ исторіи, въ частности онъ былъ олицетвореніемъ непостоянства и неустойчивости. Его мысли и рѣшенія мѣнялись въ зависимости отъ настроенія духа, быстро, какъ вихрь. Онъ былъ по преимуществу человекъ минутнаго впечатлѣнія. Во время его путешествія во Францію въ 1717 г., всѣ окружающіе единогласно жаловались на безпрестанныя перемѣны въ его намѣреніяхъ. Невозможно было сказать, что онъ думаетъ дѣлать завтра, ... черезъ часъ, куда онъ пожелаетъ отправиться и какъ. Нельзя было заранѣе предсказать продолжительности его пребыванія гдѣ бы то ни было, составить планъ времяпрепровожденія завтрашняго дня. Такая черта свойственна славянскому характеру, — сложному результату взаимодействія происхожденій, культуръ и вліяній различныхъ и противорѣчивыхъ, азіатскихъ и европейскихъ. Ей, пожалуй, отчасти обязанъ народъ выносливостью, необыкновеннымъ запасомъ силъ, обнаруживаемыхъ имъ при трудѣ, требующемъ продолжительнаго напряженія. Частое разряженіе отпускаетъ пружину и препятствуетъ ея порчѣ. Но это смѣшеніе гибкости и стойкости можетъ быть также индивидуальнымъ; оно встрѣчается еще у нѣкоторыхъ историческихъ соперниковъ великаго Преобразователя, точно свыше предназначенное для сбереженія ихъ силъ. Петру оно оказывало свои услуги до области наиболѣе важныхъ интересовъ включительно. Отсюда безъ сомнѣнія происходила легкость, съ какою онъ мѣнялъ свой фронтъ, обращаясь спиной къ Турціи, чтобы вернуться лицомъ къ Швеціи; отказываясь отъ проектовъ на Азовскомъ морѣ, чтобы перенестись на Балтійское, но всегда и вездѣ увлекаясь до глубины души и никогда не разбрасываясь

въ своихъ усиляхъ. А также большая легкость въ признаніи,— всегда въ мелочахъ,— ошибокъ личнаго сужденія, сдѣланной опрометчивости... Въ 1722 г., отмѣняя указъ, которымъ онъ ввелъ въ Сенатъ,— собраніе законодательное,— представителей коллегій административныхъ, онъ безъ дальнихъ околичностей, называлъ указъ «мѣрой неосмотрительной». Но это не мѣшало ему въ другихъ случаяхъ твердо стоять на своемъ, противъ всеобщаго мнѣнія и чьеголибо вліянія, наперекоръ всѣмъ и всему. Никто не умѣлъ такъ настойчиво хотѣть и заставлять себѣ повиноваться. Надпись: «*Facta puto quaecumque jubeo*», сдѣланная однимъ изъ читателей Овидія на медали въ память великихъ событій его царствованія, могла бы служить для него наиболѣе подходящимъ девизомъ.

Надо замѣтить, что какъ въ ошибкахъ, такъ и въ минуты слабости, работалъ исключительно умъ Петра; сердце же тутъ совершенно не причесть. Въ Петрѣ не было ни малѣйшей сентиментальности. Его самое зазорное пристрастіе къ Меншикову и другимъ любимцамъ кажется просто слѣдствіемъ, можетъ быть, невѣрно сдѣланнаго разчета. Онъ ставилъ очень высоко умственный уровень нѣкоторыхъ изъ своихъ сподвижниковъ и очень низко нравственный уровень всѣхъ ихъ. Меншиковъ въ его глазахъ былъ мошенникомъ, но мошенникомъ гениальнымъ. Съ другими, не обладавшими достаточнымъ гениемъ для возмѣшенія своихъ погрѣшностей, онъ проявлялъ,— даже если они находились въ числѣ самыхъ близкихъ друзей его— большую твердость, доходившую до жестокости. Спокойно объявилъ онъ одному изъ нихъ, Андрею Виніусу, что лишаетъ его завѣдованія почтой, такъ какъ «оная у васъ была ни въ какую пользу, но только вамъ». Но это не означало лишенія благосклонности. «Буде же помнишь, что по доносу прель-

стися—слава Богу, какъ вы о себѣ, такъ мы о васъ вѣдаемъ, и дядьки нѣтъ, кто бы велъ за носъ». Утверждалъ онъ по этому случаю. Пишите: нѣтъ ли какого гнѣва за нечаемое будто отнятіе почты,—и тутъ не сама ли васъ совѣсть обличить? Другая же, которая къ году на нѣкоторое время оставлена у васъ. Сіе не въ печаль вашей милости, но вразумленія ради пишу. *)

Вообще трудно найти другой примѣръ, такой полной безчувственности. Во время процесса, сына Алексѣя, перепитіи котораго не разъ должны бы взволновать Петра, онъ сохранялъ присутствіе духа, досугъ и охоту, чтобы отдаваться безъ помѣхъ и другимъ дѣламъ, требовавшимъ полного хладнокровія, а также своимъ обычнымъ развлеченіямъ. Большое количество указовъ относительно охраненія лѣсовъ, управленія монетнымъ дворомъ, организція различныхъ промышленныхъ предпріятій, таможни, раскола, агрономіи носятъ помѣтки, совпадающія съ числами самыхъ мрачныхъ эпизодовъ ужасной судебной драмы. И въ то же время не была забыта, или пропущена ни одна изъ годовщинъ, по обычаю шумно и торжественно справляемыхъ царемъ. Банкеты, маскарады, фейерверки шли своимъ обычнымъ чередомъ.

Въ Петрѣ таился неистощимый запасъ веселости, а также широкой общительности. По нѣкоторымъ свойствамъ характера и темперамента онъ до зрѣлаго возраста оставался ребенкомъ съ наивною жизнерадостностью, потребностью въ изліяніяхъ и простотой молодости. При каждомъ, казавшемся ему счастливымъ происшествіи, онъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться своей радостью со всѣми, кого, по его мнѣнію, это могло интересовать.

*) Письмо отъ 16 апрѣля 1701 г.

Такимъ образомъ писалъ онъ сразу до пятидесяти писемъ, сообщая о побѣдахъ, далеко не первой важности, напр. о взятіи Штеттина въ 1713 г. *) Онъ былъ нетребователенъ къ удовольствіямъ, и мы видимъ его въ 1711 г. въ Дрезденѣ катающимъ на деревянныхъ лошадахъ, покрывающимъ: «Живѣй! Живѣй!» и смѣющимся до слезъ, когда быстрота вращенія выбиваетъ изъ сѣдла нѣкоторыхъ его спутниковъ **). Въ 1721 г., среди народныхъ увеселеній, сопровождавшихъ заключеніе Ништадскаго мира, онъ имѣлъ видъ отпущеннаго на свободу школьника, прыгалъ и жестикулировалъ въ толпѣ, вскакивалъ на столы и распѣвалъ во все горло. Онъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни любилъ шутить и поддразнивать, увлекаясь грубыми проказами, всегда готовый къ шалостямъ. Въ 1723 г. онъ приказывалъ бить набатъ среди ночи, поднималъ съ постелей всѣхъ жителей Петербурга—пожары тамъ были частые и опустошительные,—и не помнилъ себя отъ радости, когда они легли въ ужасъ по направленію предполагаемаго несчастья а, прибѣжавъ на площадь, видѣли солдатъ, разложившихъ костеръ по приказанію царя и встрѣчавшихъ ихъ со смѣхомъ словами: «Первое Апрѣля!» ***). Однажды, сидя за столомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, Петръ расхваливалъ цѣлебныя свойства Олонецкихъ водъ, которыми пользовался уже нѣсколько лѣтъ. Бассевицъ, министр герцога, выразилъ желаніе тоже ихъ испробовать. Его прервалъ ударъ кулакомъ по толстой и круглой спинѣ: «Ну, вотъ еще, наливать воду въ бочку!» Но Бассевицъ настаивалъ, говоря, что: «Венера заставляетъ его предпочитать воду вину». И Петръ разразился смѣхомъ ****).

*) Голиковъ.

***) *Archiv für Sächsische Geschichte.*

****) Бергхольцъ, *Журналъ.*

****) Тамъ же.

Какимъ же образомъ при такой простотѣ обращенія онъ скорѣе внушалъ страхъ, чѣмъ привязанность? Почему смерть его явилась освобожденіемъ для окружающихъ, концомъ томительнаго кошмара, режима ужаса и принужденія? Прежде всего это зависѣло отъ его привычекъ, носившихъ отпечатокъ общества, среди котораго онъ вращался съ дѣтства, и занятій, которымъ всегда предавался съ наибольшимъ удовольствіемъ. Къ строгости русскаго «барина» онъ присоединилъ грубость голландскаго матроса. Но кромѣ того онъ былъ вспыльчивъ и часто выходилъ изъ себя, такъ же, какъ поддавался малодушію,—все по той же причинѣ, благодаря тому же главному недостатку своего душевнаго строя: отсутствію самообладанія. Энергія воли часто оказывалась у него безсильной противъ стремительнаго натиска темперамента. Всегда встрѣчая себѣ должное повиновеніе среди окружающихъ, случалось, что она являлась безсильной противъ внутренней неурядицы его наклонностей и страстей. Слишкомъ рабская угодливость приближенныхъ еще болѣе способствовала развитію въ Петрѣ этой природной черты. «Онъ никогда не отличался особенно вѣжливымъ нравомъ», замѣчаетъ саксонскій посланникъ. Лефортъ заноситъ въ своихъ запискахъ въ маѣ 1721 г. «Но день ото дня онъ становится невыносимѣе; счастливъ тотъ, кому не приходится быть около него *). «Разница небольшая. Въ сентябрѣ 1698 г. среди банкета, устроеннаго въ честь посла императора Гуаріента, царь вспылилъ на генералиссимуса Шеина по поводу нѣкоторыхъ повышеній въ арміи, по его мнѣнію несправедливыхъ; онъ застучалъ обнаженной шпагой по столу и закры-

*) Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества. Этому Лефорта не слѣдуетъ смѣшивать съ любимцемъ, рѣчь о которомъ идетъ дальше. Родство между ними вопросъ спорный.

чалъ: «Изрублю такъ на куски весь твой полкъ, а съ тебѣ прикажу содрать шкуру!» Ромодановскій и Зотовъ пытались вступиться, онъ накинулся на нихъ; у одного пальцы на рукѣ оказались на половину отрублены, другой получилъ нѣсколько ранъ въ голову. Только Лефорту—Меншикову, по свидѣтельству другихъ—удалось успокоить царя*). Но вскорѣ, ужиная у полковника Чемберса, онъ опрокинулъ того же Лефорта на полъ и топталъ его ногами, а, увидавъ на одномъ праздникѣ Меншикова, танцующаго со шпагой на боку, далъ ему такую пощечину, что у того носомъ пошла кровь**). Въ 1703 г. Петръ остался недоволенъ словами, обращенными къ нему публично голландскимъ резидентомъ и сейчасъ же выразилъ свое раздраженіе ударомъ кулака и нѣсколькими ударами шпаги плашмя***). Дѣло послѣдствій не имѣло; дипломатическій корпусъ привыкъ уже давно къ нравамъ царской столицы. Въ домѣ бароновъ Раабъ въ Эстляндіи сохраняется трость, которой Петръ, не найдя подставныхъ лошадей на сосѣдней съ замкомъ почтовой станціи, вымѣстилъ свой гнѣвъ на спинѣ замковладѣльца. Доказавъ свою невинность, баронъ получилъ позволеніе сохранить трость въ видѣ вознагражденія за напрасную обиду. Бывало и лучше. Иванъ Саввичъ Брыкинъ, предокъ знаменитаго археолога Снѣгирева, рассказывалъ, что въ его присутствіи царь *убилъ* ударами трости слугу, провинившагося въ томъ, что слишкомъ медленно снялъ передъ нимъ шапку****).

Даже съ перомъ въ рукахъ государю случалось въ раздраженіи терять чувство мѣры; напр., обрушиваясь на не-

*) Устряловъ.

***) Корбъ.

****) Депеша Балюза отъ 28 ноября 1703 г.

*****) Поповъ, «Татищевъ и его время».

счастливаго соперника Августа II, короля Лещинскаго, и обозвавъ его измѣнникомъ и «сыномъ воровки», въ письмѣ, отъ котораго трудно было ожидать, чтобы оно осталось конфиденціальнымъ *).

* Къ Мазепѣ, 24 октября 1705 г.

IV.

Злоупотребленіе спиртными напитками, къ которымъ Петръ былъ пристрастенъ, во многомъ содѣйствовало частому повторенію подобныхъ выходокъ. «Онъ не пропускаетъ ни одного дня, чтобы не напиться», утверждаетъ баронъ Пёлльницъ, рассказывая о пребываніи государя въ Берлинѣ въ 1717 г. Утромъ 11 іюля 1705 г., посѣтивъ базилянскій монастырь въ Полоцкѣ, Петръ остановился передъ статуей прославленнаго мученика ордена, блаженнаго Юсафата. Онъ изображенъ съ топоромъ, вонзившимся въ черепъ. Царь спросилъ объясненія:—«Кто замучилъ этого святого?» — «Схизматики». Этого слова достаточно было, чтобы вывести царя изъ себя. Онъ ударилъ шпагой отца Козиковского, настоятеля, и убилъ его; офицеры его свиты бросились на остальныхъ монаховъ; трое также были заколоты на смерть; два другихъ—серьезно раненные,— умерли черезъ нѣсколько дней; монастырь былъ отданъ на разграбленіе; разоренная церковь служила кладовой для царскихъ войскъ. Разказъ, немедленно посланный изъ Полоцка въ Римъ и оповѣщенный въ униатскихъ церквяхъ, сообщалъ еще новыя, ужасныя и возмутительныя подробности. Царь былъ изображенъ тамъ призывающимъ свою англійскую собаку, чтобы загрызть первую жертву; онъ, якобы приказывалъ отрѣзать груди у женщинъ, не имѣвшихъ за собой другой вины кромѣ несчастья, что присутствовали и при рѣзнѣ и были не въ силахъ скрыть своего волненія. Въ этомъ была извѣстная доля преувеличенія. Но факты, при-

веденные выше, удостовѣрены. Въ «Вѣстникѣ Шведской войны», находилось въ первоначальной редакціи царскаго секретаря Макарова слѣдующее лаконическое сообщеніе: «30 іюня (11 іюля) былъ въ униатской церкви въ Полоцкѣ и убилъ пять униатовъ, обозвавшихъ нашихъ генераловъ еретиками». Петръ подтвердилъ признаніе, собственноручно вычеркнувъ его. И всѣ свѣдѣнія относительно происшествія тождественны въ одномъ отношеніи: отправляясь въ монастырь, Петръ былъ пьянъ: онъ только что вернулся съ ночной оргіи.

Впрочемъ, вытрезвившись, онъ всегда сожалѣлъ о причиненномъ злѣ и старался его загладить. Въ этомъ отношеніи онъ былъ такъ же скоръ на раскаянье, какъ быстръ на гнѣвъ. Въ февралѣ 1703 г., изъ-подъ его пера выливаются въ запискѣ, адресованной Федору Апраксину слѣдующія многозначительныя строки: «Я какъ поѣхалъ отъ васъ не знаю: понеже былъ зѣло доволенъ Бахусовымъ даромъ; того для всѣхъ прошу, если какую кому нанесъ досаду, прощенія, а паче отъ тѣхъ, которые при прощаніи были, и да непамятуеть всякъ сей случай.»

Онъ часто пилъ не въ мѣру и требовалъ того же отъ присутствовавшихъ, имѣвшихъ честь находиться съ нимъ за столомъ. Въ Москвѣ, а позднѣе въ Петербургѣ, дипломатическій корпусъ постоянно высказывалъ свои жалобы по этому поводу: приходилось рисковать жизнью! Среди приближенныхъ царя даже женщины должны были подчиняться общему правилу, и, чтобы побудить ихъ не отставать отъ него со стаканомъ въ рукахъ, Петръ не задумывался въ выборѣ поощреній. Дочь вице-канцлера Шафировова, крещеннаго еврея, отказалась отъ чарки водки; онъ закричалъ ей: «скверное еврейское отродье, я научу тебя слушаться!» И подтвердилъ свое восклицаніе двумя увѣсистыми пощечинами.

Петръ всегда подавалъ самъ примѣръ; но таково было его богатырское сложеніе, что подтачивая постепенно здоровье, эти излишества часто не отражались ни на его внѣшности, ни на разсудкѣ, тогда какъ вокругъ него ноги не слушались и умы мутились. И этимъ обстоятельствомъ воспользовалась легенда; въ такихъ вѣчныхъ оргіяхъ, доходившихъ до извѣстной систематичности, великій мужъ видѣлъ только орудіе къ управленію государствомъ, средство проникнуть въ сокровеннѣйшія мысли своихъ соптапезниковъ. Опасный пріемъ, если допустить его возможность. Во всякой другой странѣ государь рисковалъ бы въ такой игрѣ своимъ авторитетомъ и престижемъ. И даже въ Россіи извлекаемая политическая выгода не вознаградила бы нравственнаго урона: распушенности всего общества! Мѣстные нравы до сихъ поръ сохранили этотъ отпечатокъ. Извѣстна исторія тоста: «За твое здоровье, Франція!» провозглашеннаго въ присутствіи Людовика XV, черезчуръ увлекшагося непринужденностью затянувшейся трапезы.—«Господа, вотъ король!»—возразилъ монархъ, къ которому вернулось сознание его достоинства. И больше онъ не увлекался. Петръ всегда позволялъ обращаться къ себѣ на «ты» въ подобныхъ сборищахъ, съ постоянно мѣнявшимся составомъ. Если дѣло заходило слишкомъ далеко и ему вздумывалось обратить на это вниманіе единственная мѣра наказанія, къ какой онъ прибѣгалъ, былъ громадный кубокъ водки, который виновный долженъ былъ залпомъ осушить до дна. Послѣ чего съ увѣренностью можно было предсказать конецъ его выходкамъ, такъ какъ обыкновенно онъ скатывался подъ столъ.

Слишкомъ трудно допустить во всемъ этомъ слѣдъ глубокой мысли и обдуманнаго намѣренія. Нѣтъ для того никакихъ доказательствъ. Напротивъ, можно замѣтить,

въ особенности къ концу царствованія, что частое повтореніе длительныхъ и необузданныхъ оргій, какимъ предавался царь, вредно отражались на общемъ ходѣ дѣла. «Царь уже шесть дней не выходитъ изъ своей комнаты», сообщаетъ саксонскій посланникъ Лефортъ отъ 22 августа 1724 г., «чувствуя себя нездоровымъ вслѣдствіе оргій, происходившихъ въ Царской мызѣ (теперешнее Царское Село) по поводу закладки церкви, крещенной тремя тысячами бутылокъ вина, благодаря чему задерживается поѣздка въ Кронштадтъ *). «Въ январѣ 1725 г., переговоры, завязавшіеся относительно заключенія перваго франкорусскаго союза, неожиданно пріостановились; французскій посолъ, Кампредонъ, обезпокоенный, обратился къ Остерману и наконецъ вырвалъ у него многозначительное признаніе: «Въ настоящее время невозможно бесѣдовать съ царемъ о серьезныхъ вещахъ; онъ всецѣло поглощенъ развлеченіями, заключающимися въ ежедневныхъ скитаніяхъ изъ дому въ домъ по знатнѣйшимъ семьямъ столицы въ сопровожденіи двухсотъ человѣкъ, музыкантовъ и тому подобное, распѣвающихъ на всякіе лады и угощающихся ѣдой и питьемъ на счетъ тѣхъ, кого посѣщаютъ **). Даже въ эпоху болѣе раннюю, въ наиболѣе дѣятельный и главный періодъ своей жизни, у Петра бывали такіа мимолетныя задержки, въ чемъ сказывались недостатки его первоначальнаго воспитанія. Въ декабрѣ 1707 г., когда Карлъ XII готовился къ рѣшительному походу, — завоеванію сердца Россіи, — оборона страны оставалась въ безпомощномъ состояніи, потому что царь находился въ Москвѣ и тамъ

*) Сборникъ.

***) Деша отъ 9 января 1725 г. Въ этомъ же смыслѣ письмо голландскаго резидента де Би голландскому государственному секретарю Фажелю, отъ 3-го декабря 1717 г. Гаагскій архивъ.

веселился. Меншиковъ слалъ ему курьера за курьеромъ, убѣждая прибыть въ армію; онъ оставлялъ пакеты нераспечатанными и продолжалъ празднества *). Надо сказать, что онъ быстро приходилъ въ себя и умѣлъ наверстать потраченное время. Но очевидно не съ цѣлью самовоспитанія забывалъ онъ на долгія недѣли о грозящей войнѣ съ своимъ страшнымъ противникомъ.

(* Есиповъ. *Біографія Меншикова.*

V.

Грубые нравы, естественно, шли рука объ руку съ кабацкими привычками. Въ обществѣ женщинъ, которое Петръ любилъ, онъ, кажется, больше всего цѣнилъ вульгарный развратъ и въ особенности удовольствіе видѣть пьяными своихъ избранницъ. Сама Екатерина — «перворазрядная пьяница», по свидѣтельству Бассевица, и этому качеству обязана значительной долей своего успѣха. Въ торжественные дни, помы обыкновенно раздѣлялись, но Петръ сохранялъ за собой привиллегію входить въ дамскій залъ, гдѣ царица предсѣдательствовала за пиршествомъ и употребляла всѣ усилія, чтобы развеселить повелителя любимымъ зрѣлищемъ. Но на собраніяхъ болѣе тѣсныхъ, трапеза бывала совмѣстная и заканчивалась совершенно въ сарданапаловскомъ духѣ. Духовенство также занимало видное мѣсто на этихъ банкетахъ и не получало пощады. Напротивъ, Петръ очень любилъ сосѣдство представителей духовенства, чередуя самыя обильныя возліянія съ самыми неожиданными богословскими спорами и примѣняя въ видѣ наказанія обычный кубокъ водки за нетвердость въ догматахъ, если ему удавалось въ томъ изловить своего собесѣдника. Послѣ чего пренія часто заканчивались дракой къ его большому удовольствію. Его любимые собутыльники, капитаны кораблей и голландскіе купцы, еще не составляли низшихъ слоевъ общества, съ которыми онъ пировалъ и выпивалъ запросто. Въ Дрезденѣ, въ 1711 г., въ гостиницѣ «*Goldener Ring*» его излюб-

ленное мѣстопробываніе было въ лакейской; онъ завтракалъ съ прислугой на дворѣ.

Не было въ немъ ничего утонченнаго, изысканнаго. Въ Амстердамѣ, во время своего перваго путешествія, онъ приходилъ въ восторгъ отъ знаменитаго клоуна Тестье-Руна, дававшего свои представленія на площадяхъ и площадскими шутками забавлявшаго подонки населенія. Петръ хотѣлъ взять его съ собой въ Россію.

У него были мужицкіе вкусы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ до самаго конца не терялъ своей природной дикости. Былъ ли онъ жестокой дикарь? Такъ говорили. И дѣйствительно, по внѣшности, кажется, что вопросъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Однако, объ этомъ можно еще поспорить. Онъ часто присутствовалъ при пыткахъ, гдѣ работали кнутъ и дыба, и на площадяхъ во время казней, гдѣ красовались орудія самыхъ возмутительныхъ мученій. Говорятъ даже, что не всегда при этомъ онъ игралъ роль простаго зрителя. Мнѣ придется еще возвращаться къ этому обстоятельству по поводу ужасныхъ сценъ, ознаменовавшихъ собой конецъ стрѣльцовъ. Но споры, возникшіе по этому поводу, мнѣ кажутся праздными. Если Петръ иногда исполнялъ обязанности палача, что же такого? Вѣдь брался же онъ за работу матроса, или столяра, и не чувствовалъ, не могъ чувствовать разницы. Онъ былъ человѣкъ, совмѣщавшій въ себѣ больше всего обязанностей въ странѣ, гдѣ совмѣстительство въ порядкѣ вещей, и его петербургскій палачъ значитъ также въ спискѣ придворныхъ дураковъ *). Итакъ, Петръ срубалъ головы? Возможно. И находилъ въ томъ удовольствіе? Допустимо, какъ вообще во всякой работѣ, удовольствіе дѣла. Но вотъ и все. Я не

*) Семевскій, «Слово и Дѣло».

вѣрю ни одному слову изъ анекдота, рассказаннаго Фридрихомъ Великимъ Вольтеру относительно обѣда, во время котораго, въ присутствіи барона фонъ-Принцена, прусскаго посланника, царь, будто бы развлекался тѣмъ, что срубилъ головы двадцати стрѣльцамъ, осушивъ столько же стакановъ водки, и предлагалъ пруссаку послѣдовать своему примѣру *). Такимъ образомъ вокругъ каждой черты этого характера и каждой главы этой исторіи существуетъ множество рассказовъ, которые слѣдуетъ отбросить à priori, только по причинѣ ихъ явной неправдоподобности. Тутъ могутъ возникнуть сомнѣнія. Я уже ссылался на свой обычный путеводный огонекъ: согласованіе данныхъ, хотя и рознящихся въ подробностяхъ, но дающихъ общую картину, точную и опредѣленную. Вообще я не вижу ничего, что указывало бы въ характерѣ Петра на признакъ истиннаго звѣрства: жестокаго наслажденія причиняемыми страданіями, страсти крови. Въ немъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака садизма, ни даже обыкновенныхъ проявленій кровожадности. Онъ суровъ, жестокъ и безчувственъ. Страданіе въ его глазахъ такое же явленіе, какъ болѣзнь, или здоровье, и нисколько его не трогало. Поэтому его не трудно себѣ представить, по словамъ легенды, преслѣдующимъ осужденныхъ вплоть до эшафота упреками и ругательствами, издѣвающимся надъ ихъ агоніей и смертью**). Но если онъ не былъ доступенъ жалости, когда сознавалъ свою правоту, онъ былъ далеко не чуждъ ея, когда, по его мнѣнію, дѣло не затрагивало государственныхъ интересовъ. Знаменитая аксіома уголовного права, поставленная въ такую заслугу Екатеринѣ II: «Лучше помиловать десять ви-

*) Вольтеръ, «Oeuures».

***) Семевскій.

новныхъ, чѣмъ осудить на смерть одного невиннаго», не принадлежитъ къ наслѣдію, оставленному исторіей великой государыней. Петръ самъ начерталъ ее собственноручно, да еще въ воинскомъ регламентѣ *).

Правда, современники пришли къ убѣжденію, что невозможно объяснить себѣ большинство поступковъ Петра иначе, какъ удовольствіемъ, какое онъ испытывалъ, доставляя окружающимъ непріятности и даже причиняя имъ зло. Указываютъ на примѣръ адмирала Головина—бывшаго, однако, любимцемъ,—отказавшагося ѣсть салатъ, потому что не любилъ и не переносилъ уксуса. Петръ сейчасъ же влилъ ему въ ротъ большой флаконъ уксуса, рискуя его задушить **). Анекдотъ мнѣ кажется правдоподобнымъ потому, что приходится слышать много другихъ, въ такомъ же родѣ. Нѣжныя молодыя дѣвушки вынуждены были выпивать гренадерскія порціи водки, дряхлые старики—кривляться на улицахъ въ костюмахъ скомороховъ. Такія сцены повторяются ежедневно въ продолженіе всего царствованія. Но возможно и другое истолкованіе для нихъ. Петръ принялъ извѣстную манеру одѣваться, ѣсть и развлекаться, признанную имъ удобной и, потому что она была самой подходящей для него, она должна была подходить всѣмъ. Это его способъ толкованія его обязанности самодержца, его роль Преобразователя. Онъ твердо на томъ стоитъ. Отказавшись отъ уксуса, Головинъ нарушилъ смыслъ государственнаго закона и, что произошло изъ-за этого съ Головинымъ, повторялось съ другими изъ-за сыра, устрицъ, прованскаго масла. Петръ не упускалъ случая пичкать ими всѣхъ, у

*) Розенгеймъ, *«Военное законодательство въ Россіи»*. Стр. 155. см. также по этому поводу: Филипповъ, *Реформа Петра Великаго и уголовный законъ*.

**) Корбъ. *Дневникъ*.

кого замѣчалъ отвращеніе къ этимъ гастрономическимъ новшествамъ. Точно также, выбравъ для своей столицы мѣсто на болотѣ и называя ее «своимъ раемъ», онъ требовалъ, чтобы всѣ строили тутъ дома и восторгались, или по крайней мѣрѣ дѣлали бы видѣ, что восторгаются, какъ онъ.

Очевидно, Петръ не отличался большой нѣжностью чувствъ. Въ январѣ 1694 г., видя мать, опасно, даже смертельно больной, онъ досадовалъ на задержку въ Москвѣ, терялъ терпѣніе и объявилъ о своемъ отъѣздѣ. Она лежала въ агоніи въ день, назначенный имъ для отъѣзда, и, когда она умерла, то онъ спѣшилъ поскорѣе ее похоронить. Нельзя также не упомянуть о кровавомъ призракѣ Алексѣя, печальной тѣни Евдокии. Но все-таки надо принимать во вниманіе обстоятельства, неразрывно связанныя съ нравственной точкой зрѣнія человѣка и остальными чертами его облика, т.-е. неизбѣжныя роковыя послѣдствія революціоннаго періода, и характеръ царя, не выносившій никакого противорѣчія, не говоря уже о нетерпимости его политики, безгранично произвольной и самовластной. Онъ обожалъ своего второго сына, и его переписка съ Екатериной, такая нѣжная въ томъ, что ее касается, полна выраженій, свидѣтельствующихъ о постоянной заботливости о здоровьи и благополучіи двухъ его дочерей, Анны и Елизаветы, которыхъ онъ въ шутку называлъ «воровками», потому что онѣ отнимали у него время, но также величалъ «своимъ нутромъ» (Eingeweide). Каждый день онъ заходилъ къ нимъ въ классную комнату и слѣдилъ за ихъ занятіями.

Онъ не боялся войти въ келью заключеннаго, вчерашняго любимца, чтобы объявить ему, что къ своему большому сожалѣнію, принужденъ приказать его завтра каз-

нить. Такъ было съ Монсомъ, въ 1724 г. Но пока друзья казались ему достойными дружбы, онъ не только былъ внимателенъ къ нимъ, но ласковъ и привѣтливъ, даже чезуръ. Въ августѣ 1723 г. на праздникѣ годовщины основанія флота, въ присутствіи «дѣдушки» флота—англійской шлюпки, найденной въ 1688 г. въ сараѣ,—правда, подвыпивъ, онъ цѣловалъ герцога Голштинскаго въ шею, въ лобъ, въ голову,—снявъ съ него парикъ,—и даже, «въ концѣ концовъ,» сообщаетъ Берггольцъ, «въ ротъ и губы».

Всѣ эти черты не позволяютъ видѣть въ немъ, даже съ точки зрѣнія, занимающей насъ въ эту минуту, простую разновидность азіатскаго деспота. И какъ государь, и какъ частный человекъ Петръ стоитъ выше; во всякомъ случаѣ онъ представляетъ изъ себя нѣчто *иное*, во многихъ отношеніяхъ выдѣляясь изъ уровня средняго человечества, къ лучшему или къ худшему, но ни въ какомъ случаѣ не отличающагося безчеловѣчностью по наклонностямъ или обдуманно. Цѣлый рядъ указовъ за его подписью доказываютъ умъ, если не сердце, доступное мыслямъ,—если не чувствамъ,—благожелательнымъ. Въ одномъ изъ указовъ онъ принимаетъ титулъ покровителя вдовъ, сиротъ и людей беззащитныхъ *). Также со стороны разсудка слѣдуетъ искать центръ нравственной тяжести у этого большого безсознательнаго идеалиста и въ то же время большого чувственника — случай не единственный, — умѣвшаго однако, при всей необузданности своего темперамента, въ общемъ и чаще всего подчинять свои чувства всенародному закону, первымъ работъ котораго онъ себя объявилъ, думая такимъ образомъ пріобрѣсти право покорить ему всѣ воли, всѣ умы, всѣ страсти, незамѣтно, но неуклонно.

* «Собраніе законовъ».

ГЛАВА II.

Черты интеллектуальныя.—Нравственный обликъ.

I. Умственныя способности.—Мощь и эластичность.—Сравненіе съ Наполеономъ I.—Славянская воспримчивость.—Сношенія съ квакерами.—Ло.—Любознательность и жажда знаній.—Ночь, проведенная въ музеѣ.—Непослѣдовательный и рудиментарный характеръ пріобрѣтенныхъ познаній и свѣдѣній.—Дипломатія Петра.— Былъ ли онъ великимъ полководцемъ?—Отсутствіе чувства мѣры.— Смѣшеніе серьезности съ ребячествомъ.—Петръ хирургъ и дантистъ.—Учрежденія научныя и художественныя.—Петръ и аббатъ Биньонъ.—II. Ясный и пронизательный умъ.—Эпистолярный слогъ.—Отпечатокъ востока.—Проектъ возстановленія колосса Родосскаго.—Противорѣчивыя черты.—Щедрость и скряжничество.—Честность и плутовство.—Скромность и хвастливость.—Ихъ согласованіе.—Исторія и преданіе.—Рыцарскій духъ на Западѣ и византійскій духъ въ Россіи.—Жанна д'Аркъ и княгиня Ольга.—Баярдъ и св. Александръ Невскій.—Нравственность Петра.—Отсутствіе щепетильности и пренебреженіе требованіями приличія.—Причины и послѣдствія.—III. Сила и узкость взгляда.—Умственная близорукость.—Недостатокъ психологическаго чутья.—Неспособность къ отвлеченнымъ понятіямъ.—Невоспримчивость идеальныхъ сторонъ цивилизаціи.—Какимъ образомъ Петръ все таки идеалистъ.—IV. Любовь къ переодѣваніямъ.—Шутовство.—Распущенность ума или затаенная политическая мысль.—Придворные дураки.—Близость къ простонародію.—Царь веселится.—Неприличная сторона такихъ развлеченій.—Сочетаніе маскарада и серьезной жизни.—Шутъ—хранитель печати.—Диспутъ ряженыхъ сенаторовъ.—V. Ложный патріархатъ.—Его цѣль.—Папа или патріархъ?—Желалъ ли Петръ высмѣять духовенство?—Происхожде-

ніе и дальнѣйшее развитіе установленія.— Ложный папа и его конклавъ.— Странныя церемоніи и шествія.— Ряса отца Кальо.— Свадьба князь-папы.— Княгиня-игуменья.— Синтезь и объясненіе явленія.— Мѣстныя причины и чужеземныя вліянія.— Византійскій аскетизмъ и сатанинское служеніе на Западѣ.— Нравственное угнетеніе и реакція.— Оригинальность, деспотическая фантазія и стремленіе къ всеобщему уравнию.— Петръ и Іоаннъ Грозный.— Людовикъ XI и Фальстафъ.

I.

Мозгъ Петра обладалъ строеніемъ по истинѣ феноменальнымъ. Характеръ и сила его блеска невольно вызываютъ теперь сравненіе съ Наполеономъ I. Та же неутомимость въ работѣ безъ видимыхъ признаковъ усталости. Та же мощь эластичная и гибкая. То же умѣнье охватывать сразу безконечное множество вопросовъ, самыхъ разнообразныхъ, самыхъ неподходящихъ по существу, безъ замѣтнаго разсѣиванья мыслительныхъ способностей, безъ всякаго ослабленія ихъ относительно каждаго вопроса въ частности. Въ 1698 г., въ Штокерау, въ окрестностяхъ Вѣны, пока его послы спорили съ императорскими сановниками, обсуждая подробности своего торжественнаго вѣзда въ столицу, Петръ Михайловъ, постоянно вмѣшиваясь въ эти, раздражавшія его пререканія, занимался перепиской съ Виніусомъ о постройкѣ русской церкви въ Пекинѣ! Въ одномъ изъ писемъ къ адмиралу Апраксину, помѣченномъ сентябремъ 1706 г., мы находимъ рядомъ съ приказомъ относительно текущей кампаніи, указанія для перевода нѣкоторыхъ латинскихъ книгъ, совѣты по воспитанію пары щенятъ съ подробнымъ перечисленіемъ всего, что они должны изучить: I) «носить поноску, II) снимать

шляпу, III) дѣлать на караулъ, IV) прыгать черезъ палку; V) служить и просить ѣсть». 15 ноября 1720 г., въ письмѣ къ Ягужинскому, посланному съ порученіемъ въ Вѣну Петръ бесѣдуетъ съ нимъ о возвращеніи Шлезвига герцогу Голштинскому; о портретѣ дѣвушки «со свинымъ рыломъ», привезенной изъ путешествія Петромъ Алексѣевичемъ Толстымъ: гдѣ находится эта дѣвушка и нельзя ли ее увидать? О двухъ или трехъ дюжинахъ бутылокъ хорошаго токайскаго, которое ему хотѣлось бы получить; но онъ желаетъ знать цѣну и стоимость пересылки *).

Это былъ умственный очагъ, открытый для всѣхъ отраслей понятія съ развитой до крайнихъ предѣловъ способностью чисто славянской, опредѣленной Герценомъ названіемъ «воспримчивости». Вѣроятно Петръ ничего раньше не слышалъ о квакерахъ и ихъ ученія до своего пріѣзда въ Лондонъ; игрой случая онъ помѣстился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ знаменитый Вильямъ Пеннъ проживалъ въ критическую минуту своего бурнаго существованія, когда его преслѣдовали, какъ заговорщика и измѣнника. Этого было достаточно, чтобы царь вступилъ въ очень близкія сношенія съ тѣмъ же Пенномъ и другими его единовѣрцами, Томой Стори, Жильбертомъ Моллисономъ, принимая отъ нихъ брошюры и набожно выслушивая ихъ проповѣди. Десять лѣтъ спустя, прибывъ въ Фридрихштадъ, въ Голштиніи съ отрядомъ войскъ для оказанія помощи Даніи противъ Швеціи, онъ первымъ дѣломъ справился, имѣются ли въ городѣ квакеры. Ему указали мѣсто ихъ собраній, и онъ туда отправился **). Онъ не придавалъ большого значенія системѣ Ло и даже вообще фи-

*) «Документы и переписка», Голиковъ.

**) Кларксонъ, *Life of William Penn*, 1813.

нансамъ; однако, изобрѣтатель, его система и судьба, какъ только онъ съ ними познакомился, его сильно заинтересовали. Онъ переписывался съ предприимчивымъ банкиромъ, слѣдилъ за нимъ любопытнымъ взоромъ, сначала восхищеннымъ, позднѣе сострадательнымъ, но всегда благосклоннымъ, даже во время неудачъ, постигшихъ Ло *).

Какъ только рѣчь шла о томъ, чтобы что-нибудь увидеть или узнать, Петръ горѣлъ такимъ нетерпѣніемъ, что Наполеонъ можетъ показаться выдержаннымъ человѣкомъ въ сравненіи съ нимъ. Прибывъ въ Дрезденъ послѣ цѣлаго дня путешествія, совершенно измучившаго всѣхъ его спутниковъ, едва успѣвъ поужинать, онъ потребовалъ, чтобы его свели въ «Кунсткамеру», мѣстный музей; пришелъ туда въ часъ ночи, и провелъ всю ночь, удовлетворяя свою любознательность, при свѣтѣ факеловъ **). Вообще эта любознательность, какъ уже сказано, была настолько же всеобъемлюща и неутомима, насколько лишена чувства выбора и мѣры. Царица Марѳа Апраксина, вдова Θεодора, умерла въ 1715 г., пятидесяти одного года отъ роду; Петръ пожелалъ провѣрить справедливость мнѣнія, распространеннаго въ обществѣ, о болѣзненномъ состояніи покойнаго и строгихъ нравахъ покойницы. Съ этой цѣлью онъ задумалъ самъ произвести вскрытіе трупа, и, кажется, вынесъ благопріятное заключеніе относительно добродѣтели своей невѣстки ***).

Такимъ образомъ, постоянно увеличиваясь, его запасъ познаній и свѣдѣній при удивительномъ разнообразіи сохранялъ нѣкоторую непослѣдовательность и рудиментарность. Онъ хорошо говорилъ только по-русски, а по-гол-

*) Русскій Архивъ, 1874.

***) Archiv für Sächsische Geschichte.

***) Долгоруковъ. «Записки».

ландски могъ бесѣдовать лишь съ моряками и о морѣ. Въ ноябрѣ 1721 г., имѣя надобность переговорить по секрету съ Кампредономъ, проживавшимъ въ Голландіи и усвоившимъ себѣ мѣстный языкъ, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ переводчику, при чемъ выборъ оказался весьма неудачнымъ*). Дѣйствительно, Петръ совершенно не былъ знакомъ съ приемами, общеупотребительными въ западной дипломатіи; въ маѣ 1719 г., французскій резидентъ въ С.-Петербургѣ Ла Ви замѣтилъ, что онъ затѣялъ аландскіе переговоры, не потребовавъ «предварительныхъ пунктовъ», что позволило шведамъ отвѣчать ему подобными же переговорами, весьма компрометирующими и приведшими лишь къ разрыву съ союзниками. Онъ примѣнялъ къ своей иностранной политикѣ собственныя ухищренія и ухищренія своей страны,—славянское лукавство усугубленное азіатскимъ коварствомъ,—выбивая своихъ иностранныхъ партнеровъ изъ колеи свойственными ему уловками, неожиданными фамиллярностями, рѣзкостями и ласками, прерывая ихъ поцѣлуями въ лобъ, отвѣчая рѣчами, въ которыхъ они не понимали ни слова и которыя были рассчитанными на зрителей, потомъ отпуская ихъ, предупредивъ всякія объясненія **).

Онъ считался, да и до сихъ поръ считается нѣкоторыми военными историками, великимъ полководцемъ. Ему приписывались новыя и удачныя мысли относительно роли резервовъ кавалеріи, взаимопомощи разбросанныхъ частей, простоты построеній, пользованія импровизованными укрѣпленіями. Полтавская битва, какъ утверждаютъ, служить единственнымъ примѣромъ «пользованія редутами при наступленіи»,—приводившимъ въ восторгъ Морица Саксон-

*) Делеша Кампредона отъ 1-го декабря 1721 г.

***) Де Би въ Голландію, 3 мая 1712 г., Гагскій Архивъ.

скаго.—Эти редуты приписывали изобрѣтенію Петра. Онъ самъ руководилъ большинствомъ осадныхъ работъ, весьма многочисленныхъ во время Сѣверной войны, и всегда его непосредственное вмѣшательство способствовало успѣху. *) Мы не считаемъ себя достаточно компетентными, чтобы вступать въ разсужденія по этому поводу, и вполне склонны довѣриться въ этомъ отношеніи восторженному отзыву Морица Саксонскаго. Намъ останавливаетъ только краснорѣчивое свидѣтельство «Вѣстника Сѣверной войны», на который намъ уже приходилось ссылаться. Петръ, завѣдывавшій его редакціей, не блещетъ въ немъ ни какъ историкъ, но какъ стратегъ. Описанія битвъ, тамъ помѣщенные,—а больше тамъ и нѣтъ ничего,—или поразительно ничтожны, какъ напр., описаніе битвы подъ Нарвой, или когда вдаются въ подробности, изобилуютъ явными неточностями. Трудно спорить. Можетъ быть, великій человѣкъ и дѣйствительно изобрѣлъ редуты, оказавшіеся такъ кстати при Полтавѣ; но всѣмъ извѣстно, что самъ онъ тамъ удовлетворился командованіемъ полкомъ, предоставляя, какъ всегда, общее начальство своимъ генераламъ. Онъ приложилъ извѣстное стараніе къ изученію военно-инженернаго искусства и заботился объ укрѣпленіи новыхъ приобрѣтений на Балтійскомъ побережьи; но Петропавловская крѣпость никоимъ образомъ не можетъ считаться чудомъ искусства, и изъ всѣхъ однородныхъ сооруженій, предпринятыхъ подъ руководствомъ Петра, ни одно, даже по свидѣтельству его величайшихъ поклонниковъ, не доведено до конца.—Что касается осадъ, обязанныхъ ему своимъ удачнымъ исходомъ, мы видимъ, что всѣ онѣ неизмѣнно оканчивались приступомъ, свидѣтельствующимъ только о

*) Петровъ, вышеуп. соч.

ЕВДОКІЯ ТЬОДОРОВНА
 первая супруга Петра Великаго.
 (Изъ коллекціи С. П. Виноградова.)

БЛАГОВѢРНАЯ ГОСУДАРЫНЯ ЦРЯД. ВЕЛ. КИЕ.
НАТАЛІЯ КІРІЛОВНА
Мать Государя Императора Петра Великого

(Изъ коллекціи С. П. Виноградова.)

(Изъ колекціи С. П. Виноградова).

Гордонъ.

(Оригиналъ находится въ Романовской Галлерей Зимняго Дворца
въ С.-Петербургѣ).

Франц Лефортъ.

Царевна Софья.

(Оригинал находится въ Романовской Галлерей, въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ).

Меншиковъ.

(Съ оригинала, хранящагося въ Публичной Библиотекѣ
въ С.-Петербургѣ).

БѢГСТВО ПЕТРА ВЪ ТРОИЦКУЮ ЛАВРУ.

(Съ карт. худ. П. Деанасьева.)

блестящихъ качествахъ новой русской арміи, ея храбрости и дисциплинѣ. Эти качества, по нашему мнѣнію, единственные неоспоримыя данныя, содѣйствовавшія въ этомъ направленіи усиленію славы великаго преобразователя. Онъ умѣлъ почти изъ всякаго матеріала,—какъ будетъ указано ниже,—создавать превосходнѣйшее орудіе, созидавшее могущество и престижъ его родины; онъ былъ несравненнымъ организаторомъ, и нельзя не согласиться съ нѣкоторыми его почитателями, что онъ опередилъ свое время, въ вопросѣ о рекрутскомъ наборѣ, въ примѣненіи извѣстныхъ принциповъ, теоретически подтвержденныхъ и провозглашенныхъ гораздо раньше его на Западѣ, но отстраненныхъ рутиной изъ области практическаго пользованія.

Для достиженія дѣйствительнаго совершенства въ какой-либо отрасли знанія у Петра не хватало не только чувства мѣры, но этому мѣшала еще другой недостатокъ, не покидавшій его всю жизнь,—именно серьезное отношеніе къ пустякамъ и легкомысліе въ вопросахъ серьезныхъ. Достаточно привести въ примѣръ его занятія и претензіи въ области хирургіи или зубоврачебнаго искусства. По возвращеніи изъ Голландіи онъ всегда носилъ при себѣ наборъ инструментовъ и не упускалъ случая примѣнить ихъ къ дѣлу. Служащимъ петербургскихъ госпиталей было вмѣнено въ обязанность предупреждать его каждый разъ, когда имѣлся интересный оперативный больной: онъ почти всегда присутствовалъ на операціяхъ и нерѣдко самъ бралъ въ руки хирургическій ножъ. Однажды онъ выпустилъ двадцать фунтовъ воды женщинѣ, страдавшей водянкой и умершей отъ этого черезъ нѣсколько дней. Несчастная всѣми силами, какъ могла, отбивалась, если не отъ операціи, то отъ оператора. Онъ присутствовалъ на ея похоронахъ. Въ художественномъ музеѣ въ Петербургѣ сохра-

няется полный мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ августѣйшимъ ученикомъ странствующаго амстердамскаго зубодера. Лучшимъ способомъ угодить государю считалось обратиться къ его помощи, чтобы вырвать себѣ коренной зубъ. Ему случалось вырывать и совершенно здоровые. Его лакей Полубояровъ пожаловался ему, что жена, подъ предлогомъ зубной боли, уже давно уклоняется отъ своихъ супружескихъ обязанностей. Петръ призвалъ непокорную, немедленно приступилъ къ операции, несмотря на ея слезы и крики, и предупреждалъ, что ей придется лишиться обѣихъ челюстей въ случаѣ повторенія проступка. Однако, не слѣдуетъ забывать, что Москва ему обязана съ 1706 г. своимъ первымъ военнымъ госпиталемъ, къ которому послѣдовательно были добавлены хирургическая школа, анатомическій кабинетъ, ботаническій садъ, гдѣ царь самъ сажалъ нѣкоторыя растенія. Въ томъ же году его заботами основаны были аптеки въ Петербургѣ, Казани, Глуховѣ и Ревелѣ *).

Но занятія или созданія научныхъ и художественныхъ учрежденій для него не составляли вопроса личного удовольствія или природной склонности. Мы видѣли въ немъ ясное отсутствіе всякаго художественнаго чутья, и малѣйшей любви не только къ живописи, но даже къ архитектурѣ. Деревянный домикъ въ Преображенскомъ, такой низенькій и вросшій въ землю, что Петръ рукой могъ доставать до крыши, вполне соотвѣтствовалъ его личнымъ потребностямъ. Долгое время царь не желалъ признавать ничего иного даже въ Петербургѣ. Однако, онъ считалъ умѣстнымъ требовать возведенія тамъ дворцовъ, будущихъ жилищъ для своихъ сподвижниковъ. Но постройки мед-

ленно подвигались впередъ; онъ понялъ необходимость лишній разъ подать примѣръ: и рѣшилъ выстроить для себя дворцы Зимній и Лѣтній. Въ нихъ мы видимъ довольно неискусное подражаніе западнымъ образцамъ, такъ какъ Петръ пожелалъ быть самъ архитекторомъ. Главныя части зданій не соотвѣтствовали флигелямъ и образовывали неуклюжіе углы, и онъ распорядился сдѣлать двойныя потолки въ предназначенныхъ для себя покояхъ, чтобы получалась иллюзія деревяннаго домика. Но начало было положено и современемъ французскому архитектору Леблонъ, приглашенному на громадное жалованье, сорокъ тысячъ ливровъ ежегодно, удалось исправить прежнія ошибки, придавъ новой столицѣ приличествовавшей ей величественный и нарядный видъ. Петръ заботился также о расширеніи маленькаго художественнаго музея, заложеннаго во время перваго путешествія въ Голландію. Посѣтивъ Амстердамъ въ 1717 г., онъ сумѣлъ придать себѣ видъ просвѣщеннаго знатока; добился пріобрѣтенія картинъ Рубенса, Ванъ-Дейка, Рембранда, Жана Стрена, Ванъ-деръ-Верфа, Лингельбаха, Берхема, Міериса, Вувермана, Брегейля, Остада, Ванъ-Хунссена. Онъ подобралъ нѣсколько морскихъ видовъ для Лѣтняго дворца и цѣлую галерею для Петергофскаго. Опытный рисовальщикъ и гравировщикъ Пикарь и смотритель, швейцарецъ Гзелль, бывший въ Голландіи антикваріемъ, были приставлены къ этимъ коллекціямъ, никогда не виданнымъ въ Россіи.

И все это дѣлалось безъ всякаго личнаго интереса. Сомнительно, чтобы Петръ находилъ его и въ перепискѣ съ аббатомъ Биньономъ, королевскимъ бібліотекаремъ и членомъ парижской Академіи наукъ, почетнымъ членомъ которой царь самъ состоялъ со времени своего посѣщенія Парижа въ 1717 г. Въ 1720 г. онъ послалъ къ

аббату своего бібліотекаря — онъ завелъ у себя также и бібліотеку — нѣмца Шумахера, вручивъ ему рукопись золотыми буквами по пергаменту, найденную въ Семипалатинскѣ, въ Сибири, въ склепѣ разрушеннаго храма. Слѣдовало разобрать ее и прежде всего опредѣлить на какомъ языкѣ она написана, и Петръ былъ повидимому въ восторгѣ, когда аббать, прибѣгнувъ къ содѣйствию собственнаго переводчика короля, Фурмона, объявилъ что таинственный документъ написанъ на нарѣчїи тунгузовъ, стариннаго калмыцкаго племени. Только послѣ его смерти, двое русскихъ, отправленныхъ имъ въ Пекинъ для изученія китайскаго языка и пробывшихъ тамъ шестнадцать лѣтъ, рѣшились приняться за пересмотръ этого научнаго заключенія и пришли къ открытію, нелестному для репутаціи парижскихъ ориенталистовъ: рукопись была манджурскаго происхожденія и текстъ ея совершенно иной, чѣмъ указалъ Фурмонъ *). Но Петръ умеръ въ убѣжденїи, что содѣйствовалъ освѣщенію важнаго вопроса народной палеографїи и этнографїи, добросовѣстно исполнивъ свою обязанность государя.

Среди рѣдкостей, собранныхъ имъ въ музеѣ искусствъ и естественныхъ наукъ, современники упоминаютъ о нѣсколькихъ живыхъ представителяхъ человѣческаго рода: ужасномъ, отвратительномъ калѣкѣ, уродцахъ дѣтяхъ **). Въ выставленїи такихъ образцовъ великій человѣкъ видѣлъ также служеніе наукѣ.

*) Голиковъ.

**) Büsehings M.

II.

Это былъ умъ свѣтлый, ясный, точный, идущій прямо къ цѣли, безъ колебаній и уклоненій, какъ орудіе, управляемое твердой рукой. Въ этомъ отношеніи характерна переписка Петра. Онъ не писалъ длинныхъ писемъ, какъ его преемница Екатерина II. У него на это не хватало времени. Въ письмахъ нѣтъ лишнихъ словъ, риторики, а тѣмъ болѣе каллиграфіи или орѳографіи. Напр., вотъ какъ начинается записка, адресованная Меншикову: «*Mei hezbrude in Kamatara*», что должно значить: «*Mein Herzbruder und Kamarad*» (Сердечный братъ мой и товарищъ). Онъ чаще всего подписывался «Перъ» по-русски, пропуская букву *m*. Но говоритъ онъ быстро и хорошо; находя сразу и безъ усилій нужное выраженіе, слово, мѣтко передающее его мысль. Но больше всего онъ любилъ шутивья обращенія, и возможно, что великая Екатерина просто подражала ему въ этомъ отношеніи. Онъ писалъ, напр., Меншикову на имя дога, въ особенности любимаго фаворитомъ. Часто встрѣчаются шутки, остроты до крайности безцеремонныя по содержанію и формѣ, но еще чаще колкости и рѣзкости. Вице-адмиралъ Крюисъ подалъ ему рапортъ, гдѣ жаловался на своихъ офицеровъ, заканчивая восхваленіемъ царя: «Безподобный морякъ, Петръ лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ, насколько дисциплина необходима во флотѣ». Петръ отвѣчалъ: «О неискусныхъ офицерахъ виною самъ вице-адмиралъ, ибо едва не всѣхъ онъ самъ нанималъ, въ томъ не на кого пенять, что же принадлежитъ

о моемъ искусствѣ (что здѣсь помянуто) и сей комплиментъ есть не на крѣпкихъ ногахъ: ибо здѣсь являетъ искусными, а въ прошедшемъ времени, когда мы по виданіи непріятельскихъ кораблей съ моей гинау, по обычаю стрѣляли, которую стрѣльбу въ гулянье младенцевъ или про здорovie за подпитокъ почтено было. И когда я самъ на борту прибылъ къ г. вице-адмиралу, тогда не точію самъ (т.-е. Крейсъ) не сказалъ, но и не хотѣлъ вѣрить, дондеже съ его машты матросъ увидалъ. И такимъ образомъ прошу г. вице-адмирала или изъ искусныхъ, по своему разсужденію выписать, или, ежели достоинъ, впредь отъ сей издѣвки престать».

Восточный отпечатокъ сказывается на непринужденно образныхъ и пластичныхъ оборотахъ его слога. По поводу союза съ Даніей и испытанныхъ отъ него разонарованій, изъ-подъ его пера выливается слѣдующее размышленіе: «Двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ не ужится», и далѣе: «Словно о здѣшнемъ объявляемъ, что болтаемся туне: ибо что молодая лошади въ карѣта; такъ наши соединенныя, а наипаче коренныя, сволочь хотятъ, да коренныя ни думаютъ» *). Когда рѣчь идетъ о Польшѣ, гдѣ умы находятся въ постоянномъ броженіи, онъ говоритъ: «Дѣла тамъ играютъ словно молодая брага». Человѣкъ, говорящій необдуманныя вещи, сравнивается съ «медвѣдемъ, заявляющимъ, что зарѣжетъ кобылу». Даже, какъ законодателью, ему случалось говорить такимъ языкомъ. Создавая постъ оберъ-прокурора при Сенатѣ, онъ говоритъ: «Ничто такъ ко управленію государства нужно имѣть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ. понеже всеу законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть, какъ въ

*) 1712 и 1716. *Письма къ Екатеринѣ.*

карты, прибирая масть къ масти». Прокуроръ будетъ «его окомъ».

Никуда негодный историкъ съ точки зрѣнія искусства, онъ не былъ лишень историческаго чутья. Онъ плохо описывалъ событія, но прекрасно понималъ ихъ значеніе и важность. И здраво судилъ о нихъ даже въ письменныхъ бесѣдахъ съ Екатериной, гдѣ, повидимому, нисколько не слѣдилъ за собой. Ясно, что онъ отдавалъ себѣ вполнѣ точный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ переживаемыхъ событіяхъ.

Петръ обладалъ воображеніемъ съ природной наклонностью къ великому и даже огромному, и въ этомъ отношеніи сказывается печать востока. Въ послѣдніе годы онъ мечталъ возобновить колосса Родосскаго между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ,—поставить громадный маякъ надъ проливомъ, подъ аркой котораго могли бы проходить самыя большіе корабли, а на верху его возвышалась бы крѣпость и маячный огонь. Закладка его уже совершилась въ 1724 г. *). Петръ часто находился въ приподнятомъ настроеніи, эпическомъ или трагическомъ, съ порывами эксцентричности и проявленіями грубости, сбивавшими съ толку очень хорошихъ судей. Въ нѣкоторыхъ его выдумкахъ оказываются шекспировскія черты. Въ 1697 г. когда его отъѣздъ въ первое путешествіе по Европѣ задержался вслѣдствіе раскрытія заговора Циклера, онъ, чувствуя связь преступной солидарности между настоящимъ и прошлымъ, приказалъ вырыть трупъ Ивана Милославскаго, погребеннаго двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, уже изглоданный червями. Его останки привезли въ Преображенское на саняхъ, запряженныхъ двѣнадцатью свиньями и помѣтили

*) Голиковъ.

въ открытомъ гробу на эшафотѣ, гдѣ, Цыклеру и его сообщникамъ, стрѣльцамъ, предстояло умирать медленной смертью, разрубленнымъ, разрѣзаннымъ на мелкіе куски. При каждомъ взмахѣ топора кровь казнимыхъ фонтаномъ лилась на прахъ ненавистнаго врага, вырваннаго изъ смертнаго покоя, чтобы присутствовать при ужасной отплатѣ своего побѣдителя *). Въ 1723 г. Преображенское сдѣлалось свидѣтелемъ другого зрѣлища, не столь ужаснаго, но не менѣе страннаго. Петръ приказалъ сжечь свой деревянный домъ, водворенный по его приказанію на старомъ пепелищѣ, такъ какъ онъ тогда путешествовалъ. Въ то время жилища строились переносными: настолько еще свѣжа была въ народѣ память о кочевой жизни. Пожаръ символическій и знаменательный! Въ этомъ домикѣ—какъ сообщилъ Петръ герцогу Голштинскому,—онъ задумалъ планъ грознаго поединка со шведомъ, наконецъ оконченнаго, и теперь, весь отдавшись радости завоеваннаго мира, Петръ хотѣлъ изгладить послѣднія воспоминанія о пережитыхъ ужасахъ. Но для приданія большей торжественности мирной демонстраціи, онъ придумалъ соединить ее съ фейерверкомъ; онъ поджегъ на половину сгнившія бревна своей хижины римскими свѣчами, съ крыши пускалъ снопы разноцвѣтныхъ ракетъ; и самъ билъ въ барабанъ въ теченіе всего аутодафе **).

Иногда, даже въ области понятій и чувствъ гораздо болѣе возвышенныхъ, Петръ, повидимому, безъ всякихъ усилій, возносится и паритъ на одномъ уровнѣ съ прекраснѣйшими историческими избранниками, обладавшими душой высокой и благородной. Въ 1712 г. Стефанъ Яворскій,

*) Желябужскій, «Записки». Гордонъ, «Journal» 4 марта 1697 г., Устряловъ.

***) Берхгольцъ.

монахъ-малороссъ, вызванный Петромъ изъ Кіева для возведенія въ епископскій санъ, публично сдѣлалъ ему порицаніе въ проповѣди, обрушиваясь на мужей, расходящихся съ женами, и на людей, не соблюдающихъ посты. Въ этомъ заключалось преступленіе оскорбленія Величества, и въ такомъ смыслѣ былъ сдѣланъ докладъ государю. Петръ удовольствовался замѣчаніемъ на поляхъ: «Перво одному, потомъ съ свидѣтели», желая показать этимъ, что не считалъ проповѣдника обязаннымъ щадить слабости и пороки сильныхъ; но въ свою очередь, замѣтилъ, что и Стефанъ не соблюлъ евангельскаго правила, повелѣвающаго «сначала обличить наединѣ, потомъ со свидѣтелями и наконецъ уже въ церкви». Но Яворскій выразилъ желаніе удалиться въ монастырь; Петръ этому воспротивился и получилъ отъ *Константинопольскаго* патріарха разрѣшеніе не подчиняться требованіямъ православнаго поста *). Фанатикъ покушался на убійство царя, произведя въ него два выстрѣла изъ пистолета во время его сна. Оба раза произошла осычка, и злоумышленникъ, охваченный ужасомъ, разбудилъ царя, чтобы сообщить ему о случившемся. «Видно Богъ послалъ его, чтобы дать государю чудесное знаменье своего заступничества». «Теперь убей меня, государь», добавилъ онъ.— «Посланниковъ не убиваютъ», спокойно отвѣтилъ Петръ и отпустилъ убійцу **). Анекдотъ, пожалуй, не слишкомъ достовѣрный, и трудно себѣ представить Петра, упускающаго такой прекрасный случай судебнаго разбирательства, съ пытками, розысками сообщниковъ и работой въ застѣнкѣ. Остановимся только на Яворскомъ, происшествіе съ которымъ является неоспоримымъ. Но во всякомъ случаѣ, изо-

*) Соловьевъ.

***) Голиковъ.

брѣтенное ли цѣликомъ, или только переименованное, включеніе вполне соответствуетъ облику государя. Очень часто и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, проявлялъ онъ умъ великодушный, величаво-философское отношеніе къ собственной особѣ. По возвращеніи въ Варшаву послѣ неудачнаго Прусскаго похода, его поздравляли съ счастливымъ прибытіемъ: «Мое счастье», отвѣчалъ онъ, «заключается въ томъ, что, вмѣсто ста палокъ, я получилъ только пятьдесятъ». Потомъ, словно говоря самъ съ собой: «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ...» но тотчасъ же по правиламъ: «Не такъ ужъ много! не такъ много!» Неплюевъ, одинъ изъ его любимыхъ учениковъ запоздалъ на утреннюю аудіенцію, назначенную ему на докахъ. Царь уже ждалъ. Неплюевъ извинялся: «засидѣлся ночью съ друзьями». — «Хорошо; прощаю тебѣ за то, что сказалъ правду», и къ тому... «Гутъ Петръ, повидимому намекнулъ на самого себя, прибѣгая къ народной поговоркѣ: «Кто бабѣ не внукъ»? *)»

Естественны ли, присущи ли ему были такія мысли, слова, поступки? Дѣйствительно ли они соответствовали природнымъ качествамъ ума и характера? Не являлись ли они просто рисовкой, которой онъ щеголялъ, но которую случалось и нарушать по оплошности, прихоти или невыдержанности? Сомнѣніе возможно—столько мы видимъ отклоненій и противорѣчій. Вступая въ Дербентъ въ 1723 г., онъ сказалъ: «Александръ построилъ этотъ городъ, а Петръ его взялъ». На одной изъ триумфальныхъ арокъ, растущихъ въ Москвѣ, какъ грибы, задолго до Полтавы, возвращаясь изъ персидскаго похода, онъ слѣдующимъ образомъ вѣщалъ объ этой не трудной побѣдѣ:

*Struxerat fortis, sed fortior hanc cepit urbem **).*

*) Неплюевъ. *Зѣтиски*.

**) Выстроилъ сильный, но сильнѣйшій взялъ этотъ городъ.

Въ тотъ день Петръ очевидно забылъ о скромности. При взятіи Нарвы, въ 1704 г., онъ позабылъ о великодушіи давъ пощечину коменданту Горну, виновному только въ слишкомъ упорной оборонѣ, и приказавъ бросить въ воду трупъ его жены, убитой во время осады *).

При взятіи Выборга въ 1710 г., онъ согласился на условіе, что осажденные выйдутъ изъ крѣпости съ оружіемъ въ рукахъ, но затѣмъ, послѣ подписанія сдачи, оставилъ гарнизонъ въ плѣну. Тоже повторилось въ Дерптѣ и въ Ригѣ **). Этотъ же человекъ, послѣ битвы при Твеермюнде (юль 1714) обнималъ капитана фрегата Эреншельда и объявилъ, что гордится побѣдой надъ такимъ противникомъ. Онъ честно исполнялъ въ 1721 г., условія мира, заключеннаго съ Швеціей, но начало войны можетъ служить поразительнымъ образцомъ коварства. Въ маѣ 1700 г., вернувшись изъ Воронежа въ Москву, онъ дружески упрекалъ шведскаго резидента Книперкрона за тревогу, высказанную его дочерью, проживавшей въ Воронежѣ, по поводу казавшагося ей неизбежнымъ столкновенія обоихъ государствъ. Онъ старался ее успокоить: «Глупое дитя», сказалъ онъ ей, «неужели ты допускаешь, что я начну неправую войну и нарушу миръ, въ вѣчность котораго поклялся?» Онъ обнялъ при свидѣтеляхъ Книперкрона и тоже разсыпался передъ нимъ въ успокоительныхъ увѣреніяхъ: «Если король польскій возьметъ Ригу, онъ, Петръ, отобьетъ ее, чтобы вернуть Швецію». А въ это время онъ уже вступилъ въ союзъ съ Августомъ противъ Швеции, составилъ планъ совмѣстнаго нападенія и намѣтилъ дѣлежъ

*) Лундبلادъ, Адлерфельдъ. «*Hist. milit. de Charles XII*». Парижъ, 1741 г.

***) Полевой. «*Исторія Петра Великаго*». Ср. «Документы и переписка Петра».

предстоящей добычи. 8 августа, получивъ отъ Украинцева, своего посла въ Константинополь, увѣдомленіе о заключеніи мира съ Портой, чего дожидался, чтобы сбросить съ себя маску, онъ отдалъ приказъ о выступленіи войскъ въ походъ для осады Нарвы; но въ то же время, его другой посланникъ, князь Хилковъ, получивъ аудіенцію у Карла XII, продолжалъ увѣрять того въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ *).

Главнымъ образомъ практическое направленіе его ума не мѣшало ему иногда обнаруживать извѣстную узкость и мелочность. Когда Лейбницъ ему предложилъ устроить на всемъ протяженіи государства сѣтъ магнитныхъ обсерваторій, онъ чуть не измѣнилъ своего мнѣнія, составленнаго о великомъ ученомъ **). Это не мѣшало ему заботиться объ открытіи пролива, получившаго названіе Берингова: тутъ предвидѣлся новый торговый путь и очевидная выгода. Онъ былъ бережливъ до скупости; пользовался математическими инструментами, которые всегда носилъ при себѣ, для измѣренія ежедневно количества сѣдѣннаго сыра отъ подаваемого ему куска, а для увеличенія скуднаго жалованья, получаемаго его поваромъ Фельтеномъ, придумалъ обратить въ пикники, по червонцу съ человѣка, пирушки, на которыя приглашалъ своихъ друзей ***). Онъ охотно шелъ въ крестные отцы по своей страсти мѣшаться во все на свѣтѣ, но подарокъ, который онъ дѣлалъ родильницѣ, лобызая ее по современному обычаю, никогда не превышалъ червонца, положеннаго подъ подушку, если то была жена офицера, и рубля, если то была жена простого

*) Устряловъ. Фрикель. «*Hist. de Charles XII*».

**). Беръ. «*Peters Verdienste um du Erweiterung der geographischen Kenntnisse*».

***) Шереръ.

солдата *). Лопману Антону Тимофѣеву, спасшему ему жизнь въ 1694 г. во время бури, застигшей его на Бѣломъ морѣ, онъ далъ тридцать рублей **), и съ его стороны это было большое проявленіе щедрости.

Но все-таки онъ производитъ впечатлѣніе полной искренности и непосредственности при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ. Онъ полонъ природныхъ противоположностей въ силу обстоятельствъ, къ которымъ намъ еще предстоитъ вернуться, а его складъ и духовное воспитаніе слишкомъ сильно разнились ото всего, къ чему мы привыкли. Не слѣдуетъ забывать страны, гдѣ онъ родился, народности, къ которой принадлежалъ, традицій на него воздѣйствовавшихъ. Рюрикъ, Олегъ, Св. Владимиръ, Святополкъ и Мономахъ,—эти герои русской исторіи и преданія,—конечно, великіе люди, но ихъ ни какъ не слѣдуетъ смѣшивать съ историческими и легендарными образами стараго европейскаго міра. Отъ него они отличались своимъ характеромъ не меньше, чѣмъ именами. Ничто въ нихъ не напоминало Баярда или Франциска I. Своими патріархальными нравами они скорѣе подходили къ духовному облику библейскихъ царей. Современная Россія не можетъ увидать въ этомъ утвержденіи ни на чемъ не основанное оскорбленіе, а также незаслуженное отрицаніе рыцарскаго духа въ томъ, что ея касается. Это было бы равносильно не признанію широкаго образованія и превосходнаго воспитанія многихъ изъ ея представителей. Но тѣмъ не менѣе нельзя оспаривать, что во времена Петра большинство не умѣло читать и, никогда не видавъ въ глаза ни одного рыцаря, прожило средніе вѣка не получивъ никакого представленія о рыцарствѣ, какъ позднѣе объ эпохѣ возрожденія, и почти не

*) Ibid.

**) Устряловъ.

вѣдало греческаго или римскаго искусства *). Впослѣдствіе явилась возможность наверстать потерянное время, но еще долго Русь безспорно оставалась совершенно чуждой блестящей и великодушной школь, сдѣлавшей, отъ Роланда до Баярда, на Западѣ слово «честь» синонимомъ вѣрности данному слову; зато, наоборотъ, она находилась подъ вліяніемъ греческой имперіи, заимствуя отъ нея науки, искусства, нравы, религію и политику съ ея коварными и недобросовѣстными уловками. Даже легендарный типъ женщины не имѣетъ ничего героически идеальнаго. Это не Жанна-д'Аркъ Франціи, вдохновенная дѣвственница, ведущая народъ къ побѣдѣ порывомъ своей вѣры, или Ванда, кроткая мученица, предпочитающая смерть союзу съ чужеземнымъ принцемъ, оскорбляющимъ ея національное чувство—это Ольга, разбитная вдова, которая охотится, сражается, торгуетъ, торжествуетъ надъ своими врагами столько же благодаря хитрости, какъ и силѣ, а когда греческій императоръ задумалъ жениться на ней, противъ ея воли, превосходно спроваживаетъ такого жениха. Петръ принадлежалъ къ тому же разряду, какъ Александръ Невскій, этотъ «Улиссъ среди святыхъ», какъ его называлъ Кюстинъ—князь болѣе умный, чѣмъ храбрый, олицетвореніе благоразумія, но не великодушія или добросовѣстности. Вотъ почему французскій посланникъ Кампредонъ, говоря объ одномъ изъ сподвижниковъ царя, могъ написать въ 1725 г.: «Онъ не прямодушенъ, и это обстоятельство снижало ему довѣріе покойнаго государя» **).

*) Рыцарскій духъ никогда не проникалъ въ глубокія нѣдра Россіи. (P. Pierling, «La Russie et le Saint-Siège»). Глава чрезвычайно интересной книги отца Пэрлинга, озаглавленная: «*Эпоха возрожденія въ Москвѣ*», вполне подтверждаетъ этотъ взглядъ.

**) 3 мая 1725 г. Сборникъ Р. И. О.

Тѣ же видимыя противорѣчія встрѣчаются у Петра въ вопросахъ ходячей морали и религіи. Былъ ли онъ вѣрующимъ? Даже въ этомъ можно усумниться, съ такой безцеремонностью онъ иногда относился къ обрядамъ и служителямъ вѣры, требованіямъ которой въ другое время ревностно подчинялся. Мы видимъ, какъ онъ прогоняетъ отъ постели сестры Маріи, лежащей въ агоніи, монаховъ, намѣревающихся исполнить освященные преданіемъ обрядности. Они приносятъ умирающей разнообразныя кушанья и напитки и спрашиваютъ жалобнымъ тономъ: неужели она хочетъ разстаться съ жизнью, потому что ей не хватаетъ пищи. «Къ чорту съ глупостями!»

Можетъ быть Петръ придерживался простой вѣры и осуждалъ суевѣрія? Но извѣстна его привычка запоминать сны *). Въ депешѣ отъ 25 марта 1712 г., англійскій посланникъ Витвортъ говоритъ о побѣдѣ, одержанной надъ тигромъ *во снѣ*, что укрѣпило царя въ его воинственномъ настроеніи **). Въ то же время приличія, дурные или хорошіе нравы, благопристойность или вѣжливость,—все было для него пустыми звуками. Въ 1723 г. Ягужинскій, одинъ изъ выскочекъ, какими себя окружилъ Петръ, вздумалъ бросить жену, безупречную женщину, имѣвшую отъ него взрослыхъ дѣтей, чтобы жениться на дочери канцлера Головкина. Видя сопротивленіе жены Ягужинскаго съ одной стороны и канцлера съ другой, Петръ, которому такой планъ былъ на руку, потому что содѣйствовалъ униженію старой аристократіи ради новой, немедленно вмѣшался въ дѣло: жену постригли въ монахини, отца принудили дать свое согласіе; царь объявилъ первый бракъ расторгнутымъ и взялъ на свой счетъ расходы по второму. Вотъ каковы были его отношенія къ

Семевскій, «Слово и Дѣло».

**) Сборникъ.

семейнымъ устоямъ; легко себѣ представить, чего можно ожидать во всемъ остальномъ *). Въ Берлинѣ, въ 1718 г., при осмотрѣ коллекціи медалей и античныхъ статуй, его вниманіе привлекъ божокъ въ неприличной позѣ,—одинъ изъ тѣхъ, какими римляне любили украшать брачныя комнаты. Онъ позвалъ императрицу и пригласилъ ее поцѣловать фигурку; когда Екатерина сдѣлала видъ, что хочетъ отъ этого уклониться, онъ грубо крикнулъ ей: «Кораб!» (голову долой!) давая ей понять, чѣмъ она рискуетъ въ случаѣ неповиновенія. Потомъ онъ обратился къ королю, оказавшему ему гостепрѣимство, съ просьбой уступить эту рѣдкость, а также нѣкоторыя другія диковинки, и между прочимъ янтарный поставецъ, стоившій баснословныхъ денегъ по словамъ маркграфини Байрейтской. Въ Копенгагенѣ, облюбовавъ такимъ же образомъ мумію въ естественно-историческомъ музеѣ, онъ выразилъ желаніе ее присвоить. Королевскій инспекторъ доложилъ о томъ своему повелителю и послѣдній отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ: «Мумія отличается особенной красотой и величиной; второй подобной нѣтъ въ Германіи». Петръ снова отправился въ музей, схватилъ мумію, оторвалъ у нея носъ, всячески уродовалъ, затѣмъ ушолъ, говоря: «Пусть теперь она у васъ остается»**). Въ Дрезденѣ, въ 1711 г., покидая гостиницу «Золотого кольца», онъ собственными руками снялъ, намѣреваясь увезти, несмотря на возраженія прислуги, цѣнные драпировки, присланныя саксонскимъ дворомъ для украшенія его апартаментовъ. Въ Данцигѣ, въ 1716 г., находясь въ церкви, и почувствовавъ, что дуетъ холодный сквозной вѣтеръ, онъ ни слова не говоря, протянулъ руку, снялъ

*) Депеша Кампредона отъ 22 марта 1723 г. Долгоруковъ, «Записки».

***) Шереръ.

парижъ съ головы рядомъ сидѣвшаго бургомистра и надѣлъ его на себя *).

Но трудно повѣрить, что барону фонъ-Принцену пришлось взбираться на верхушку мачты, чтобы вручить свои вѣрительныя грамоты русскому государю, занятому укрѣпленіемъ снасти и ни за что не соглашавшемуся прервать свою работу. Этотъ анекдотъ, которымъ великій Фридрихъ угощалъ Вольтера **) намъ кажется прямо созданнымъ, чтобы уличить одного изъ рассказчиковъ—трудно сказать котораго—въ завѣдомой лжи. Прибытіе фонъ-Принцена въ Россію состоялось въ 1700 г. Въ то время еще не существовало Петербурга, гдѣ бы послу могъ быть оказанъ подобный пріемъ: къ корабельнымъ сооруженіямъ тамъ было приступлено только въ 1704 г., когда мѣсто фонъ-Принцена уже занималъ его преемникъ, графъ Кейзерлингъ. Кромѣ того, покинувъ Берлинъ 12 октября, посланникъ курфюрста бранденбургскаго, впоследствии перваго короля прусскаго, могъ прибыть на свой постъ—только въ самый разгаръ зимы, т. е. въ такое время года, когда въ Россіи поневолю пріостанавливаются работы самыхъ рьяныхъ оснастчиковъ. Наоборотъ, повидимому, полного довѣрія заслуживаетъ Кампредонъ, когда, отдавая отчетъ въ аудіенціи, просимой у царя по поводу переговоровъ о мирѣ съ Швеціей, онъ утверждаетъ, что на пріемъ къ нему Петръ пришелъ изъ адмиралтейства въ матроской курткѣ ***).

Такая безцеремонность, пренебреженіе общепринятыми правилами приличія, постоянное нарушеніе благопристойности уживались въ томъ же человѣкѣ съ глубокимъ чувствомъ долга и безусловнымъ уваженіемъ закона и дисциплины. Какимъ образомъ и почему? Безъ сомнѣнія по-

*) Полевой. Анекдотъ существуетъ въ нѣсколькихъ версіяхъ.

**) Деша отъ 14 марта 1721 г.

***) Вольтеръ, «Oeuvres».

тому, что тутъ слѣдуетъ видѣть нѣчто иное, чѣмъ необдуманное отрицаніе необходимыхъ основъ всякаго соціальнаго зданія. При извѣстной доли взбалмошности и причудливости, отъ чего зависла большая часть проявляемой непослѣдовательности, существовала еще болѣе уважительная причина. Петръ взялся за преобразование жизни народа, у котораго обрядности и предрасудки на добрую половину замѣняли собой и религію, и нравственность. Довольно справедливо онъ видѣлъ въ нихъ главное препятствіе движенію впередъ по пути прогресса и весьма логично старался не упустить ни одного случая, чтобы съ ними расправиться. Въ 1699 г., плывая по Дону со своей флотиліей галеръ, онъ увидалъ голландскаго моряка, который лакомился фрикасэ изъ черепахъ, пойманныхъ въ рѣкѣ. Петръ разсказалъ объ этомъ своимъ спутникамъ, которые испустили крики ужаса: подобная пища въ ихъ глазахъ составляла предметъ отвращенія и соблазна. Сейчасъ же Петръ отдалъ повару приказаніе и подъ видомъ цыплятъ велѣлъ подать на столъ мерзкое кушанье. Съ Шеиномъ и Салтыковымъ, присутствовавшими на обѣдѣ, сдѣлалось дурно, когда по приказу государя имъ показали опереніе птицы, которой ихъ угостили.

Петръ чувствовалъ себя призваннымъ освободить народную совѣсть отъ шлаковъ, накопившихся въ ней вѣками. Но, для того, чтобы сознательно произвести необходимую расчистку, онъ приступилъ къ предпринятой задачѣ слишкомъ стремительно, внося слишкомъ много личной грубости и, главное, слишкомъ много страсти. И поэтому, исправляя, онъ разрушалъ, и такимъ образомъ этотъ великій воспитатель является такъ же однимъ изъ величайшихъ деморализаторовъ человѣческаго рода. При всей теперешней мощи современная Россія ему обязана большой частью своихъ пороковъ.

**) Деша отъ 14 марта, 1721 г.

III.

Его неоспоримый гений, при всей обширности поприща, гдѣ онъ паритъ, не производитъ впечатлѣнія всеобъемлющаго взора, окидывающаго широкія пространства и сложныя картины. Скорѣе, принимая во вниманіе его пристрастіе и смѣтливость въ мелочахъ, можно бы сравнить его съ тысячью мелкихъ взглядовъ, устремленныхъ постепенно на столько же мелкихъ точекъ. Такъ же его общія представленія, когда они у него имѣются, всегда оказываются нѣсколько смутными и непослѣдовательными; въ его намѣреніяхъ и предположеніяхъ чаще всего не хватаетъ опредѣленности и ясности, и когда онъ смотритъ вдаль, его взоръ затуманивается. Онъ страдаетъ умственной близорукостью. Созданіе Петербурга можетъ служить тому краснорѣчивымъ доказательствомъ. Тамъ прямо принимаются за дѣло, планы создадутся послѣ, и получаютъ въ результатѣ кварталы безъ улицъ, улицы въ видѣ тупиковъ, и гавань безъ воды. Скорѣе приступать къ дѣйствіямъ, обдумывая ихъ потомъ, не теряя времени на обсужденія плановъ, если они кажутся заманчивыми, не задумываясь надъ средствами, если они находятся подъ рукой,—такова обычная манера этого ослѣпительнаго ума. Умѣніе давать оцѣнку выбраннымъ имъ сподвижникамъ, доходившее до прозорливости по увѣренію панегиристовъ, было одной изъ наиболѣе цѣнныхъ способностей Петра. Приемы, употребляемые имъ съ этой цѣлью, какъ напр., обыкновеніе схвативъ за волосы субъекта, остановившаго на себѣ его вниманіе, при-

поднимать ему голову и на минуту заглядывать въ глаза, хотя и приводятъ по своей несложности въ восторгъ судью настолько серьезнаго, какъ Соловьевъ*), но въ сущности только лишній разъ доказываютъ ту же поверхностность, о которой мы уже упоминали, какъ о самой сущности всѣхъ познаній и способностей Петра. Онъ былъ совершенно лишенъ психологическаго чутья. Встрѣтивъ у школьнаго учителя служанку, которая ему понравилась, онъ взялъ ее въ любовницы, чтобы сдѣлать изъ нея впоследствии императрицу, и рѣшилъ сейчасъ же превратить школьнаго учителя въ основателя народнаго образованія. Такова исторія Екатерины и Глюка. Екатерина скиталась до того по лагерямъ, переходя изъ рукъ въ руки солдатъ и офицеровъ своего будущаго супруга. Глюкъ—скромный пасторъ Лифляндскаго городка, принимается обучать ввѣренныхъ ему маленькихъ москвичей пѣнію лютеранскихъ псалмовъ. Когда царь о томъ спохватывается, онъ закрываетъ школу и отсылаетъ учителя, и дѣло народнаго обученія впередъ не двигается.

Однажды, присутствуя на спускѣ новаго корабля,—зрѣлищѣ всегда дѣйствовавшемъ на него возбуждающимъ образомъ,—Петръ пустился въ историческую философію. Припоминая путь, пройденный въ Европѣ просвѣтительной культурой, ея греческую колыбель, потомъ ея итальянскій расцвѣтъ, онъ закончилъ выраженіемъ убѣжденія, что теперь насталъ чередъ Россіи. «Будемъ надѣяться», говорилъ онъ, «что черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ въ состояніи унижить сосѣднія страны, доведя свою родину до высочайшей точки славы». Самое его представленіе о цивилизаціи вылилось въ этихъ словахъ: это просто кон-

*) «Очерки».

куренція одного фабриканта съ другимъ, сосѣднимъ. Петръ былъ слишкомъ некультуренъ, чтобы анализировать и понять свойства, изъ какихъ складывалось превосходство иноземныхъ соперниковъ, которымъ онъ завидовалъ, мечтая ихъ обогнать. Онъ видѣлъ только внѣшнюю сторону этого превосходства и потому не умѣлъ цѣнить его по достоинству. Его разумъ, такой всеобъемлющій и всеусваивающій, кажется, былъ вообще ограниченнымъ и невоспримчивымъ съ одной стороны:—былъ совершенно недоступенъ для отвлеченныхъ понятій. Вотъ почему онъ такъ неискусенъ въ сужденіяхъ объ извѣстномъ сдѣленіи обстоятельствъ, въ умѣнни выводитъ послѣдствія изъ данной точки отправленія, или по результатамъ доискиваться до причины. Онъ быстро схватывалъ практическія преимущества цивилизаціи, но даже не подозрѣвалъ необходимой подготовки ко всякой культурной работѣ. Съ нимъ случалось, что онъ хотѣлъ начинать постройку съ крыши или трудиться сразу надъ фундаментомъ и конькомъ кровли зданія. Умѣнни быть хорошимъ плотникомъ или даже посредственнымъ корабельнымъ инженеромъ оказалось недостаточнымъ, чтобы привести въ органическое движеніе духовныя силы народа.

Однимъ словомъ, Петръ кажется болѣе изобрѣтательнымъ, чѣмъ гениальнымъ. Его способъ править страной тоже скорѣе напоминаетъ ремесленника, чѣмъ художника; дѣятельнаго чиновника, чѣмъ государственнаго мужа. Обладая чрезвычайнымъ вліяніемъ на людей и обстоятельства, онъ проявлялъ необыкновенное искусство въ умѣнни держать ихъ въ рукахъ, а также поразительную переимчивость, какую и сейчасъ, конечно, въ меньшей степени, приходится наблюдать у каждаго русскаго человѣка, который, покинувъ напримѣръ, берега Дона, гдѣ онъ въ глаза не видалъ никакой машины, ни фабрики, а послѣ нѣсколькихъ

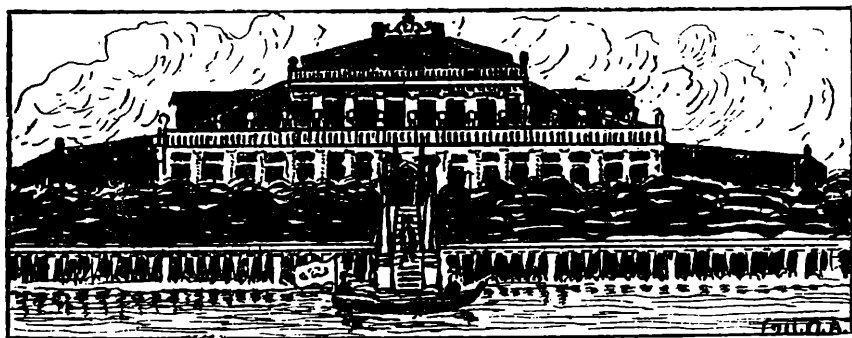
недѣль, проведенныхъ въ какомъ-нибудь промышленномъ центрѣ Запада, настолько усваиваетъ себѣ послѣднія усовершенствованія современнаго производства, что въ состояніи примѣнить ихъ у себя на родинѣ. Но у Петра нѣтъ ни одной безусловно собственной мысли, и онъ не высоко цѣнитъ оригинальность въ другихъ. Онъ не пытается даже придать извѣстной своеобразности работѣ въ примѣненіи пластическихъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ извнѣ и изнутри, которыми пользуется для своихъ опытовъ строительства политическаго и социальнаго. Онъ довольствуется наклейками и мозаикой. Даже подражаніе заграничѣ—не его изобрѣтеніе для Россіи, потому что оно пустило прочные корни со временъ Іоанна Грознаго. Только ручеекъ ввоза польскаго происхожденія, тонкую струйку воды, медленно просачивавшуюся въ неплодную почву страны, онъ замѣнилъ потокомъ, водопадомъ, лавиной производствъ нѣмецкихъ, голландскихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ. Работа механическая, чисто поверхностная, иногда совершенно неразумная, преслѣдующая исключительно внѣшнія стороны, безъ всякой заботы относительно внутренней потребности; работа, предпринятая съ такимъ незнаніемъ сущности и дѣйствительной цѣнности обрабатываемыхъ матеріаловъ, что смыслъ и цѣль ея не могли не ускользнуть отъ разумнія и сознанія народа, которому она была навязана; работа разнородная, несогласованная и недружная, во многихъ отношеніяхъ бесполезная, въ другихъ даже вредная: голландскій флотъ, нѣмецкая армія, шведское правительство, версальскіе нравы и амстердамскіе каналы спутаны въ общей смѣси заимствованія; ни малѣйшаго пониманія съ идеальной стороны затѣяннаго дѣла, но постоянное порабощеніе деспотизму готовыхъ мыслей. Ему говорятъ, что каналы, прорытые имъ на Васильев-

скомъ Островѣ,—единственномъ уголкѣ суши, имѣющемся въ его новой столицѣ,—непригодны, слишкомъ узки, чтобы служить путями сообщенія. Его первая мысль—бѣжать къ голландскому резиденту, чтобы спросить у него планъ Амстердама и, съ циркулемъ въ рукахъ провѣрить размѣры.

Однако, мы называли его идеалистомъ и теперь не отказываемся отъ своихъ словъ; онъ дѣйствительно былъ идеалистомъ въ томъ уголкѣ своей души, который недоступенъ для случайностей и непослѣдовательностей его ежедневно мѣнявшагося настроенія; онъ былъ идеалистомъ по своему въ общемъ подчиненіи своей мысли и постоянномъ самоотреченіи ради цѣли, лишенной всякаго матеріализма и непосредственной осязаемости: грандіознаго будущаго, предназначеннаго по его мнѣнію, его родинѣ. Нельзя сказать, чтобы при стремительности и вѣчной суетѣ его дѣятельности и ограниченности его поля зрѣнія эта цѣль принимала когда-либо совершенно опредѣленные очертанія. Знаменитое завѣщаніе, давшее такую задачу изобрѣтательности политиковъ, является,—какъ будетъ нами впоследствии указано,—простой мистификаціей, къ которой онъ совершенно непричастенъ. Далекій горизонтъ, куда Петръ устремлялъ свой бѣгъ, именно благодаря такой отдаленности, сохраняеть въ его глазахъ неясность контуровъ, неопредѣленность линий, что-то смутное, не то походный лагерь, наполненный бряцаніемъ оружія, не то улей, кипящій плодотворной дѣятельностью: очагъ жизни промышленной, умственной, даже художественной. Итакъ, онъ грезитъ, но съ широко раскрытыми глазами; давая удовлетвореніе даже съ этой точки своему положительному разуму. Доходитъ почти до обладанія этими грезами, этимъ призракомъ могущества и славы, мощью своего усилія и энергіей своей вѣры. Онъ дѣлаетъ больше: внушая эту

галлюцинацію далекаго, чудеснаго будущаго своимъ подданнымъ, онъ обезпечиваетъ ей жизнь. Безпримѣрный деспотъ, онъ ударами дубины и взмахами топора вгоняетъ ее въ ихъ плоть и кровь. Народъ грубый онъ превращаетъ въ народъ фанатичный. Послѣ него остаются не только легенды, но религія, которая въ противоположность остальнымъ религіямъ, одухотворяется вмѣсто того, чтобы матеріализироваться въ наивныхъ сознаніяхъ, куда заложены ея начала. Современная Святая Русь, практичная и грубая, какъ онъ, да еще вдобавокъ мистически настроенная, стремящаяся, какъ многоголовая провозвѣстница новаго ученія, преобразовать старую Европу, наводнивъ ее,—это его наслѣдіе.

Да, онъ былъ, подобно Наполеону, идеалистомъ, мечтателемъ, великимъ поэтомъ дѣйствій, этотъ дровосѣкъ съ мозолистыми руками, этотъ солдатъ-математикъ, одаренный меньшей взбалмошностью фантазій, болѣе здравымъ сознаніемъ возможностей и болѣе реальными планами будущаго

IV.

Особенно характерной и выдающейся чертой въ этомъ обликѣ, почти уродливомъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, благодаря обилію контрастовъ, является постоянное, безконечное шутовство, надѣвающее колпакъ скomorоха на эту царскую голову, придающее клоунскую улыбку суровому лицу, и всегда и вездѣ, среди превратностей судьбы полной великихъ событій и великихъ дѣяній, перемѣшивающее забавное съ серьезнымъ, фарсъ съ драмой. Начинается это очень рано, еще на зарѣ царствованія. Переряживаясь, самъ молодой государь вмѣнялъ то же въ обязанность своимъ друзьямъ и первоначальнымъ сподвижникамъ. Уже въ 1695 г. князь Федоръ Рамодановскій кромѣ званія генералиссимуса носилъ еще титулъ «Петербургскаго короля», и въ письмахъ къ нему по поводу наиболѣе важныхъ вопросовъ Петръ не упускаетъ случая называть его «*Min Her Kenich*». И подписывается: Нижайшій услужникъ пресвѣтлаго величества Петрушка Алексѣевъ или *Knecht Piter Komandor* или «*Ir Daheleix Kneh*», что имѣло смыслъ, понятный только ему одному. Онъ высказывалъ по всякому поводу готовность пролить всю кровь свою до послѣдней капли на службѣ этого, созданнаго воображеніемъ, государя. Въ то же время Зотовъ, его бывший воспитатель, былъ объявленъ архіепископомъ Петербургскимъ, патриархомъ береговъ Язуы и цѣлаго «Кукуя» (прозвище неизвѣстнаго происхожденія, давнее Нѣмецкой слободѣ); Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ былъ возведенъ въ санъ папы; Петръ писалъ ему: «Свя-

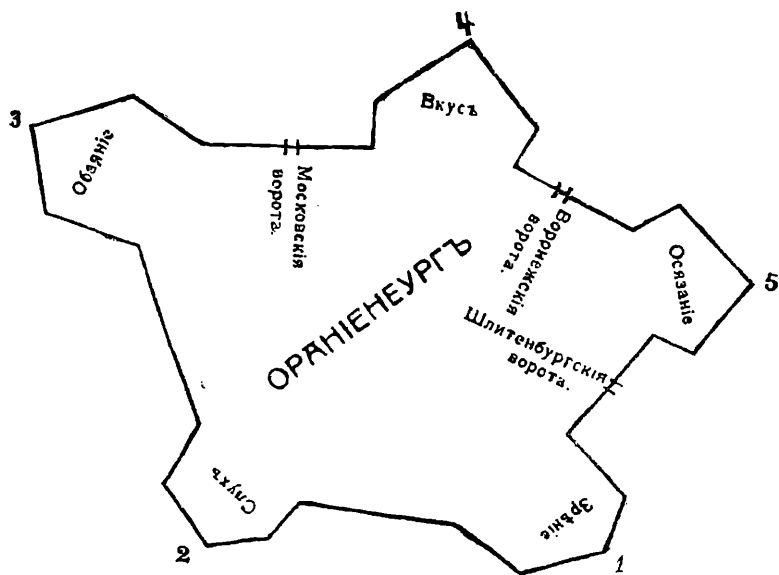
тѣйшій отецъ» или «Ваше святѣйшество» и требовалъ, чтобы и отвѣты были въ томъ же духѣ, носили ли они характеръ дѣловыхъ писемъ или официальныхъ донесеній. Ромодановскій адресовалъ свои письма «г-ну Бомбардиру Петру Алексѣевичу» и заканчивалъ, какъ государь подданному, простымъ выраженіемъ благосклонности. Въ маѣ 1703 г., послѣ взятія Ніеншанца, служа секретаремъ фельдмаршалу Шереметьеву, Петръ собственноручно составилъ донесеніе «Королю» т.-е. Ромодановскому, чтобы извѣстить его, что онъ и Меншиковъ, съ изволенія «Его Величества» удостоились получить отъ фельдмаршала орденъ Св. Андрея Первозваннато. И принятія прозвища настолько укоренились, что пережили участниковъ комедіи. Въ 1719 г., когда умеръ Федоръ Ромодановскій, титулъ и привилегіи его воображаемаго королевства перешли къ сыну его Ивану, и, поздравляя собственноручно капитана Сенявина съ морской побѣдой, Петръ выражалъ увѣренность въ удовольствіи, какое доставитъ это извѣстіе Его Величеству *).

3 февраля 1703 онъ писалъ Меншикову, называя его «сердце мое» и сообщая объ освященіи крѣпости, выстроенной въ недавно подаренномъ ему помѣстьи и получавшей названіе Ораніенбурга. Это теперешній Раннебургъ, въ Рязанской губерніи. Митрополитъ Кіевскій совершалъ богослуженіе. Этотъ самозванный митрополитъ былъ только одинъ изъ веселыхъ друзей настоящаго государя и притомъ одинъ изъ самыхъ развратныхъ—Мусинъ-Пушкинъ. Къ письму приложенъ планъ съ указаніемъ именъ, данныхъ бастіономъ (см. стр. 219).

При освященіи, на бастіонѣ номеръ первый служила водка, на номерѣ второмъ—лимонадъ, на номерѣ третьемъ,

*) Голицковъ.

рейнвейнгъ, на номерѣ четвертомъ—пиво, на номерѣ пятомъ. медь. Присутствующіе, въ числѣ двадцати человѣкъ и среди нихъ посланники прусскій и польскій, Кейзерлингъ и Кёнигдекъ, англійскій купецъ Стилъ и нѣскольکو знат-

ныхъ москвичей, подписали это письмо, замѣняя свои имена шутивными прозвищами, а Меншиковъ отвѣтилъ въ очень серьезномъ тонѣ, потому что шведы на носу и нельзя всегда только смѣяться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забылъ поблагодарить своего августѣйшаго друга, удостоившаго его чести напитаться въ его имѣнни.

Въ 1709 г. при празднованіи въ Москвѣ Полтавской побѣды, громаднѣйшій деревянный дворецъ былъ выстроенъ

на Царицыномъ лугу. Въ залѣ для пріемовъ Ромодановскій засѣдалъ на тронѣ, окруженный главнѣйшими придворными сановниками, и приглашалъ вождей побѣдоносной арміи представить ему донесеніе о ходѣ и счастливомъ окончаніи битвы. Шереметьевъ подошелъ первымъ: «По милости Божьей и счастью вашего Кесарскаго Величества я уничтожилъ шведскую армію». — «По милости Божьей и счастью Вашего Кесарскаго Величества», повторилъ въ свою очередь Меншиковъ, «я взялъ въ плѣнъ при Переволочной генерала Лёвенгаупта съ его арміей». Петръ подошелъ послѣднимъ: «По милости Божьей и счастью Вашего Кесарскаго Величества я побѣдоносно сражался при Полтавѣ со своимъ полкомъ». Всѣ трое вручили ложному кесарю установленные рапорты и удалились съ поклонами, послѣ чего ввели и представили ему изумленныхъ шведскихъ плѣнниковъ. Церемонія закончилась банкетомъ, на которомъ этотъ странный самозванный государь присутствовалъ, возсѣдая подъ балдахиномъ, на эстрадѣ, куда вели нѣсколько ступеней. Онъ удостоилъ пригласить къ себѣ за столъ полковника Петра Алексѣевича *).

Для оправданія подобныхъ выходовъ, заключающихъ въ себѣ что-то оскорбительное въ такую минуту и при такихъ торжественныхъ обстоятельствахъ, имъ пытались дать различныя толкованія: «Петръ хотѣлъ внушить собственнымъ примѣромъ своимъ подданнымъ чувство дисциплины; онъ старался уничтожить мѣстничество подобнымъ смѣшеніемъ всѣхъ чиновъ и положеній. «Возможно, что онъ дѣйствительно объ этомъ думалъ. Въ немъ замѣчается глубокое сознаніе того, что составляетъ основу всякой дисциплины: повиноваться, чтобы самому тебѣ по-

*) Корбъ.

виновались, служить, чтобы самому служили. «Я служу»... «Съ тѣхъ поръ, какъ на службѣ» постоянно употребляемая имъ выраженія. И столь же явственной и постоянной была его забота приучить своихъ подданныхъ къ тому же, влить въ ихъ представленіе и души высшій идеалъ, которому онъ отдавалъ всю свою жизнь и которому все должно быть принесено въ жертву, требовавшій все и отъ всѣхъ,—идеалъ, передъ которымъ никто ничего не значилъ—даже царь! Такія мысли по всѣмъ вѣроятіямъ положены въ основу представлений, вродѣ только что описанныхъ, но способности, какими пользовался Петръ для проведенія ихъ въ жизнь, завистѣли всецѣло и единственно отъ его фантазіи и любви къ маскарадамъ, фарсу, мистификаціямъ, наконецъ, распушенности воображенія, не сдерживаемаго никакимъ чувствомъ благопристойности и даже уваженія къ самому себѣ. Не надо забывать, что маскарады находились въ это время въ большой чести у западныхъ сосѣдей Петра и также въ Россіи давно уже приобрѣли права гражданства: Іоаннъ Грозный приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. Петръ въ этомъ отношеніи только слѣдовалъ за господствовавшимъ увлеченіемъ, доводя его до крайнихъ предѣловъ, какъ того требовалъ широкой размахъ, присущій его генію. И въ такомъ преувеличенномъ видѣ средства очевидно заходили дальше намѣреній, обращаясь противъ нихъ. Только при условіи чрезвычайной кротости народного характера, привычнаго ко всевозможнымъ проявленіямъ деспотизма, самая идея самодержавія не пошатнулась въ сознаніи его подданныхъ благодаря подобнымъ испытаніямъ; въ особенности, когда переряживанія самого государя, наиболѣе неожиданныя, не имѣющія никакого оправданія, низводили даже его челоѣческое достоинство до самаго постыднаго униженія. Въ 1698 г., мы

видимъ его по возвращеніи изъ перваго путешествія за границу участвующимъ въ шествіи, гдѣ самозванный патріархъ Зоговъ, въ митрѣ съ изображеніемъ непристойнаго Бахуса предводительствовалъ толпой растерзанныхъ вакханокъ, съ пачками зажженнаго табаку вмѣсто виноградныхъ лозъ на головахъ *). Въ этомъ можно усмотрѣть намекъ на монополію, приобрѣтенную маркизомъ де-Кермартепомъ, слѣдовательно политическую подкладку. Но способъ, выбранный для его осуществленія, не можетъ не показаться неудобнымъ. Въ томъ же году, на другой день послѣ казни полтораэта стрѣльцовъ, погибшихъ въ ужасныхъ мученіяхъ, Петръ, находясь въ веселомъ настроеніи, оставилъ обѣдать бранденбургскаго посла, явившагося на прощальную аудіенцію, а во время десерта угостилъ его шутовской сценой, когда, раздавъ свои благословенія присутствующимъ двумя крестомъ сложенными трубками, ложный патріархъ подалъ сигналъ къ танцамъ. Царевичъ Алексѣй и его сестра Наталья присутствовали при этомъ представленіи, находясь за занавѣской, которую пріоткрывали, чтобы дать имъ полюбоваться зрѣлищемъ **).

Двадцать лѣтъ спустя повторилось то же самое. На масляницѣ 1724 г., толпа отъ шестидесяти до семидесяти человекъ, дворянъ, офицеровъ и духовенства,—въ томъ числѣ царскій духовникъ Надежинскій,—горожанъ и простонародія—среди нихъ матрость, идущій на рукахъ головой внизъ, отчаянно кривляясь, — сопровождала царя по улицамъ. Эти люди, набранные изъ числа самыхъ горькихъ пьяницъ и низкихъ распутниковъ, составляли настоящее братство, собиравшееся по установленнымъ днямъ

*) Корбъ.

**) Корбъ.

подъ названіемъ «безпечальнаго собора», и предававшееся оргіямъ, часто затягивавшимся на цѣлыя сутки. Иногда въ такія собранія приглашались также дамы, и высшимъ сановникамъ, министрамъ, генераламъ, людямъ съ вѣсомъ и въ лѣтахъ часто приходилось принимать участие въ развлеченіяхъ «собора». Въ январѣ 1725 г. восьмидесятилѣтній старецъ изъ родовитой семьи, Матвѣй Головинъ, долженъ былъ по приказу царя участвовать въ шествіи, наряженный чортомъ. Онъ отказалъ. Тогда по знаку Петра на него бросились, раздѣли до нага, нахлобучили шапку съ картонными рогами и въ такомъ видѣ выдержали цѣлый часъ на льду, на Невѣ. Онъ схватилъ горячку и умеръ *).

Нѣтъ ни одного происшествія въ продолженіе всего царствованія, не послужившаго бы предлогомъ для повторенія подобныхъ сценъ. Ништадскій миръ наравнѣ съ свадьбой любимаго шута. Когда шутъ умираетъ, Петръ приказываетъ за его гробомъ идти маскамъ, какъ окружилъ ими его брачное ложе. Въ 1724 г. всѣ петербургскіе шуты присутствовали на похоронахъ одного изъ своихъ товарищей, одѣтые въ черное, слѣдуя за маленькимъ катафалкомъ, запряженнымъ шестеркой испанскихъ пони. Въ томъ же году, во время маскарада, длившагося восемь дней, было отдано строжайшее приказаніе сенаторамъ не снимать масокъ даже въ залѣ засѣданій и въ часы, посвященные разсмотрѣнію дѣлъ **).

У Петра было значительное количество придворныхъ дураковъ, Штраленбергъ ***) приводитъ списокъ, гдѣ зна-

*) Долгоруковъ, «Записки».

**) Бергхольцъ.

***) «*Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia*» Стокгольмъ, 1730.

чатся имена извѣстныя по другимъ должностямъ: Зотова, Тургенева, Шанскаго, Ланина, Шаховскаго, Тараханова, Кирсантьевича и Ушакова, наиболѣе цѣнимаго. Эти имена имѣють свое объясненіе: Флогель въ исторіи придворныхъ дураковъ*) раздѣляетъ ихъ на четыре категоріи: I дураки по природному слабоумію, служащіе для развлечения царя; II—дураки въ видѣ наказанія, осужденные дурачиться за недостатокъ сообразительности, проявленный на прежней службѣ; примѣромъ этому служитъ Ушаковъ, капитанъ гвардейскаго полка, посланный изъ Смоленска въ Кіевъ съ срочными депешами. Прибывъ къ городу ночью и заставъ ворота запертыми, онъ долго не могъ достучаться и повернулъ обратно, снова проскакалъ тысячу верстъ и спѣшилъ пожаловаться на свою неудачу. III—дураки притворщики, симулирующіе безуміе, чтобы спастись отъ смерти, будучи замѣшанными въ какой-нибудь заговоръ; Петръ иногда замѣчалъ обманъ, но считалъ достаточнымъ наказаніе, избранное для себя несчастнымъ; IV—дураки по недостатку образованія. Посылая за-границу многихъ молодыхъ людей Петръ, по возвращеніи, спрашивалъ у нихъ отчетъ въ пріобрѣтенныхъ знаніяхъ; тѣмъ, кому судьба не благопріятствовала на такомъ экзаменѣ, оставалось только надѣть дурацкій колпакъ, чтобы избѣгнуть наказанія болѣе суроваго. Въ эпоху великаго царствованія эти придворные шуты имѣли также, надо сказать, политическое значеніе: они пополняли царскую полицію. За столомъ они громко и безнаказанно рассказывали о злоупотребленіяхъ его сановниковъ, ихъ воровствѣ и лихоимствѣ. Петръ иногда даже возлагалъ на нихъ порученіе: воздать должное наказаніе. Тогда они старались напоить виновнаго во время

*) «*Geschichte der Hofnarren*» Лигницъ, 1789 г

пирушки, затѣвали съ нимъ ссору, видя его достаточно пьянымъ, и награждали побоями *). Въ списокѣ Штраленберга пропущены два имени, наиболѣе знаменитые, изъ шутовской команды: русскаго, Балакирева, и португальца д'Акоста, вѣроятно родственника извѣстнаго перекрещенца Уриеля. Второго Петръ назначилъ на должность директора-распорядителя шутовскихъ представленій, и начальника надъ участниками въ нихъ. Въ 1713 г. царь произвелъ его кромѣ того въ графы и сдѣлалъ ханомъ Самоѣдовъ. Это послѣднее назначеніе дало поводъ къ цѣлому ряду шутовскихъ церемоній, на которыхъ присутствовало нѣсколько семей настоящихъ самоѣдовъ, привезенныхъ по такому случаю изъ глубины Сибири. Наряженный самоѣдомъ, съ развѣсистыми оленьими рогами на головѣ, опоясанный желтой лентой, на которой висѣла медаль съ именемъ Актеона, выгравированнымъ на одной изъ сторонъ, среди инородцевъ фигурировалъ также одинъ изъ поваровъ императрицы. Петръ иногда дѣлалъ изъ него соперника Ушакову и Балакиреву и очень часто свое излюбленное посмѣшище. Жена бѣдняги пользовалась репутациею легкомысленной женщины, и царь никогда не упускалъ случая, видя его при свидѣтеляхъ, приставить ему символическимъ жестомъ два пальца ко лбу **).

Сама по себѣ такая манера развлекаться, какъ ни груба она кажется, въ особенности въ настоящее время, не подлежитъ критикѣ: это естественный и необходимый противовѣсъ существованія посвященнаго неустанной работѣ, перешедшей бы, не будь такого отдыха, границы силъ человѣческихъ даже у такой исключительно могучей природы,

*) Архивъ князя Куракина.

**) Шереръ, Бергхольцъ.

какъ Петръ. Великій мужъ инстинктивно искалъ въ подобныхъ развлеченіяхъ отдыха напряженнымъ нервамъ, и хватая во всемъ черезъ край, не сумѣлъ и тутъ избѣжать недостойныхъ излишествъ. Даже можно сказать, что онъ выкупалъ нехорошую, циничную или безчеловѣчную сторону своей веселой непринужденностью и широкимъ добродушіемъ, проявляемыми имъ въ такихъ случаяхъ. Спустя полстолѣтія, Христіанъ VII, датскій, отдалъ подъ судъ и приговорилъ къ смертной казни графа Брандта, за то, что тотъ не могъ стерпѣть насмѣшекъ по поводу своихъ супружескихъ злоключеній и забылся настолько, что поднялъ руку на самого государя. Петръ, не поморщившись, переносилъ удары кулакомъ повара Екатерины, если послѣдній случайно оказывался не въ настроеніи переносить поддразниванья *). Напрашивается возраженіе, что царь могъ бы искать себѣ объектовъ для шутокъ не по кухнямъ. Но такова ужъ была его привычка. Онъ не былъ аристократомъ. Наоборотъ, онъ весьма близко стоялъ къ народу по извѣстнымъ чертамъ грубости юмористическаго задора и ребяческой веселости, характеризующихъ чернь всѣхъ странъ, хотя общее направленіе ума и характера его и отличаютъ его рѣзко отъ мѣстнаго простонародія. Благодаря своимъ первымъ сотоварищамъ, конюхамъ, Петръ хорошо зналъ народные нравы и обычаи, и отчасти обязанъ этому знакомству своимъ знаніемъ толпы и умѣньемъ ею управлять. Мы уже видѣли его на Рождествѣ славящимъ Христа по мѣстному простонародному обычаю, распѣвающимъ слово Господне у дверей домовъ и требующимъ установленной подачи. Однажды самый богатый московскій купецъ Филатьевъ отказался проявить при такихъ обстоя-

*) Бергхольць.

тельствахъ надлежащую щедрость; Петръ сейчасъ же собралъ передъ его домомъ цѣлый кварталъ и требовалъ выкупа по рублю на каждую голову *). Часть его генія сказывается въ этомъ умѣннѣ возбуждать толпу—дѣйствуя на ея самые низменные инстинкты.

Дѣйствительно, неудобная сторона этихъ увеселеній и развлеченій заключалась въ добровольномъ смѣшеніи, какого придерживался Петръ, безумія съ разсудкомъ, маскарада съ серьезной жизнью. Смѣхотворные графы и патріархи, шуты и гаеры совмѣщали и перемѣшивали постоянно свои шутовскія должности и атрибуты съ другими званіями и обязанностями, которыя создавали изъ нихъ, или должны были создать, важныхъ сановниковъ. Зотовъ былъ хранителемъ печатей! Иванъ Головинъ, ничего не понимавшій въ мореплеваніи, хотя сопровождалъ Петра въ Голландію, *на этомъ основаніи* былъ назначенъ генераль-адмираломъ. Для государя и его друзей тѣмъ создавался лишній источникъ забавныхъ шутокъ, но флотъ, который принято было между ними называть семьей Ивана Михайловича, чокаясь за его здоровье, отъ того ничего не выигрывалъ.

Для такихъ заблужденій не существуетъ ни оправданій, ни извиненій; они ясно обнаруживаютъ слабую сторону недюжиннаго ума, выбитаго изъ обычной колеи, лишеннаго противовѣса, какой воспитаніе, традиціи, общественная среда обыкновенно составляютъ для наиболѣе самостоятельныхъ натуръ, поддерживая равновѣсіе въ пространствѣ, гдѣ эти натуры дѣйствуютъ и сами пробиваютъ себѣ дорогу.

*) Корбъ, стр. 101.

V.

Публичное официальное учрежденіе шутовскаго патриаршества, о которомъ мы уже упоминали, имѣло ли оно цѣлью,—какъ утверждаютъ многіе,—подготовить уничтоженіе настоящаго? Пожалуй, что такъ; но какъ опасенъ былъ, опять-таки, подобный окольный путь!.. Вѣдь Петръ рисковалъ разбить тамъ на какомъ-нибудь ухабѣ все достоинство духовенства и даже самое понятіе о религіи! Говорятъ, что имѣлось въ виду создать только пародію на папство. Сомнительно. Мы видимъ, что Зотовъ поочередно называется то княземъ-папой, то патриархомъ. Ну, а выставивъ рядомъ съ нимъ самозваннаго кесаря Ромодановскаго, какой титулъ, какое званіе, какія обязанности старался высмѣять и унижить Петръ? Скорѣе можно предположить, что онъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ цѣль увеселенія ума, предрасположеннаго къ причудливости и эксцентричности вслѣдствіе извѣстнаго атавистическаго проявленія восточнаго деспотизма, извѣстныхъ недостатковъ духовнаго склада и извѣстныхъ пробѣловъ первоначальнаго воспитанія. Можетъ быть самыя серьезныя намѣренія примѣщивались или даже служили точкой отправленія этой шутовской и непристойной распушенности воображенія, но они быстро исчезали, сметаемыя и уничтожаемыя ея бурнымъ и мутнымъ потокомъ.

Не таково мнѣніе одного изъ недавнихъ апологетовъ Петра, настолько убѣжденнаго, что онъ удивляется, какъ никто раньше него не догадался о дѣйствительной и не-

измѣнной глубинѣ намѣреній и расчетовъ, такимъ образомъ осуществленныхъ великимъ государемъ. Какъ это никто не понималъ, что цѣлью царя было скрыть отъ враговъ тайну своихъ силъ, втихомолку противъ нихъ подготовлявшихся, и работу своей мысли, замышлявшей ихъ уничтоженіе? Пьяные днемъ, или притворяясь ими, князь-папа и его конклавъ употребляли ночь на неустанный трудъ. Переписка лже-первосвященника съ его дьякономъ (самъ Петръ носилъ такое званіе) при всемъ видимомъ пустословіи и непристойныхъ шуткахъ представляла собой только уловку тайнописанія. Такъ въ письмѣ Зотова къ царю, съ помѣткой 23 февраля 1697 г. *Масляница* со своими спутниками «Ивашкой» (пьянство) и «Еремкой» (разгулъ), которыхъ Петръ долженъ остерегаться, означали собой коварную и раболѣпную Польшу съ ея союзниками, казачьимъ атаманомъ и татарскимъ ханомъ *). Такое толкованіе не отличается остроуміемъ. Можно ли представить себѣ Петра и его сподвижниковъ, прибѣгающихъ въ 1697 году къ такимъ ухищреніямъ, чтобы увѣрить Польшу или Швецію въ своемъ безсиліи? Послѣднее въ данную минуту было слишкомъ очевиднымъ, и въ интересахъ Россіи было бы достигъ совершенно иного оптического обмана. Такъ же трудно вообразить себѣ ночи, проведенныя Зотовымъ въ неустанномъ трудѣ. Мы читаемъ въ депешѣ французскаго посланника Кампредона отъ 14 марта 1721 г. «Вышеупомянутый мною «патріархъ» прозванный здѣсь «княземъ-папой»,—записной-пьяница, избранный царемъ, чтобы выставить на посмѣшище свое духовенство». Вотъ справедливая оцѣнка, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается нравственной подлинности упоминаемаго лица, хотя рѣчь идетъ здѣсь уже о

*) См. очеркъ Ивана Носовича въ «Русской Старинѣ», 1874

преемникъ Зотова. Во всемъ остальномъ споръ остается открытымъ. Думалъ ли дѣйствительно Петръ выставить на посмѣшище свое духовенство? Унизить патриаршество, какъ власть, соперничавшую съ нимъ? Да, пожалуй. Обычай требовалъ до тѣхъ поръ, чтобы въ Вербное воскресенье, въ Москвѣ, царь участвовалъ въ торжественной процессіи, ведя подъ уздцы ослицу патриарха. Главенство духовной власти, освященное первенствующимъ положеніемъ патриарха Филарета на ряду съ первымъ изъ Романовыхъ, такимъ образомъ укрѣплялось изъ года въ годъ. Петръ замѣнилъ процессію шутовскимъ шествіемъ князя-папы, верхомъ на быкѣ въ сопровожденіи цѣлаго ряда повозокъ, запряженныхъ свиньями, медвѣдями и козлами *). Здѣсь ясно просвѣчиваетъ политическая цѣль. Но также очевидно она быстро ступшевывается и уничтожается, благодаря безпрестаннымъ перевоплощеніямъ, безконечной непристойной пародіи, въ которой такой опытный свидѣтель, какъ Вокеродъ не видитъ ничего, кромѣ разгула души и тѣла. Однако явленіе требуетъ себѣ иного объясненія. Оно слишкомъ обширно, глубоко и продолжительно, чтобы его можно было отнести только на счетъ личнаго фантазерства, какъ бы причудливо и распушено оно ни было. И, дѣйствительно, оказывается иронія, сатира, изображеніе въ комическомъ или карикатурномъ видѣ всѣхъ важнѣйшихъ жизненныхъ условій, составляють отличительную черту эпохи, непосредственно предшествовавшей воцаренію Петра. Можетъ быть, въ этомъ слѣдуетъ видѣть противовѣсъ указанному нами аскетическому направленію, приводившему, какъ сказано выше, къ отрицанію всякихъ проявленій общественной жизни**). Что же касается особенностей формы,

*) Бергхольць.

***) Забѣлинъ. *«Жизнь царицъ»*.

какую Петръ придавалъ этому стремленію—или какою только содѣйствовалъ развитію уже существующаго—то не имѣла ли она родственной связи съ эксцессами, какимъ въ другое время—но тутъ приходится оглянуться на цѣлое столѣтіе назадъ—подъ вліяніемъ мнимыхъ демоническихъ вліяній, предавалось народное воображеніе и страсти въ другихъ странахъ? Стоитъ только припомнить оргіи ночныхъ шабашей и черныхъ мессъ, такъ распространенныхъ во Франціи въ началѣ семнадцатаго столѣтія *), слабымъ отраженіемъ которыхъ являются мистификаторскія изобрѣтенія современныхъ оккультистовъ. Аналогія причинъ въ этомъ отношеніи повидимому подтверждаетъ аналогію фактовъ. И тамъ и тутъ—возмущеніе духа и плоти одинаково угнетаемыхъ и стѣсненныхъ обычнымъ укладомъ жизни и, въ погонѣ за минутнымъ облегченіемъ, устремляющихся, рвущихся за предѣлы дѣйствительности, за предѣлы закона, религіи и общества. Странность заключается въ томъ, что Петръ предсѣдательствовалъ на такихъ сатурналіяхъ. Но развѣ онъ не имѣлъ одинаковыхъ потребностей, не подчинялся общему закону, подавая первый примѣръ, и добровольно соглашаясь замкнуться ужаснымъ желѣзнымъ кольцомъ, созданнымъ его указами?

Впрочемъ, прежде всего, необходимо привести факты, которые могутъ оказаться достаточно убѣдительными.

Происхожденіе оскорбительныхъ комедій, въ какихъ участвовали папа или патріархъ Зотовъ и его преемники, относится, какъ сказано выше, къ первымъ годамъ царствованія; но подробности развивались постепенно. Создавъ первосвященника, Петръ понемногу добавлялъ къ нему кардиналовъ, конклавъ. Это *«всешутѣйшій»* или *«всепьянѣй-*

*) См. Мишле. *«Ист. Франціи»*.

шій соборъ)—конклавъ или собраніе «всѣхъ шутовъ» и «всѣхъ пьяницъ» — учрежденіе постоянное, почти официальное. Петръ изъ года въ годъ совершенствовалъ его уставъ, изобрѣтая, дополняя собственноручно статуты и регламенты, работая надъ нимъ даже наканунѣ Полтавской битвы *). Членами этого учрежденія состояли самые безпутные изъ его собутыльниковъ, къ которымъ царь присоединялъ нѣсколько человекъ, отличавшихся серьезностью ума и строгими нравами, можетъ быть по жестокому капризу деспота, а, можетъ быть, чтобы, униживъ, крѣпче держать ихъ въ рукахъ. Избранные прежде всего отправлялись въ домъ князя-папы, прозванный «Ватиканомъ», чтобы представиться и выразить свою благодарность. Четверо заикъ, подъ предводительствомъ царскаго камердинера, служили имъ толмачами во время этой церемоніи, когда ихъ одѣвали въ красное платье, въ которомъ впредь имъ предстояло щеголять. Въ такомъ нарядѣ они отправлялись въ залъ «Консистеріи», гдѣ вся обмѣблировка состояла изъ креселъ, разставленныхъ по стѣнамъ. Въ глубинѣ, на грудѣ эмблематическихъ предметовъ, боченковъ, стакановъ и бутылокъ возвышался тронъ князя-папы. Кардиналы проходили передъ нимъ одинъ за другимъ, получали стаканъ водки и выслушивали установленную формулу: «Преосвященный отецъ, раскрой ротъ, проглоти, что тебѣ дадутъ и ты намъ скажешь спасибо». Послѣ чего всѣ усаживались въ кресла, засѣданіе считалось открытымъ и затягивалось на долгіе часы, при чемъ возліянія чередовались съ шутовскими выходками. Конклавъ помѣщался въ сосѣднемъ домѣ, куда направлялась процессія во главѣ, съ княземъ-папой, ѣхавшимъ верхомъ на бочкѣ, запряженной четырьмя волами. Его окружали шутовскіе монахи,

*) См. очеркъ И. Носовича. Ср. Семевского «Слово и Дѣло».

якобинцы, кордельеры. Ряса отца Калльо, француза, кордельера, проживавшаго въ Москвѣ, послужила образцомъ для ихъ костюмовъ. Петръ даже настаивалъ на участіи самаго монаха въ шествіи и уступилъ только передъ энергичнымъ протестомъ французскаго посланника. Одѣтый голландскимъ матросомъ, царь, обыкновенно самъ руководилъ шествіемъ. Обширная галлерея, обставленная узкими диванчиками, ожидала членовъ конклава. Въ проходахъ опять-таки бочки, распиленные пополамъ и предназначенныя частью для съѣстныхъ припасовъ, частью для отправленія естественныхъ нуждъ. Шүтовскимъ кардиналамъ строго воспрещалось покидать свои ложа до окончанія конклава. Прислужникамъ, приставленнымъ къ каждому изъ нихъ, поручалось ихъ напавать, побуждать къ самымъ сумасброднымъ выходкамъ, непристойнымъ дурачествамъ, а также, говорятъ, развязывать имъ языки и вызывать на откровенность. Царь присутствовалъ, прислушиваясь и дѣлая замѣтки въ записной книжкѣ. Конклавъ продолжался трое сутокъ. Когда не предстояло избранія новаго папы, время проходило въ спорахъ, напримѣръ, относительно качества вина, непонравившагося одному изъ кардиналовъ.

Въ 1714 г. чтобы внести разнообразіе въ программу, Петръ затѣялъ женить князя-папу, Зотова, восьмидесяти-четырёхъ лѣтняго старца, отца сыновей, занимавшихъ видное положеніе въ арміи. Одинъ изъ нихъ тщетно умолялъ царя избавить сѣдины отца отъ такого позора. Невѣстой была выбрана Анна Пашкова, изъ хорошей семьи, около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Начались грандіозныя приготовленія къ празднованію безпримѣрной свадьбы. Надо замѣтить, что Сѣверная война все еще свирѣпствовала въ данную минуту со своей зловѣщей свитой общаго траура и жертвъ, изнурительныхъ для народа. И вотъ, за четыре

мѣсяца до событія, всѣмъ придворнымъ чинамъ и дамамъ былъ разосланъ приказъ приготовить къ участию въ предстоящемъ торжествѣ и прислать канцлеру, графу Головкину, подробное описаніе выбраннаго костюма, чтобы не могло случиться болѣе трехъ похожихъ. Участники и костюмы два раза подвергались самоличному осмотру Петра, 12 декабря 1714 г. и 15 января 1715 г. Онъ собственно-ручно писалъ всѣ указанія и распоряженія, относящіяся къ церемоніалу, придуманному для этого случая. Въ назначенный день, по сигналу пушки съ Петропавловской крѣпости, всѣ мужчины и женщины, принимавшіе участіе въ маскарадѣ, собрались, первые—въ домѣ канцлера, вторые—у «княгини-игуменьи». Теперь имѣлась уже и «княгиня-игуменья», г-жа Ржевская, «ловкая и лстивая, но всегда пьяная баба», по отзыву одного изъ современниковъ. Послѣ ея смерти замѣстительницей ея сдѣлалась княгиня Анастасія Голицына, дочь князя Прозоровскаго, большой другъ Петра, съ которой онъ обращался, какъ съ сестрой—пока не велѣлъ публично отстегать плетью на дворѣ Преображенскаго приказа. Она обвинялась въ сообщничествѣ съ Алексѣемъ, за которымъ ей было поручено слѣдить и подсматривать. Она вернула себѣ царскую милость, согласившись занять мѣсто г-жи Ржевской *).

Шествіе началось отъ царскаго дворца и, перейдя по льду черезъ Неву, направилось на другомъ берегу къ церкви Петра и Павла, гдѣ девяностолѣтній священникъ, разысканный въ Москвѣ, ожидалъ у алтаря жениха и невѣсту. Шествіе открывалъ Ромодоновскій, лже-цесарь, наряженный царемъ Давидомъ, съ лирой въ рукахъ, прикрытый медвѣжьей шкурой. Онъ ѣхалъ въ саняхъ, запряжен-

*) Долгоруковъ, «Записки».

ныхъ четырьмя медвѣдями, пятый стоялъ на запяткахъ вмѣсто лакея. Награждаемые ударами кнута всю дорогу, звѣри испускали оглушительный ревъ. Сзади слѣдовали на очень высокихъ санихъ новобрачные, окруженные купидонами, съ оленемъ, украшеннымъ огромными рогами впереди, на мѣстѣ кучера, и козломъ на запяткахъ. Лже-патріархъ нарядился въ свое папское облаченіе. Вся столичная знать, представители правительства, аристократіи, дипломатическаго корпуса, князь Меншиковъ, адмираль графъ Апраксинъ, генераль Брюсъ, графъ Витутумъ, посланникъ Августа II, въ костюмахъ гамбургскаго бургомистра играли на рыляхъ; канцлеръ, князя Яковъ и Григорій Долгорукіе, князя Петръ и Дмитрій Голицыны, наряженные китайцами, играли на свирѣляхъ; императорскій резидентъ Плейеръ, ганноверскій посланникъ Веберъ, голландскій резидентъ де-Би, одѣтые нѣмецкими пасторами, играли на волынкахъ. Всѣ были на лицо, многіе смущенные и недовольные, но Петръ не обращалъ на это вниманія. Нѣкоторые сановники, Михаилъ Глѣбовъ, Петръ и Никита Хитровы были избавлены отъ необходимости играть на музыкальныхъ инструментахъ, «потому что ихъ дряхлая старость мѣшаетъ имъ владѣть руками». Но все-таки имъ было приказано присутствовать. Царевичъ, въ костюмѣ охотника, трубилъ въ рогъ. Екатерина въ финскомъ нарядѣ съ восемью придворными дамами; старая царица Марѳа, вдова царя Федора, въ польскомъ костюмѣ; принцесса Остъ-Фрисландская въ древнегерманскомъ костюмѣ, всѣ играя на свирѣляхъ. Петръ, по обыкновенію, наряженный матросомъ, билъ въ барабанъ. Венеціанцы, извлекавшіе пронзительные звуки изъ своихъ свистковъ, дикари изъ Гондураса, потрясавшіе копьями, поляки, пиликавшіе на скрипкахъ, калмыки, тренькавшіе на балалайкахъ, норвежскіе поселяне, лютеранскіе пасторы,

католическіе монахи, епископы съ оленьими рогами на головѣ, раскольники, китоловы, армяне, японцы, лапландцы, тунгузы окружали его пестрой, шумной толпой. Музыка, ревъ медвѣдей, звонъ колоколовъ, раздававшійся изо всѣхъ церквей, восклицанія тысячей зрителей смѣшивались въ адской какофоніи. И толпа кричала: «Патріархъ женится! Ура патріарху съ супругой!». Банкетъ, закончившійся оргіей, какъ нетрудно себѣ представить, завершилъ церемонію. Восьмидесятилѣтніе старцы, не твердо державшіеся на ногахъ, исправляли обязанности кравчихъ. Празднество продолжалось на другой день и длилось до февраля *).

Нельзя умолчать о слѣдующей подробности: въ самый день свадьбы, между маскарадомъ и банкетомъ, Петръ, не снимая матроскаго костюма, ухитрился дать аудіенцію графу Вицтумъ и, переговоривъ съ нимъ о дѣлахъ весьма серьезныхъ, вручилъ письмо къ его государю, помѣченное тѣмъ же числомъ и касающееся польскихъ дѣлъ. Онъ принималъ также Бассевица и толковалъ съ нимъ о дѣлахъ герцога Голштинскаго **). Конечно такое обстоятельство достойно удивленія, но тѣмъ не менѣе обстановка, среди которой оно промелькнуло, не можетъ не показаться возмутительной. Въ 1717 г. Зотовъ умеръ, Петръ составилъ для выборовъ его преемника новый регламентъ, цѣлое сочиненіе, гдѣ изощряется въ смѣшныхъ и непристойныхъ изобрѣтеніяхъ, настаивая въ особенности на удостовѣреніи пола кандидата по обычаю, установленному въ Римѣ послѣ знаменитой папессы Иоанны. Не забудемъ, что

*) Голиковъ, «Письмо де-ла-Би государственному секретарю Голландіи, Петербургъ, 1-ое февраля 1715 г. Гаагскій архивъ. Долгоруковъ, «Записки».

***) Голиковъ.

въ это время Петръ ожидалъ возвращенія сына Алексѣя и готовился приступить къ ужасному процессу, набросившему такую печальную тѣнь на послѣдніе годы его жизни. По немъ этого совершенно незамѣтно. Кандидата звали Петромъ Ивановичемъ Бутурлинымъ. До сихъ поръ онъ носилъ званіе архіепископа Петербургскаго въ епархіи пьяницъ, прожоръ и дураковъ. Принадлежалъ онъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій страны. Петръ предназначилъ себѣ на этотъ разъ роль протодьякона конклава, члены котораго получали свои избирательныя записки изъ рукъ «княгини-игуменьи», цѣлуя при этомъ ея груди. Записки эти изображаются яйцами... Пропускаемъ неподдающіяся передачѣ подробности *). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, несчастный Алексѣй изнемогалъ подъ кнутомъ въ допросной камерѣ, а его отецъ тѣмъ временемъ пировалъ съ новымъ княземъ-папой, «патріархомъ или скорѣе издѣвательствомъ надъ патріархомъ», какъ выражается Вакеродъ, и присутствовалъ при сценахъ безобразнаго, омерзительнаго разгула: «Переполнивъ, наконецъ, себѣ желудокъ, патріархъ облегчилъ его, обдавъ съ высоты трона вонючей струей парики и одежды сидѣвшихъ у подножія его стола, что доставило обществу громаднѣйшее удовольствіе» **).

Въ 1720 г. Петръ придумалъ женить Бутурлина на вдовѣ Зотова и вотъ снова затѣваются дурачества, непристойности и невыразимыя профанаци. Устраивается постель въ пирамидѣ, воздвигнутой передъ Сенатомъ въ память счастливой битвы со шведами. Нѣтъ пошады даже побѣдѣ, крови пролитой на защиту отечества, собственной славѣ! Моло-

*) Семевскій, «Слово и дѣло». Шереръ.

***) Донесеніе, приписываемое Германомъ Мардефельду, прусскому посланнику, 7 мая 1718 г., «*Peter der Grosse und der Tsarevitch Alexei*».

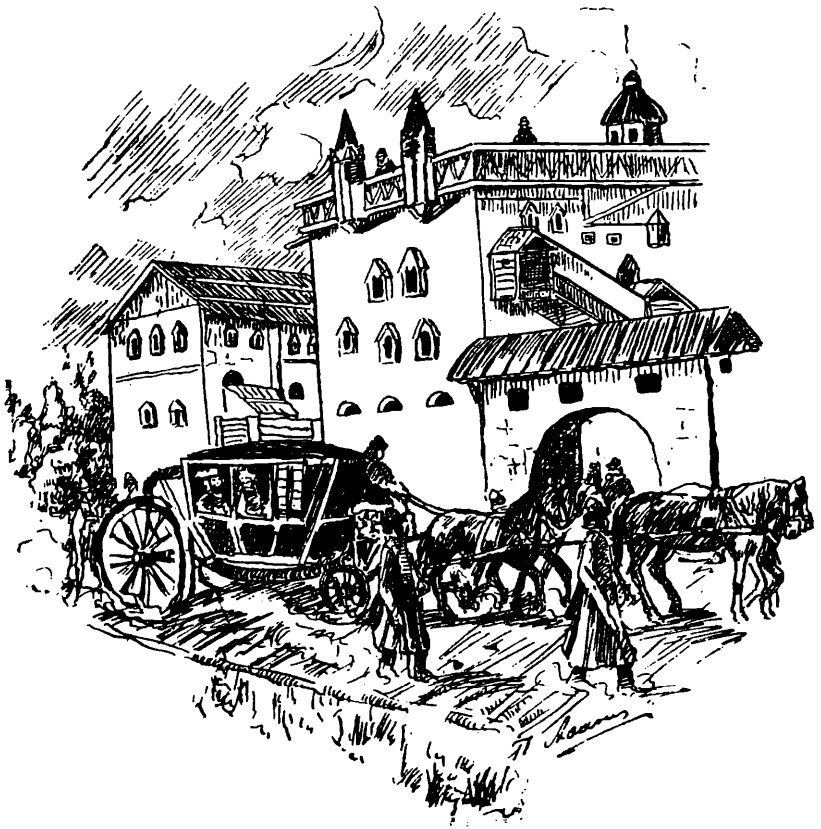
дыхъ укладываютъ, напоивъ ихъ мертвецки пьяными, и заставляють ихъ пить еще изъ стакановъ, одна форма которыхъ оскорбленіе для нравственности; потомъ, черезъ отверстія, устроенныя въ стѣнахъ пирамиды, толпѣ дають насладиться зрѣлищемъ, какимъ, говорятъ, любовался Людовикъ XV на свадьбахъ своихъ дѣтей. На слѣдующій день князь-папа вступаетъ въ исполненіе своихъ папскихъ обязанностей, раздавая благословенія «по обряду русскихъ священниковъ» процессіи масокъ, собравшихся въ его жилищѣ *).

Это папство было непродолжительнымъ, и 10 сентября 1723 г. мы читаемъ въ депешѣ Кампредона: «Церемонія провозглашенія новаго патріарха будетъ происходить въ Москвѣ. Мѣстомъ конклава избранъ маленькій островокъ по сосѣдству съ Преображенскимъ, гдѣ находится крестьянская изба. Самозванные кардиналы соберутся тамъ въ назначенный день; ихъ заставлягъ цѣлыя сутки пить вино и водку, не давая имъ спать, и послѣ такой блестящей подготовки они выберутъ себѣ патріарха».

Не можетъ быть двухъ мнѣній о подобныхъ мерзостяхъ и гнусностяхъ. Можно только расходиться во взглядѣ на ихъ толкованіе. Мы придерживаемся уже высказаннаго нами мнѣнія. Петръ является представителемъ общества еще только формирующагося, куда историческія посылки и его личная инициатива внесли и привили различныя, противоположныя ферменты; гдѣ нѣтъ ничего прочнаго, завѣтнаго, а слѣдовательно и священнаго. Со временъ Иоанна Грознаго всѣ выдающіеся люди въ этомъ обществѣ были оригиналами, «самодурами» по выразительному народному названію, что объясняется отсутствіемъ общей почвы національной

*) Деша де-ла-Би, французскаго резидента, Петербургъ 4 октября 1720 г. Берхгольдъ.

культуры. Таковъ и Петръ—мастодонтъ въ образѣ человѣка. Онъ духовно сохранилъ колоссальныя, грандіозныя размѣры допотопной флоры и фауны; въ немъ бушуютъ стихійныя силы и инстинкты. Онъ человѣкъ первобытный, полный зарослей, какъ дѣвственный лѣсъ, изобилующій жизненными соками и разнообразный до безконечности; непохожій ни на кого и вызывающій сравненія самыя разнорѣчивыя, мощный и причудливый, трагичный и шутливый, родственникъ Людовику XI и недалекій отъ Фальстафа. Весьма близко стоявшій къ народу, какъ уже было говорено, не чуждавшійся трясины, откуда медленно поднимался вокругъ него общественный отборъ, онъ избиралъ себѣ сподвижниковъ и друзей въ средѣ простонародья, заботился о своемъ хозяйствѣ, точно лавочникъ, билъ жену какъ мужикъ, и искалъ удовольствій тамъ, гдѣ привыкла ихъ искать толпа. Если добавимъ къ этому постоянное столкновеніе въ его умѣ мыслей и плановъ, часто противорѣчивыхъ, но имѣвшихъ обыкновенно предвзятую цѣль всеобщаго переворота и уравненія; если припомнимъ, что въ его волѣ всегда жило сознаніе безграничнѣйшей власти надъ людьми и обстоятельствами, когда-либо выпадавшей на долю человѣка, а въ душѣ, какъ мы уже говорили,—страстное стремленіе за предѣлы дѣйствительности, становившейся наконецъ невыносимой даже для такого человѣка, какъ онъ,—то и на эту сторону его духовнаго облика, по нашему мнѣнію, прольется достаточно ясный свѣтъ.

ГЛАВА III.

Планы, принципы и приемы управления.

I. Изобиліе плановъ.—Мнемоническіе приемы.—Планы эти по большей части—заимствованія.—Подражаніе Западу.—Неудовлетворительность нѣкоторыхъ существенныхъ понятій.—Правосудіе, религія, нравственность.—Умственная непослѣдовательность.—Практическій умъ.—II. Общее представленіе о роли государя.— Столкновеніе противорѣчивыхъ принциповъ.—Отрицаніе отдѣльной личности и поглощеніе ея общественной жизнью.—Введеніе соціальнаго принципа въ переустройство страны и признаніе его крайнихъ послѣдствій.—«Первый слуга государства»,—Петръ представляетъ въ государственное пользованіе богатства, накопленныя его предшественниками.—Наслѣдіе Романовыхъ.—Жалованье «Петра Михайловича».—Его расходная книга.—366 рублей въ годъ.—Обратная сторона медали.—Прихоть и деспотизмъ.—Слуга заноситъ руку на своего повелителя.—III. Причины такого противорѣчія.—Революціонный характеръ реформы.—Присоединеніе азіатскаго элемента.—Террористическій режимъ, усугубленный его вліяніемъ.—Историческая преемственность.—Самовластье и розыскъ.—Любитель-палачъ.—Всеобщее шпіонство.—«Языкъ».—Тайная канцелярія и судебныя засѣданія Конвента.—Продолжительность такого режима и долготерпѣнія подчиняющагося ему народа.—Соотвѣтствіе мѣстнымъ нравамъ.—IV. Система вѣчныхъ угрозъ.—Короткая расправа.—Дубинка.—Подъ топоромъ палача.—Дезертирство.—Карательныя мѣры для его искорененія.—Клеймо.—Внѣ закона.—Недостаточность такихъ мѣропріятій.—Всеобщее бѣгство.—«Близко къ царю, близко отъ смерти».—Отчужденность родовитыхъ фамилій.—Высочки.—Ихъ содѣйствіе усиленію гнета.—Фаворитизмъ.—Старозавѣтныя традиции.—Ихъ роль въ реформѣ и вліяніе на ея значеніе.

I.

Говоря объ умственныхъ дарованіяхъ великаго преобразователя, мы уже постарались обрисовать ихъ проявленіе на дѣлѣ, потому что онъ—олицетвореніе дѣла. Однако слѣдуетъ еще изобразить ихъ въ непосредственномъ столкновеніи съ жизненной дѣйствительностью и способами управленія. У Петра ежедневно зарождались новые планы. Объ ихъ изобиліи свидѣлствуютъ мнемоническіе приемы, къ которымъ ему приходилось прибѣгать, чтобы не подвергать риску случайной забывчивости ежедневный результатъ такой мозговой плодovitости. Петръ всегда носилъ при себѣ и постоянно вынималъ изъ кармана записную книжку, куда заносилъ быстрыя замѣтки. Въ записныхъ книжкахъ мѣста не хватало; онъ пользовался первымъ попавшимся клочкомъ бумаги, малѣйшимъ пустымъ промежуткомъ въ дѣловыхъ бумагахъ, находившихся у него подъ рукой, хотя бы содержаніе ихъ не имѣло никакого отношенія къ предмету, озабочивавшему его въ данную минуту. Такимъ образомъ на поляхъ донесенія, касающагося предполагаемаго основанія С.-Петербургской Академіи, дополняя собой замѣтки, относящіяся къ этому учрежденію, находятся слѣдующія строки, начертанныя такъ же рукой Петра: «Надо послать Румянцеву, на Украину, приказъ обмѣнять быковъ, какихъ можно вывести изъ этой мѣстности, на овецъ и барановъ и отправить кого-либо за границу, чтобы научиться уходу за этой породой животныхъ, какъ ихъ стригутъ и какъ обрабатывать ихъ шерсть».

Эти соображенія, если ихъ хорошенько разсмотрѣть скорѣ простыя заимствованія извнѣ, почти не подвергнувшіяся внутренней мыслительной переработкѣ, и качество ихъ не соотвѣтствуетъ количеству. Петръ думалъ, какъ и видѣлъ, останавливаясь главнымъ образомъ на подробностяхъ, и умъ его по преимуществу—превосходнѣйшій рефлаторъ. Но при томъ зеркало его кажется состоящимъ изъ чезечуръ многосложныхъ и причудливо расположенныхъ граней: часть окружающихъ предметовъ не захватывается его полемъ зрѣнія, и часто эти предметы наиболѣе близкіе. Живя рядомъ съ Посошковымъ, Петръ не подозревалъ о существованіи этого своеобразнаго и глубокаго мыслителя. Вѣроятно, неудача бѣднаго философа заключалась въ томъ, что онъ не родился англичаниномъ или нѣмцемъ. Напрасно онъ посылалъ государю нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій: «Разсужденіе о богатствѣ и бѣдности», обширную и поразительную политическую энциклопедію; даже старался привлечь вниманіе царя въ области практическихъ примѣненій, столь имъ цѣнимой. Не онъ ли былъ основателемъ перваго въ Россіи производства селитры? Князь Борисъ Голицынъ заплатилъ ему четырнадцать рублей за изобрѣтеніе, и тѣмъ ограничилась вся его награда. Когда наконецъ, уже послѣ смерти Петра, его сочиненія были прочитаны, то автора ихъ засадили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Издатель же для нихъ нашелся только полстолѣтія спустя, въ 1799 г. Петру не нужны были его знанія и таланты: во время своего пребыванія въ Гаагѣ онъ обратился къ государственному секретарю Штатовъ, Фажелю, съ просьбой указать челоуѣка, способнаго учредить и управлять у него государственной канцеляріей, т. е. лишняго голландскаго подмастерья, который могъ бы установить и пустить въ ходъ новую машину. Затѣмъ въ Лондонѣ онъ по тому

же поводу совѣтовался съ протестантскимъ священникомъ. Въ «*Аполейтомена*» Франциска Ли*) находимъ слѣды такого совѣщанія, и на ряду съ глубокомысленными разсужденіями о планѣ Ноева ковчега, тамъ находимъ принципъ будущихъ административныхъ коллегій, положенныхъ великимъ мужемъ въ основу правительства. Фокусъ его зеркала неизмѣнно обращенъ былъ къ Западу. Мемуары Остермана, еще неизданные, говорятъ, содержатъ слѣдующее признаніе, приписываемое великому мужу: «Европа намъ нужна на нѣсколько десятковъ лѣтъ; потомъ мы обернемся къ ней спиной» **). Я не имѣлъ возможности удостовѣриться въ этой цитатѣ, но даже въ случаѣ ея точной передачи, въ ея подлинность трудно повѣрить. Безъ провѣрки, легче предположить, что она носитъ печать современнаго славянофила.

Дѣйствіе у этого человѣка, находящагося въ постоянномъ движеніи, часто предшествовало мысли или по крайней мѣрѣ непосредственно за ней слѣдовало; у него было больше самостоятельныхъ поступковъ, чѣмъ мнѣній. При этомъ наблюдается полнѣйшее отсутствіе нѣкоторыхъ основныхъ понятій, напр. въ области правосудія. Въ 1715 г. нѣсколько голландскихъ кораблей были сожжены его моряками, принявшими ихъ за шведскія суда. Онъ заявилъ, что убытки должна заплатить Швеція, потому что событіе произошло близъ Гельсингфорса, а Гельсингфорсъ принадлежитъ Швеціи. И считалъ себя безусловно правымъ. Чтобы получить нужную сумму, онъ заставилъ канцлера Пиппера, своего плѣнника со временъ Полтавской битвы, подписать вексель на Стокгольмъ, а когда шведское правительство отказалось отъ уплаты, приказалъ посадить Пиппера въ

*) Лондонъ, 1752 г.

**) Русскій Архивъ, 1874 г., стр. 1579.

тюрьму,—гдѣ семидесятилѣтній, больной старецъ умеръ въ слѣдующемъ году *). Намъ уже приходилось указывать на непослѣдовательность поступковъ Петра, обнаруживавшихъ хаосъ, царившій въ его умѣ въ области религіи. «Запись исповѣдниковъ» въ послѣдствіи скрываема я Екатериной отъ Вольтера,—его изобрѣтеніе, а также и карательныя мѣры для ослушниковъ. Онъ пѣлъ на клиросѣ въ церквахъ, и каждая его побѣда сопровождалась богослуженіемъ, длившимся не менѣе пяти часовъ. Послѣ Полтавской битвы служба продолжалась семь часовъ, чтобы возблагодарить въ достаточной степени Бога-воителя. Въ церквахъ, обыкновенно посѣщаемыхъ Петромъ, были выставлены крѣжки, куда опускались пожертвованія, въ видѣ штрафа, налагаемаго имъ на присутствующихъ, уличенныхъ въ неподобающемъ поведеніи, болтливости или дремотѣ, а въ Александро-Невской лаврѣ сохраняется желѣзный ошейникъ, предназначавшійся суровымъ государемъ для рецидивистовъ. Въ слѣдующее воскресенье имъ приходилось выстаивать обѣдню прикованными за шею къ стѣнѣ храма **).

А иногда его слова и даже поступки обнаруживали въ немъ склонность къ протестантизму. Онъ окружалъ себя лютеранами и кальвинистами, затѣвалъ съ ними догматическіе диспуты, гдѣ его православіе сильно хромало, и благоговѣнно выслушивалъ проповѣди завѣдомо еретическія. Указъ, изданный въ 1706 г. по его повелѣнію, разрѣшалъ всѣмъ протестантамъ свободу богослуженія. Но Гейнеръ обнаружилъ цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о надеждахъ, возлагавшихся Римомъ въ это самое

*) Бергхольць.

**) Шереръ.

время и даже послѣ такого распоряженія, на возможность соединенія обѣихъ церквей; и бывали случаи, когда государь выказывалъ поощреніе даже іезуитамъ. Собственно говоря, онъ приступилъ къ ихъ изгнанію въ 1689 г., и въ 1698 году въ Вѣнѣ высказывалъ о нихъ мнѣніе далеко не лестное: «Императоръ не можетъ не знать», говорилъ онъ, «что эти люди богаче него; однако, въ послѣднюю войну съ Турціей онъ не попользовался отъ нихъ ни одной копейкой, ни однимъ человѣкомъ!» Однако это не помѣшало отцамъ, восемь лѣтъ спустя, основать коллегію не только въ Москвѣ, но еще въ Петербургѣ и Архангельскѣ. Здѣсь они оставались до 1719 года. Вдругъ неожиданно новое гоненіе. Что случилось? Разрывъ съ Вѣнскимъ дворомъ, покровителемъ послѣдователей Лойолы. Не будучи въ силахъ поразить императора, Петръ обрушился съ своимъ гнѣвомъ на его вѣрноподданныхъ. Вотъ ясное отраженіе его воззрѣній, религиозныхъ и политическихъ *).

А евреи? Относительно нихъ у Петра, повидимому, была предвзятая мысль. Онъ ихъ терпѣть не могъ и ни подъ какимъ видомъ не желалъ дозволить имъ пребыванія въ своемъ государствѣ. Но что же? Мы видимъ среди его приближенныхъ нѣкоего Мейера, не подлежащаго сомнѣнію по своему происхожденію, который вмѣстѣ съ зятемъ Лупеомъ служитъ ему посредникомъ въ различныхъ финансовыхъ операціяхъ и при продовольствіи арміи. Мы встрѣчаемъ этого откупщика даже во время засѣданій сената, возсѣдающимъ по правую руку отъ императора и окруженнымъ почтительностью и предупредительностью **).

Прежде всего и во всемъ Петръ «матеріалистъ», и бла-

*) Голиковъ; Веберъ, *Послѣдніе анекдоты*.

***) Штелинь.

годаря этому въ вопросахъ нравственности его мнѣнія, какъ и общее направленіе поступковъ, граничатъ обыкновенно съ практическимъ цинизмомъ. Дѣтубійство наказуется смертью въ его законодательствѣ, но законодатель удивляется, что Карль V примѣнялъ ту же кару за прелюбодѣяніе: «Развѣ у него было слишкомъ много подданныхъ?» Прибывъ однажды въ Вышній Волочекъ, Новгородской губерніи, для наблюденія за прорытіемъ каналовъ, онъ замѣтилъ въ толпѣ молодую дѣвушку, сразу бросившуюся ему въ глаза своей красотой и смущеннымъ видомъ. Онъ подозвалъ ее къ себѣ; она подошла, но сгорая стыдомъ и закрывъ лицо руками. Царь выразилъ намѣреніе выдать ее замужъ; остальные молодья дѣвушки, присутствовавшія при этомъ, разразились смѣхомъ. Въ чемъ же дѣло? Ему объяснили, что бѣдняжка забылась съ нѣмецкимъ офицеромъ, покинувшимъ ее съ ребенкомъ на рукахъ. Большая бѣда! Онъ строго отчиталъ насмѣшницъ, приказалъ показать себѣ ребенка и радовался, видя въ немъ будущаго хорошаго солдата. На прощанье поцѣловалъ мать и наградилъ ее пригоршней серебряной монеты съ обѣщаніемъ еще разъ навѣстить *).

Петръ даетъ десять тысячъ червонцевъ предсѣдателю своей торговой коллегіи Толстому, желая помочь ему избавиться отъ итальянской куртизанки и приказъ о выселеніи ея, но чтобы деньги не пропадали совершенно даромъ, онъ затѣиваетъ секретные переговоры, возложивъ на красавицу порученіе соблазнить ими Вѣну и Римъ **).

*) Штелинъ.

**) Деша Кампредона отъ 17 августа 1722 г. Вѣд. Иностр. Дѣлъ, Франція.

II.

Какъ уже было сказано, Петръ имѣлъ общее представление о своей роли и обязанностяхъ, а также о сопряженныхъ съ ними правахъ; но совершенно безсознательно онъ совмѣщалъ при томъ, нисколько объ этомъ не беспокоясь и даже того не подозрѣвая, два принципа, положительно непримиримые. Исходя изъ полнѣйшаго отрицанія личности ради общественныхъ интересовъ, онъ кончаетъ положительнымъ поглощеніемъ общественности неограниченнымъ я. Оставивъ далеко позади Людовика XIV, онъ желалъ отождествлять собой не только «Государство» съ «государемъ», но всю народную жизнь, прошлую, настоящую и будущую. Онъ твердо вѣрилъ, что умственное и экономическое возрожденіе, которыми онъ руководилъ, но которыя зависѣли отъ причинъ предшествовавшихъ и отчасти находились внѣ сферы его вліянія,—всецѣло его личное дѣло, его созданіе, твореніе его рукъ, лишенное безъ него всякаго смысла и даже возможности осуществленія. Безъ сомнѣнія онъ вѣрилъ также въ продолженіе этого дѣла за предѣлами своего вѣроятнаго земного существованія; онъ даже работалъ исключительно для этого будущаго, но въ глубинѣ души *не представлялъ* себѣ его безъ собственнаго участія. Отсюда проистекало его равнодушіе къ вопросу престолонаслѣдія. Не потопъ видѣлъ онъ послѣ себя, а почти небытіе.

Его права и обязанности, какъ онъ ихъ понималъ, являлись для Россіи новостью. Весь укладъ государства,

не исключая и политической жизни, покоился до него на семейныхъ стояхъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, его отецъ, былъ только главой народа и семьи. Никакого общества; ни малѣйшаго намека на права и взаимныя обязанности. Это нравы и обычаи востока. Петръ вернулся изъ-за границы съ усвоеннымъ имъ новымъ принципомъ «общественности», который сталъ проводить въ жизнь, впадая по обыкновенію въ крайности. Объявляя себя первымъ слугой родины, онъ доводилъ эту мысль до странныхъ, уродливыхъ преувеличеній. Въ 1709 г. онъ писалъ фельдмаршалу Шереметьеву, прося его поддержки у «государя», т.-е. Ромодановскаго, ходатайствуя о полученіи чина контръ-адмирала, приниженно излагая свою просьбу и перечисляя свои заслуги передъ отечествомъ. Въ 1714 г. онъ получилъ и безропотно принялъ отрицательный отвѣтъ адмиралтейства, къ которому обращался съ ходатайствомъ о повышеніи въ чинѣ. Въ 1723 году во время стоянки въ Ревелѣ съ своимъ флотомъ, онъ заручился докторскимъ свидѣтельствомъ, чтобы получить отъ генералъ-адмирала разрѣшеніе ночевать въ городѣ *). Выстроивъ себѣ дачу близъ Ревеля, Екатериненталь, Петръ удивился при первомъ своемъ посѣщеніи, не видя никого въ паркѣ. Не для себя же одного онъ заставлялъ работать столько народу и потратилъ столько денегъ? На слѣдующій день глашатай возвѣстилъ жителямъ Ревеля, что паркъ находится въ ихъ распоряженіи и что они могутъ разгуливать тамъ безъ стѣсненій **). Сейчасъ же послѣ восшествія на престолъ,

*) Сборникъ; Голиковъ; Бергхольцъ.

***) Шереръ.

царь раздѣлилъ на двѣ части весьма значительныя богатства, накопленныя его отцомъ и дѣдомъ. Благодаря привилегіямъ и монополіямъ, присвоеннымъ государю, царь Алексѣй владѣлъ 10,734 десятинами пахатной земли и 5000 домами съ доходомъ въ двѣсти тысячъ. Петръ не пожелалъ ничего оставить себѣ; онъ предоставилъ въ государственное пользованіе всѣ эти помѣстья и сохранилъ за собой только скромное наслѣдіе Романовыхъ: восемьсотъ душъ въ Новгородской губерніи *). Къ доходамъ съ своего имѣнья онъ прибавлялъ только обычное жалованье, соответствовавшее чинамъ, постепенно имъ проходимымъ въ арміи или во флотѣ. Сохранились квитанціи съ его подписью, свидѣтельствующія о полученіи имъ ежегоднаго вознагражденія въ размѣрѣ 366 руб. въ качествѣ тиммермана. Имѣется также его счетная книга, ведущаяся не особенно аккуратно, но изобилующая любопытными подробностями. «Въ 1705 г. получилъ 366 рублей за работы на Воронежскихъ верфяхъ и 40 рублей за службу въ чинѣ капитана. Въ 1706 г. всего 156 рублей, полученныхъ въ Кіевѣ. Въ 1707 г. жалованье полковника, полученное въ Гродно: 460 руб.—Расходы: въ 1707 г. пожертвовано въ Вильнѣ въ монастырь 150 руб.; за матеріи, купленныя въ томъ же городѣ 39 руб.; Анисьѣ Кирилловнѣ на платье 26 руб.; князю Григорію Шаховскому на платье 41 руб.; адъютанту Бартеневу для крайне нужной поѣздки 50 руб.»**). Посѣтивъ однажды заводъ въ Истѣи, Рязанской губерніи, онъ смѣшался съ рабочими, трудился нѣсколько часовъ съ молотомъ въ рукахъ, потомъ сдѣлалъ подсчетъ: ока-

*) Карповичъ, *«Крупныя состоянія въ Россіи»*.

***) Документы и переписка.

залось, что онъ заработалъ восемнадцать алтынъ (алтынъ-3 коп.) за такое же количество пудовъ чугуна, надъ которыми упражнялъ силу своихъ мускуловъ. Получивъ деньги, онъ съ гордостью заявилъ, что по возвращеніи въ Москву отправится въ ряды и употребитъ свой заработокъ на покупку новыхъ башмаковъ, потому что бывшіе на немъ совершенно развалились *).

Въ этомъ много трогательнаго такъ же, какъ и величаваго; но у медали была и своя обратная сторона. Прежде всего тутъ была большая доля причудъ, что хорошо сознавалъ самъ великій мужъ. Въ 1713 г., онъ писалъ изъ Гельсингфорса Екатеринѣ: «6-го мѣсяца адмиралъ возвелъ меня въ генеральскій чинъ, съ чѣмъ поздравляю и генеральшу. Странное дѣло! чинъ контръ-адмирала я получилъ во время кампаніи въ степяхъ, а вотъ теперь сдѣлался генераломъ, плавая по морю». Исторія, сообщаемая Нартовымъ, встрѣча Петра съ Ромодановскимъ по пути въ Преображенское забавно освѣщаетъ настоящую двойственность, какую ему нравилось создавать между дѣйствительностью и своимъ воображаемымъ чиномъ и положеніемъ. Петръ въ скромной одноколкѣ, по своему обыкновенію, привѣтствовалъ самозваннаго государя, величая его полнымъ титуломъ: «*Mein gnodiger Her Kaiser,*» но забылъ обнажить голову. Ромодановскій въ роскошномъ экипажѣ, окруженный многочисленной свитой, предшествуемый курьеромъ, разгонявшимъ толпу ударами бича и громкимъ крикомъ: «Сторонись! шапки долой!» пролетѣлъ словно вихрь, окинувъ настоящаго государя гнѣвнымъ взоромъ. Часъ спустя, онъ вызвалъ къ себѣ «Петра Михайлова» **). И, не

*) Нартовъ

***) Нартовъ

вставая и не предлагая тому сѣсть, грубо на него накинулся: «Съ какихъ это поръ онъ осмѣливается не снимать шапки, привѣтствуя его?»—«Я не узналъ ваше величество въ татарскомъ одѣяніи», возразилъ Петръ. И его величество этимъ удовлетворился. Онъ вѣроятно вспомнилъ объ одномъ письмѣ, полученномъ отъ «Петра Михайлова», вслѣдствіи жалобы Якова Брюса и начинавшемся слѣдующими словами: «Звѣрь! долго ль тебѣ людей жечь?—И сюда (Петръ находился тогда въ Голландіи) раненые отъ васъ пріѣхали, (Брюсъ, изувѣченный Ромодановскимъ). Перестань знаться съ Ивашкой (Хмѣльницкимъ). Быть отъ него рожѣ драной *)».

Но вотъ что гораздо важнѣе: все это ложное униженіе и дѣйствительное самоотреченіе, тутъ проявившіяся, не мѣшали тому же самому человѣку быть относительно народа, которому онъ, по своему заявленію, служилъ, ради котораго отказывался отъ всего, которому посвящалъ всю свою жизнь, быть, потворяя, не только самымъ требовательнымъ,—чему еще можно бы найти оправданіе,—но и самымъ безграничнымъ деспотомъ. Очевидно, служба и жертвы пріурочивались имъ къ этому высшему идеалу, бесконечно требовательному, обязательному для всѣхъ; между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы считаться съ отсутствіемъ способностей, со слабостями, личнымъ недостаткомъ развитія. Но у Петра не было ни для кого снисхожденія. Кто не занималъ въ общемъ ряду указаннаго мѣста, не исполнялъ возложенныхъ на него обязанностей, былъ измѣнникомъ, отступникомъ и какъ таковой лишался защиты закона. Если онъ владѣлъ имуществомъ, оно отбиралось у него потому, что человѣку, никуда негодному, не надо ни-

*) «Переписка» 22 декабря 1697 г.

чего имѣть. Изъ доходовъ ему выдавалась незначительная доля, а остальное переходило къ родственникамъ, и простого ходатайства послѣднихъ, представленнаго въ Сенатъ и имъ засвидѣтельствованнаго, было достаточно, чтобы совершить передачу. Если онъ находился въ возрастѣ, пригодномъ для вступленія въ бракъ, ему запрещалось жениться, потому что дѣти, безъ сомнѣнія, будутъ походить на него, а «государству такихъ подданныхъ не надо» *). Въ декабрѣ 1704 г. въ Москвѣ Петръ самъ произвелъ смотръ своему штату, боярамъ, стольникамъ, дворянамъ и всѣмъ служащимъ, имѣющимъ какой-либо чинъ. Рядомъ съ каждымъ именемъ, онъ собственноручно записывалъ предназначенную лицу должность **). Если человѣкъ не соответствовалъ требованіямъ выбраннаго для него мѣста или уклонялся отъ нихъ, его ожидала гражданская смерть, если удавалось избѣгнуть иной.

Былъ ли свободенъ по крайней-мѣрѣ человѣкъ, поступившій на службу, если исполнялъ свои обязанности? Вовсе нѣтъ! Потому что принципъ, во имя котораго онъ призванъ, требуетъ его всего безъ остатка: его душу и тѣла, всѣхъ его мыслей и время-препровожденія до развлеченій включительно. И здѣсь—проявляется во всемъ объемѣ, со всѣми послѣдствіями сбивчивость представленія объ идеѣ и человѣкѣ, ее олицетворяющемъ. Существуетъ только одна цѣль и одна дорога, къ ней ведущая; царь идетъ впереди, надо слѣдовать за нимъ. Надо дѣлать то, что онъ дѣлаетъ, думать, какъ онъ думаетъ, и веселиться, какъ онъ и когда онъ веселится. Надо обходиться безъ мостовъ, чтобы переправиться на другой бе-

*) Указъ 6 декабря, 1722 г. Голицковъ.

***) Голицковъ.

регъ Невы, потому что царь любитъ совершать этотъ перѣздъ на лодкѣ. Надо брить себѣ бороду, потому что у него плохая борода. Надо напиваться, когда онъ пьянъ, наряжаться кардиналомъ или обезьяной, если ему это нравится, богохульствовать, если ему такъ вздумается и проводить на слѣдующій день по семи часовъ въ молитвѣ. Въ случаѣ сопротивленія, ослушанія или просто недостатка пониманія, если силы не отвѣтствуютъ стараніямъ, если отвращеніе беретъ верхъ надъ желаніемъ повиноваться, или просто умъ не въ состояніи усвоить приказанія—виновнаго ждуть палка, кнутъ или плаха. Объявившій себя «слугой», заноситъ руку на своего властелина, бьетъ его, или убиваетъ. Въ мартѣ 1704 г., князь Алексѣй Барятинскій подвергается на торговой площади наказанію кнутомъ за то, что скрылъ нѣсколько рекрутовъ, которыхъ обязанъ былъ доставить; но въ томъ же году Григорій Камынинъ присуждается къ такому же наказанію за отказъ принять участіе въ «славленіи» *).

*¹) Желябужскій, «Мемуары».

III.

Противорѣчіе поразительное, но объяснимое. Петръ—преобразователь силою; его преобразованія носятъ характеръ революціи, вслѣдствіе чего его правленіе соотвѣтствуетъ условіямъ существованія и дѣятельности, неразрывно связаннымъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена съ политическимъ и социальнымъ положеніемъ, опредѣляемымъ такимъ образомъ. Съ другой стороны, это правленіе до извѣстной степени еще оставалось данникомъ завѣтовъ прошлаго: исторіи, обычаевъ, нравовъ. Самъ Петръ это сознавалъ. На одной изъ триумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ въ Москвѣ въ 1721 г. по случаю мира съ Швеціей, изображеніе царствующаго государя соединено съ изображеніемъ Іоанна Грознаго. Это мысль герцога Голштинскаго. Дядя одобрилъ племянника и воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы подчеркнуть историческую общность, которую его поступки и дѣйствія безпорно ежеминутно подтверждали *). Пусть въ принципахъ нѣтъ никакого сходства, практика на каждомъ шагѣ опровергала теорію. Теорія иногда граничила съ крайнимъ либерализмомъ; практика почти всегда оставалась деспотизмомъ, произволомъ, розыскомъ, терроромъ. Да, это было правленіе террористическое, какъ впоследствии правленіе Робеспьера, а раньше Кромвеля, только еще съ особымъ отпечаткомъ жестокости, свидѣтельствующимъ о его

*) Штейхлинъ.

азиатскомъ происхожденіи. Въ 1691 г. несчастный политическій сообщникъ Софіи, Василій Голицынъ, въ своемъ далекомъ и ужасномъ изгнаніи подвергся новому преслѣдованію. Чернецъ слышалъ, какъ бывшій правитель предсказывалъ близкую смерть царя; допрошенный нѣсколько разъ, онъ упорно стоялъ на своемъ доносѣ. Повидимому, доказательства были на лицо, однако слѣдствія установили, что послушникъ никогда не видалъ изгнанника, не бывалъ въ Яренскѣ, гдѣ тотъ находился въ заточеніи; онъ выдумалъ «отъ безумія»,—сумасшествія, часто встрѣчавшагося какъ во времена Іоанна Грознаго, такъ и въ царствованіе Петра,—умственного потрясенія вслѣдствіе постоянного страха передъ тайнымъ приказомъ и застѣнкомъ. Такая система соотвѣтствовала народнымъ обычаямъ. Народная поговорка ее освящаетъ и одобряетъ: «Кнутъ не ангель, а языкъ развяжетъ!» Петръ въ этомъ былъ убѣжденъ; онъ былъ страстный поклонникъ розыска, любитель ужаснаго искусства и собственноручно записывалъ ходъ допроса, часто вмѣшиваясь въ него самъ. Тогда онъ входилъ въ мельчайшія подробности, подчеркивая каждое слово, слѣдя за каждымъ движеніемъ. Онъ призывалъ къ себѣ во дворецъ для допроса простого ювелира, подозрѣваемаго въ кражѣ драгоценностей, подвергъ его дважды, и каждый разъ по часу, пыткамъ дыбой и кнутомъ, а вечеромъ весело рассказывалъ герцогу Голштинскому о своемъ утреннемъ времяпрепровожденіи *). Имѣя къ своимъ услугамъ цѣлую армію сыщиковъ и шпионовъ, онъ поощрялъ ихъ усердіе, подслушивая подъ дверями, прогуливаясь между столами во время пирушекъ, когда обязательныя возліянія разгорячали головы и развязывали языки. Около должно-

*) Семевскій, «Императрица Екатерина I.»

стныхъ лицъ или военначальниковъ, по отдаленности разстоянія ускользавшихъ отъ его непосредственнаго наблюденія, онъ назначилъ комиссаровъ, контрольныхъ агентовъ, находившихся съ нимъ въ перепискѣ и пользовавшихся весьма широкими полномочіями. Посланному для усмиренія бунта въ Астрахани, фельдмаршалу Шереметьеву приставленъ былъ съ этой цѣлью простой сержантъ гвардіи Щепотьевъ; за барономъ Шлейникомъ, посланникомъ въ Парижѣ, слѣдилъ его канцелярскій писецъ, Юринъ *). Пріемъ знакомый. Столѣтіе спустя та же исторія повторяется съ Белльгардомъ, Дюбуа и Дельми, представителями Конвента въ лагерь Дюмурье.

Революціи слѣдуютъ своей чередой, вполнѣ походя другъ на друга. Для одного изъ современниковъ, автора «Записокъ», исторія года великаго царствованія почти ограничивалась перечнемъ казней **). Арестъ одного обвиняемаго влекъ за собой десятки, сотни другихъ. Прежде всего виновнаго подвергали пыткамъ, чтобы заставить выдать своихъ сообщниковъ; онъ называлъ имена, по большей части случайно подвернувшіяся; когда запасъ изсякалъ, ему надѣвали на голову мѣшокъ изъ дерюги и водили по улицамъ, разыскивая прохожихъ, которыхъ онъ могъ бы указать палачу. Отчаянный крикъ раздавался повсюду, звуча грознѣе, чѣмъ «Пожаръ!» и обращая въ пустыни людныя улицы. «Языкъ! языкъ!» Такъ окрестилъ народъ невольнаго соучастника, по большей части покорнаго, погони за ослушниками. И всѣ бѣжали вразсыпную. Доносы размножались въ невѣроятномъ количествѣ; цѣлый рядъ указовъ тому способствовалъ, одобряя и поощряя доносчиковъ и

*) Голиковъ.

**) Желябужскій.

грозя строжайшимъ наказаніемъ тѣмъ, кто, имѣя свѣдѣнія, касающіяся безопасности царя или государства, не поспѣшилъ ихъ сообщить *). Обыкновенно въ видѣ награды выдавалось десять рублей, но при исключительныхъ обстоятельствахъ размѣръ вознагражденія значительно увеличивался. Въ 1722 г. на одной изъ московскихъ площадей, около фонаря было положено десять мѣшковъ, въ каждомъ по сту рублей, предназначавшихся тому, кто укажетъ автора памфлета противъ государя, подброшеннаго въ одной изъ кремлевскихъ церквей. Кромѣ того доносчику были обѣщаны земельныя угодья и мѣсто. Первый встрѣчный, произнеся роковой возгласъ: «Слово и Дѣло» и заявляя такимъ образомъ о томъ, что знаетъ и подозрѣваетъ дѣяніе, подвѣдомственное тайной полиціи, могъ возбудить уголовное преслѣдованіе. И не требовалось большихъ уликъ для привлеченія къ суду: достаточно было неосторожнаго слова, даже того менѣе. Одинъ крестьянинъ былъ подвергнутъ пыткѣ, а затѣмъ осужденъ на вѣчныя каторжныя работы за то, что, пьяный, привѣтствовалъ царя «необычнымъ образомъ». Другой подвергся той же участи за незнаніе, что царь принялъ теперь титулъ императора. Священникъ говорилъ о болѣзни государя и какъ будто допуская возможность его смерти. Его сослали въ Сибирь, на каторгу. Женщина увидала у себя въ погребѣ, на бочекѣ съ пивомъ буквы, начертанныя неизвѣстной рукой, на невѣдомомъ языкѣ; на допросѣ она не сумѣла объяснить ихъ значеніе и умерла подъ кнутомъ. Другая женщина, находясь въ церкви, нарушила богослуженіе криками

*) 1 ноября 1705 г.; 2 марта 1711 г.; 25 августа и 25 октября 1715 г.; 25 января, 26 сентября и 24 декабря 1716 г.; 16 и 19 апрѣля 1717 г.; 19 января 1718 г.; 16 апрѣля 1719 г.; 9 февраля и 22 іюля 1720 г.; 19 февраля 1721 г.; 11 января 1722 г.

и беспорядочными движеніями; она была слѣпая и вѣроятно одержима падучей болѣзнью, а можетъ быть просто хотѣла устроить скандалъ. Ее подвергли допросу. Студентъ въ состояніи опьяненія произнесъ непристойныя слова: тридцать ударовъ кнута, вырванныя ноздри и вѣчныя каторжныя работы. Это выдержки изъ официальныхъ документовъ, протоколовъ тайной канцеляріи, и, не будь кнута, ихъ легко было бы смѣшать съ постановленіями судищъ подѣ предсѣдательствомъ Кутона или Сень-Жюста *).

Петра нельзя назвать совершенно чуждымъ чувству милосердія. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ выше уровня обыкновенныхъ революціонеровъ и тѣмъ еще разъ подтверждаетъ составленное нами представленіе о его характерѣ. Въ 1708 г. онъ предлагалъ Долгорукому относиться снисходительно къ участникамъ Булавинскаго бунта, изъявившимъ покорность. Долгорукій былъ пораженъ, царь продолжалъ настаивать: необходимо умѣть отличать случаи, гдѣ суровость необходима, отъ случая, когда можно обойтись безъ нея. Но изумленіе Долгорукаго доказываетъ, насколько суровыя мѣры составляли неотъемлемую принадлежность режима.

Режимъ этотъ длился во время царствованія Петра. Какимъ образомъ его такъ долго терпѣли? Терпѣли потому, что онъ вполне соответствовалъ народнымъ нравамъ. Всѣ въ немъ соучастники. Въ обществѣ не было ни малѣйшаго чувства осужденія къ поступку и личности доносчика. Полтора вѣка спустя такое душевное настроеніе не подверглось почти никакому измѣненію. Самые, пожалуй, популярныя стихи самаго популярнаго изъ національныхъ поэтовъ рассказываютъ о скачкѣ по степи казака, везущаго доносъ царю!

*) Семевскій, «Слово и Дѣло».

IV.

Характерной чертой образа дѣйствій великаго преобразователя была постоянная угроза у него на устахъ. Неплюевъ, отправляемый резидентомъ въ Константинополь, прощаясь, называетъ его «отцомъ»; Петръ перебиваетъ: «Я буду тебѣ отцомъ, коли поведешь себя хорошо, а не то неумолимымъ судьей» *). Онъ даетъ приказаніе генералу Рѣпинну воспрепятствовать ввозу въ Ригу лѣса изъ Польши: «Если туда попадетъ хоть одно полѣно, клянусь Богомъ, снесу голову долой» **). И эта угроза, не пустяя слова. Когда, въ 1696 г., онъ писалъ своему другу Виніусу относительно небрежности одного своего корреспондента: «Скажи ему, что онъ не допишетъ на бумагѣ, то я допишу ему на спинѣ» ***),—то всякій понимаетъ, что это не простая метаморфоза. Весьма часто онъ призывалъ къ себѣ въ кабинетъ чиновниковъ, которыми бывалъ недоволенъ, начиная отъ самыхъ высокопоставленныхъ до самыхъ мелкихъ, и выражалъ имъ свое неудовольствіе побоями дубинкой. Но это считалось милостивымъ обращеніемъ. Государь въ такихъ случаяхъ не желалъ придавать огласкѣ ни вину, ни наказанія. При немъ присутствовали только довѣренные слуги, въ родѣ Нартова, а провинившіеся старались, уходя, придать себѣ такой видъ, будто съ ними ничего не случилось. Обыкновенно ихъ даже приглашали въ тотъ же день

*) Голицевъ.

**) 19 мая 1705 г.

***) 15 іюля 1696 г.

къ обѣду. Но случалось также, что дубинка работала все-народно въ канцеляріи какой-нибудь административной коллегіи или даже на улицѣ. Иногда Петръ возлагалъ на кого-либо другого обязанность возмездія частнымъ образомъ; для исполнителя такого порученія оно служило величайшимъ доказательствомъ уваженія и дружбы. Капитанъ Сеньявинъ взялъ въ плѣнъ два шведскихъ корабля, первые доставшіеся русскимъ и, благодаря такой удачѣ, сразу сдѣлался любимцемъ. Петръ призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Завтра ты будешь обѣдать съ такимъ-то, затѣешь съ нимъ ссору за столомъ и дашь ему въ моемъ присутствіи пятьдесятъ хорошихъ ударовъ палки». И вотъ одинъ наказанъ, а другой получаетъ награду въ видѣ участія въ царской расправѣ, что, повидимому, государь цѣнитъ очень высоко*). Во время персидскаго похода, на Волынскаго, тоже любимца въ данную минуту, проходившаго вечеромъ мимо царской палатки, внезапно безъ всякихъ предупрежденій обрушился градъ ударовъ. Вдругъ царь остановился: темнота и отдаленное сходство ввели его въ заблужденіе; вышло недоразумѣніе. Но онъ ограничился спокойнымъ замѣчаніемъ: «Ничего, не сегодня, завтра ты заслужишь то, что получилъ сегодня; тогда напomini только, что я съ тобой уже расчитался». И случай для сведенія счетовъ дѣйствительно не замедлилъ представиться **).

Вспыльчивость властелина и его обычная несдержанность, конечно, играли роль въ такой короткой расправѣ, но тутъ была и доля опредѣленной системы и сознательной воли. Зайдя неожиданно въ каюту капитана корабля, Петръ увидалъ у него въ рукахъ раскрытую книгу, которую тотъ напрасно старался скрыть отъ зоркаго взгляда царя; онъ

*) «Мемуары» князя Голицына.

**) Шереръ.

взялъ книгу, и громко прочиталъ слѣдующій афоризмъ: «Русскій человѣкъ, какъ вобла, если его не побить, никуда не годится». Онъ улыбнулся и ушелъ со словами: «Занимаешься полезнымъ чтеніемъ, отлично, получишь повышение».

Дубинка, какъ уже сказано, предназначалась только для тѣхъ, кого царь любилъ и щадилъ. Остальнымъ же приходилось испытать на себѣ карательное правосудіе въ иномъ видѣ. Однообразіе наказаній—одна изъ отличительныхъ чертъ уголовного законодательства того времени. Законодатель не соразмѣрялъ свою строгость со степенью виновности, подлежащаго наказанію, но исключительно основывался на идеѣ возмездія. И такъ какъ въ этой идеѣ, съ точки зрѣнія интересовъ государства, не существовало подраздѣленій, то не было ихъ и въ наказаніяхъ. Указы и уставы гражданскаго уложенія не уступали въ суровости военнымъ регламентамъ. Смерть солдату, идущему на приступъ «съ воємъ» или остановившемуся, чтобы подобрать раненаго, «хотя бы то былъ его родной отецъ», и смерть канцелярскому служителю, не отправившему бумагу въ срокъ, закономъ установленный *). Смерть, смерть почти во всѣхъ случаяхъ!

Къ концу царствованія, среди приближенныхъ государя создалась атмосфера взаимнаго опасенія и недовѣрія, дѣлавшая жизнь положительно невыносимой. Какъ онъ слѣдилъ за всѣми, такъ всѣ слѣдили за нимъ и другъ за другомъ тѣмъ же подозрительнымъ и безпокойнымъ взоромъ. Царь скрывалъ каждое свое намѣреніе, и всѣ ему подражали. Не было ни одного дѣла, дипломатическихъ переговоровъ или иныхъ, которые не старались бы окружить

*) Документы и переписка Петра. Филипповъ, «Петръ Великій и уложеніе о наказаніяхъ».

непроницаемой тайной. Другъ съ другомъ перешептывались только на ухо; переписывались только на условномъ языкѣ. Въ февралѣ 1723 г. на собраніи у князя Долгорукаго, Остерманъ подошелъ къ Кампредону и увлекъ его незамѣтно, съ тысячью предосторожностей въ нишу окна: ему надо было переговорить съ нимъ по порученію царя. Кампредонъ весь обратился въ слухъ, но вдругъ нетерпѣливо ожидаемое сообщеніе замерло на устахъ у канцлера. Слишкомъ близко стоялъ кто-нибудь посторонній, думалъ онъ. Подошелъ самъ царь. Дружески посадилъ онъ рядомъ съ собой французскаго посланника, разсыпался передъ нимъ въ любезностяхъ, но когда посолъ пытался заговорить объ интересующемъ его вопросѣ, сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, заглушилъ его голосъ шумными восклицаніями и затѣмъ отошелъ, кинувъ шепотомъ: «Я прикажу, чтобы съ вами переговорили». Дѣло шло о бракѣ цесаревны Елизаветы съ герцогомъ Шартрскимъ, и первое свиданіе, назначенное для переговоровъ по этому поводу Остерманомъ Кампредону, происходило въ шесть часовъ утра *), когда скорѣе можно было надѣяться укрыться отъ нескромныхъ взоровъ.

За два года до того, среди переговоровъ, начавшихся въ декабрѣ 1721 г. относительно гарантіи престолонаслѣдія, свиданія царя съ Кампредономъ происходили у Ягужинскаго безъ вѣдома Остермана. И для начала Петръ потребовалъ объясненія обстоятельства, для него чрезвычайно важнаго, хотя къ настоящему дѣлу не имѣющаго никакого отношенія. Во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ самолично началъ и велъ нѣкоторые переговоры; вдругъ тайна ихъ оказалась обнаруженной. Онъ желалъ знать: какимъ образомъ и кѣмъ? Кампредону пришлось отпра-

*) Депеша Кампредона отъ 12 февраля 1723 г.

вить къ регенту курьера, чтобы какъ можно скорѣе получить отвѣтъ по этому поводу. Согласно своему обыкновенію регентъ послѣшилъ сообщить депешу своего посланника королю Англій, и тотъ, не смущаясь, написалъ на поляхъ: «Все это меня убѣждаетъ въ томъ, что приближенные царя, стремящіеся погубить другъ друга, нашли возможность внушить ему подозрѣніе на кого-либо изъ своей среды, и онъ сгораетъ желаніемъ посадить его поскорѣе на колъ. Вотъ по моему мнѣнію единственная причина его любопытства». И далѣе: «Меня это убѣждаетъ въ томъ, что царь кого-то хочетъ посадить на колъ» *).

Странное дѣло, при всей суровости каръ, примѣнявшихся неумолимымъ судьей, чтобы обезпечить эту всеобщность «службы», какую царь хотѣлъ вмѣнить въ обязанность своимъ подданнымъ, ему не удавалось прекратить все разроставшагося дезертирства. Напрасно онъ отвѣчалъ усиленіемъ строгостей. Для военной службы уставъ военной коллегии ввелъ въ 1712 г. обычай клеймить рекрутовъ на подобіе каторжниковъ. По этому поводу даже создалась цѣлая легенда, по словамъ которой царь, попиравшій старыя вѣрованія, сталъ налагать на своихъ солдатъ печать Антихриста. Дѣйствительно, установленное клеймо изображало собой крестъ, начертанный на лѣвой рукѣ посредствомъ татуировки: рисунокъ накалывался на кожѣ, натирался порохомъ и поджигался. Любопытно замѣтить, что письмо Петра, гдѣ упоминается объ этой варварской мѣрѣ, полно, съ другой стороны, предписаніями, доказывающими величайшую заботливость, о благосостояніи бѣдныхъ заклеимленныхъ во время ихъ пути до мѣста сбора **).

*) Депеша Кампредона, 21 декабря 1721 г.

**) Русскій Архивъ.

Практическій геній преобразователя сказывается въ этомъ противорѣчii. Онъ внушалъ ему для наилучшаго пользованія челоѳеческими силами, находившимися въ его распоряженіи, примѣненіе способовъ самыхъ надежныхъ и обезпечивавшихъ ему наивысшую производительность; только умъ его, не знавшій границъ благоразумія, доводилъ его и тутъ до злоупотребленія. Что касается гражданской службъ, уклоненіе отъ нея, какъ было уже нами сказано, паказывалось безчестіемъ и лишеніемъ защиты закона. «Если», говоритъ указъ 1722 года, «кто-либо ограбитъ такого дезертира, ранитъ его или убьетъ, за то не подвергается никакому преслѣдованію». Фамиліи создававшихся такимъ образомъ «стоявшихъ внѣ закона» сообщались народу посредствомъ объявленій, прибитыхъ къ висѣлицамъ. Половина ихъ имущества обѣщалась тому, кто ихъ захватитъ живьемъ, хотя бы «поймавшій былъ рабомъ пойманнаго», другая половина отбиралась въ казну *). А все-таки бѣгство не уменьшалось.

«Близко къ царю, близко отъ смерти», говоритъ народная пословица. И всѣ спѣшили укрыться, куда возможно. Близость къ царю такого количества выскочекъ изъ просто-народья, Меншикова, Лукина, Проскурова, Владимірова, Пospѣлова объясняется также, кромѣ его личного выбора, повальнымъ бѣгствомъ родовитыхъ фамилій **). И роль этихъ лицъ въ политической системѣ, часть которой они составляли, въ значительной степени содѣйствовало усилению ея гнета. Личное правленіе Петра—иногда самая суровая, тягостная, тревожная дѣйствительность; но часто оно превращается въ простую фикцію и отъ такой замѣны никто не выигрываетъ. Царь не былъ въ состояніи, какую бы

*) Голиковъ.

***) Штраленбергъ.

необыкновенную производительность работы и энергіи онъ ни проявлялъ при всей своей невѣроятной подвижности, все видѣть собственными глазами, всѣмъ завѣдывать самолично. Во время его отсутствій, пребыванія въ арміи, путешествій за границу, или странствованій по своимъ необозримымъ владѣніямъ, власть переходила къ Меншикову и другимъ. Они пользовались ею по своему, но большей частью злоупотребляя и время отъ времени призывались къ отдачѣ отчета, завершеніе котораго часто возлагалось на палача; но, живя какъ всѣ, изо дня въ день, въ общемъ страхѣ и неувѣренности, они широко пользовались выпавшими на ихъ долю короткими часами произвола и такимъ образомъ еще усиливали гнетъ, и безъ того тяжелый, сжимали еще сильнѣе тиски,—и безъ того невыносимыя, ужасной машины, которая рано или поздно и ихъ сметала съ дороги. Фаворитизмъ, стоившій Россіи столько денегъ, слезъ и крови, конечно, не созданіе Петра, но наслѣдіе прошлаго, имъ не отвергнутое, а, наоборотъ, признанное и получившее при немъ болѣе широкое развитіе.

Преемникъ и продолжатель завѣщенныхъ отцами традицій, Петръ не отступалъ отъ нихъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, даже въ области экономической, гдѣ, повидимому, имъ не оставлено было камня на камнѣ. Правда, онъ отказался отъ системы монополій и царскихъ привилегій, превращавшихъ его предшественниковъ въ первыхъ купцовъ государства. Но въ сентябрѣ 1713 г., имѣя надобность въ доставкѣ для себя денегъ изъ Петербурга въ Любекъ, онъ совѣтовалъ нагрузить галіотъ, отправляемый за деньгами, разными товарами, которые можно съ прибылью продать въ Петербургѣ *). Это совершенно въ духѣ древнихъ крем-

*) Голиковъ.

левскихъ владыкъ, великихъ стяжателей всяческихъ барышей, не брезгавшихъ и мелкой выгодой. На маскарадѣ, происходившемъ во время празднованія мира въ 1722 г. въ Москвѣ, мы видимъ бородатаго Нептуна въ совершенно необыкновенной роли: вѣрноподанные царя приглашаются привѣшивать червонцы къ волосамъ этой символической бороды, ожидающей ножницъ цирюльника,—самого Петра. Капитанъ гвардіи въ сопровожденіи писца слѣдуетъ за морскимъ богомъ при шествіи по улицамъ, ведетъ счетъ подареннымъ червонцамъ и отмѣчаетъ имена жертвователей *).

Даже необыкновенное искусство Петра, выставять всякій пустякъ на показъ, отчасти отзывается духомъ прошлаго. «Послѣ каждой, малѣйшей удачи», замѣчаетъ въ 1700 г. голландскій резидентъ Ванъ деръ-Хульстъ, «здѣсь поднимается такой шумъ, что кажется, будто удалось перевернуть весь міръ». Пальба изъ пушекъ, фейерверки, неурочныя производства офицеровъ, раздача наградъ идутъ непрерывной чередой въ самый бѣдственный періодъ шведской войны. Безъ сомнѣнія такимъ образомъ Петръ пытался, съ похвальной цѣлью, отвлечь общественное мнѣніе, удержать его отъ отчаянія, а можетъ быть поднять и общественный духъ; но во всякомъ случаѣ это совершенно манера Софьи, полное подражаніе обычаямъ востока. Приглашенному въ 1705 г. къ царскому столу англійскому посланнику Витворту показывали русскаго солдата, изувѣченнаго, по его словамъ, шведами, вмѣстѣ съ сорока четырьмя товарищами, плѣнниками, подобно ему. Петръ пользовался случаемъ и пускался въ пространныя разсужденія о варварствѣ своихъ противниковъ, оставляющемъ

*) Бергхольць.

далеко за собой жестокость, приписываемую ими подвластному ему народу. Ни одинъ шведскій плѣнникъ не потерпѣлъ подобной участи въ Россіи! Царь высказалъ намѣреніе размѣстить сорокъ пять калѣкъ по разнымъ полкамъ, чтобы они служили предостереженіемъ товарищамъ, доказывая, что можно ожидать отъ вѣроломнаго врага. Зарядъ пропалъ даромъ, такъ какъ Витвортъ остался въ убѣжденіи, что надъ нимъ посмѣялись *), тѣмъ болѣе, что онъ, конечно, ничего не понялъ изъ разсказа солдата, говорившаго по-русски; но самое событіе совершенно въ духѣ византійской школы.

И все это вмѣстѣ взятое, близкая и сильная связь съ духомъ и плотью своего народа, его прошлымъ и настоящимъ, позволила Петру такъ глубоко и прочно внѣдриться въ его жизнь. Его деспотизмъ, будь онъ болѣе логиченъ, но менѣе проникнуть народнымъ духомъ не отличался бы такой долговѣчностью. Противорѣчивость въ характерѣ преобразователя отчасти содѣйствовала успѣху его преобразованій.

* Деша отъ 2 мая 1705 г. Сборникъ.

ГЛАВА IV.

Интимная жизнь.

I. Петербургскій домикъ.—Лоцманскій обѣдъ.—Катя.—Дворецъ и загородные дома.—Стрѣльненская липа.—Петергофъ.—Царское село.—Ревель.—II. День великаго мужа.—Вставаніе.—Утренняя работа.—За столомъ.—Обѣды въ тѣсномъ кругу и торжественные банкеты.—Кухня Екатерины.—Что Петръ ѣлъ и пилъ.—Придворная роскошь и простота въ домашнемъ обиходѣ.—Кареты Меншикова и одноколка царя.—Какъ онъ одѣвался.—Простота и нечистоплотныя привычки.—Тараканы.—III. Развлеченія.—Не охотникъ и не игрокъ.—Его любимое удовольствіе: на водѣ.—Зимнее плаванье.—Весь Петербургъ на морѣ.—Животныя.—Финетта и Лизетта.—Политическая роль собачки.—IV. Въ обществѣ.—Встрѣча съ маркграфиней Байрейтской.—Въ Нѣмецкой слободѣ.—Сотоварищи развлеченій.—Отходъ ко сну.—Подушка царя.—Приближенные.—Денщики.—Женитьба фаворита.—Дѣвица Матвѣва.

I.

Въ ноябрѣ 1703 г. первый купеческій корабль, голландскій «флиботъ», пришедшій изъ Фрисланда съ грузомъ соли и вина, вошелъ въ устье Невы. Капитану былъ предложенъ банкетъ въ домѣ петербургскаго губернатора, его и его людей осыпали подарками *); но раньше ему приш-

*) Устряловъ.

лось воспользоваться гостеприимствомъ лоцмана, вводившаго корабль въ гавань. Онъ пообѣдалъ съ нимъ и его женой въ невзрачномъ домикѣ на самомъ берегу рѣки, былъ угощенъ національными кушаньями, дополненными нѣкоторыми лакомствами, заимствованными изъ его родной страны, и въ заключеніе не пожелалъ остаться въ долгу по вѣжливости и щедрости: вынулъ изъ дорожной сумки кусокъ маслянистаго сыра, штуку полотна и предложилъ ихъ хозяйкѣ, попросивъ разрѣшенія ее поцѣловать.

— Не упрямяся, Катя,—сказалъ лоцманъ,—полотно славное и у тебя выйдутъ такія рубашки, о какихъ ты въ молодости и не мечтала.

Въ эту минуту голландецъ услыхалъ позади себя шумъ отворенной двери, обернулся и чуть не упалъ въ обморокъ: на порогѣ стоялъ человекъ, очевидно знатный сановникъ, расшитый золотомъ, увѣшенный орденами, и кланявшійся до земли, отвѣчая на привѣтственные слова, обращенныя къ нему супругомъ Кати.

Пожалуй анекдотъ этотъ можетъ показаться сомнительнымъ; во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть отнесенъ ко времени позднѣйшему: въ 1703 г. Екатерина, повидимому, еще не занимала мѣста у очага своего будущаго супруга. Но за исключеніемъ этого, рассказъ вполне правоподобенъ; онъ рисуетъ Петра въ его излюбленномъ обществѣ. Являются въ качествѣ лоцмана на голландскіе и другіе корабли, угощать ихъ капитановъ у себя за столомъ, ихъ мистифицировать простотой своей обстановки и своего обращенія,—всегда было въ привычкахъ Петра. Что касается домика на набережной Невы, онъ существуетъ и сейчасъ. Онъ былъ выстроенъ голландскими рабочими по образцу видѣнныхъ путешественникомъ 1697 года въ Саардамѣ. Срубъ изъ грубо обтесанныхъ бревенъ поддержи-

васть низкую крышу, гдѣ гонтъ смолистаго дерева замѣнилъ собой красивую красную черепицу. Въ нижнемъ этажѣ, надъ которымъ находится чердакъ, помѣщаются двѣ комнаты, раздѣленные узкимъ коридоромъ и кухня. Всего семь оконъ. Съ наружной стороны домикъ расписанъ въ голландскомъ вкусѣ красной и зеленой краской. На концѣ крыши и на двухъ углахъ украшенія въ воинственномъ духѣ: мортира и разрывающіяся бомбы, все деревянное; внутри бѣлое полотно на стѣнахъ, а оконныя дверныя рамы разрисованы букетами цвѣтовъ. Комната направо служила рабочимъ кабинетомъ и пріемной залой, налѣво—столовой и спальней *).

Теперь на мѣстѣ послѣдней устроена часовня, куда народъ приходитъ помолиться и поставить свѣчу передъ образомъ Спасителя; подъ которымъ Елизавета начертала первые слова молитвы «Отче нашъ». Въ этой часовнѣ всегда толпятся многочисленные богомольцы. Въ другой комнатѣ собраны нѣкоторыя воспоминанія: деревянная мебель, сработанная великимъ мужемъ и увывъ *отдѣланная* въ 1850 г., шкафъ, два комода, столъ, скамейка, на которой Петръ обыкновенно садился передъ дверью, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться на свой флагъ, развѣвавшійся напротивъ на бастіонахъ Петропавловской крѣпости; также утварь и инструменты, какими онъ пользовался.

Домикъ площадью едва восемнадцать метровъ на шесть, не отличавшійся ни помѣстительностью, ни роскошью, былъ дорогъ своему хозяину. Когда царю пришлось съ нимъ разстаться, чтобы переѣхать во дворецъ, тоже весьма скромный, какъ уже было сказано, онъ объ немъ очень сожалѣлъ. Вообще, хотя Петръ любилъ воздвигать города, но

*) Булгаковскій, «Домикъ Петра». Рубинъ, «Топографическое описаніе Петербурга», 1779 года.

не находилъ никакого удовольствія въ нихъ жить. Въ 1708 г. онъ рѣшилъ устроить для себя резиденцію болѣе сельскую въ малопривлекательныхъ окрестностяхъ своей излюбленной столицы. Въ началѣ онъ остановилъ свой выборъ на отдаленномъ уголкѣ на берегахъ Стрѣльны — маленькой рѣчки, быстроводной и холодной. Здѣсь онъ выстроилъ себѣ въ одно лѣто, собственноручно участвуя въ работѣ, домъ, уже болѣе удобный, съ двумя залами и восемью комнатами: теперь при немъ уже была Екатерина и появились дѣти. Отъ дома не осталось никакихъ слѣдовъ. Но рядомъ сохранилась громадная липа, въ вѣтвяхъ которой была устроена бесѣдка, куда поднимались по лѣстницѣ Петръ забирался туда курить и пить чай изъ голландскихъ чашекъ, слушая напѣвъ самовара, тоже вывезеннаго изъ Голландіи, потому что эта утварь, съ тѣхъ поръ сдѣлавшаяся народнымъ достояніемъ и распространенная въ Европѣ подъ своимъ картиннымъ названіемъ, также голландскаго происхожденія. Въ Россіи его только разогрѣваютъ углями, болѣе дешевымъ способомъ, вмѣсто того, чтобы разогрѣвать спиртомъ, какъ принято на его родинѣ. По сосѣдству съ липой высятся величественные дубы подъ названіемъ: «Петровскій питомникъ». Они посажены собственноручно царемъ. Неподалеку отъ нихъ красуются сосны, выросшныя имъ изъ сѣмянъ, собранныхъ въ горахъ Гарусскихъ и осыняющія подѣздъ ко дворцу, появившемуся впоследствии въ этомъ укромномъ уголкѣ, получившемъ названіе Стрѣльны. Послѣ коронаціи Екатерины, уже императрицей ей приходилось считаться съ новыми требованіями ея положенія и подумать о размѣщеніи двора. Но тогда Петру его дача сразу надоѣла. Она становилась слишкомъ многолюдной и шумной. Онъ поспѣшилъ отъ нея отдѣлаться, подаривъ цесаревичу Аннѣ (1722), а самъ пересе-

лился въ Петергофъ *). Увы! императорская свита и царедворцы послѣдовали за нимъ и туда. И въ Петергофъ въ свою очередь возникъ дворецъ, все болѣе и болѣе роскошный, съ паркомъ на французскій ладъ и фонтанами, подражаніемъ Версалю. Петръ отказался жить самъ въ этомъ дворцѣ; для него поблизости былъ выстроенъ голландскій домикъ, до сихъ поръ носящій это имя, все-таки очень простой, хотя уже далекій отъ первоначальной незатѣйливости, съ легкимъ отпечаткомъ фламандской роскоши. Стѣны спальни, очень узкой, имѣютъ облицовку изъ изразцовъ, чисто оглазуренныхъ; полъ покрытъ клеёнкой съ цвѣтами, а каминъ украшенъ прелестными образцами дельфтскаго фарфора. Съ кровати Петръ могъ видѣть Кронслоотъ и любоваться судами своего флота. Въ нѣсколькихъ шагахъ находилась маленькая бухта, откуда на шлюпкѣ, черезъ каналъ, царь доплывалъ до устья Невы.

Благодаря привычкамъ Петра къ кочевой жизни, число его загородныхъ домовъ разрослось. Былъ выстроенъ домъ въ Царскомъ Селѣ, деревянный, какъ всѣ остальные, въ шесть комнатъ, занимаемыхъ имъ иногда вмѣстѣ съ Екатериной. Легенда, довольно сомнительная, производитъ названіе этой мѣстности, въ послѣдствіи столь знаменитой, отъ имени нѣкоей Сарры, къ которой будто бы иногда Петръ приходилъ пить молоко. «Saari-moja», финское названіе мѣстечка, означающее «верхнее селеніе», или «возвышенное», повидимому, указываетъ на болѣе достовѣрную этимологію слова. Въ Ревелѣ опять-таки деревянный домикъ предшествовалъ тяжелому и неуклюжему дворцу, вы-

*) Пыляевъ, *«Забытое прошлое окрестностей С.-Петербурга»*.

строенному подъ конецъ царствованія. Петръ по возможности избѣгалъ дворца. Домикъ, сохранившійся до сихъ поръ, состоитъ изъ спальни, бани, столовой и кухни. Въ спальнѣ стоитъ двуспальная кровать, довольно узкая, съ площадкой у подножія. На этой площадкѣ укладывалось трое денщиковъ, оберегавшихъ сонъ государя.

II.

Петръ, какъ извѣстно, не любилъ долго спать. Обыкновенно въ пять часовъ утра мы уже застаемъ его на ногахъ, на часъ или на два раньше, если имѣлись срочныя дѣла; тайное совѣщаніе, спѣшная отправка курьера или снабженіе уѣзжающаго посланника дополнительными указаніями. Вставъ съ постели, царь съ полчаса ходилъ по комнатѣ, въ короткомъ халатѣ, не прикрывавшемъ голая ноги, въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ, съ отдѣлкой изъ зеленыхъ лентъ. Въ это время онъ, безъ сомнѣнія, обсуждалъ и распредѣлялъ въ головѣ работу дня. Когда онъ кончалъ, входилъ его секретарь Макаровъ и прочитывалъ ежедневныя донесенія, представляемыя начальниками учреждений. Потомъ Петръ наскоро, однако плотно, завтракалъ и уходилъ пѣшкомъ, если была хорошая погода, или уѣзжалъ въ одноколѣ, весьма скромно запряженной одной лошадыю. Онъ отправлялся на доки осматривать строящіеся корабли, затѣмъ неизмѣнно заканчивалъ свой путь посѣщеніемъ адмиралтейства. Тамъ выпивалъ стаканъ водки, закусывалъ баранкой и снова работалъ до часу, т. е. до обѣда. Въ маленькомъ дворцѣ, окруженномъ теперь с.-петербургскимъ лѣтнимъ садомъ, кухня находилась рядомъ со столовой и кушанья подавались черезъ форточку въ стѣнѣ. Петръ, не выносилъ присутствія за столомъ многочисленныхъ слугъ, и эта черта тоже чисто голландская. Когда онъ обѣдалъ, вдвоемъ съ Екатериной, что случалось чаще всего, прислуга состояла изъ одного пажа, выбран-

наго изъ числа самыхъ молодыхъ, и горничной, наиболѣе преданной императрицѣ. Если за столомъ присутствовало нѣсколько приглашенныхъ, главный поварь, Фельтень, самъ подавалъ блюда при помощи одного или двухъ денщиковъ. Наконецъ, когда бывалъ поданъ десертъ и передъ каждымъ гостемъ поставлена бутылка вина, всѣмъ прислуживавшимъ отдавалось приказаніе удалиться *).

Таковы обѣды запросто. Другихъ не бывало въ домѣ царя. Во дни торжествъ обѣдали у Меншикова, предсѣдательствовавшего за роскошными трапезами, гдѣ подавали до двухсотъ перемѣнъ кушаній, изготовленныхъ французскими поварами, съ изобиліемъ посуды золотой и изъ цѣннаго фарфора. Въ большомъ лѣтнемъ дворцѣ было двѣ столовыхъ: одна въ нижнемъ этажѣ, другая во второмъ; обѣ съ прилегающими къ нимъ кухнями. Петръ удосужился въ 1714 г. заняться съ мелочной заботливостью оборудованіемъ этихъ кухонь. Онъ приказалъ ихъ устроить, сравнительно, довольно обширными, и выложенными по стѣнамъ изразцами, «чтобы», говорилъ онъ, «хозяйкѣ тамъ было пріятно слѣдить за стряпней и при случаѣ стряпать собственноручно **). Не будучи синимъ чулкомъ—въ домѣ своихъ бывшихъ хозяевъ, она говорятъ, больше занималась стиркой—Екатерина обладала кулинарными талантами.

Петръ ѣлъ очень много. Въ октябрѣ 1712 г. Въ Берлинѣ онъ ужиналъ у наслѣднаго принца, поужинавъ уже у своего канцлера, Головкина, и въ обоихъ мѣстахъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Рассказывая о послѣднемъ пиршествѣ, посланникъ короля польскаго, Мантейфель, восхваляетъ царя, который «превзошелъ самого себя», потому

*) Штехлинъ; Нарговъ.

***) Голицковъ.

что «не рычалъ, не п..., ни ковырялъ себѣ въ зубахъ; по крайней мѣрѣ я того не видалъ и не слыхалъ»... И, чтобы подать руку королевѣ, даже надѣлъ «довольно грязныя перчатки» *).

Царь носилъ съ собой свой приборъ: деревянную ложку съ отдѣлкой изъ слоновой кости, вилку и желѣзный ножъ съ зеленой костяной ручкой. Любилъ онъ больше всего національныя простыя кушанья: щи, кашу, черный хлѣбъ, никогда не ѣлъ сладкихъ блюдъ и рыбы, которыхъ его желудокъ не переваривалъ; великимъ постомъ питался фруктами и пирогами. Послѣдніе три года своей жизни, уступая настоянью врачей, онъ иногда отказывался совсѣмъ отъ вина или сокращалъ употребленіе его. Отсюда возникла репутація воздержанности, прославленной нѣкоторыми путешественниками, посѣтившими Россію въ это время, между прочимъ Лангомъ, сопровождавшимъ царя во время Персидской кампаніи. Тогда онъ пилъ кислые щи, одобренныя англійскимъ бальзамомъ, но не могъ устоять противъ искушенія выпивать по нѣскольку стаканчиковъ водки. Впрочемъ такіе промежутки умѣренности были непродолжительны; онъ быстро возвращался къ прежнимъ привычкамъ, избѣгая только смѣшенія спиртныхъ напитковъ и придерживаясь Медока и Кагора. На послѣдокъ, по совѣту шотландскаго врача Эрескинса, пользовавшаго его отъ попойекъ, онъ остановился на винѣ Эрмитажъ**).

Царскія конюшни были обставлены несложно. Въ каретныхъ сараяхъ дворца мы видимъ двѣ четырехмѣстныя кареты для императрицы, уже знакомую намъ одноколку для императора,—вотъ и все. Одноколка эта была краснаго цвѣта, очень низкая. Зимой ее замѣняли маленькія сани.

*) Письмо къ графу Флеммингу, *Сборникъ*.

***) Штехлинъ.

Никогда Петръ не ѣздилъ въ каретѣ, развѣ только, чтобы почтить какого-нибудь знатнаго гостя, и въ такомъ случаѣ пользовался экипажами Меншикова. У временщика выѣздъ былъ великолѣпный. Даже, когда онъ выѣзжалъ одинъ, шестерка лошадей въ сбруѣ малиноваго бархата съ золотыми и серебряными украшеніями влекла его золоченную карету въ формѣ вѣра; на дверцахъ красовался его гербъ; княжеская корона вѣнчала верхушку; скороходы и лакеи въ роскошныхъ ливреяхъ шли впереди, пажы и музыканты слѣдовали позади, одѣтые въ бархатныя расшитыя золотомъ ливреи; шесть камеръ-юнкеровъ ѣхали около дверецъ кареты и взводъ драгунъ довершалъ процессію*).

Петру было совершенно чужда подобная роскошь. Его обычный костюмъ, когда онъ не надѣвалъ мундира, мало отличался отъ крестьянскаго платья. Лѣтомъ онъ состоялъ изъ кафтана толстого темнаго сукна Сердюковской фабрики, находившейся подъ покровительствомъ царя, жилета изъ тафты, шерстяныхъ чулковъ, какъ извѣстно, заштопанныхъ, грубыхъ башмаковъ на толстыхъ подошвахъ и очень высокихъ каблуклахъ, съ пряжками стальными или кожаными; на головѣ — трехугольная войлочная или бархатная шляпа. Зимой шляпа замѣнялась барашковой шапкой, башмаки — мягкими сапогами изъ оленьей кожи; кафтанъ дѣлался на мѣху — соболемъ на полахъ, бѣlichemъ на спинѣ и въ рукавахъ. Только во время походовъ царь носилъ мундиръ капитана гвардейскаго Преображенскаго полка: кафтанъ зеленаго толстаго голландскаго сукна, на подкладкѣ безъ тафты того же цвѣта (теперь голубого отгѣнка), съ узкимъ золотымъ галуномъ и большими мѣдными пуговицами; жилетка изъ очень толстой замши.

*) Пыляевъ.

Шляпа изъ галуна, шпага съ мѣднымъ эфесомъ безъ позолоты въ черныхъ ножнахъ, воротникъ изъ простой черной кожи. Однако, Петръ любилъ бѣлое, тонкое бѣлье, изготовлявшееся въ Голландіи, и только въ этомъ отношеніи рѣшился измѣнить своему пристрастію къ простотѣ, зависѣвшему отчасти отъ бережливости, проистекавшей, какъ можно себѣ представить, изъ высшихъ соображеній. Когда Екатерина развѣтывала передъ нимъ великолѣпное коронаціонное платье, о которомъ мы уже упоминали, онъ, всплывъ, гнѣвнымъ движеніемъ схватилъ и потрясъ расшитую серебромъ одежду, такъ что нѣсколько блестокъ упало на землю.

— Посмотри, Катя,—сказалъ онъ тогда,—все это выметутъ, а вѣдь это почти жалованье одного изъ моихъ гренадеровъ!

Голландіи не удалось привить Петру своей любви и привычки къ чистотѣ и домашнему порядку. Въ Берлинѣ, въ 1718 г. королева приказала вывезти обстановку изъ дома—Монбизу—предназначеннаго для Петра и предосторожность не оказалась излишней. Самое жилище пришлось ремонтировать послѣ его отъѣзда. «Тамъ царило іерусалимское разореніе», говорила макграфиня Байрейская. Только въ одномъ отношеніи инстинктивное отвращеніе не вяжется съ нечистоплотными привычками, въ которыхъ востока близость отражалась на домашней обстановкѣ царя: онъ не могъ выносить насѣкомыхъ, которыми тогда,—какъ, увы! и теперь,—слишкомъ часто кишѣли московскія жилища. При видѣ таракана Петръ чуть не падалъ въ обморокъ. Офицеръ, къ которому онъ пришелъ обѣдать, показалъ ему таракана, котораго онъ, думая сдѣлать удовольствіе гостю, пригвоздилъ на видномъ мѣстѣ. Петръ выскочилъ изъ-за стола, обрушился на бѣднягу ударами дубинки и ушелъ.

III.

Развлеченія Петра соотвѣтствовали вкусамъ. Въ нихъ было мало изящества. Онъ не любилъ охоты, въ противуположность своимъ предкамъ, истребителямъ медвѣдей и волковъ, страстнымъ любителямъ соколиной охоты. Это подобіе войны оскорбляло его практическій умъ. Онъ не любилъ и настоящей войны и покорялся необходимости только ради ожидаемой отъ того пользы. Однако, одинъ разъ въ началѣ царствованія его увлекли на охоту съ борзыми; но онъ поставилъ свои условія, чтобъ не было ни доѣзжачихъ, ни псарей. Требованіе было исполнено, и онъ разыгралъ злую шутку съ своими друзьями, доставивъ себѣ удовольствіе дать имъ почувствовать условную сторону такихъ развлеченій. Безъ доѣзжачихъ и псарей собаки не слушались, бросались подъ ноги лошадей, рвались на сворахъ, стаскивая съ сѣделъ всадниковъ. Черезъ минуту половина охотниковъ лежала на землѣ, и охота закончилась въ общемъ смятеніи. На слѣдующій день уже самъ Петръ предложилъ возобновить вчерашнее удовольствіе, но попавшіеся въ ловушку охотники отказались. Большинство ихъ сильно пострадало и принуждено было лежать въ постели*).

Петръ ненавидилъ карты—«удовольствіе шулеровъ», по его словамъ. Для морскихъ и сухопутныхъ войскъ существовалъ строгій приказъ, подъ угрозой самыхъ суровыхъ наказаній, не проигрывать больше рубля въ вечеръ. Иногда

*) Голицевъ

чтобы доставить удовольствіе иностраннымъ морякамъ, своимъ гостямъ, онъ соглашался сыграть партію голландскаго «гравіасъ»^{*)}). Онъ игралъ охотно и хорошо въ шахматы. Курилъ и нюхалъ табакъ. Въ Коппенбрюгге въ 1647 г. онъ обмѣнялся табакерками съ курфюрстиной Бранденбургской. Но его главное удовольствіе и преобладающую страсть составляла вода. Въ Петербургѣ, когда Нева уже на три четверти затянулась льдомъ и оставалось не больше сажени незамерзшаго пространства, онъ упорно продолжалъ плавать на первой попавшейся лодкѣ. Часто также въ самый разгаръ зимы, онъ приказывалъ прорубать во льду узкій каналъ и отдавался своему любимому спорту^{**)}). Въ 1706 г., прибывъ въ свою столицу и заставъ улицы наводненными, а полъ комнаты, для него предназначенной, на два фута залитымъ водой, онъ захопалъ въ ладоши, какъ ребенокъ^{***)}). Онъ чувствовалъ себя вполнѣ въ своей тарелкѣ только на бортѣ какого-угодно корабля. Заставить его ночевать на берегу, когда поблизости находилась гавань, могла лишь серьезная болѣзнь. Но и въ такомъ случаѣ онъ настаивалъ, что леченіе пойдетъ болѣе успѣшно во время плаванія, и въ Ригѣ, въ 1723 г., страдая приступомъ жестокой лихорадки, заставившей его было покинуть судно, приказалъ перенести свою кровать на фрегатъ. Пролежавъ здѣсь все время своей болѣзни, онъ приписывалъ свое выздоровленіе такому способу леченія. Подъ конецъ своей жизни даже для послѣобѣденнаго отдыха онъ растягивался на днѣ лодки, которую обыкновенно вездѣ находилъ къ своимъ услугамъ.

*) Голиковъ.

***) Пыляевъ.

***) Русскій Архивъ, 1875 г.

Впрочемъ всѣ жители Петербурга по примѣру и его стараніями были снабжены средствами для передвиженія по водѣ. Высокопоставленнымъ сановникамъ онъ назначилъ яхты съ двумя двѣнадцати или четырьмя весельными шлюпками, остальнымъ лодки попроще, смотря по чину. Онъ собственноручно написалъ уставъ пользованія этими судами. Въ назначенные заранѣе дни, когда царскій флагъ взвивался на всѣхъ четырехъ углахъ столицы, вся флотилія должна была, подѣ страхомъ крупнаго штрафа для отсутствующихъ, собираться близъ крѣпости. По сигналу, данному пушечнымъ залпомъ, двигались въ путь: адмираль Апраксинъ—во главѣ на яхтѣ, выкрашенной въ бѣлый и красный цвѣтъ; за нимъ—царская шлюпка, гдѣ Петръ, въ бѣломъ матроскомъ костюмѣ, сидѣлъ на рулѣ. Екатерина обыкновенно сопровождала его. На нѣкоторыхъ судахъ, богато разукрашенныхъ, сидѣли музыканты. Такимъ образомъ отправлялись въ Стрѣльну, Петергофъ, Ораніенбаумъ, гдѣ мореплавателей ожидалъ банкетъ*).

Какъ впоследствии Великая Екатерина, Петръ очень любилъ животныхъ, въ особенности собакъ. Въ 1708 г., бѣдный сельскій священникъ, по имени Козловъ, подвергся пыткамъ въ Преображенскомъ приказѣ за непристойныя рѣчи объ особѣ царя; свидѣтели слышали его разсказъ, какъ онъ видѣлъ въ Москвѣ государя, цѣловавшагося съ собакой**). А случай такой дѣйствительно былъ: бѣдняга попъ имѣлъ несчастье проходить по улицѣ въ ту минуту, когда любимая собачка царя, Финетта, бросилась въ экипажъ своего хозяина и стала тереться мордой объ его усы, не встрѣчая сопротивленія съ его стороны. Финетта,

*) Пыляевъ.

***) Документы тайной канцеляріи Преображенскаго приказа, 1708 г.

называемая Лизеттой нѣкоторыми современниками, очевидно смѣшивавшими ее съ любимой кобылой царя, имѣла соперника въ лицѣ большого датскаго дога, чучело котораго находится среди вещей, бережно сохраняемыхъ въ галлерей Зимняго дворца, подарокъ шаха Персидскаго. Кобыла, небольшого роста, но со стальными мускулами, раздѣляла съ догомъ эту честь. Она служила Петру подѣ Полтавой. Передаютъ, что на долю Финетты однажды выпала политическая роль. Подѣ страхомъ смерти воспрещалось подавать прошенія царю. И вотъ друзья одного чиновника, приговореннаго къ наказанію кнутомъ за преступленія по должности, ухитрились привязать къ ошейнику прелестнаго животнаго остроумно написанное воззваніе къ милосердію государя. Выдумка увѣнчалась успѣхомъ, примѣръ возбудилъ подражаніе; но Петръ живо отучилъ подражателей*).

*) Шерерь.

IV.

Великій мужъ часто находилъ удовольствіе и развлеченіе въ довольно дурной компаніи; надо, впрочемъ, сознаться, что онъ совершенно не привыкъ къ хорошему обществу. Маркграфиня Байретская—ужасная сплетница и самый злой язычекъ восемнадцатаго столѣтія; однако должна быть доля правды въ ея довольно забавномъ разсказѣ о встрѣчѣ съ царемъ, во время пребыванія послѣдняго въ Берлинѣ въ 1718 году. Петръ, уже имѣвшій случай познакомиться съ маркграфиней пять лѣтъ тому назадъ, узнавъ ее, бросился къ ней, схватилъ въ охапку, покрывая ея лицо бѣшеными поцѣлуями. Она отбивалась, ударяла его по лицу, а онъ все ее не выпускалъ. Она жаловалась, ей совѣтовали записаться терпѣніемъ, она покорилась, но мстила за себя, насмѣхаясь надъ супругой невоспитаннаго монарха и ея свитой. При царицѣ находилось четыреста такъ называемыхъ «дамъ». Это были по большей части нѣмецкія служанки, исполнившія обязанность дамъ, горничныхъ, кухарокъ и прачекъ. Почти всѣ эти особы держали на рукахъ богато разряженныхъ дѣтей, и на вопросъ, чьи это дѣти, отвѣчали, кланяясь по-русски въ поясъ: «Царь почтилъ меня»...

Привычки и обхожденіе, усвоенныя Петромъ въ Нѣмецкой слободѣ, нѣсколько высшаго порядка, сравнительно, съ социальнымъ уровнемъ старой Московіи, мало подходили къ тону дворовъ утонченнаго общества Запада. А Петръ никогда не прерывалъ своихъ старыхъ знакомствъ. Въ январѣ 1723 года, проживая въ Москвѣ, онъ дѣлилъ

свои вечера между старой пріятельницей, женой почтмейстера Фаденбрехта, къ которой приказывалъ приносить себѣ кушанье и питье, докторомъ Бидлау, аптекаремъ Грегори, купцами Томсеномъ, Конау и Мейеромъ, не забывая также дѣвицы Аммонъ, которой пошелъ шестнадцатый годъ, и у которой танцовали до пяти часовъ утра*). И это еще избранное общество!

29 марта 1706 года, въ первый день Пасхи, Петръ писалъ Меншикову и заставлялъ приложить къ письму руку друзей, собравшихся вокругъ него въ такой большой праздникъ. И мы находимъ среди членовъ этого тѣснаго кружка простого солдата, двухъ денщиковъ, наконецъ крестьянина, который по безграмотности замѣняетъ свою подпись крестомъ, прося сдѣлать добавленіе «что получилъ разрѣшеніе напиваться три дня **»).

Петръ никогда не спалъ одинъ; обыкновенно Екатерина раздѣляла его ложе; рѣдко онъ проводилъ туда любовницу. Петръ ложился въ постель, чтобы спать. Онъ отличался чувственностью, но не сладострастіемъ, и отдавался любви, какъ и всѣмъ остальнымъ дѣламъ, на-спѣхъ. Мы уже указывали выше, что онъ терпѣть не могъ спать одинъ. За отсутствіемъ жены, онъ клалъ съ собой перваго попавшаго денщика, которому вмѣнялось въ обязанность лежать очень смирно, подъ страхомъ побоевъ. Петръ, вообще, просыпался не въ духѣ. На дачѣ для послѣбобѣденнаго отдыха, онъ приказывалъ ложиться на землю одному изъ денщиковъ и пользовался его животомъ вмѣсто подушки; человекъ не долженъ былъ передъ тѣмъ ѣсть или имѣть медленное пищевареніе, потому что при малѣйшемъ движе-

*) Бергхольць.

**) Голиковъ.

нии царь вскакивалъ и принимался его нещадно колотить *).

Это не мѣшаетъ ему быть, въ сущности, очень снисходительнымъ къ своей личной прислугѣ. Нартовъ рассказываетъ исторію о шкапахъ, изобрѣтенныхъ государемъ, чтобы запираеть тамъ вмѣстѣ съ постелями денщиковъ, которые несмотря на повторныя приказанія и угрозы, упорно продолжали проводить ночь внѣ дома, странствуя по притонамъ. Ключи Петръ пряталъ у себя подъ подушкой и вставалъ ночью, чтобы въ сопровожденіи Нартова осмотрѣть спальныя кельи своего изобрѣтенія. Въ одну прекрасную ночь всѣ кельи оказались пустыми. Изумленіе и страшный гнѣвъ: «Такъ у негодьяевъ крылья выросли. Завтра обломаю ихъ дубинкой». Настало утро, виновные явились къ государю, однако, онъ удовольствовался обща-ніемъ, въ случаѣ повторенія, засадить ихъ въ тюрьму, лучше охраняемую и менѣе удобную **).

Личный штатъ царя состоялъ изъ шести денщиковъ въ числѣ которыхъ были: Татищевъ, Орловъ, Бутурлинъ, Суворовъ; двухъ курьеровъ для дальнихъ посылокъ, камердинера Полубояринова, секретаря Макарова и двухъ помощниковъ секретаря: Черкасова и Памятина. Нартовъ тоже входилъ въ этотъ штатъ въ качествѣ помощника царя въ рѣзбѣ изъ слоновой кости и выпиливанію изъ дерева, чему Петръ нерѣдко посвящалъ по нѣсколько часовъ въ день. Всѣ эти люди составляли исключеніе изъ общаго правила, по которому всѣ, кому приходилось

*) Шереръ.

**) «Записки». Часть личныхъ воспоминаній Нартова заслуживаетъ извѣстнаго довѣрія; остальное — позднѣйшая комбинація, представляющая единственную цѣнность, — вообще весьма спорную — различныхъ анекдотическихъ источниковъ, откуда она почерпнута.

имѣть дѣло съ государемъ, его ненавидѣли столько же, какъ боялись; но близкіе слуги Петра Великаго обожали его, какъ и впоследствии слуги Великой Екатерины.

Иначе обстояло дѣло съ его сподвижниками, въ то же время обыкновенно его любимцами: за исключеніемъ Меншикова, не долго сохранявшими за собой такое званіе. Для нихъ временная снисходительность, даже слабость, доходившая до крайнихъ предѣловъ, неизмѣнно заканчивалась рѣзкой перемѣной настроенія и ужасными превратностями судьбы. Пока все шло хорошо,—это были его балованныя дѣти; Петръ заботился объ ихъ здоровьи и благосостояніи съ неусыпнымъ вниманіемъ; бралъ даже на себя хлопоты о ихъ женитьбѣ. Когда катастрофа съ несчастнымъ Алексѣемъ сдѣлала любимцемъ одного изъ сыщиковъ, участвовавшихъ въ захватѣ царевича, Александра Румянцева, одинъ бояринъ предложилъ ему въ жены свою дочь, побѣщая за ней значительное приданое. Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина Костромской губерніи, Румянцевъ былъ бѣденъ.

— Ты видѣлъ невѣсту?—спросилъ Петръ.

— Нѣтъ, говорятъ, она не глупа.

— Это кое-что значитъ, все-таки я хочу ее самъ посмотреть.—Онъ отправился въ тотъ же день на вечеръ куда должна была пріѣхать молодая дѣвушка, велѣлъ ее себѣ сейчасъ же указать, пожалъ плечами и сказалъ про себя, но очень громко: «Ничему не бывать!» Повернулся и ушелъ. На другой день, увидавъ Румянцева, онъ опять повторилъ: «Ничему не бывать!» Потомъ добавилъ: «Найду тебѣ другую и не позднѣе сегодняшняго вечера, приходи къ пяти часамъ». Явившись аккуратно на свиданіе и усѣвшись по приказанію царя рядомъ съ нимъ въ одноколку, Румянцевъ былъ не мало изумленъ, увидавъ, что экипажъ

остановился передъ домомъ графа Матвѣва, одного изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ лицъ государства. Петръ дружески поздоровался съ графомъ, цѣлуя его и сразу заявилъ:

— У тебя есть невѣста; а вотъ женихъ.

Безъ дальнихъ разговоровъ Матвѣва вышла замужъ за Румянцева. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ современниковъ, она уже была—въ девятнадцать лѣтъ—любовницей государя и любовницей вѣтренной! Уличивъ ее не задолго до того въ невѣрности, Петръ избралъ такое средство, чтобы приставить сторожа къ ея слишкомъ хрупкой добродѣтели, не пощадивъ предварительно красавицу отъ изряднаго наказанія «таши ргоргіа» *).

Но послѣдующія главы лучше объяснять читателю, сколько достовѣрности или возможности, съ исторической точки зрѣнія, заключается въ этой темной области интимной жизни Петра.

ПЕТРЪ АВАНАСЬЕВЪ.

*) Пыляевъ, «Старая Москва».

КНИГА II.
ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сподвижники, друзья и любимцы:

I. Аристократія и элементъ простонародный.—Школа дѣтелей.—Первые любимцы.—Ромодановскій — князь-кесарь.—Приказъ тайной полици.—Красная площадь въ Москвѣ.—Старая Русь.—Медвѣдь исполняетъ обязанности дворецкаго.—Честность энергія, жестокость.—Восточная гибкость.—Шереметьевъ.—Плохой полководецъ и превосходный солдатъ.—Меншиковъ.—Мальчикъ-пирожникъ.—Дядька царя.—Безразличное отношеніе Петра къ толкамъ по этому поводу.—Алексашка дѣлается княземъ.—Изобиліе титуловъ и должностей.—Всемогущество.—Злоупотребленіе властью.—Военноначальникъ.—Администраторъ.—Достоинства и недостатки.—Апология воровства.—Снисходительность Петра истощается.—Полу-опала.—II. Сподвижники второго разряда.—Головинъ.—Адмиралъ—не морякъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ—не дипломатъ.—Моряки русскіе и иностранные.—Апраксинъ и Крюисъ.—Политики и полицейскіе.—Головкинъ.—Толстой.—Русскій дипломатъ. Вельможи новой школы: Борисъ Куракинъ.—Дѣтели перворазрядные.—Неплюевъ и Татищевъ.—Духовникъ царя Надежинскій.—Матчъ съ секретаремъ аббата Дюбуа.—III. Дѣтели второстепенные.—Ягужинскій, Шафировъ.—Польскіе евреи.—Веселовскіе.—Созданіе новаго режима. «Прибыльщики». Курбатовъ; Соловьевъ.—Первый русскій экономистъ: Посошковъ.—Состояніе Демидовыхъ.—Ломоносовъ.—IV. Сподвижники иностранцы.—Часто они несутъ всѣ труды, но остаются въ тѣни.—Шереметьевъ и Огильви.—Виніусъ.—Яковъ Брюсъ.—Остерманъ.—Португальскій еврей Девьеръ.—Наказанный палками полицеймейстеръ.—Однообразный конецъ блестящихъ карьеръ.—Неизбѣжное паденіе.—Французы.—Де Вилльбуа.—Драма въ постели императрицы.—Англичане.—Перри, Фергюссонъ.—Негръ, предокъ Пушкина—

Ибрагимъ Ганнибалъ.—V. Общій обзоръ.—Статисты и полезности.—Личность великаго преобразователя не допускаетъ соперничающихъ величинъ.—Петръ и Лейбницъ.—Посмертная роль великаго нѣмца.

I.

«Нашъ царь почти одинъ, стремится ввысь, миллионы тянутъ книзу»... Описывая такъ своимъ образнымъ языкомъ одиночество Петра и трудности, встрѣчаемая имъ на пути проведенія въ жизнь своихъ преобразованій, Посошковъ допускаетъ нѣкоторое преувеличеніе. Самое восшествіе на престолъ великаго преобразователя было, какъ мы доказывали, торжествомъ извѣстной партіи; его первые попытки преобразованій были ему также внушены окружающими, и вполнѣдствіи наврядъ ли бы онъ оказался въ силахъ исполнить въ двадцать лѣтъ работу нѣсколькихъ столѣтій, еслибы не имѣлъ поддержки въ довольно значительномъ числѣ умныхъ и энергичныхъ сотрудниковъ. Почва, попираемая его властной стопой и орошаемая потомъ его чела, напротивъ, оказалась плодотворной нужными силами, конечно грубыми, но могучими. Послѣ работниковъ перваго времени, Лефорта, Нарышкина, появились другіе, мѣстные и чужеземные, безспорно не великіе вожди, не глубокіе политики, но подобно царю, люди дѣятельные, подобно ему, обладавшіе несложнымъ, поверхностнымъ образованіемъ, но способные развить въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ мощную иниціативу, большую находчивость и поразительную настойчивость. Когда не хватало сотрудниковъ, среди родовитой аристократіи,—что наступило очень быстро (испугавшись рѣзкости мѣропріятій Петра, задыхаясь отъ грубости обра-

шенія, растерявшись отъ головокружительной быстроты поступковъ, старая аристократія держалась въ сторонѣ или совѣмъ притаилась)—царь опускается ниже, до самыхъ глубинъ слоевъ простонародья, и взамѣнъ Матвѣва или Трубецкого находитъ тамъ Демидова или Ягужинскаго. Такимъ образомъ вокругъ него собирается школа государственныхъ людей, носящихъ особый отпечатокъ,—прототипъ «дѣятелей», болѣе недавняго времени,—поочередно солдатъ, дипломатовъ и экономистовъ, людей безъ определенной специальности, отчасти диллетантовъ, людей безъ предразсудковъ и безъ сомнѣній, безъ страха, если и не всегда безъ упрека, идущихъ прямо впередъ не оборачиваясь назадъ, всегда готовыхъ на рѣшительныя мѣры, удивительно приспособленныхъ для быстрого исполненія всякихъ обязанностей, для смѣлаго принятія на себя всякой отвѣтственности. Именно, такіе люди нужны были Петру для исполненія совмѣстнаго съ нимъ дѣла. Онъ не требовалъ отъ нихъ, да и справедливо, чтобы они являли собой образецъ добродѣтели.

Въ 1722 г. Кампредонъ извѣщалъ кардинала Дюбуа: «Имѣю честь сообщить Вашему Высокопреосвященству, что если Вамъ не угодно прибавить къ полномочіямъ денежную сумму для раздачи русскимъ сановникамъ, то слѣдуетъ отказаться отъ надежды на успѣхъ. Какую бы пользу царь ни находилъ въ союзѣ съ Франціей, если его министры не увидятъ въ томъ личной выгоды для себя, то ихъ интриги и тайные происки разрушатъ переговоры самые полезные и клонящіяся къ наибольшей славѣ ихъ государя. Мнѣ приходится видѣть ежедневно подтвержденія этой истины» *). Этихъ министровъ звали Брюсъ и Остерманъ и

*) 24 іюля 1722 г.

«подтвержденія», можетъ быть весьма существенныя, извѣстныя французскому посланнику, не помѣшали имъ годъ тому назадъ превзойти самага Петра въ защитѣ его интересовъ и добиться условій мира, казавшихся ему недостижимыми.

Трое изъ числа всѣхъ сподвижниковъ великаго царствованія занимаютъ совершенно особое мѣсто: Ромодановскій, Шереметьевъ и Меншиковъ. Первые два пользовались исключительнымъ правомъ,—не дарованнымъ даже Екатеринѣ—входить къ государю во всякое время дня и ночи безъ доклада. И, отпуская, Петръ провожалъ ихъ до дверей своего кабинета.

Ни одна изъ княжескихъ фамилій, потомковъ Рюрика, въ первые годы восемнадцатаго столѣтія не могла сравниться по вліянію и занимаемому положенію съ Ромодановскими. Однако, въ предыдущемъ вѣкѣ они далеко не имѣли такого первенствующаго значенія, считаясь ниже Черкасскихъ, Трубецкихъ, Голицыныхъ, Рѣпниныхъ, Урусовыхъ, Шереметьевыхъ, Салтыковыхъ и наравнѣ съ Куракиными, Долгорукими, Волконскими, Лобановыми *). Младшій отпрыскъ одной изъ младшихъ вѣтвей обширной семьи варяжскаго вождя, князей Стародубскихъ, они получили въ пятнадцатомъ столѣтіи свое имя отъ помѣстья Ромодановскаго въ Владимірской губерніи. Затѣмъ они выдвинулись впередъ, занимая преемственно должность, превратившуюся для нихъ какъ бы въ наследственную, хотя и не содѣйствовавшую вѣщему ихъ прославленію. Послѣ учрежденія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ приказа тайной полиціи съ подземными тюрьмами и застѣнками въ Преображенскомъ, завѣдываніе имъ было поручено князю Геор-

*) Котошихинъ, «Записки».

гію (или Юрію) Ивановичу Ромодановскому. Сынъ, послѣ смерти отца, занялъ ту же должность и въ свою очередь передалъ ее своему наслѣднику.

Этотъ сынъ Юрія Ивановича и былъ извѣстный «князь-кесарь».

Въ 1694 г. въ видѣ награды за побѣду, одержанную надъ лже-королемъ польскимъ въ лицѣ Бутурлина, Петръ вздумалъ даровать Ромодановскому такой титулъ. То была простая шутка, но мы уже видѣли насколько забава и серьезное дѣло смѣшивались въ причудахъ великаго мужа. Труднѣе себѣ представить, какимъ образомъ чело-вѣкъ съ нравомъ Федора Юрьевича могъ всю жизнь подчиняться такой комедіи. Въ немъ не было ни тѣни шутовства, склонности къ дурачествамъ, долготерпѣнія. Можетъ быть съ наивностью дикаря онъ не замѣчалъ оскорбительной и унижительной дѣйствительности, столь очевидной однако въ осмѣяніи его «величества». Въ глазахъ Петра, онъ, повидимому, представлялъ примиреніе съ режимомъ, осужденнымъ имъ на гибель. Поэтому преобразователь терпѣлъ его усы и татарское или польское одѣяніе; но, воздвигая и посвящая культу прошлаго такое подобіе кумира искупительнаго и будившаго воспоминанія, онъ позорилъ и унижалъ въ немъ это ненавистное прошлое, всѣ связанныя съ нимъ представленія и воспоминанія: старый московскій Кремль, полуазиатскую пышность царей, бывшихъ данниковъ великаго хана, тяжелымъ гнетомъ придавившую его юные годы; старый замокъ въ Вѣнѣ и величіе римскихъ цезарей, гнетъ которыхъ онъ тоже испыталъ на себѣ въ незабвенный часъ перваго выступленія на общественную арену. Вотъ какія воспоминанія стремился Петръ обратить въ посмѣшище и низвергнуть въ бездну небытія.

Лицо, избранное для такой двусмысленной роли, имѣло свои достоинства. Поставленный, по крайней мѣрѣ по виду, выше всякаго соблазна, Ромодановскій, дѣйствительно, внѣ всякихъ подозрѣній. Онъ былъ неподкупенъ, прямодушень, честень и неумолимъ, — каменное сердце и желѣзная рука. Среди всевозможныхъ интригъ, низостей, алчностей, кипѣвшихъ вокругъ государя, онъ оставался прямымъ, надменнымъ; чистымъ, и когда въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ, онъ быстро съ нимъ справился по своему: двѣсти мятежниковъ были выхвачены изъ толпы и повѣшены за бокъ на желѣзныхъ крюкахъ среди Красной площади, — площади древней столицы, такъ мѣтко названной. Тюрьмы и орудія для пытокъ находились у Ромодановскаго даже въ его собственномъ домѣ, и когда Петръ, бывшій въ то время въ Голландіи, упрекалъ его въ злоупотребленіи своей ужасной властью, совершенномъ въ состояніи опьяненія, Ромодановскій рѣзко отвѣчалъ: «Пусть тѣ, у кого много досуга и кто его убиваетъ по чужимъ краямъ, ведутъ знакомство съ Ивашкой, у насъ же дѣло поважнѣе, чѣмъ напиваться виномъ; мы что ни день, купаемся въ крови» *).

Однако, и характеръ Ромодановскаго все-таки не былъ лишенъ извѣстной гибкости: слишкомъ сильно вліяніе востока. Правда, ему приходилось иногда противорѣчить государю, даже открыто порицать его и, въ 1713 г., въ письмѣ къ адмиралу Апраксину, добровольный тиранъ повидимому недоумѣвалъ, что ему дѣлать «съ этимъ воплощеннымъ чортомъ, поступающимъ всегда по своему». Ромодановскій видимо относился очень серьезно къ своему кесарству и не терпѣлъ насмѣшки по этому поводу. Шереметьевъ,

*) Документы и переписка Петра.

докладывая ему о Полтавской побѣдѣ, величаетъ его «Государемъ» и «Ваше Величество». Во дворъ его дворца входили гѣшкомъ и обнаживъ голову; самъ Петръ оставлялъ свою одноколку у воротъ. Подходя къ «кесарю», дѣлали земной поклонъ. Его окружала роскошь азіатскаго владыки, проявляющаго соотвѣтственныя причуды. Его свита, при поѣздкахъ на охоту, состояла изъ пятисотъ челоуѣкъ, и посѣтители всѣхъ сословіи, являшіеся къ нему, должны были выпивать при входѣ огромный стаканъ водки, слобренной перцомъ, которую имъ подавалъ ворчащій медвѣдь. Если посѣтитель дѣлалъ видъ, что хочетъ отказаться, медвѣдь бросалъ поднось и облапливалъ жертву *). Но тотъ же челоуѣкъ прекрасно помнилъ, что Меншиковъ большой любитель рыбы, и заботился объ отправкѣ ему лучшихъ запасовъ изъ своихъ садковъ, вмѣстѣ съ боченкомъ вина и меда для денщика Поспѣлова, горькаго пьяницы и большого любимца царя. **)

Шереметьевъ тоже былъ въ своемъ родѣ, представителемъ прошлаго. Подъ Нарвой онъ растерялся, подобно всѣмъ; подъ Полтавой мужественно исполнялъ свой долгъ, какъ и всѣ; въ завѣщаніи, составленномъ въ 1718 г., онъ ввѣряетъ свою грѣшную душу царю, ***) и это выраженіе рисуетъ его цѣликомъ. Онъ простъ, скромень и невѣжественъ.

— Какой чинъ былъ у тебя раньше?—спрашиваетъ онъ у унтеръ-офицера, прибывшаго изъ Германіи.

— Каптенармусъ.

*) Хмыровъ. *«Графиня Головкина и ея время»*.

***) Долгоруковъ. *«Записки»*.

***) Русскій Архивъ, 1875 г.

— «Агш», — значить по-нѣмецки бѣдный? Ты былъ у себя на родинѣ бѣднымъ капитаномъ, а у насъ будешь капитаномъ, да вдобавокъ богатымъ. *)

Но онъ былъ превосходный солдатъ; всегда первый въ огнѣ, сохранявшій полное спокойствіе подъ пулями, обожаемый своими подчиненными. На улицахъ Москвы, замѣтивъ какого-нибудь офицера, служившаго подъ его начальствомъ, онъ обязательно вылѣзалъ изъ кареты, такой же раззолоченной, какъ у Меншикова, чтобы пожать руку старому товарищу. Искренній, великодушный и гостеприимный—онъ кормилъ цѣлое полчище нищихъ и держалъ всегда открытый столъ на пятьдесятъ приборовъ, являя собой одного изъ послѣднихъ представителей старыхъ московскихъ бояръ, въ его симпатичномъ воплощеніи.

Александръ Даниловичъ Меншиковъ олицетворялъ типъ совершенно другого характера. Онъ открываетъ собою въ Россіи цѣлый рядъ выскочекъ,—созданій царскаго каприза. Преданіе рассказываетъ, что въ молодости Меншиковъ былъ мальчишкой-пирожникомъ. Княжеская грамота Меншикова ведетъ его происхожденіе отъ стариннаго литовскаго рода. Въ крайнемъ случаѣ можно согласовать обѣ версіи. Сынъ мелкопомѣстнаго дворянчика изъ-подъ Смоленска могъ продавать пирожки на улицахъ Москвы; вѣдь торговалъ же ими кавалеръ ордена св. Людовика въ Версали во времена Стерна.**) Во всякомъ случаѣ его отецъ не пошелъ дальше чина капрала Преображенскаго полка, куда онъ самъ поступилъ сержантомъ около 1698 года. Можетъ быть въ то время онъ совмѣщалъ эту должность съ торговлей пирожками. Даже во вновь образованныхъ полкахъ, основанныхъ Петромъ, долго держался весьма любо-

*) Брюсъ «Записки». Лондонъ. 1782 г.

***) «*Sentimental Journey*». Глава о пирожникѣ.

пытный духъ промышленности, благодаря традиціямъ, завѣщеннымъ стрѣльцами. Но уже тогда юноша пользовался большой благосклонностью царя, называвшаго его уменьшительнымъ именемъ «Алексашки» и осыпавшаго его всенародно проявленіями почти страстной нѣжности. *) Известна роль, какую нѣкоторыя свидѣтельства,—положимъ спорныя,—приписываютъ Меншикову во время взрыва гнѣва на генерала Шейна, когда Петра надо было заставить опомниться. Происхожденіе фавора Меншикова относится по другимъ рассказамъ къ иному виѣшателству, благотворному и важному, въ судьбѣ государя. Отправляясь на обѣдъ къ одному боярину, Петръ встрѣтилъ пирожника, его физиономія ему понравилась, и онъ взялъ его съ собой. За столомъ онъ долженъ былъ стоять позади его стула. Только что царь протянулъ руку, чтобы взять себѣ какое-то кушанье съ блюда, пирожникъ сдѣлалъ быстрое движеніе, сказалъ что-то на ухо царю и остановилъ его. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пирожникъ проникъ въ кухню боярина и успѣлъ подмѣтить тамъ приготовленную отраву. Отвергнутое царемъ блюдо было отдано, по его приказанію, собацѣ, и на ней доказана несомнѣнность покушенія. Бояринъ и его сообщники были арестованы, а Алексашка такимъ образомъ началъ свою необыкновенную карьеру.**)

Онъ родился въ 1673 году и былъ на годъ моложе Петра. Высокаго роста и хорошо сложенный, съ пріятнымъ лицомъ, онъ отличался отъ царя и отъ окружающей его среды большою чистоплотностью и даже особенною, свойственною ему одному, элегантностью. Роль представителя, которая ему впоследствии выпала на долю, зависѣла въ

*) Соловьевъ.

***) Брюсъ. «Записки»

нѣкоторой степени отъ этой особенности. Между тѣмъ онъ не получилъ никакого образованія. Онъ и впоследствии не выучился грамотѣ и былъ лишь въ состояніи подписать свое имя. *) Если вѣрить Екатеринѣ II, имѣвшей возможность быть вполне освѣдомленной на этотъ счетъ, Меншиковъ точно также, будто бы, не достигъ и того, чтобы имѣть «ясное представленіе о чемъ бы то ни было».

Но, по примѣру Петра, хотя далеко уступая ему въ этомъ отношеніи, онъ приобрѣлъ краткія познанія обо всемъ, въ томъ числѣ и о великосвѣтскихъ пріемахъ и манерахъ, во всемъ подражая монарху и дѣлаясь какъ бы отраженіемъ его. Онъ сопровождалъ царя подъ стѣнами Азова и жилъ съ нимъ въ одной палаткѣ; онъ слѣдовалъ за нимъ всюду и за-границею и бралъ съ нимъ вмѣстѣ уроки; онъ участвовалъ также въ подавленіи бунта стрѣльцовъ и хвалился, говорятъ, тѣмъ, что собственноручно срубилъ двадцать непокорныхъ головъ. Предоставивъ самому Петру сбрить себѣ бороду, онъ сдѣлался его придворнымъ брадобрѣемъ и, избавивъ всѣхъ членовъ московской ратуши отъ излишняго украшенія, приводилъ ихъ бритыми къ царю, символически изображая такимъ образомъ свою будущую дѣятельность въ великомъ царствованіи. Съ 1700 года онъ, повидимому, исполнялъ при царѣ обязанности мажордома и занималъ въ сердцѣ его совѣмъ особое мѣсто. Петръ называлъ его въ письмѣ «mein Herzönskind (дитя сердца моего), mein bester Firnt (лучшій другъ ой), или даже mein Bruder (братъ мой),—имена, которыя

*) Примѣры, приведенные Устряловымъ, основанные на противоположномъ утвержденіи и указывающіе на подписи, къ которымъ фаворитъ прибавлялъ приписки, въ родѣ «взялъ», «принялъ и списался», не доказаны. Показанія Екатерины имѣютъ больше достовѣрности.

онъ никогда не давалъ никому другому. Отвѣты фаворита въ такомъ же фамиллярномъ тонѣ и, замѣчательно то, что онъ не прибавляетъ къ подписи никакихъ выраженій почтительности, тогда какъ самъ Шереметьевъ подписывается «Наиподданнѣйшій рабъ твой» *).

Однако, фаворитъ имѣлъ двухъ любовницъ—сестеръ Арсеньевыхъ, Дарію и Варвару, фрейлинъ царевны Наталіи любимой сестры государя, которымъ онъ писалъ обѣимъ заразъ: онѣ не ревновали его одна къ другой. Наконецъ, онъ женился на старшей, къ которой у Петра, повидимому были личныя отношенія загадочнаго свойства. Женившись на Дарьѣ, Меншиковъ, повидимому, повиновался волѣ своего августѣйшаго друга, которымъ руководили какъ бы загадочныя, необычайныя угрызенія совѣсти.

Общее мнѣніе современниковъ, что эта связь между ними не была простой дружбой, и самъ Петръ выказывалъ странное равнодушіе къ подобнаго рода обвиненіямъ. Въ 1702 году одинъ капитанъ Преображенскаго полка, уличенный въ слишкомъ смѣлыхъ рѣчахъ на эту скабрзную тему, былъ только высланъ въ отдаленный гарнизонъ, и подобные факты повторялись нѣсколько разъ. **)

Въ 1703 году оба друга въ одинъ и тотъ же день получили орденъ св. Андрея «хотя и недостойны этого», какъ утверждалъ Петръ въ письмѣ къ Апраксину ***). Послѣ этого начинается вся феерія *Алексаикина* возвышенія. Въ 1706 году онъ получаетъ титулъ князя Св. Имперіи, на слѣдующій годъ, одержавъ побѣду надъ шведскимъ генераломъ Мардефельдомъ (при Калишѣ, 18 октября 1706 г.), онъ становится владѣтельнымъ русскимъ княземъ

*) Рукопись и переписка Петра.

**) Русскій Архивъ, 1875.

***) Русскій Архивъ, 1875 г.

съ титуломъ Ижорскаго герцога всей Ингерманландіи, какъ наслѣдственнаго владѣнія; онъ дѣлается также графомъ въ Дубровнѣ, Горкахъ и Потчепѣ, наслѣдственнымъ владѣтелемъ Ораніенбаума и Батурина, генералиссимусомъ, членомъ высшаго совѣта, маршаломъ имперіи, предсѣдателемъ военной школы, адмираломъ «краснаго флага». Петербургскій генераль-губернаторъ, подполковникъ Преображенскаго полка, подполковникъ трехъ отрядовъ лейбъ-гвардіи, капитанъ роты бамбардировъ, кавалеръ ордена св. Андрея, св. Александра, Слона, Бѣлаго и Чернаго Орла... Этого не достаточно. Въ 1711 году онъ пытается выкупить у вдовствующей герцогини Курляндской титулъ ея и герцогство; черезъ годъ считаетъ себя близкимъ къ достиженію этой цѣли и заставляетъ уже присягать себѣ чиновниковъ страны *). Принужденный отложить до болѣе благопріятнаго времени окончательное вступленіе во владѣніе, которое оскорбляетъ Польшу, онъ отъ него не отказывается, и вымѣщаетъ неудачу на польскихъ панахъ, вынуждая ихъ уступать ему обширныя владѣнія за ничтожную цѣну. Такимъ образомъ онъ прибавляетъ къ своему блеску огромное богатство. Въ Украинѣ онъ покупаетъ у Мазепы весь Почепскій уѣздъ и захватываетъ земли, принадлежащія казацкимъ офицерамъ. Водруженный его арміей столбъ въ какой-либо деревнѣ означаетъ его право на владѣніе ею; въ случаѣ сопротивленія, онъ прибѣгаетъ къ висѣлицѣ. Онъ прибѣгаетъ и къ спекуляціямъ, которыя, будучи основанъ на его могуществѣ почти абсолютномъ, могли быть только прибыльными. Вмѣстѣ съ Толстымъ и евреемъ Шафировымъ, онъ создаетъ фабрики,

*) Деша де-Би Генеральнымъ Штатамъ 26 апрѣля 1712 г.

которымъ даетъ произвольныя привилегіи *). Его могущество ограничивалось только періодическими раскаяніями монарха, сопровождавшимися репрессивными мѣрами противъ совершенныхъ имъ злоупотребленій; а если бы не это, то диктатура, которой онъ пользовался, предоставила бы ему болѣе полную свободу дѣйствій, чѣмъ самому Петру, потому что онъ не ограничивалъ ее никакими соображеніями высшаго порядка. Сверхъ того, если вѣрить императорскому резиденту Плейеру, онъ доходилъ до того, что отмѣнялъ приказанія царя; при немъ же грубо обращался съ царевичемъ, хваталъ его за волосы и кидалъ объ полъ; царевны били ему челомъ **).

Каковы же были достоинства этого человѣка и какими мѣрами онъ достигъ всѣхъ этихъ преимуществъ?

Съ точки зрѣнія военныхъ доблестей, нечего ожидать отъ него ни познаній, ни даже храбрости. «Ни опыты, ни знанія, ни храбрости», говорилъ о немъ Витвортъ ***). Но онъ обладалъ стойкостью при неудачахъ, стремительностью во время успѣха и большой постоянной энергіей. «Онъ дѣятельный, предприимчивый», отзывался о немъ Кампредонъ, прибавляя: «но скрытенъ, склоненъ ко лжи, за деньги готовъ на все» ****). Странная смѣсь серьезнаго ума и ребячества, проявлявшаяся въ дѣйствіяхъ и манерахъ держать себя у Петра, проявлялась одинаково и у его alter ego (двойника) въ чертахъ почти такихъ же яркихъ. Въ августѣ 1708 года при переходѣ черезъ Березину и наканунѣ встрѣчи, которой искали шведы и которой Мен-

*) Карновичъ. Большія богатства.

***) Устряловъ.

****) Депеша отъ 17 сент. 1708 г. Сборникъ.

*****) 3 мая 1725 г.

шиковъ старался избѣжать, мы застаемъ его занятымъ новой ливреею, для нѣмецкаго лакея, которую онъ посылаетъ женѣ. Можно подумать, что онъ придавалъ огромное значеніе этому занятію. Пока онъ размѣрлялъ галуны и чертилъ полы, Карль XII маневрировалъ такъ, чтобы сдѣлать сраженіе неизбежнымъ. Между тѣмъ исходъ битвы не оказался такимъ гибельнымъ для русскаго войска, какъ этого можно было ожидать. Русскіе выдержали столкновение со стойкостью, которая служила предзнаменованіемъ будущихъ побѣдъ. Фаворитъ вновь овладѣлъ собою. Впослѣдствіи Потемкинъ будетъ этой же школы.

Въ Полтавѣ цѣлыя сутки были потеряны Меншиковымъ передъ преслѣдованіемъ, которое послѣдуй оно тотъ же часъ за пораженіемъ шведовъ, неминуемо отдало бы въ руки русскихъ Карла съ остатками побѣжденной арміи. Когда ему удалось нагнать Лёвенгаупта на берегу Днѣпра, король уже успѣлъ перейти на другой берегъ, и фаворитъ, имѣя съ собою только большой отрядъ кавалеристовъ, оказался въ довольно затруднительномъ положеніи. Только счастливая звѣзда его и дерзость помогли ему выпутаться изъ бѣды: онъ сдѣлалъ видъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ вся побѣдоносная армія; въ рядахъ побѣжденныхъ произошло смятеніе, они поддались обману, и Лёвенгауптъ сдался на капитуляцію.

Административныя способности Меншикова служили ему главнымъ образомъ для того, чтобы разбогатѣть. Онъ почти все время нагло, безнаказанно воровалъ. Правда, въ 1714 году чрезмѣрные его грабежи повлекли за собою разслѣдованіе дѣла, которое длилось безконечно. Но фаворитъ былъ изворотливъ: онъ предъявлялъ старые счета, по которымъ въ свою очередь являлся кредиторомъ казны на суммы, гораздо большія, чѣмъ тѣ, которыхъ отъ него требовали, а

когда черезъ четыре года новый доносъ засталъ его врасплохъ, онъ обратился къ Петру приблизительно со слѣдующими разъясненіями:

«Развѣдчики и доносчики сами не знаютъ, что говорятъ и что дѣлаютъ. Они запутались въ мелочахъ. Если они хотятъ называть воровствомъ присвоеніе тѣхъ суммъ, которыми я могъ располагать по своему усмотрѣнію, они очень ошибаются въ количествѣ. Да, присвоилъ себѣ тѣ сто тысячъ, о которыхъ говоритъ Негановскій; да и мало ли, что я еще бралъ себѣ! Я даже и счесть не въ состояніи. Послѣ Полтавской битвы я нашелъ въ шведскомъ лагерѣ значительныя суммы и выдѣлилъ себѣ изъ нихъ двадцать тысячъ червонныхъ съ лишнимъ и вашъ управитель, Курбатовъ, честный человекъ, въ нѣсколько приѣмовъ доставилъ мнѣ другія суммы изъ вашей кассы, монетами и слитками; въ Любекѣ я велѣлъ выдать мнѣ пять тысячъ дукатовъ; въ Гамбургѣ вдвое больше; въ Мекленбургѣ и въ Германскихъ владѣніяхъ, въ Швеціи двѣнадцать тысячъ талеровъ, въ Данцигѣ двадцать тысячъ. Всего не вспомнишь! Я по своему воспользовался данною мнѣ властью. Я въ крупномъ видѣ дѣйствовалъ такъ, какъ другіе въ мелочахъ. Если я былъ не правъ, надо было давно остановить меня»...

Петръ былъ обезоруженъ. Онъ чувствовалъ себя соумышленникомъ. Онъ еще разъ закрылъ глаза на все. Но доносы преумножались. Кредитъ въ 21,000 рублей, ассигнованный въ 1706 году на ремонтъ войсковыхъ лошадей, вдругъ исчезъ. Воръ былъ все тотъ же самый. Дѣло на этотъ разъ подлежало военному суду; онъ присудилъ виновнаго къ лишенію правъ и состоянія. Петръ помиловалъ его. Слѣдствіе продолжалось; оно влекло за собою другія разслѣдованія; присоединилось обвиненіе нарушеній

правъ въ Польшѣ, въ Помераніи, въ Петербургской губерніи. Всюду царскій диктаторъ налагалъ свою руку; не было ни одной губерніи, ни одного административнаго округа, которое миновало бы его рукъ. Царю это начинало надоѣдать. Ненасытная алчность его друга угрожала создать монарху дипломатическія недоразумѣнія. Голландскій посоль обвинялъ ревельскаго губернатора Зотова въ вымогательствѣ у голландскихъ купцовъ денегъ, которыя онъ дѣлилъ съ Меншиковымъ. Расположеніе монарха къ фавориту съ каждымъ годомъ охлаждалось; отношенія ихъ становились мало-по-малу отдаленнѣе. Наконецъ дошло до того, что Петръ однажды такъ разсердился, что пригрозилъ неисправному грабителю вернуть его къ прежней должности. Въ тотъ же вечеръ царь увидѣлъ его въ поварской одеждѣ съ лоткомъ на головѣ, выкликающаго: «Пирогі горячіе!» Царь размѣялся. У этого мошенника была не одна запѣпка. Онъ имѣлъ всегда вѣрную, неизмѣнную поддержку въ Екатеринѣ. Она была когда-то его любовницей и не забывала этого. Онъ пользовался также страстною любовью Петра къ сыну отъ второй жены, маленькому Петру Петровичу, чтобы расположить къ себѣ царя; въ отсутствіе Петра онъ часто писалъ ему, сообщая ему всѣ новости о его «безцѣнномъ сокровищѣ», рассказывая, какъ тотъ играетъ въ солдаты, изображая его лепетъ, восхищаясь его проказами *). Но главное, онъ всегда

*) А мы сей день (т. е. день рожденія маленькаго Петра), благодаря Всевышняго Бога, сей безцѣнный маргаритъ намъ даровавшаго, надѣемся равнымъ же образомъ повеселиться, какъ было и въ самый первый день его рожденія. Государь царевич между прочимъ за лучшую забаву нынѣ изволить употреблять экзерцицію солдатскую: чего ради караульные бомбардирской роты солдаты непрестанно въ большой палатѣ передъ его величествомъ

оставался человѣкомъ, на котораго можно было положить во всемъ, кромѣ честности, на котораго всегда можно было рассчитывать, что онъ сѣмѣтъ помочь царю, замѣнить его, благодаря своей энергіи, рѣшимости, предприимчивости, находчивости, которыя никогда его не покидали. Посланный въ Финляндію съ отрядомъ войска, Апраксинъ рисковалъ умереть съ голоду. Петръ былъ въ отлучкѣ. Совѣтъ, созванный на помощь, ничего не рѣшилъ; купцы отказывались выдавать чтобы то ни было въ кредитъ; казна была опустошена. Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе выломать двери магазиновъ, забралъ все, что ему нужно изъ провіанта, и отослалъ въ Або. Поднялся крикъ о насиліи; сенаторы, заинтересованные въ продажѣ ржи, сдѣлали видъ, что хотятъ арестовать фаворита. Но онъ выдержалъ бурю и, по возвращеніи царя, на этотъ разъ безъ труда оправдался. Его рѣшительная мѣра спасла финляндскую армію.

Въ его пользу говорило и то, что тѣ, которые уличали его, сами не стояли на должной высотѣ. Одинъ изъ нихъ, Курбатовъ, самъ долженъ былъ сознаться въ покражѣ въ 1721 году и присужденъ былъ къ уплатѣ штрафа.

Такимъ образомъ, Меншиковъ отстаивалъ себя до конца, все болѣе и болѣе подвергаясь нападеніямъ, но все же держался. Въ 1723 году Екатерина въ двадцатый разъ пыталась защитить своего протеже, но Петръ рѣзко оборвалъ ее: «Меншиковъ на свѣтъ явился такимъ же, ка-

оную экзерцицію отпращиваютъ и правда, что хотя сіе онъ изволить чибить по своей должности сержантской, однакожь зѣло изъ того изволить тѣшиться; рѣчь же его: «папа, мама, солдатъ». Дай, Всемилостивѣйшій Боже, самимъ вамъ вскорѣ его видѣть: то надѣюсь, что ничего того въ немъ увидѣть не изволите, чѣмъ бы не довольно можно повеселиться.

кимъ живеть въкъ свой: въ беззаконіи зачатъ, въ грѣсѣхъ родила мать его и въ плутовствѣ скончаетъ животь свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы!»! Прежняя привязанность отжила. Даже остроуміе Данилыча, которое столько разъ, разсмѣшивъ царя, вызывало его снисходительность, перестало его выручать. Войдя однажды въ домъ счастливаго выскочки, такъ любившаго пышность, Петръ къ изумленію своему увидалъ голыя стѣны, безъ мебели. Что за раззореніе?

— Пришлось продать обои и мебель, чтобы выплачивать наложенный на меня штрафъ.

— Такъ сейчасъ же выкупи все, что продалъ, а не то я увеличу вдвое штрафъ.

Очарованіе разрушено. Меншиковъ лишился предсѣдательства въ военной школѣ; у него отняли 15,000 душъ, украденныхъ изъ бывшихъ владѣній Мазепы*). Смерть Петра застала его на половину разжалованнымъ. Но при вступленіи на престолъ Екатерины ему все было возвращено съ лихвою: онъ сдѣлался еще могущественнѣе и уже видѣлъ дочь, вступающую на престолъ. Но наканунѣ этого высшаго торжества, все рушилось, и онъ дожилъ въкъ въ изгнаніи съ нѣсколькими копѣйками въ день на пропитаніе.

Эта вторая половина его жизни не входитъ въ намѣченную мною программу настоящей работы; можетъ быть, позднѣе я возвращусь къ ней.

Что бы ни возражали и ни утверждали, этотъ сотрудникъ Петра не былъ слишкомъ уменъ, но эта сила, которую нельзя не признать. Попавши въ руки Петра, при-

*) Смотр. для его біографіи Есиповъ, Соловьевъ, Голиковъ Нартовъ

званная служить самой могущественной волѣ, какая только известна въ современной исторіи до Наполеона, эта сила, брошенная могучимъ толчкомъ на обширную необработанную степь, какою была въ то время Россія, для обработки ея, имѣла свою цѣнность. Она побѣждала всѣ препятствія, разбивала всѣ преграды; это былъ могущественный потокъ, несущій въ своемъ водовородѣ плодотворныя сѣмена, запутанныя въ тинѣ.

Высокомѣрный, грубый, корыстолюбивый и жестокій, человекъ этотъ не умѣлъ любить и не былъ любимъ. Когда въ 1706 году домъ его въ Москвѣ загорѣлся, весь народъ радовался*). Петръ этимъ не смущался. Онъ всегда оказывалъ тайное предпочтеніе тѣмъ слугамъ, которые помимо его не могли рассчитывать ни на что и ни на кого.

*) Русскій Архивъ, 1875 г. (Есиповъ).

II.

Я подхожу къ сподвижникамъ второстепеннымъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ родамъ, но они не самые интересные. Призванный послѣ смерти Лефорта управлять адмиралтействомъ и польскимъ приказомъ, министръ иностранныхъ дѣлъ этой эпохи, Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, не былъ ни морякомъ, ни дипломатомъ. Онъ женилъ своего брата, Алексѣя, на одной изъ сестеръ Меншикова; за него все дѣлала Ягужинскій, котораго Петръ въ свою очередь оцѣнивалъ по достоинству. Головинъ съ важностью носилъ компасъ, какъ отличительный знакъ занимаемаго имъ положенія: въ этомъ вся его заслуга. Генераль адмираль Апраксинъ, смѣнившій его въ 1706 году, нѣсколько значительнѣе, но опять-таки обязанъ большею частью своего превосходства и успѣховъ присутствію въ адмиралтействѣ норвежца Крюиса. Поэтому онъ завидовалъ этому, подчиненному ему, сопернику и съ постыдной поспѣшностью воспользовался случаемъ отъ него избавиться. Вслѣдствіе гибели одного судна, происшедшей благодаря неправильно истолкованному сигналу, военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ генераль-адмирала приговорилъ чужеземца къ смертной казни. Нерыцарскій поступокъ со стороны потомка семьи, претензія которой на аристократичность впрочемъ, оспаривается нѣкоторыми генеалогами!

Петръ замѣнилъ смертный приговоръ вѣчной ссылкой, изъ которой Крюисъ скоро возвратился, такъ какъ съ его отъѣздомъ все пошло вверхъ дномъ въ адмиралтействѣ.

Управление посольскимъ приказомъ съ титуломъ канцлера перешло послѣ Головина къ Гавріилу Ивановичу Головкину, представлявшему изъ себя еще одно декоративное ничтожество. Положивъ начало системѣ, которой Екатерина II дала еще большее развитие, Петръ часто отдѣлялъ титулъ отъ исполненія возлагаемыхъ имъ обязанностей, что позволяло ему легче удовлетворять своему вкусу въ выборѣ фаворитовъ болѣе низкаго происхожденія. Низводя титулованнаго министра до фигуральной роли, онъ находилъ для дѣйствительной службы своей внѣшней политикѣ Остермановъ и Ягужинскихъ. Другъ дѣтства государя, позднѣе самый обычный товарищъ его удовольствій—и дебошей, и кромѣ того родственникъ его со стороны Нарышкиныхъ, Гавріилъ Ивановичъ имѣлъ привычку держаться со своимъ государемъ тона наставника, и въ одномъ изъ официальныхъ писемъ онъ пишетъ ему въ такомъ тонѣ: «Ваше Величество соблаговолили приписать мою подагру злоупотребленію удовольствіями Венеры, я считаю своимъ долгомъ сообщить Вашему Величеству по этому поводу истину, которая заключается въ томъ, что болѣзнь происходитъ скорѣе отъ злоупотребленія напитками». По честности Головина можно отнести къ низшему рангу. Ходили слухи, что онъ пользовался опредѣленнымъ содержаніемъ отъ Мазепы. Въ декабрѣ 1714 года Петръ его упрекалъ при полномъ составѣ сената въ казнокрадствѣ; онъ вынужденъ былъ сознаться, что пошелъ на это при фуражировкѣ арміи сообща съ Меншиковымъ *).

Но среди старой аристократіи были люди и получше этихъ, по крайней мѣрѣ, что касается ума. Толстой, на-

*) Де-Би, Генеральнымъ Штатамъ 21 декабря 1714. Архивъ г. Гааги.

примѣръ, оправдывалъ слова Петра: «Когда имѣешь дѣло съ нимъ, держи камень за пазухой, чтобы успѣть во время выбить ему зубы». Или тотъ другой, къ которому относятся слова царя: «Не знай я, что это за голова, я бы давно приказалъ ее снести».

Дипломатъ въ Вѣнѣ, въ Константинополѣ, полицейскій агентъ, преслѣдовавшій несчастнаго Алексѣя, Толстой пользовался услугами часто постыдными, но всегда выдвигавшими на видъ его замѣчательныя способности, и добивался отличія—голубой ленты, мѣста въ Сенатѣ и обширныхъ владѣній. Его значеніе пало только послѣ смерти Петра. Въ 1682 году, вовлеченный въ конфликтъ съ Меншиковымъ, онъ познакомился съ горестями ссылки и съ негостеприимными берегами Бѣлаго моря*).

Въ началѣ семнадцатаго вѣка изъ рядовъ аристократіи выдѣляется Борисъ Ивановичъ Куракинъ, являющійся первымъ и въ то же время самымъ привлекательнымъ воплощеніемъ русскаго дипломата, не лишеннаго и хитрости, какъ всѣ восточные люди. Обладая гибкимъ умомъ славянина, влюбленный въ литературу, какъ завсегдатай отеля Рамбулье и страстный любитель изяшнаго искусства, какъ истый версалець, онъ, войдя въ царскую семью, благодаря браку съ Ксеніей Лопухиной, сестрою первой жены Петра, умѣлъ, пока было можно, извлекать выгоду изъ этого родства и заставить забыть о немъ впослѣдствіи. Являясь представителемъ Россіи сперва въ Лондонѣ при королевѣ Аннѣ, потомъ въ Ганноверѣ при будущей королевѣ Англіи, и наконецъ въ Парижѣ при регенствѣ и въ первые годы царствованія Людовика XV, очень еще молодой и не-

**) Ниль Поповъ, «Очерки о Толстомъ», Древняя и Новая Россія.

опытный, онъ подчасъ чувствовалъ себя въ весьма затруднительномъ положеніи, какъ дипломатъ, но всегда умѣлъ извернуться и поддержать свой престижъ и честь своей страны. Умѣніе держать себя съ достоинствомъ и незыскаемымъ благодушіемъ выкупало всѣ его неловкости.

Я долженъ быть умѣренъ въ своемъ перечисленіи. Самой интересной личностью этой группы является Василій Никитичъ Татищевъ, первый изъ цѣлаго ряда подобныхъ ему дѣятелей. Родъ его ведется отъ Рюрика князьями Смоленскими. Лучшій ученикъ Петра, по окончаніи школы, которою завѣдывалъ въ Москвѣ одинъ французъ, онъ вступилъ, вмѣстѣ съ Неплюевымъ, въ группу молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ за границу для окончанія образованія. Нѣкоторые изъ числа этихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и самъ Неплюевъ, были уже женаты. Черезъ Ревель, Копенгагенъ, Гамбургъ, они достигли Амстердама и нашли тамъ цѣлую группу русскихъ студентовъ. Двадцать семь изъ нихъ были отправлены въ Венецію, гдѣ они должны были вступить на службу республиканскаго флота. Неплюевъ принялъ такимъ образомъ участіе въ экспедиціи на островъ Корфу. По всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и даже Атлантическаго океана можно было встрѣтить эту учащуюся московскую молодежь. Спеціальныя агенты, Беклемишевъ, на югѣ Франціи, князь Иванъ Львовъ—въ Голландіи, и одинъ изъ Зотовыхъ—во Франціи—должны были направлять работы молодежи, руководить ея путешествіями и наблюдать за нею.

Когда они вернулись на родину, Петръ ожидалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ, и въ шесть часовъ утра, со свѣчею въ рукахъ (такъ какъ зимою солнце еще не восходитъ въ этотъ часъ), онъ провѣрялъ по картѣ ихъ познанія въ географіи, дѣлая имъ строгій выговоръ, если испытаніе не

было въ ихъ пользу и указывая на свои мозолистыя руки, «которыя захотѣль сдѣлать такими въ примѣръ всѣмъ прочимъ» *).

Неплюевъ подготовился такимъ образомъ къ служенію своей странѣ то въ качествѣ дипломата въ Турціи, то какъ правитель Малороссіи, то какъ горимый чиновникъ на Уралѣ. Татищевъ превосходилъ Неплюева разнообразіемъ способностей, умѣніемъ быстро осваиваться со всякимъ дѣломъ и неутомимой дѣятельностью. Бывши всегда примѣрнымъ ученикомъ, онъ какъ будто всю свою жизнь отвѣчалъ хорошо заученный урокъ. Вѣчно въ движеніи, по примѣру своего учителя, онъ брался за все: военное искусство, дипломатія, финансы, администрація, наука, — чередуются; онъ былъ горячъ въ работѣ и проникнуть чувствомъ отвѣтственности въ ней; постоянно что-нибудь дѣлалъ и привлекалъ къ дѣлу другихъ; не заботясь о прошломъ, создавалъ будущее, такъ же, какъ и Петръ. Татищевъ ко всему проявлялъ интересъ, но поверхностный и мелочный. Еще связанный съ Востокомъ крѣпкими узами, онъ уже смѣло направлялъ взглядъ и умъ въ противоположную сторону.

Въ 1704 году онъ присутствовалъ при взятіи Нарвы, также сопровождалъ Петра по роковой дорогѣ, которая привела къ берегамъ Прута, и пускался въ археологическія изысканія и раскопки, чтобы найти могилу Игоря, этого легендарнаго сына Рюрика. Затѣмъ снова отправившись за границу, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ, отдаваясь новымъ изученіямъ, занятый составленіемъ библіотеки. Немного позже мы находимъ

*) Неплюевъ, *Воспоминаніе*; Пекарскій, *Наука и литература въ Россіи*.

его занимающимъ постъ дипломата на конгрессѣ на Аландскихъ островахъ. Потомъ мы видимъ его картографомъ, занятымъ обширнымъ дѣломъ составленія общаго атласа Россіи. А нѣсколько времени спустя, отправляясь въ Персидскую кампанію, Петръ получилъ книгу путеводитель: «Хроника Муромъ», написанную «дѣятелемъ».

Татищевъ является историкомъ. Но этого еще недостаточно. Въ немъ нуждались на Уралѣ, гдѣ изысканіе залежей мѣди не приводило къ желательнымъ результатамъ. Онъ отправился туда, констатировалъ вопіющія ошибки мѣстнаго управленія, донесъ объ угнетеніи мѣстнаго населенія агентами центрального управленія, основалъ городъ Екатеринбургъ, которому суждено было въ будущемъ играть такую видную роль въ развитіи горной промышленности; положилъ начало народнымъ школамъ и успѣлъ изучить французскій языкъ съ помощью грамматики, которую онъ себѣ досталъ во время пребыванія на Аландскихъ островахъ. Послѣ смерти Петра онъ, еще молодой, продолжалъ свою разнообразную дѣятельность и, умирая, оставилъ большую литературную работу, которую издалъ Мюллеръ: три тома «Исторіи Россіи», дополненные впоследствии, благодаря трудамъ Погодина, и энциклопедическій словарь, доведенный до буквы Л.,—работу, возбуждившую сильныя нападки со стороны историковъ восемнадцатаго вѣка со Шлецеромъ во главѣ, но вполне реабилитированную впоследствии. Татищевъ не избѣгъ общей участи, познакомившись съ дубинкой своего монарха въ 1722 году, благодаря жалобѣ на хищенія, поданной Никитой Демидовымъ. Онъ умеръ въ изгнаніи, какъ и другіе, но выносилъ свою участь болѣе стойко. Въ семьдесятъ лѣтъ, чувствуя приближеніе конца, онъ сѣлъ на коня, отправился въ приходскую церковь, и слушалъ обѣдню. Потомъ проѣхалъ на кладбище, указалъ

мѣсто для своей могилы и заказалъ священнику на завтра заупокойную обѣдню. Онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ часъ, который предвидѣлъ, во время соборованія *). Слава и особенная удача Петра, что онъ среди своихъ приближенныхъ встрѣтилъ человѣка подобнаго достоинства и нравственной силы, рядомъ съ Зотовымъ и Надежинскимъ, этимъ исповѣдникомъ, которому царь цѣловалъ руку выходя отъ обѣдни, а минуту спу́стя давалъ щелчки и заставлялъ состязаться въ пьянствѣ съ секретаремъ въ сутанѣ, состоявшемъ при Дюбуа, извѣстнымъ пьяницей. Черезъ часъ аббатъ валялся подъ столомъ, а Петръ бросался на шею побѣдителю, поздравлялъ его съ спасеніемъ чести Россіи. Этотъ Надежинскій оставилъ послѣ себя большое состояніе; но чтобы положить основаніе богатству Россіи, у Петра, къ счастью, оказались другіе помощники.

*) Илья Поповъ, *Татищевъ и его время.*

III.

По своему характеру и происхожденію Татищевъ занималъ особое мѣсто среди современныхъ ему «дѣятелей» великаго царствованія. Ягужинскій же, сынъ учителя школы органистовъ на службѣ у лютеранскаго общества въ Москвѣ, началъ свою карьеру съ роли чистильщика сапогъ, при чемъ иногда присоединялъ къ этому занятію другія, по поводу которыхъ чувство «приличія», какъ говоритъ Веберъ, «запрещаетъ ему распространяться» *). Одному изъ его покровителей, Головину, пришлось въ голову приблизить его къ Петру, чтобы уменьшить силу Меншикова. Новый пришлецъ имѣлъ одно превосходство надъ этимъ фаворитомъ: такой же грабитель, какъ и тотъ, онъ не дѣлалъ тайны изъ своихъ хищеній и зналъ болѣе мѣру. Когда царь заговорилъ при немъ о томъ, чтобы повѣсить всѣхъ казнокрадовъ, онъ отвѣтилъ знаменитой фразой: «Стало быть ваше величество хочетъ остаться безъ подданныхъ!» Вѣрный, по своему, онъ не измѣнялъ дѣлу, ради котораго его выдвинулъ впередъ его покровитель: онъ упорно боролся съ Меншиковымъ и не боялся вступить въ открытую борьбу съ самой Екатериной, какъ покровительницей этого фаворита. Его храбрость превосходила его таланты, которые повидимому были незначительны, и только благодаря ей онъ достигъ поста генераль-прокурора, на которомъ выказалъ столько же энергіи и строгости къ

*) Германъ. *Петръ Великій и царевичъ Алексѣй.*

слабостямъ другихъ, какъ снисходительности къ собственнымъ порокамъ. Но фаворитъ, подъ всемогущество котораго Ягужинскій подкапывался, со временемъ отмстилъ ему. Когда Петръ умеръ, Ягужинскій пьяный—потому что онъ предавался всякимъ порокамъ—лежалъ на заколоченномъ гробу, раздирая ногтями покровъ и призывая мстительную тѣнь великаго мертвеца.

Какъ и Ягужинскій, Петръ Павловичъ Шафировъ происхожденія польско-литовскаго, но родъ его восходитъ къ болѣе отдаленному времени, и онъ имѣетъ болѣе сложную родословную. Жившій въ Оршѣ, Смоленской губерніи, его дѣдушка назывался Шафиръ и имѣлъ прозвище Шайки или Шаюшки, очень употребительное еще и теперь среди его соплеменниковъ. Шафиръ былъ факторомъ, — лицомъ необходимымъ для большинства помѣщиковъ въ ихъ обычной дѣятельности. Онъ носилъ длинный грязный кожанъ, указывавшій на его происхожденіе. Петръ Павловичъ его уже не носилъ, но сохранилъ всѣ отличительныя черты своего племени. Царь нашелъ Шафирова въ лавкѣ одного мелкаго торговца и далъ его въ помощники Головину для корреспонденціи на польскомъ и другихъ языкахъ, такъ какъ молодой человекъ владѣлъ нѣсколькими языками. Когда, послѣ полтавской битвы, Головинъ сталъ канцлеромъ, то и помощникъ его пошелъ въ гору и бывшій торговецъ суконнымъ товаромъ сталъ подканцлеромъ. На самомъ дѣлѣ онъ управлялъ всѣми дѣлами и велъ ихъ блестящимъ образомъ. Талантъ его особенно сказанъ во время неудачъ при Прутѣ. Тутъ онъ дѣлалъ чудеса и приложилъ всѣ старанія спасти отечество и царя. Занявъ видное положенія, онъ, разумѣется, разбогатѣлъ, сталъ барономъ и выдалъ пятерыхъ дочерей своихъ за-

мужъ за самыхъ высокопоставленныхъ людей того времени: за Долгорукова, Головина, Гагарина, Новинскаго и Салтыкова. Но внезапно вѣтеръ подулъ въ другую сторону, и все рушилось. Меншиковъ, у котораго Шафировъ изъ подъ-носа вырвалъ большой казенный кушъ, и Головинъ, котораго онъ слишкомъ явно желалъ замѣстить, а также другой выскочка, Остерманъ, которому хотѣлось попасть на его мѣсто, воспользовались долгой отлучкой Петра, чтобы его погубить.

Пятнадцатаго февраля 1723 года мы видимъ его на эшафотѣ, съ головой уже лежащей на плахѣ, и «помощники палача уже тащили его за ноги, такъ что онъ касался своимъ толстымъ животомъ земли»*), какъ явился секретарь Петра, съ вѣстью, что Шафировъ помилованъ, и казнь замѣнена вѣчной ссылкой. Онъ былъ привезенъ въ Сенатъ для утвержденія грамоты, и по рассказамъ очевидцевъ, «еще дрожащимъ голосомъ отъ только что перенесеннаго ужаса и померкшимъ взоромъ» отвѣчалъ на поздравленія членовъ собранія, только что приговорившихъ его къ смерти. Ему удалось уладить дѣло такъ, что, вмѣсто Сибири, онъ попалъ въ Новгородъ и тамъ, живя подъ строгимъ карауломъ, терпѣливо дожидаясь смерти Петра, чтобы снова ставъ свободнымъ, приняться за прежнія дѣла и вернуть конфискованное имущество съ помощью новыхъ хищеній. Одна изъ его тетокъ, сестра отца, вышла замужъ за крещенаго еврея, и изъ этой семьи вышли также очень видные дипломатическіе дѣятели, Веселовскіе.

Особую категорію дѣятелей, окружавшихъ реформатора, составляли «прибыльщики», спеціальные агенты фиска, изобрѣтатели новыхъ ресурсовъ для пополненія государ-

*) Бергхольцъ.

ственной казны. Курбатовъ самый видный ихъ представитель. Еще новый не только для Россіи, но даже для Европы, подобный типъ уже вполне подходитъ къ типу современнаго финансиста; онъ не упускаетъ изъ глазъ выгоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ радѣетъ о справедливомъ распредѣленіи налоговъ. Самому Петру не всегда было подъ силу тягаться съ этимъ представителемъ научной политической экономіи, и въ одинъ прекрасный день онъ предоставилъ его жестокости мстительнаго, кровожаднаго инквизитора Ромодановскаго. Конечно, никто не безъ грѣха, и сосланному въ Архангельскую губернію Курбатову случалось на невидномъ посту вице-губернатора подчасъ оправдывать свою опалу; но все же онъ является жертвой этой борьбы двухъ различныхъ міровъ, двухъ понятій о государствѣ, двухъ совѣстей общественной жизни, въ которыхъ не подъ силу было всегда разобраться даже великому царю.

Въ еще болѣе рѣзкомъ и драматичномъ видѣ обрисовывается эта борьба въ судьбѣ несчастнаго Іосифа Алексѣевича Соловьева, сына архангельскаго купца. Петръ назначилъ его сперва директоромъ таможни, а потомъ своимъ коммерческимъ агентомъ и банкиромъ въ Голландіи. Денежныя операціи Соловьева быстро расширились и развились, но онъ подвергся преслѣдованію вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ своихъ, занимавшимъ скромное мѣсто въ домѣ Меншикова, и былъ выданъ русскому правительству. Въ тайной канцеляріи онъ былъ допрошенъ и подвергнутъ пыткамъ, однако оправданъ; но во время пытки ему раздробили кости на ногахъ и на рукахъ; миллионный же капиталъ его куда-то исчезъ.

Соловьевъ вышелъ изъ крестьянъ. Забавно и вмѣстѣ съ тѣмъ печально описываетъ Посошковъ, самъ вышедшій

изъ той же среды, общія условія жизни людей низшаго сословія и отношеніе къ нимъ сильныхъ временщиковъ. Вотъ какъ онъ рассказываетъ о своихъ расправахъ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, у котораго въ 1719 году просилъ разрѣшенія на постройку винокуреннаго завода. Въ этотъ моментъ этотъ русскій Монтескье уже пользовался извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, довольно обеспеченномъ имуществомъ и имѣлъ въкоторыя вліятельныя связи и вмѣстѣ съ Курбатовымъ, пускался въ различныя промышленныя предпріятія. Отвѣтъ на прошеніе Курбатова получился самый невѣроятный: безъ всякихъ объясненій его схватили и швырнули въ тюрьму. Онъ плакался на свою судьбу, охаль, гореваль, но ничего не могъ подѣлать. Черезъ недѣлю онъ рѣшилъ напомнить о себѣ разсѣянному боярину: «За что я заточенъ въ темницу?»—Князь Голицынъ спросилъ: «Какъ, чортъ возьми, попалъ этотъ человѣкъ въ тюрьму?» Ему не знали, что отвѣтить, и князь подписалъ приказъ о его немедленномъ освобожденіи. При такихъ расправахъ безъ суда, при высокоумѣнномъ презрѣніи къ правамъ личности, въ старой Руси уже началъ зарождаться,—какъ я уже показалъ выше,—и развиваться иной духъ: тенденція къ преобразованію. И самъ Посошковъ не избѣгъ такого духовнаго раздвоенія: онъ, ярый приверженецъ петровскихъ реформъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, насильственныхъ мѣръ, примѣнявшихся преобразователемъ для успѣшнаго проведенія этихъ реформъ. Теоретикъ экономической школы, которой «прибыльщики», съ Курбатовымъ во главѣ, являются практическими примѣнителями, онъ служитъ своимъ идеямъ съ непримиримостью, стремительностью, крайностью, отличающими всѣхъ сектантовъ. На его долю выпала обычная участь подобныхъ ему людей.

Родная почва, покрытая терніями, находится подъ паромъ и требуетъ, по его мнѣнію, корчевки и огня, за что онъ и принимается, но и самъ мимоходомъ, попадаетъ въ эту же неумолимую обработку. Но почему же не удастся ему, хотя бы на время, приблизиться къ Петру, разъ онъ идетъ по одному съ нимъ пути съ начала до конца своей карьеры, и обязанъ этимъ направленіемъ единственно только усилю своей мысли, почерпнутой, какъ видно, изъ тѣхъ же источниковъ вдохновеній. Но тутъ у него особая судьба: онъ держитъ лавочку идей, а Петръ рѣшилъ покупать этотъ товаръ не у него. Въ другихъ же случаяхъ, общая тенденція царствованія—равенство, и великій реформаторъ не побрезгалъ бы сдѣлать себѣ изъ мужика сотрудника и даже товарища.

Счастливая судьба современника Посошкова, Демидова, служить тому доказательствомъ.

Извѣстно легендарное начало этой удачи,—анекдотъ о попорченномъ пистолетѣ системы знаменитаго въ то время Кюхенрейтера, попавшемъ въ руки тульскаго рабочаго, который беретъ его исправить, и діалогъ царя съ оружейникомъ:

Царь: «Вотъ бы намъ научиться дѣлать такія оружія!»—

Оружейникъ.—Эка штука! Это не трудно.

Царь ударилъ рабочаго по щекамъ и выругалъ:

«Сперва сдѣлай дѣло, а потомъ ужъ и хвастай!»

Оружейникъ спокойно отвѣчалъ:

«Да ты, мой батюшка, сперва разсмотри хорошенько; вѣдь пистолетъ-то моей работы; и вотъ тебѣ такой же другой!»

Оружейникъ этотъ былъ крестьянинъ Тульской губерніи, Александровскаго уѣзда, деревни Паршино, сынъ

кузнеца, Никита Антуфеевъ. Отецъ его жилъ въ городѣ съ 1650 года. Никитѣ было уже подѣ сорокъ лѣтъ, когда онъ впервые встрѣтился съ царемъ въ 1694 году. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ возникло баснословное богатство Демидовыхъ и къ тому времени относится начало современнаго развитія горной промышленности въ Россіи *). Никита былъ женатъ, и Петръ, извинившись, какъ говорятъ, напросился къ нему на обѣдъ. Обѣдъ прошелъ весело, и пожалованье земли подѣ Тулой для обработки желѣзной руды было платой за это угошеніе. Это было только началомъ. Современемъ Уральскіе рудники открылись для дѣятельности и предприимчиваго ума Никиты и его сына Акинфа. Въ 1707 году Никита получилъ личное дворянство съ фамиліей Демидова. Потомъ въ 1720 году онъ получилъ потомственное дворянство; но онъ не снялъ своей крестьянской одежды и, относясь къ нему съ большимъ уваженіемъ, Петръ продолжалъ называть его фамильярнымъ крестьянскимъ прозвищемъ «Демидычъ».

Демидовъ не только прославился, какъ неподобный промышленникъ и пивоваръ, но и какъ основатель двадцати оружейныхъ заводовъ: въ Чуралинскѣ, Верхне-Тагильскѣ, Нижне-Тагильскѣ.—Веселый, шутливый характеръ, природный юморъ и сатирическій умъ сдѣлали его соперникомъ Лефорта. Онъ умеръ въ Тулѣ въ 1725 г. шестидесяти двухъ лѣтъ и оставилъ огромное состояніе и еще болѣе необычайную въ то время вещь: репутацію неподкупной честности. Русская промышленность можетъ хвалиться такимъ предкомъ болѣе, чѣмъ флотъ Головинымъ, котораго Петру вздумалось поставить во главѣ перваго русскаго флота.

*) Русскій Архивъ, 1878 г. Карновичъ. *Большія богатства.*

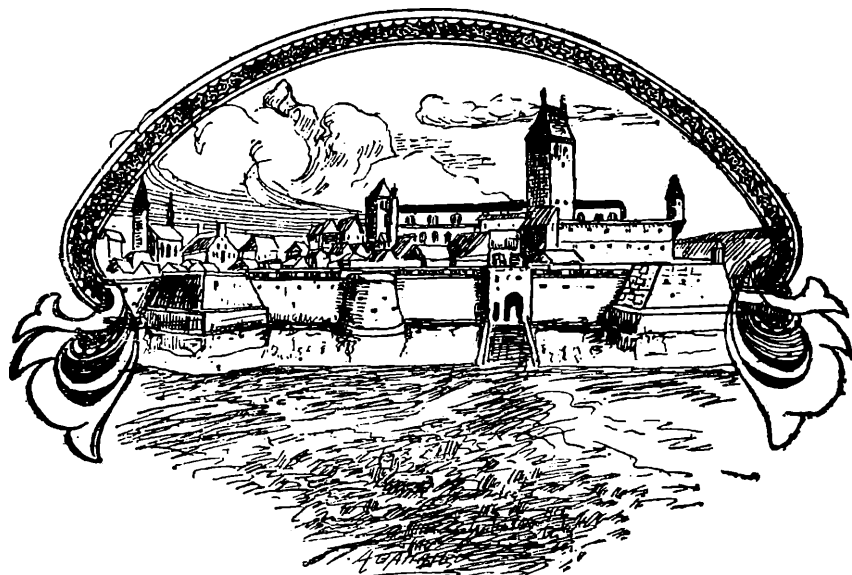
Памятно имя еще одного простого крестьянина,—имя одного изъ самыхъ крупныхъ лицъ русской исторіи того времени, оспариваемое наукою у литературы—имя Ломоносова. Выразившись о Ломоносовѣ, что будучи механикомъ, химикомъ, минералогомъ, риторикомъ, художникомъ и по-этомъ, онъ былъ «*первымъ русскимъ университетомъ*», Пушкинъ не сказалъ еще всего.

Родившись въ 1711 году, Ломоносовъ, по дѣятельному періоду своей жизни, не принадлежитъ ко времени великаго царствованія, но онъ все-таки къ нему причастенъ—онъ его прямое наслѣдіе и прекрасный плодъ; онъ олицетворяетъ въ себѣ цивилизаторскую геніальность этого царствованія, вмѣстѣ со свойственными ему пробѣлами и противорѣчіями.

Ломоносовъ никогда не забывалъ о своемъ происхожденіи; наоборотъ, онъ гордился имъ, но это не препятствовало ему восхвалять всѣ реформы великаго царя, вплоть до закона о крѣпостничествѣ, жестокость котораго Петръ усилилъ; это не помѣшало ему, крестьянину, просить себѣ вотчину съ двумястами душъ крестьянъ въ вѣчное владѣніе для работы на основанномъ имъ заводѣ. Сынъ народа, онъ вспоминаетъ о народныхъ пѣсняхъ, обычаяхъ и преданіяхъ какъ о чемъ-то отдаленномъ, интересномъ исключительно съ исторической точки зрѣнія. Одна изъ наиболѣе глубокихъ, выразительныхъ формъ русской поэзіи—русскія былины, остатки которыхъ еще и теперь можно услышать въ сѣверныхъ губерніяхъ, совершенно не коснулась этого поэта. Онъ весь устремился къ западной литературѣ, съ свойственными ей, скоро устарѣвшими формами. Онъ увлекался одами, панегириками, историческими поэмами, трагедіями, дидактическими посвященіями. Какъ литераторъ и человекъ науки, Ломоносовъ былъ близокъ къ тому, чтобы разсма-

тривать свою двойную дѣятельность, какъ царскую службу, какъ обязанность чиновника; какъ нѣчто въ родѣ рекрутскаго набора и всеобщаго привлеченія къ службѣ въ области умственной и личной. Эта система, введенная Петромъ, сказалась и на Ломоносовѣ.

Несмотря на это, Ломоносовъ сыгралъ важную роль въ дѣлѣ общаго быстрого преобразованія, которое создало современную Россію. Онъ далъ мощный, рѣшительный толчокъ колоссальному движенію, которое спаяло вновь звенья разбитой въ тринадцатомъ вѣкѣ цѣпи и поставило такимъ образомъ Россію на одинъ уровень съ другими цивилизованными странами.

IV:

Иностранные сподвижники Петра большею частью были подчиненные, по крайней мѣрѣ формально. Они часто исполняли все дѣло, но сами оставались на второмъ планѣ. Петръ не способенъ былъ на ошибку, подобную той, за которую императрица Анна понесла вполнѣдствіи такую тяжелую отвѣтственность, отдавъ свою страну всецѣло въ распоряженіе Бирона. Въ царствованіе Петра шведъ Огильви напрасно чертилъ планъ кампаніи, которая въ концѣ концовъ сокрушила могущество Карла XII; побѣду одержалъ Шереметьевъ. Нѣмцы, голландцы и шведы сживались съ мѣстной средой и русѣли необыкновенно быстро.

Эта въ высшей степени подвижная и все впитывающая въ себя почва быстро поглощала все, что они приносили оригинальнаго съ собой изъ своей родины.

Рожденный въ Россіи сынъ голландскаго эмигранта, Андрей Виніусъ отличался отъ окружавшихъ его москвичей только высокимъ образованіемъ; онъ былъ православнымъ и говорилъ на мѣстномъ языкѣ. Виніусъ даже усвоилъ правила своей новой родины. Онъ умѣлъ лучше Меншикова отливать пушки и дѣлать порохъ, но по умѣнью набивать карманы стоялъ наравнѣ съ Меншиковымъ. И другіе его соперники въ этомъ шумномъ нашествіи иноземныхъ авантюристовъ, которымъ Петръ радушно открылъ двери, принадлежали большею частью къ той-же школѣ. У нихъ профессиональные недостатки. Сѣмена лихоимства и униженія, брошенныя татарскимъ игомъ въ національную совѣсть,

еще сильнѣе развились подѣ вліяніемъ этихъ авантюристовъ.

Шведъ Яковъ Брюсъ, котораго при дворѣ считали химикомъ, астрологомъ и инженеромъ, а въ народѣ колдуномъ, ничего не имѣлъ общаго ни съ Ньютономъ, ни съ Лавуазье, но скорѣе смахивалъ на простаго плута. Безчисленные процессы по поводу злоупотребленій властью, казнокрадства, мошенничества при поставкахъ въ свое вѣдомство—онъ былъ начальникъ артиллеріи—предавали его не разъ царскому правосудію. Царь всегда прощалъ его въ концѣ концовъ. Знанія этого мошенника, хотя были знаніями самоучки и диллетанта, имѣли однако въ глазахъ царя неотразимую притягательность и по отношенію къ данной средѣ представляли изъ себя извѣстную цѣнность. Сложилось преданіе о свѣтѣ, который горѣлъ всю ночь въ окнахъ его лабораторіи на Сухаревой башнѣ. Астрономическія открытія, которыя Брюсъ дѣлалъ, касались главнымъ образомъ астрологіи, и его знаменитый календарь, напечатанный въ 1711 году напоминаетъ волшебныя сказки. Брюсъ организовалъ морскія артиллерійскія и инженерныя школы и былъ ихъ начальникомъ; онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи мануфактурной и горнопромышленной; былъ вдохновителемъ научной корреспонденціи, которую Петръ поддерживалъ изъ тщеславія съ Лейбницемъ, а въ Ништадтскомъ договорѣ проявилъ себя очень изворотливымъ дипломатомъ.

Таковы почти всѣ эти иностранцы, годные ко всему, дѣлающіе не мало полезнаго, но главнымъ образомъ блестящіе хитростью и энергіей.

Въ Ништадтѣ Брюсъ, получившій за свои успѣхи титулъ графа и чинъ маршала, имѣлъ товарищемъ Остермана, вестфальца, которому два года пребыванія въ Іен-

скомъ университетѣ доставили репутацію ученаго. Кампредонъ въ 1725 г. опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ уровень его способностей и достоинствъ: «Знаетъ нѣмецкій, итальянскій и французскій языки и этимъ дѣлаетъ себя необходимымъ; кромѣ того необыкновенно ловокъ въ каверзахъ, хитростяхъ и притворствѣ». Ему и не надо было большаго, чтобы наслѣдовать Шафирову и въ 1723 году сдѣлаться вице-канцлеромъ въ странѣ, которой канцлеромъ былъ Головкинъ. Однако Кампредонъ забываетъ о замѣчательной работоспособности, которую можно поставить въ заслугу этому корыстолюбцу. Чтобы польстить инстинкту недоувѣрчивости своего властелина, Остерманъ самъ шифровалъ и расшифровывалъ телеграммы, проводя за этой работой дни и ночи не отрываясь и не снимая своего легендарнаго краснаго бархатнаго халата, въ которомъ онъ 15 января 1844 гордо взошелъ на эшафотъ, подобно своему предшественнику и подобно ему помилованный, провелъ свои послѣдніе дни въ изгнаніи.

Рядомъ съ польскимъ евреемъ, Шафировымъ, мы видимъ забавнаго плута, португальскаго еврея, Девьера. Петръ подобралъ Девьера въ Голландіи, гдѣ онъ встрѣтилъ его въ 1697 году на борту торговаго судна. Въ 1705 году онъ уже гвардейскій офицеръ; въ 1709 г. генералъ. Въ 1711 году, думая выгодно жениться, онъ оставилъ свой выборъ на одной изъ сестеръ Меншикова, старой и некрасивой. Но его предложеніе приняли за насмѣшку; Меншиковъ отвѣтилъ, отдавъ своимъ слугамъ приказаніе высѣчь оскорбителя. Неизвѣстно, какъ Девьеръ спасся. Конечно онъ сильно пострадалъ, но остался живъ и отправился съ жалобой къ царю, который возстановилъ справедливость. Три дня спустя Девьеръ повелъ къ алтарю избранную имъ невѣсту. Его природное коварство,

подобострастіе, шутство и изворотливость все же не защитили его от новых немилостей.

У него какъ бы предназначенная для того судьбой кожа. Въ 1718 году мы встрѣчаемъ его первымъ завѣдующимъ почтою, только что созданной въ Петербургѣ, а также начальникомъ надъ всей полиціей. Въ качествѣ такового онъ сопровождалъ Петра въ одной изъ его инспектирующихъ поѣздокъ по улицамъ столицы. Одинъ изъ мостовъ, которыми Петръ избородилъ городъ для переправы многочисленныхъ пушекъ, оказался испорченнымъ, и экипажъ царя остановился. Царь, выйдя изъ экипажа, послалъ за матеріаломъ для исправленія порчи, и самъ принялся за дѣло, потомъ, окончивъ работу, ни слова неговоря, бросилъ свои инструменты, взялъ дубинку и нещадно отколотилъ своего начальника полиціи. Окончивъ, онъ снова сѣлъ въ экипажъ и пригласивъ Девьера сѣсть съ собой: «Садись, братъ», спокойно возвратился къ прерванному приключеніемъ разговору. Еще другіе удары ожидали эту изборожденную спину. Въ 1727 году послѣ смерти Петра, Меншиковъ начертилъ на ней кровавыми штрихами свою месть вынужденному шурина. Подъ указомъ о ссылкѣ начальника полиціи, онъ сдѣлалъ приписку: «Бить кнутомъ». ¹⁾

Бросается въ глаза однообразный конецъ блестящей судьбы всѣхъ этихъ дѣятелей: конечное паденіе ихъ неизбежно; какъ будто надъ *мелкой злобой* и личной мстительностью замѣчается еще какой-то историческій законъ возмездія. Всѣ похожіе другъ на друга, не знающіе ни вѣры, ни совѣсти, безъ другихъ правилъ, кромѣ своего

¹⁾ Шубинскій *Историческіе очерки*; Лупаковъ *Монографія* въ журналѣ Моск. Политехнической Выставки 1872 г.

честолюбія и личной выгоды, всѣ эти люди, какого бы происхожденія они ни были и по какой бы дорогѣ не шли, доходятъ до гибели.

Они приходили отовсюду. Уроженецъ Ольденбурга, Минихъ, начинающій свою блестящую карьеру съ того, что проводитъ Ладожскій каналъ, стоитъ въ этой толпѣ авантюристовъ на ряду съ дворяниномъ изъ нижней Бретани, Францискомъ Вильгельмомъ де Вильбуа, начавшимъ свою карьеру контрабандистомъ во Франціи. Мемуары этого послѣдняго, наполненные завѣдомой ложью¹⁾ представляютъ изъ себя очень сомнительный источникъ, какъ для исторіи Петра, такъ и для собственной біографіи автора. Спасши—по его словамъ—отъ крушенія корабль, везшій Царя изъ Голландіи въ Англію, побудивши такимъ образомъ Московскаго властелина, который любилъ необыкновенныхъ людей, пригласить его къ себѣ на службу, Вильбуа изъ низшаго офицера, какимъ онъ былъ раньше, сдѣлался адъютантомъ и капитаномъ. Я не возьму на себя труда повторять за нимъ, съ тѣми-же подробностями, приключеніе, которое два года спустя, повлекло за собой его ссылку. Будучи посланъ въ холодное время изъ Стрѣльны въ Кронштадтъ съ письмомъ Петра къ женѣ, онъ выпилъ по дорогѣ много водки, чтобы согрѣться. Очутившись въ спальнѣ императрицы, и увидавъ раскрытую постель, а на ней полунагую красивую, какъ ему показалось, женщину, онъ подъ влияніемъ рѣзкой переменъ температуры, которая подѣйствовала на его голову, потерялъ самообладаніе и способность рассуждать. Я не буду описывать каковы были послѣдствія этого опьяненія, несмотря на крики императрицы и присут-

1) Опубликованная съ пропусками въ *Revue Retrospective* рукопись находится въ національной парижской бібліотекѣ.

ствіе въ сосѣдней комнатѣ фрейлины. Рассказываютъ, будто бы Екатерина при этомъ пострадала, не только отъ насилія, но еще и отъ эксцесса, который тутъ будто бы имѣлъ мѣсто, благодаря физиологическимъ особенностямъ Вильбуа, общимъ у этого контрабандиста съ однимъ галантнымъ королемъ, нашимъ современникомъ. Что касается Петра, то, несмотря на то, что потребовалась помощь хирурга для исправленія поврежденій, онъ взглянулъ на катастрофу достаточно философски: «Это животное дѣйствовало безсознательно, значитъ оно невинно, но для примѣра, пусть его закуютъ въ кандалы на два года». «Кандалы» единственное, что мы можемъ считать достовѣрнымъ во всемъ этомъ рассказѣ. Но кажется Вильбуа носилъ эти цѣпи не болѣе шести мѣсяцевъ. Помилованный къ этому времени, онъ женился, заботами царя, на дѣвицѣ Глюкъ, дочери бывшаго пастора въ Мариенбургѣ, и оказался такимъ образомъ связаннымъ близкими узами съ царемъ и царицей. Въ царствованіе Елизаветы мы видимъ его контръ-адмираломъ и комендантомъ Кронштадскаго порта. Два другихъ француза изъ хорошей семьи, Андрей и Андрианъ де Бриньи, фигурировали въ арміи царя рядомъ съ этимъ искателемъ приключеній; но настолько же храбрые, насколько лишенные способности къ интригамъ, необходимымъ для того, чтобы выдвинуться, они прозябали на низшихъ ступеняхъ. Очень требовательные, мало приспособляющіеся, лишенные изворотливости англичане составляли незначительное меньшинство въ этой разноцвѣтной толпѣ иностранцевъ, которыхъ Петръ, по своему усмотрѣнію, избиралъ, чтобы привить своему народу западную культуру. Знаменитый Перри, приглашенный въ качествѣ инженера, скоро разочаровался и только нѣсколько лѣтъ стоялъ на ряду съ товарищемъ по несчастью,

Фергуарсономъ. Этотъ послѣдній былъ приглашенъ для наблюдений за математической школой, и ему не удалось получить ни копѣйки за свою службу ¹⁾).

Родившись въ 1696 г., Ибрагимъ, увезенный изъ своей страны шести лѣтъ и привезенный въ Константинополь, гдѣ въ 1705 году царскій посланникъ, графъ Толстой, купилъ этого уроженца африканскаго побережья, котораго ждало такое дѣятельное существованіе, онъ на всю свою жизнь сохранилъ въ памяти грустную картину: его горячо любимая сестра Лачану, бросилась въ море и долго, долго слѣдовала вплавъ за кораблемъ его увозившимъ. На берегу Босфора онъ получилъ прозвище Ибрагима; въ 1707 году во время пребыванія царя въ Вильнѣ его крестили, Петръ былъ его крестнымъ отцомъ, а королева польская — крестною матерью, и съ тѣхъ поръ его стали звать Абрамъ Петровичъ Ганибалъ.

Негритенокъ началъ свою службу съ должности пажа государя и во время этой должности близко познакомился съ дубинкой, но приобрѣлъ любовь государя, какъ милымъ характеромъ своимъ, такъ и своимъ умомъ. Въ 1716 году Петръ рѣшилъ послать его въ Парижъ для пополненія образованія. Ганибалъ много работалъ раньше и принятый тотчасъ же на службу въ французской арміи, обратилъ на себя вниманіе.

Во время кампаніи 1710 года онъ получилъ чинъ поручика и рану въ голову, и уже былъ окруженъ известной славой; въ салонахъ имъ дорожили, и онъ, повидимому, одерживалъ тамъ побѣды. Но его серьезные вкусы удаляли его отъ легкомысленной жизни; онъ поступилъ въ инженерную школу и вышелъ изъ нея въ 1720 году съ

¹⁾. «Perry, «*The present state of Russia*,» Амстердамъ 1718 г.

званіемъ капитана. Послѣ того онъ вернулся въ Россію и занялъ здѣсь мѣсто капитана въ бомбардирскомъ полку, котораго Петръ былъ шефомъ. Ганибалъ женился. Жена его, дочь греческаго негоціанта, очень красивая собою, произвела на свѣтъ *блѣжурю* дочь. Онъ заставилъ жену постричься въ монахини, но далъ отличное воспитаніе маленькой Поликсенѣ, выдалъ ее замужъ, назначилъ ей приданое, но никогда не желалъ ее видѣть.

Ганибалъ былъ ревнивъ, вспыльчивъ, прямъ, честенъ и скупъ. По смерти Петра онъ поссорился съ Меншиковымъ. и попалъ, какъ всѣ, въ ссылку, въ Сибирь, откуда вернулся, въ царствованіе Елизаветы. Впослѣдствіи онъ былъ главнокомандующимъ и умеръ въ 1781 году, девяноста трехъ лѣтъ *).

*) Гельбихъ, «*Russische Günstlinge*»; Бантышъ-Каменскій *Биографическій словарь*. Языковъ, *Энциклопедич. словарь*; Лонгиновъ, *Русскій Архивъ 1864 г.* Опатовичъ. *Первая жена Ганибала*, Русск. Старина.

V.

Въ сущности всѣ эти приближенные иностранцы не что иное какъ только полезности и фигуранты; ни одного дѣйствительно великаго имени и ни одной великой личности не выдѣлилось изъ нихъ. Личность главнаго актера и его роль, можетъ быть, занимала слишкомъ много мѣста на сценѣ для того, чтобы было по иному. Подтвержденіе этого мнѣнія я вижу въ отношеніи самодержца къ единственно равному ему по величинѣ человѣку, съ которымъ ему случилось сойтись среди современнаго ему европейскаго міра. Я уже имѣлъ случай упомянуть о первыхъ попыткахъ Лейбница сблизиться съ самодержцемъ и надежды, которыя на это возлагало воображеніе ученаго энтузіаста. Эта связь, когда ему удалось ее установить, не послужила на пользу ни тому, ни другому: оба кажутся, благодаря ей, умаленными. Съ того дня, какъ Петръ, проѣздомъ черезъ Германію, показалъ себя Европѣ, Лейбницъ, повидимому, подпалъ власти настоящей маніи. Онъ только и говорилъ о Россіи и о ея царѣ, волновался и строилъ безконечные планы, одинъ другого несбыточнѣе и стремившіеся всѣ къ одной цѣли: обратить вниманіе монарха на себя, возбудить желаніе познакомиться и добиться признанія своихъ достоинствъ. Этой горячки есть естественное объясненіе. Извѣстно, что великій ученый считалъ себя славянскаго происхожденія, общаго съ древнимъ именитымъ родомъ польской фамиліи графовъ Любенецкихъ. Въ автобіографической замѣткѣ встрѣчаются слѣдующія

строки: *Leibnitorum sive Lubeneziorum, nomen slavonicum, familia in Polonia*». Не поладивъ съ городомъ Лейпцигомъ, Лейбницъ напечаталъ по его адресу протестъ: «Пусть Германия не слишкомъ гордится мною: моя гениальность не исключительно нѣмецкаго происхожденія; въ странѣ схоластиковъ во мнѣ проснулся гений славянской расы. По его словамъ онъ, обращаясь въ 1711 г. къ Петру въ Торгу, ссылаясь на эти узы отдаленнаго племяннаго родства со стороны отца: «У насъ общее происхожденіе, Ваше Величество», говорилъ онъ будто бы царю: «оба мы славяне, мы оба принадлежимъ къ той расѣ, судьбы которой никто еще не можетъ предугадать, и оба мы инициаторы, поколѣній будущаго вѣка» *).

Къ сожалѣнію разговоръ этотъ оборвался, и отношенія такимъ образомъ начавшіяся, приняли совершенно иной оборотъ, гораздо менѣе возвышенный. Въ 1697 году, обдумывая планъ путешествія съ научной цѣлью на сѣверъ, Лейбницъ еще стоялъ на должной высотѣ; онъ спустился съ нея въ 1711 году, поглощенный въ то время главнымъ образомъ стараніемъ получить назначеніе царскаго представителя при ганноверскомъ дворѣ. Склонность къ занятіямъ дипломатическимъ была, какъ извѣстно, его слабостью, и она усиливалась съ годами. И вотъ онъ принялся за хлопоты и интриги: надоѣдалъ русскому министру барону Урбиху въ Вѣнѣ, осаждалъ герцога Антона Ульриха Вольфенбютельскаго, внушка котораго только что была просватана за царевича Алексѣя. Этими хлопотами онъ

*) Письмо графа Ивана Любенецкаго, недавно напечатанное въ Польскомъ журналѣ «*Kraj*» (1896 г. № 32) подтверждаетъ, по даннымъ, взятымъ изъ семейныхъ документовъ, дѣйствительность этого происхожденія, которое не пытались опровергнуть нѣмецкіе издатели произведеній великаго ученаго.

добился только обѣщанія чина и пенсіи. Такъ какъ осуществленіе этого обѣщанія заставляло себя ждать, то онъ возобновилъ попытку и въ 1712 году, въ Карльсбадѣ, предложилъ одновременно устроить по одному дѣлу соглашеніе между Россією и Австріей и изготовить въ пользу русскаго Царя магнетическій всемірный глобусъ и инструментъ для проектированія укрѣпленій. На этотъ разъ онъ добился чина тайнаго совѣтника и подарка въ пятьсотъ червонныхъ и довольствовался этимъ до 1714 года, когда вакантный дипломатическій постъ въ Вѣнѣ снова взволновалъ его. Въ 1716 году мы видимъ его на Пирмонтскихъ водахъ, гдѣ онъ поднесъ московскому монарху тетрадь мемуаровъ полунаучныхъ, полуполитическихъ одной рукой, а другой—лубочную повязку на руку царя, страдавшаго припадками мѣстнаго паралича. Онъ напомнилъ монарху о пенсіи, назначенной ему, но не выплачиваемой, хотя «слухъ о ней распространился по всей Европѣ»; и преумножая выраженія восхищенія и преданности, сдѣлался невыносимо навязчивъ и невѣроятно жалокъ. Петръ, между тѣмъ, почти всегда оставался равнодушнымъ къ сіянію этого обширнаго ума, и, повидимому, никакъ не могъ найти съ нимъ точки соприкосновенія. *) Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Лейбницъ умеръ.

Преданіе приписываетъ ему большое вліяніе въ дѣлѣ устройства и направленія школъ въ Россіи. Письмо, содержаніе котораго дѣйствительно послужило основаніемъ этой организаціи, долго приписывалось его перу. Но оригиналъ, сохранившійся въ Московскомъ архивѣ, написанъ не его почеркомъ, и это доказываетъ всю неоснователь-

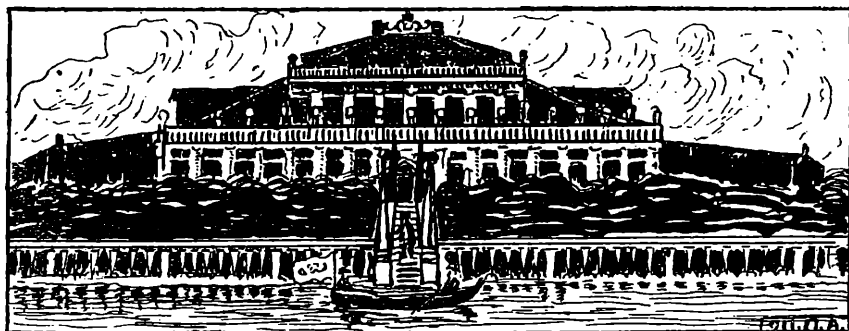
*) См. предисловіе Герье къ *Сборнику Toucher de Gareil «Pierre le Grand et Leibnitz»*.

ность такого предположенія. Въ другихъ подлинныхъ письмахъ его объ этомъ не упоминается. Онъ также не авторъ еще трехъ документовъ по этому вопросу. Что бы ни говорили, онъ точно также былъ непричастенъ къ основанію Академіи наукъ въ Петербургѣ. Для организациі и руководства этимъ учрежденіемъ Петръ намѣтилъ другого нѣмца,—Христіана Вольфа, но натолкнулся на отказъ. Этотъ соперникъ Лейбница нашелъ петербургскій климатъ слишкомъ холоднымъ, а обязанности директора Академіи не достаточно хорошо оплачиваемыми. Къ тому же онъ высказывался за замѣну академіи университетомъ. «Въ Берлинѣ есть своя Академія наукъ», говорилъ онъ, «но ученыхъ мало». Отказываясь самъ, онъ удовольствовался тѣмъ, что порекомендовалъ царю нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей: Бернульи, Бюльфингера, Мартини,—рядъ избранниковъ, если не выдающихся, то по крайней мѣрѣ трудолюбивыхъ работниковъ, которыми Россія съ большою пользою для себя окружила колыбель русской науки.

Докладная записка Фика (темной личности, бывшего секретаря одного нѣмецкаго князя) послужила основаніемъ плана, окончательно принятаго Петромъ для Академіи. Проекты Лейбница были для него слишкомъ сложны, превышали горизонтъ его развитія и вѣроятно были тогда неосуществимы примѣнительно къ данному времени и данной средѣ. На самомъ дѣлѣ Петръ не одобрилъ ни одного изъ слишкомъ широкихъ плановъ великаго ученаго. Поглощенный до 1716 года заботой о своей борьбѣ съ Швеціей, онъ разсѣянно слушалъ всѣ предложенія Лейбница. Ему достаточно было подобія умственного общенія и ученой переписки съ Брюсомъ. Можетъ быть, также не понравилось царю и возстановило противъ себя въ этомъ сотрудникѣ то, что Петръ замѣтилъ двусмысленность и недоста-

токъ благородства въ немъ. Лъстець и проситель за-
тмили въ глазахъ царя челоуѣка геніальнаго.

Однако, великій сѣятель идей, какимъ былъ все-таки
Лейбницъ, не могъ пройти безслѣдно по бороздѣ, проло-
женной плугомъ великаго преобразователя; сѣмена обиль-
но бросаема его щедрою рукою казались унесенными вѣ-
тромъ и затерявшимися въ пространствѣ; но они взошли
со временемъ на подходящей почвѣ. Въ трудахъ для
изученія славянскихъ языковъ, выполненныхъ гораздо
позднѣе, подъ покровительствомъ русскаго правительства,
мы узнаемъ плодотворные слѣды этого посѣва. Въ своихъ
изысканіяхъ законовъ магнетизма на землѣ, произве-
денныхъ по всей Россіи и даже до центральной Азій,
Александръ Гумбольтъ ссылается также на этого знамени-
таго предшественника. Дѣло геніальнаго размаха людей
подобныхъ Лейбницу или Петру Великому не измѣряется
предѣлами ихъ земной жизни.

ГЛАВА II.

Ж е н щ и н ы .

I. Любовница короля и любовница царя.—Донжуанизм Петра.—Монархъ, мало заботящійся о приличіяхъ.—Предпріимчивый дядя.—Окружающія женщины.—Княгиня Голицина.—Грубость и цинизмъ.—Развратъ и скотство.—Другая сторона этихъ отношеній съ женскимъ міромъ.—II. Дебютъ.—Бракъ.—Евдокія Лопухина.—Медовый мѣсяць.—Разногласіе.—Неудачное супружество.—Разлука.—Монастырь.—Романъ затворницы.—Маіоръ Глѣбовъ.—Любовныя письма.—Допросъ.—Слѣдствіе.—Пытки.—Казнь.—Ревность Екатерины.—Тюрьма.—Местъ Евдокіи. III. Первая фаворитка.—Анна Монсъ.—Расточительность Петра.—Обманъ.—Утѣшеніе.—Женскій теремъ Меншикова.—Сестры любимца.—Сестры Арсеньевы.—Екатерина Василевская. IV. Придворныя дамы.—Г-жа Чернышова.—Евдокія «бой баба».—Марія Матвѣева.—*Теремъ и царемъ*.—Марія Гамильтонъ.—Любовникъ и палачъ.—Лекція анатоміи у подножія эшафота.—Послѣдняя соперница Екатерины.—Кантемиръ.—Торжество супруги и монархини.—Подруги.—Полька.—Г-жа Синявская. V. Роль женщинъ въ жизни Петра и его роль въ участи русской женщины.—Русскіе нравы въ XVII вѣкѣ.—Ненависть къ женщинамъ.—Причины и послѣдствія.—Национальная гениальность и постороннее вліяніе.—Востокъ и Византія.—Аскетическое теченіе.—Семейная жизнь.—Бракъ.—*Домострой*.—Барварскіе нравы.—Женщина—жертва, мужчина—деспотъ.—Освободительное движеніе.—Преобразованія Петра.—Слабости его.—Важность его дѣлъ.—Искупитель.

I.

Король. — Я слышалъ, братъ мой, что у васъ тоже есть любовница?

Царь. — Братъ мой, мои любовницы обходятся мнѣ недорого, а на вашу вы тратите тысячи талеровъ, которые могли-бы употребить съ большею пользою.

Сцена эта происходила въ 1716 году, въ Копенгагенѣ, куда Петръ пріѣхалъ навѣстить своего добраго союзника, датскаго короля. Разговоръ сообщенъ намъ въ важномъ дипломатическомъ документѣ *). На первый взглядъ, онъ, повидимому, дастъ вѣрное представленіе о томъ, какое мѣсто занималъ вѣчный женскій вопросъ въ жизни великаго преобразователя. Петръ былъ слишкомъ занятъ, слишкомъ грубъ, чтобы заслуживать названіе любовника, или даже просто быть хорошимъ семьяниномъ. Онъ цѣнилъ на деньги женскія ласки, и цѣнилъ ихъ очень дешево: *по одной копѣйкѣ за три объятія*, которыя петербургскія красавицы расточали его солдатамъ. Будущей императрицѣ Екатеринѣ, онъ далъ одинъ дукатъ за первое свиданіе **). Нельзя сказать, чтобы онъ совсѣмъ не былъ способенъ цѣнить *въ обществѣ прекраснаго пола* болѣе нѣжно обаянія женщины. Надо помнить, что *женское общество* въ Россіи—его созданіе. Присутствіе женщинъ болѣе всего при-

*) Деша Лосса Мантейфелю, Копенгагенъ, 14 августа 1716 г.; Сборникъ.

***) Duclos, «Memoires».

влекало его въ собранія *Слободы*. Когда въ 1693 году на пиршествѣ у Лефорта двѣ изъ приглашенныхъ красавицъ задумали незамѣтно скрыться, Петръ приказалъ солдатамъ вернуть ихъ силою *). Въ 1701 году, когда заботы о нарождающемся русскомъ флотѣ задержали его въ Воронежѣ, большое общество дамъ съѣхалось къ нему на Пасху, и онъ принялъ ихъ самымъ любезнымъ образомъ. Нѣкоторые изъ нихъ захворали, и онъ изъ любезности отсрочилъ возвращеніе въ Москву **). Если бы, впрочемъ, эти факты имѣли историческое значеніе только какъ воспоминаніе о подобныхъ любезностяхъ Петра, я бы, не колеблясь, выкинулъ ихъ, изъ уваженія къ женщинамъ и къ исторіи. Но тутъ есть нѣчто другое. Въ такой личности, какою былъ Петръ, съ такимъ сложнымъ характеромъ, каждая, самая незначительная черта его становится источникомъ изумительныхъ открытій. Внѣшній видъ этихъ фактовъ, хотя и доказываетъ обходительность Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ также доказательствомъ его мужиковатости и циничнаго разрыва. Въ любовныхъ похожденіяхъ его не было заботы о томъ, чтобы не уронить достоинство женщины, ни достаточнаго уваженія къ себѣ; онъ даже не умѣлъ себя держать въ границахъ приличія.

Обратите вниманіе, напримѣръ, на анекдотъ, рассказанный Пельнитцемъ о пребываніи монарха въ Магдебургѣ въ 1717 году. «Такъ какъ король (пруссій) приказалъ оказывать ему всевозможныя почести, то различныя государственныя учрежденія явились привѣтствовать его *in corpore*, и ихъ президенты держали рѣчи. Фонъ Кокцей, братъ государственнаго канцлера, во главѣ депутаціи отъ регент-

*) Корбъ.

***) Донесеніе Плейера. (Устряловъ).

ства, явившись привѣтствовать царя, засталъ его среди двухъ русскихъ дамъ, груди которыхъ онъ ласкалъ. Онъ не прервалъ своего занятія и во все время произнесения рѣчей *).

Или вотъ еще анекдотъ, описывающій его встрѣчу въ Берлинѣ съ племянницею его, герцогиней Мекленбургской.

«Царь поспѣшно пошелъ навстрѣчу принцессѣ, нѣжно обнялъ ее и отвелъ въ комнату, гдѣ уложилъ на диванъ, а затѣмъ, не затворяя двери и не обращая вниманія на оставшихся въ приемной, предался, не стѣсняясь, выраженію своей необузданной страсти **).

Пельнитцъ, увѣряющій, что почерпнулъ эти свѣдѣнія отъ двухъ очевидцевъ и отъ самаго царя, добавляетъ къ этому не менѣе краснорѣчивыя подробности по поводу обычнаго обращенія великаго человѣка съ придворными дамами: «Княгиня Голицына служила ему душой или шутихой. Всѣ взапуски дразнили ее. За обѣдомъ царь выкидывалъ обѣдки съ своей тарелки ей на голову, заставлялъ подходить къ себѣ, чтобы получать отъ него шелчки». По рассказамъ другихъ свидѣтелей выходитъ, что княгиня, отчасти, заслуживала такое обращеніе своей распутной жизнью.

Описаніе прусскаго посланника Мардефельда въ любопытномъ свѣтѣ выставляетъ *французскихъ герцогинь* и ихъ пажей, которыми онъ забавлялись, поздравляя ихъ съ тѣмъ, что онъ довольствовались такими кавалерами. У княгини не было пажа, и я не осмѣлюсь повторить словъ Мардефельда, какимъ образомъ она замѣняла его себѣ ***).

*) «Мемуары» 1791 г.

**) Тоже.

***) Германъ, *Peter der Grosse*.

По описанію Нартова, обыкновенно довольно достоверно приводящаго факты изъ интимной жизни царя, Петръ былъ большой любитель женщинъ, но никогда не увлекался ими больше, какъ на полчаса. Добиваться насильно благосклонности женщины не было въ его обыкновеніи, но такъ какъ его выборъ часто останавливался на простыхъ служанкахъ, то онъ мало встрѣчалъ сопротивленія. Нартовъ, напримѣръ, называетъ, между прочими его любовницами, какую-то прачку. Но Брюсъ приводитъ болѣе драматичную сцену съ дочерью иностраннаго купца въ Москвѣ, которая, чтобы избавиться отъ любовныхъ преслѣдованій Петра, принуждена была бѣжать изъ родительскаго дома и скрываться въ лѣсу *). Одинъ изъ документовъ, изданныхъ княземъ Голицынымъ, описываетъ драку царя съ садовникомъ, которому пришлось отгонять монарха граблей отъ крестьянки, которой онъ мѣшалъ работать. Говорятъ даже, что эти небрежливья ухаживанія довели Петра до болѣзни, которая была плохо вылѣчена и ускорила его кончину **). Но къ отвѣтственности по этому поводу была также привлечена г-жа Чернышева, и депеша Кампредона прямо возлагаетъ на нее вину заболѣванія Екатерины въ 1725 году послѣ проведенной съ мужемъ ночи. Еще подробности, которыя, надѣюсь, читатель мнѣ проститъ,—ибо я обязанъ ничего не умалчивать. Мы спустимся еще ниже съ Меншиковымъ, и не съ однимъ имъ. Берггольцъ безъ обиняковъ говоритъ объ одномъ лейтенантѣ, красивомъ юношѣ, котораго царь держалъ при себѣ «для своего личнаго удовольствія».

Въ 1722 году саксонскому художнику Данненгауеру было поручено снять портретъ съ одного изъ денщиковъ

*) Воспоминанія.

***) Голицынъ. Воспоминанія.

монарха и изобразить его совершенно голымъ *). Вильбуа распространяется по поводу «припадковъ бѣшеной страсти» Петра, во время которыхъ «для него не было различія пола». Въ своей депешѣ отъ 6 марта 1710 г., датскій посланникъ Юэль спрашиваетъ производства въ дворяне одного изъ находившихся при Меншиковѣ датскихъ подданныхъ, который красивъ собою и могъ бы оказать царю нѣкоторыя услуги **). Изъ всего этого видно, что и эта черта характера несомнѣнна. «У его величества долженъ быть цѣлый легионъ демоновъ сладострастія въ крови», говоритъ о монархѣ врачъ, который лѣчилъ его во время его послѣдней болѣзни ***).

Но есть и *ничто другое* въ этой натурѣ, такой различной въ своихъ проявленіяхъ, подчасъ столь противоположныхъ, что на ихъ внѣшній видъ нельзя полагаться для опредѣленія характера: надо стать выше этого; надо изслѣдовать душу и плоть, разсмотрѣть всѣ ихъ мельчайшіе изгибы, и для этого, не останавливаясь болѣе на слишкомъ скабрёзныхъ подробностяхъ, прослѣдить за личностью даже и въ этихъ непривлекательныхъ любовныхъ похожденияхъ, хотя бы это омрачало иногда наше восхищеніе и вызывало подчасъ отвращеніе. Быть можетъ, даже въ этихъ самыхъ неожиданныхъ изгибахъ его грубаго, животнаго донжуанизма Петру случится возбудить наше удивленіе.

*) Büschings Magazin.

**) Архивы Копенгагена.

***) Villebois «Memoires».

II.

Начало самое обыкновенное: ранній бракъ, нѣсколько лѣтъ довольно счастливой супружеской жизни, потомъ постепенное охлажденіе къ брачному гнѣзду. Едва прошелъ медовый мѣсяцъ, свиданія стали все рѣже и рѣже, такъ какъ царь постоянно отлучался и проводилъ большую часть времени въ путешествіяхъ, но переписка продолжалась довольно нѣжная, пересыпанная ласкательными прозвищами, дорогими для влюбленныхъ. Чаше всего жена называла Петра «*Лапушка*», но не къ нему одному она обращалась такъ. Появилось двое дѣтей: Александръ, умершій младенцемъ, и Алексѣй, рожденный подъ несчастной звѣздой. Послѣ смерти Натальи Кирилловны, отношенія ухудшились. Это было въ 1694 году. За эти пять лѣтъ супружеской жизни, нельзя сказать, чтобы у Петра не было кое-какихъ любовныхъ похожденій въ *Слободѣ*, или еще гдѣ-нибудь, но за нимъ зорко слѣдила мать, и, какъ почтительный сынъ, онъ нѣсколько сдерживался. Это вліяніе замѣнилъ послѣ нея Лефортъ, и въ то же время, изъ группы не слишкомъ строгихъ красавицъ, которыми молодой монархъ окружилъ себя въ *Слободѣ*, выдѣлились двѣ восходящія звѣзды на горизонтѣ новаго царствованія,—двѣ простолюдинки: дочь серебряника Беттихера и дочь виннаго торговца Монсъ. Разногласіе въ политическихъ взглядахъ супруговъ также способствовало разрыву: Евдокія была взята изъ семьи ярыхъ консерваторовъ; она была противъ всѣхъ нововведеній, которыя уже начали появ-

ляться, и родные ея, Допухины, впали въ немилость, теряли должности и подвергались различнымъ неприяностямъ. Одинъ изъ нихъ, родной братъ царицы, осмѣлился оскорбить царскаго любимца и былъ публично избитъ палкою самимъ царемъ; другой былъ подвергнутъ пыткамъ, о которой разсказываютъ ужасныя подробности: будто бы Петръ облилъ его виннымъ спиртомъ и потомъ при себѣ велѣлъ поджечь. Достоверно только то, что онъ умеръ въ тюрьмѣ*).

Когда царь впервые отправился путешествовать по Европѣ, отецъ Евдокіи и два ея брата были посланы въ отдаленныя губерніи съ назначеніемъ губернаторами, но въ сущности въ ссылку. Во время путешествія Петръ пересталъ писать женѣ; и вдругъ изъ Лондона онъ прислалъ двумъ своимъ наперсникамъ, Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрешневу, приказъ, объяснившій его молчаніе: онъ велѣлъ имъ предложить Евдокіи постричься въ монахини**). Это былъ обычный приемъ того времени для разрыва неудачныхъ браковъ, и Петръ, повидимому, окончательнорѣшилъ остановиться на немъ. Союзъ, который онъ заключилъ съ Западомъ, рѣшилъ участь несчастной покинутой царицы. Она принадлежала къ иному міру, осужденному на исчезновеніе. Между тѣмъ она не была лишена пріятности, хотя, повидимому, не была красива. Теперь трудно судить объ этомъ. По тогдашнимъ портретамъ, напримѣръ, можно было счесть даже ея будущую соперницу, Екатерину, за урода, хотя извѣстно, что художники всегда стараются прикрасить оригиналь, и она очевидно, производила на Петра совсѣмъ иное впечатлѣніе. Евдокія была не глупа. Когда, послѣ смерти мужа, она вновь появляется при дворѣ,

*) Желябужскій, «Воспоминанія»; Соловьевъ.

**) Устряловъ.

то кажется милой старушкой, умѣющей разобратся въ томъ, что могло ее интересовать и несовсѣмъ чуждой даже дѣламъ правленія *). Изъ писемъ ея къ Глѣбову, которыя будутъ приведены ниже, можно угадать нѣжную, страстную душу, способную отдаться любви. Воспитанная въ *теремѣ*, Евдокія по развитію походила на всѣхъ московскихъ женщинъ того времени: была мало свѣдуща, проста и суевѣрна. Въ этомъ также былъ камень преткновенія, о который должна была разбиться ея жизнь. Очевидно, она не могла раздѣлять съ Петромъ всѣхъ его интересовъ, не могла быть настоящимъ его другомъ.

Вернувшись послѣ долгаго путешествія въ Москву 26 августа 1698 года вечеромъ, Петръ спѣшилъ навѣстить нѣкоторыхъ друзей, между прочими, Гордона, а потомъ поспѣтилъ и семейство Монсъ. Съ женою онъ не видѣлся и только нѣсколько дней спустя согласился встрѣтиться съ нею на нейтральной почвѣ у третьихъ лицъ, въ домѣ почтоваго смотрителя Винніуса, и то только для того, чтобы подтвердить свое рѣшеніе, переданное Нарышкину и Стрешневу. Отвѣтъ Евдокіи можно было предвидѣть: рѣшительный отказъ. Чѣмъ заслужила она заточеніе? Въ чемъ провинилась? Никто не могъ даже подозрѣвать, чтобы она могла участвовать въ политическихъ интригахъ, въ которыхъ были замѣшаны одно время царица Софья и ея сестры. Къ возстанію стрѣльцовъ, которое Петръ намѣревался потопить въ морѣ крови, она была непричастна. Но Петръ былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. Правда, у него не хватало уликъ для обвиненія Евдокіи въ чемъ бы то ни было, но онъ обошелся и безъ нихъ. Съ гнѣвомъ отталкиваетъ онъ вмѣшательство патріарха въ пользу законнаго брака, и послѣ

*) Письма леди Рондо (Письма англійской женщины), 1776 г.

трехнедѣльныхъ переговоровъ, разрубаеть узелъ: къ крыльцу подають крытую повозку, запряженную *парою* лошадей (хроника особенно настаиваетъ на этой подробности, такъ оскорбительно усугубившей всю жестокость и несправедливость поступка въ странѣ, гдѣ всякій мало-мальски зажиточный баринъ выѣзжалъ не иначе, какъ шестеркой), и «ямщикъ», какъ сказали бы мы теперь, увозить бѣдную Евдокію въ Суздаль, за крѣпкія ворота Покровскаго дѣвичьяго монастыря. Съ невинной обошлись строже, чѣмъ съ провинившимися.

Сестрамъ царя, участіе въ бунтѣ которыхъ было почти вполнѣ доказано и которыя также были заточены, было по крайней мѣрѣ предоставлено приличное содержаніе и привычная обстановка. Но жена царя была забыта. Она уже не жена его, не царица; она теряетъ все, даже свое свѣтское имя. Она монахиня Елена; ей оставлена только одна служанка, и, чтобы не умереть съ голоду, она принуждена обращаться за помощью къ роднымъ. Она пишетъ брату Аврааму: «Хоть сама не пью, такъ было бы, чѣмъ людей жаловать: вѣдь мнѣ нечѣмъ больше. Рыбы съ духами пришли и всячины присылай, здѣсь вѣдь ничего нѣтъ: все гнилое. Хоть я вамъ и прескушна, да что же дѣлать? Покамѣстъ жива, пожалуйста пойте да кормите, да одѣвайте нищую» *). Любопытна поразительная черта древне-русской патріархальной жизни. Лишенія во всемъ

*) Устряловъ. Сестрамъ царя, инокинѣ Сусаннѣ (Софіи) отпущалось въ 1700 г. рыбы, хлѣбовъ, винъ, пряныхъ зелій на 5144 р., инокинѣ Маргаритѣ (Марѣѣ) на 2650. См. *Разметную книгу*. Въ разметной книгѣ 1700 г. исчислены расходы по всему двору, не исключая истопничьей палаты; о царицѣ-инокинѣ ни слова. Изъ Суздальскаго розыскаго дѣла 1718 г. видно, что при ней не было никакой особенно назначенной прислуги.

еще только полгоря, но невозможность подавать милостыню—тяжелѣе всего.

Евдокіи было всего двадцать шесть лѣтъ, и долго еще мрачныя стѣны уединенной кельи служили склепомъ для молодой жизни, полной страстныхъ желаній; а когда она, наконецъ, спустя двадцать лѣтъ, покинула ихъ, утративъ молодость, съ разбитымъ сердцемъ, то не на радость растворился для нея этотъ склепъ, а только на еще болѣе тяжкое горе.

Двадцать лѣтъ спустя, въ 1718 году, дѣло царевича Алексѣя вдохновило инквизиторскій геній Петра. Въ числѣ вліяній, которыя могли наталкивать непокорнаго сына на путь бунтовщика, ему казалось несомнѣннымъ вліяніе изгнанной матери. Начались слѣдствія и обыски въ монастырѣ. Всѣ розыски высшей полиціи оказались тщетными, но вознаградились инымъ открытіемъ: по-прежнему не причастная ни къ какому политическому движенію, Евдокія уличена была въ преступной связи. Она не вынесла своего одиночества: въ опалѣ, въ нищетѣ, она невольно искала утѣшенія и беззавѣтно отдалась первому пожалѣвшему ее человѣку. Это былъ маіоръ Глѣбовъ. Онъ былъ присланъ въ Суздаль для производства рекрутскаго набора. Узнавъ, что царица мерзнетъ и голодаетъ въ кельѣ, онъ принялъ участіе въ ея горькой участи и послалъ ей мѣховую одежду; это вызвало съ ея стороны горячую благодарность, выраженную сначала письменно, а потомъ и устно. Свиданія повторялись и мало-по-малу привели къ опасной близости, охватившей все существо Евдокіи горячею любовью и вызвавъ въ Глѣбовѣ болѣе сдержанное чувство, быть можетъ, не лишнее и задней мысли съ честолюбивыми надеждами въ могущемъ измѣниться будущемъ. Пока, Глѣбову также приходилось бороться съ без-

денежьемъ; и кромѣ того онъ былъ связанъ женою. Евдокіи хотѣлось помочь ему; она отдала бы все, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался и принадлежалъ всецѣло ей одной. У нея у самой ничего не было, но она дѣлилась съ нимъ послѣднимъ, отказывая себѣ во всемъ. Какъ же можно отказать ему? Ему нужны деньги? Она добудетъ ихъ во что бы то ни стало. «Гдѣ твои мысли, *батюшко* мой, тамъ и мои, гдѣ твои желанія, тамъ и мои; я вся въ твоей волѣ».

Но посѣщенія *батюшки* становились рѣже: его задерживали служебныя дѣла, а можетъ быть и жена; можетъ быть прискучила ему уже новая любовь. Онъ глухъ къ страстнымъ призывамъ Евдокіи: «Ужели она уже забыта? Какъ скоро! Значитъ не сумѣла она привязать его къ себѣ? Мало забывала себя для него, мало орошала слезами лицо его, и руки, и всѣ суставы его пальцевъ.» Съ горькимъ лиризмомъ оплакиваетъ она свою утрату, и въ этомъ плачѣ такъ надрывается душа въ несвязныхъ причитаніяхъ, въ безконечно повторяющихся ласкахъ слышится такая безысходная тоска, сказывается чисто восточная страсть, и такая беззавѣтная любовь, на которую способны только русскія женщины.

«Свѣтъ мой, *батюшка* мой, душа моя, радость моя! Знать ужъ зло проклятый часъ приходитъ, что мнѣ съ тобою разставаться! Лучше бы мнѣ душа моя съ тѣломъ разсталась. Какъ, охъ, свѣтъ мой! мнѣ на свѣтѣ быть безъ тебя, какъ живой быть? Уже мое проклятое сердце, за много послышало нѣчто тошное, давно мнѣ все плакало. Ажъ мнѣ съ тобою знать будетъ разставаться. Ей, ей, сокрушаюся. И такъ, Богъ вѣсть, каковъ милъ ты мнѣ. Ужъ мнѣ нѣтъ тебя милѣе, ей Богу! Охъ, любезный другъ мой! За что ты мнѣ таковъ милъ? Ужъ мнѣ ни жизнь моя на свѣтѣ! За что ты, душа моя, на меня былъ гнѣвенъ? Что

ты ко мнѣ не писалъ? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя, а я себѣ такой же сдѣлала; то-то у тебя я его брала. Знать, ты другъ мой, самъ этого пожелалъ, что тебѣ здѣсь не быть. И давно ужъ мнѣ твоя любовь, знать измѣнилась. Все ты слышалъ слухъ, что я къ тебѣ пришло, то и ты отпишешь ко мнѣ. Вотъ ужъ не каково будетъ и сердитовать. Для чего, *батъко* мой, не ходишь ко мнѣ? Что тебѣ сдѣлалось? Кто тебѣ на меня что намутилъ. Что ты не ходишь! Не далъ мнѣ на свою персону насмотрѣться! То ли твоя любовь ко мнѣ? Я же тебя до смерти не покину; никогда ты изъ разума не выйдешь. Охъ, другъ мой, свѣтъ ты мой, *любонька* моя! Охъ, коли ты ѣдешь, коли меня, батюшка мой, покинешь? Пожалуй, сударь, мой, изволь ты ко мнѣ пріѣхать завтра къ обѣднѣ переговорить кое какое дѣло нужное. Охъ, свѣтъ мой, любезный мой другъ, *лапушка* моя (вспомните, какъ звала она лапушкой другого)! Отпиши ко мнѣ, порадууй свѣтъ мой, хоть мало, что какъ тебѣ быть? Гдѣ тебѣ жить, во Володимирѣ ли, аль къ Москвѣ ѣхать? Скажи, пожалуй, не дай умереть съ печали. Послала я тебѣ галздукъ, носи душа моя. Ничего моего не носишь, что тебѣ ни дамъ я. Знать я тебѣ не мила! То-то ты моего не носишь. То ли твоя любовь ко мнѣ? Охъ, свѣтъ мой, охъ душа моя, охъ, сердце мое надсѣлось по тебѣ! Какъ мнѣ будетъ твою любовь забыть, будетъ какъ не знаю я; какъ жить мнѣ безъ тебя. Ей тошно, свѣтъ мой, какъ намъ тебя будетъ забывать. Охъ, свѣтъ мой, что ты не прикажешь ни про что, что тебѣ годно покушать. Скажи сердце, будетъ досугъ, пріѣдь хоть къ вечернѣ».

Но не тронулось сердце *батъки*. Еще горше плачется и сѣтуетъ въ безысходной тоскѣ и бьется, какъ подстрѣленная птичка, Евдокія.

«Ахъ, другъ мой! Что ты меня покинулъ? Чѣмъ я тебѣ досадила? Лучше бы у меня душа моя съ тѣломъ разлучилась, нежели мнѣ было съ тобою разлучаться. Кто мое сокровище украдѣ? Кто свѣтъ отъ очію моею отнимѣ! Кому ты меня покидаешь? Кто меня бѣдную съ тобой разлучилъ? Что я твоей женѣ сдѣлала? Какое ей зло учинила? Кому ты меня покидаешь? Какъ надо мной не умилился? Чѣмъ я васъ прогнѣвала? Что ты душа моя, мнѣ не скажешь, чѣмъ я женѣ твоей досадила, а ты жены своя слушалъ. Для чего, другъ мой, меня оставилъ, вѣдь я тебя у жены твоей не отняла; а ты ее слушаешь. Охъ, свѣтъ мой! Какъ мнѣ быть безъ тебя? Какъ на свѣтѣ жить? Какъ ты меня сокрушилъ? Изтиха? Что я тебѣ сдѣлала, чѣмъ сдѣлала, чѣмъ тебѣ досадила, что ты мнѣ мою винность не сказалъ, хоть бы ты меня за мою вину прибилъ, хоть бы ты меня, не вѣмъ какъ, наказалъ за мою вину. Что твое это чеченіе (?), что тебѣ надобно стало жить со мной. Ради Господа Бога, не покинь ты меня; сюда добивайся. Ей! Сокрушаюсь по тебѣ».

Спустя нѣсколько дней она опять писала свои горькія сѣтованія:

«Охъ, лучше бы умерла, лучше бы ты меня своими руками схоронилъ. Охъ, то ли было у насъ говорено? Что я тебѣ злобствовала, какъ ты меня покинулъ? Ей сокрушу сама себя. Не покинь ты меня, ради Христа, ради Бога! Цѣлую тебя во всѣ члены твоя. Не дай мнѣ умереть. Ей сокрушуся!»

Девять такихъ писемъ Евдоки сохранились въ секретномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Они написаны не ея рукою. Монахиня-царица диктовала ихъ своей повѣренной, другой монахинѣ, Каптелиной, которая и отъ себя дѣлала приписки, пытаясь пробудить совѣсть измѣн-

ника и заставить его сжалиться надъ страданіями *матушки*. Но неосторожный Глѣбовъ собственной рукою засвидѣтельствовалъ происхожденіе каждаго листка надписью: «Письмо отъ царицы Евдокіи». Оба одинаковые перстня были также найдены у виновныхъ. Множество монахинь и монастырскихъ слугъ, приведенныхъ къ допросу, дали показанія, вполне подтверждавшія обвиненіе: Глѣбовъ приходилъ къ Евдокіи днемъ и ночью; они цѣловались при всѣхъ, а потомъ подошгу оставались вдвоемъ. Наконецъ Евдокія сама созналась во всемъ.

А Глѣбовъ? Легенда создала изъ него героя: среди самыхъ ужасныхъ пытокъ, добровольно принимая на себя всякаго рода преступленія, онъ дошелъ въ своей исповѣди до того, что взвалилъ на себя вину въ какихъ-то небывалыхъ убійствахъ, и двадцать разъ подставляя голову палачу на отсѣченіе, онъ, будто бы, до конца отстаивалъ честь своей общины *). Увы! Протоколъ допроса, сохранившійся въ московскомъ архивѣ **), свидѣтельствуеетъ какъ разъ обрат-

*) *Alleinval, Anecdotes*. Въ томъ же смыслѣ говорятъ донесенія иностранныхъ дипломатовъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ; но эти донесенія могутъ служить только отголоскомъ придворныхъ толковъ. *Денеша де Би Фажелю. Мемуары и документы во французскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ*.

**) Собственноручное показаніе Степана Глѣбова 20 февраля 1718 г. (хранится въ Секретномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ). «Какъ былъ я въ Суздаль у набора солдатскаго, тому лѣтъ съ восемь или девять, а въ то время привелъ меня въ келью къ бывшей царицѣ, старицѣ Еленѣ, духовникъ ея Ѳедоръ Пустынный, и подарковъ къ ней черезъ онаго духовника прислалъ я два мѣха песцовыхъ, да пару соболей, косякъ байберка нѣмецкаго, и отъ пищи посылалъ. И сошелся съ нею въ любовь черезъ старицу Каптелину и жилъ съ ней блудно. И послѣ того, тому года съ два, пріѣзжалъ я къ ней и видѣлъ ее. А она въ тѣхъ временахъ ходила въ мірскомъ платьѣ... А которыя письма у меня вынуты,

ное: оставляя безъ отвѣта всѣ другіе пункты обвиненія, Глѣбовъ именно въ этомъ только и сознался,—въ этой любовной связи, начавшейся восемь лѣтъ тому назадъ. Евдокія было тогда тридцать восемь лѣтъ.

Но я спѣшу оговориться: признаніе или отрицаніе вины здѣсь ровно ничего не доказываетъ. Гвардіи поручикъ, Скорняковъ-Писаревъ, посланный Петромъ въ Суздаль, велѣлъ пытать пятьдесятъ монахинь, изъ которыхъ нѣкоторыя умерли подъ кнутомъ. Онѣ всѣ подтвердили то, чего отъ нихъ добивались. Глѣбовъ и Евдокія точно такъ же были допрошены, и Евдокія созналась въ связи съ Глѣбовымъ *). Пытки, которымъ подвергался несчастный офицеръ, были такъ ужасны, что смертный приговоръ его былъ назначенъ къ исполненію на 16 марта 1718 г. въ виду опасенія докторовъ, что имъ не удастся протянуть его жизнь долѣе сутокъ **). Рассказываютъ, между прочимъ, о темницѣ, вымощенной острыми колыями, по которымъ несчастный долженъ былъ ступать босыми ногами. Для смерт-

тѣ письма отъ нея, Елены, рукой старицы Каптелины, въ томъ числѣ отъ нея, Каптелиной, нѣкоторыя. А что въ тѣхъ письмахъ упоминается о перстняхъ, и тѣ перстни одинъ золотой съ печатью, на которомъ вырѣзанъ цвѣтокъ подъ короною, а другой съ лазоревымъ яхонтомъ; изъ того же числа съ цвѣткомъ, отдала она, бывшая царица мнѣ, Степану; а другой велѣла отдать дочери моей; а противъ того, взяла она, бывшая царица, перстень же съ лазоревымъ яхонтомъ».

*) *Показаніе бывшей царицы, старицы Елены*, «Февраля въ 21 день, я, бывшая царица, старица Елена, привожена на Генеральный дворъ и съ Степаномъ Глѣбовымъ на этой ставкѣ сказала, что я съ нимъ блудно жила въ то время, какъ онъ былъ у рекрутскаго набору; и въ томъ я виновата. Писала своею рукою я, Елена». (Подлинное показаніе въ Секретн. архивѣ мин. ин. дѣлъ).

**) Деша.

ной казни Петръ избралъ колъ. Такъ какъ былъ морозъ въ тридцать градусовъ, то, чтобы продлить муки несчастнаго, его укутали въ теплую мѣховую шубу и такіе же сапоги и шапку. Казнь началась въ 3 ч. по полудни и кончилась смертью только на другой день въ 7 ч. вечера *). Повѣствованіе, будто бы Петръ подошелъ къ казненному, уже нѣсколько часовъ сидѣвшму на колу, пытаясь добиться отъ него новаго признанія, и получилъ вмѣсто отвѣта плевокъ въ лицо **), не имѣетъ никакого основанія.

Евдокія была дарована жизнь; но ее сослали въ еще болѣе глухой монастырь на берегу Ладожскаго озера, гдѣ за нею былъ установленъ строжайшій надзоръ. Согласно одному показанію, на нее, будто бы, было наложено, судомъ епископовъ, архимандритовъ и другихъ духовныхъ лицъ, предварительное наказаніе кнутомъ и неукоснительно выполнено двумя монахами ***).

Какому чувству поддакъ Петръ, подвергая ее такому жестокому суду? Безъ сомнѣнья, имъ не могла руководить ревность къ отвергнутой, забытой женѣ, состарѣвшейся подъ монашескимъ клобукомъ. Всѣмъ извѣстно также, какъ онъ снисходительно относился къ подобнымъ проступкамъ и вообще ко всему, не касавшемуся его политическихъ интересовъ. Проступокъ же Евдокіи былъ совершенно чуждъ всякаго политическаго характера. *Переписка* Евдокіи съ ея возлюбленнымъ могла только подтвердить

*) *Ausführliche Beschreibung der in der Hauptstadt Moskau vollzogenen Execution.* Riga 1718 г. Смотр. еще о романѣ Евдокіи и Глѣбова: Семеvскій, *Евдокія Лопухина*, Русскій Вѣстникъ, 1859 г., тоже Сборникъ.

**) Долгоруковъ; Леди Рондо.

***) Иностранная дѣла.—Франція. *Мемуары и документы.*

ихъ невинность въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ письмахъ говорится только о любви. Бывшая царица легко подда-лась соблазну облечься въ свои прежнія свѣтскія одежды и убѣжденіямъ окружающихъ, высказывавшихъ надежду, что въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени она вернется къ прежней роскоши. Но все это не шло дальше мечтаній *). Быть можетъ Евдокія была жертвою ревности и ненависти другого лица. Посмотримъ, что было спустя семь лѣтъ: Петръ умеръ, и это событіе, которое, казалось, можно бы считать счастливымъ для изгнанницы, превратилось въ сигналъ къ новымъ невздамъ: ее увозятъ изъ монастыря и везутъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ заточаютъ въ подземной темницѣ, переполненной крысами. Она лежитъ больная, и за нею ходитъ только горбатая старушка, которая сама нуждается въ уходѣ. Такъ держатъ ее два года. Отъ кого же исходило такое распоряженіе? Отъ царствующей теперь Екатерины *первой*. И вотъ, можетъ быть, отвѣтъ на предположеніе, поставленное мною выше. Черезъ два года новая перемѣна: внезапно, точно во снѣ, растворяются двери темницы, на порогѣ появляются разодѣтые люди, кланяются до земли и просятъ изгнанницу слѣдовать за ними; въ сопровожденіи ихъ она входитъ въ роскошно убранныя хоромы, нарочно приготовленныя для нея у коменданта крѣпости. Неужели эта постель съ тонкимъ бѣльемъ голландскаго полотна постлана для нея, уже привыкшей спать на сырой соломѣ? И неужели для нея эта роскошная палата съ золоченой посудой, ларчикъ съ тысячею рублями, экипажи у крыльца, толпа слугъ, покорно ожидающихъ ея приказаній? Неужели же все это

*) Де Би говоритъ о какомъ-то заговорѣ и шифрованной корреспонденці, которую Глѣбовъ хранилъ въ глубокой тайнѣ; но это далеко не достоверно.

для нея?.. Но что же тамъ произошло? Какая перемѣна?.. Екатерина *первая* умерла, и на престолъ вступилъ Петръ II, сынъ Алексѣя и внукъ Евдокіи... И вотъ несчастную бабушку, дожившую до сѣдыхъ волосъ въ заточеніи, везутъ въ Москву на коронацію новаго монарха; она появляется впереди всѣхъ, окруженная роскошью, заботами. Слишкомъ поздно! Жизнь ея разбита; она возвращается, теперь уже по своей волѣ, въ *Новодѣвичій монастырь*, гдѣ кончитъ свою жизнь въ 1731 году. Монастырь этотъ служилъ мѣстомъ пребыванія многихъ несчастныхъ; здѣсь жила Софья послѣ крушенія всѣхъ ея честолюбивыхъ замысловъ. Преданіе говоритъ еще, что Евдокія гостила въ имѣніи Лопухиныхъ, въ Серебряномъ бору, но и оттуда была проведена галлерей въ сосѣдній Георгіевскій монастырь *). Могила Евдокіи въ Московскомъ монастырѣ, и память о царицѣ-инокинѣ осталась живою въ разсказахъ и народныхъ пѣсняхъ **). Послѣ всѣхъ лишеній и немилостей, которыя она перенесла, она приобрѣла сердечную любовь простого народа, который умѣетъ цѣнить великія страданія.

*) Русскій Архивъ, 1873 г.

***) Воспоминанія Петербургской Академіи Наукъ, (М. Подсорова).

III.

Тотчасъ послѣ высылки Евдокии въ монастырь, у Петра появилась первая титулованная фаворитка: Анна Монсъ, или Монстъ, или Мунстъ, *domicella Monsiana*, какъ называется ее Корбъ. До переселенія въ Москву отецъ еязанимался въ Минденъвинною торговлей, или, по другимъ сообщеніямъ, картежною игрою. Очевидно, семейство это вестфальскаго происхожденія, какъ ни старались они разыскать свою родословную во Фландриі, прибавляя къ своей фамиліи частицу *de* и называя себя вмѣсто Монсъ, Моэнсъ де ла Кроа *). Сначала Анна была любовницей Лефорта, но промѣняла фаворита на его властелина и быстро пошла въ гору. Она всюду сопровождала царя, даже въ торжественныхъ общественныхъ собраніяхъ. Они какъ бы нарочно, выставляли свою связь напоказъ. Однажды, онъ крестилъ у датскаго посланника и пожелалъ, чтобы ее просили быть крестной матерью младенца **). Онъ приказалъ выстроить для нея въ *Слободѣ* роскошный дворецъ, и въ скорбныхъ архивахъ *Преображенскаго Приказа* зарегистрировано слишкомъ громко высказанное удивленіе нѣмецкаго портного Фланкъ при видѣ роскошнаго убранства опочивальни, которая была краскою всего дворца и въ которой, какъ всѣмъ было извѣстно, часто пребывалъ царь. Не безъ нѣкотораго сожалѣнія и угрызений

*) Мордовцевъ, *Русскія женщины. Кабинетъ Петра*, Картонъ LXXXVI. Въ документахъ миндерскаго муниципалитета въ этомъ картонѣ, правописаніе фамиліи разнообразное.

**) Корбъ.

совѣсти царь въ 1703 году подписалъ въ даръ Монсъ большое помѣстье Дудино въ Козельскомъ уѣздѣ. Монсъ была большая попрошайка. Пользуясь великодушiемъ царя, часто вынужденнымъ, она то и дѣло что-нибудь выпрашивала у него черезъ своего секретаря, которому диктовала записочки и полубезграмотно подписывалась подъ ними по нѣмецки. Чтобы вѣрнѣе выманить что-нибудь, она прибѣгала къ самымъ неожиданнымъ приемамъ; писала напримѣръ: «Умилостивись, государь царь Петръ Алексѣевичъ! Для многолѣтняго здравiя цесаревича Алексѣя Петровича, свой милостивый указъ учини—выписать мнѣ изъ дворцовыхъ селъ волость» *). Вы помните, конечно, что Алексѣй былъ сыномъ Евдокии. Къ запискѣ она прилагала скромные подарки, въ родѣ *четырёхъ лимоновъ* или апельсина, которые посылала въ Азовъ во время осады. Петръ серьезно помышлялъ жениться на ней, не переставая въ то же время поддерживать двусмысленныя отношенiя съ ея подругой, Еленой Фадемрехъ, отъ которой онъ также получалъ письма съ призывами въ родѣ: «Свѣту, моему любезнѣйшему сыночку, черноглазинкому, востречку дорогому! Поздравляю я тебя, прелюбезнѣйшему моему сыночку, за нынѣшнюю тебѣ отъ Бога дарованную викторiю, юже тебѣ Богъ даровалъ твоимъ счастьемъ, а мою маткиною молитвою». Самый обыкновенный, романъ этотъ длился до 1703 года и окончился также самымъ обыкновеннымъ образомъ: въ карманѣ саксонскаго посланника Кенигзека, только что вступившаго въ царскую службу и случайно утонувшаго въ началѣ кампанiи, нашли записочки, автора которыхъ Петръ безъ труда угадалъ по стилю и по почерку. Царь наивно пришолъ въ ярость, и *domicella Monsiana* заключена была

*) Извлеченiе изъ этой переписки у Мордовцева.

въ тюрьму. Благодаря своей настойчивости и различнымъ хитростямъ, она скоро освободилась, но только для того, чтобы вступить въ новую связь съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ, который впоследствии на ней женился. Она интересовалась политикой, и такъ неосторожно, что снова попала въ тюрьму. Отъ прежнихъ милостей монарха у нея сохранились только жалкіе обрывки, въ томъ числѣ его портретъ, который она яростно отстаивала, какъ полагаютъ, — *изъ-за брилліантовъ*. Петръ долго мстилъ ей: розыскъ по случаю этой грязной исторіи продолжался до 1707 года, и Ромодановскій все еще держалъ въ тюрьмѣ тридцать узниковъ, не знавшихъ какъ и за что они туда попали, да и самъ Ромодановскій хорошенько этого не зналъ. Спустя годъ Кейзерлингъ, уже женатый, воспользовался хорошимъ настроеніемъ царя и попытался ходатайствовать передъ нимъ о братѣ его бывшей фаворитки, который хлопоталъ о мѣстѣ. Но это вышло невпопадъ; Петръ рѣзко оборвалъ посла и, какъ всегда, безъ обиняковъ крикнулъ: «Я держалъ твою Монсъ при себѣ, чтобы жениться на ней, а коли ты ее взялъ себѣ, такъ и держи ее, и не смѣй никогда соваться ко мнѣ съ нею, или съ ея родными».

Пруссакъ вздумалъ настаивать. Тогда вмѣшался Меншиковъ: «Знаю я вашу Монсъ! Хаживала она и ко мнѣ, да и ко всякому пойдетъ. Ужъ молчите вы, лучше, съ нею». Надо сказать, что это было послѣ ужина на пиру у польскаго пана въ окрестностяхъ Люблина. Кончилось это плохо для Кейзерлинга. Меншиковъ и Петръ вытолкали его за дверь и спустили съ лѣстницы. Онъ подалъ жалобу, но обвинили его, и его же заставили извиниться *).

*) Сборникъ, (депеша Витворта); Семевскій: *Императрица Екатерина*, (депеша Кейзерлинга); Есиповъ: *Биографія Менши-*

Въ 1711 году г-жа Кейзерлингъ овдовѣла и, одержавъ еще одну побѣду надъ шведскимъ офицеромъ, Миллеромъ, пережила мужа только нѣсколькими годами *).

Петръ былъ злопамятный, но не безутѣшный любовникъ. Меншиковъ, замѣнившій ему Лефорту, такъ же ловко умѣлъ находить ему утѣхи и забавы. Подобно Лефорту, онъ тоже окружилъ царя женскимъ обществомъ: во-первыхъ обѣ сестры его, Марія и Анна, благодаря его стараніямъ, были приняты при дворѣ любимой сестры Петра, Наталіи; потомъ двѣ сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара, были также при дворѣ царевны, очень походившемъ на гаремъ. Эту группу дополняла Толстая, а съ 1703 года появилась новая личность, которой суждено было сыграть особую роль въ жизни монарха и дать совершенно другой оборотъ его, до тѣхъ поръ столь низкимъ, увлеченіямъ молодости. Имя этой дѣвушки окружено такою же тайною, какъ и происхожденіе ея. Первые документы, освѣтившіе нѣсколько эту загадочную личность, называютъ ее то Екатериной Трубачевой, то Екатериной Василевскою, то Екатериной Михайловою. Сначала она была любовницей Меншикова, одновременно съ Дарьей Арсеньевой. Петръ въ это время избралъ другую сестру Арсеньеву, Варвару, которую Меншиковъ надѣялся сдѣлать царицею, чтобы стать зятемъ царя. Съ этою цѣлью онъ заботился объ образованіи новой фаворитки: «Для Бога Дарья Михайловна»,—писалъ онъ Дарьѣ Арсеньевой,—«принуждай сестру, чтобы она училась непрестанно, какъ

кова, Костомаровъ: *Русская исторія въ біографіяхъ*. Устряловъ Соловьевъ; Леди Рондо. Костомаровъ ближе всѣхъ къ правдѣ несмотря на то, что невѣрно опредѣляетъ годъ смерти Кёнигзека. См. письмо Петра Апраксину, 17 апрѣля 1703 года).

*) Семевскій: *Императрица Екатерина*.

русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобы даромъ время не проходило» *). Вильбуа описываетъ Варвару дурнушкой, но очень умной и злой. Вотъ что онъ рассказываетъ о первыхъ шагахъ ея побѣды: «Петръ любилъ все необыкновенное. За обѣдомъ онъ сказалъ Варварѣ: «Не думаю, чтобы кто-нибудь плѣнился тобою, бѣдная Варя, ты слишкомъ дурна; но я не дамъ тебѣ умереть, не испытавши любви». И тутъ же при всѣхъ повалилъ ее на диванъ и исполнилъ свое обѣщаніе». Нравы тогдашняго общества допускали правдоподобіе этого разказа. Я уже указывалъ на странныя отношенія того времени между любовниками; на дикое извращеніе чувствъ и смѣшеніе связей. Петръ и Меншиковъ, повидимому, то и дѣло смѣняли другъ друга или дѣлили права, которыя должны бы исключать всякій дѣлежъ. Въ ихъ отсутствіе имъ отправляли посланія, переполненныя общими воспоминаніями и нѣжными призывами, то съ той, то съ другой стороны, нерѣдко сопровождая ихъ подарками въ родѣ галстуконъ, сорочекъ, или халатовъ своей работы. Дарья Арсеньева подписывается: «глупая», Анна Меншикова: «лядящая». Что касается Екатерины, то она съ 1705 года прибавляетъ къ своей подписи: «сама-третья», что объясняется припискою въ общемъ письмѣ: «Петръ и Павелъ благословенія твоего прося, челомъ бьютъ». Петръ и Павелъ—ея дѣти отъ Петра.

Въ 1705 году Петръ собралъ все это общество въ Нарвѣ, гдѣ они встрѣчали Пасху, потомъ повезъ всѣхъ въ Петербургъ, откуда писалъ Меншикову, что онъ чувствуетъ себя, «какъ въ раю». Но Меншиковъ, задержанный арміей на югѣ, смертельно скучалъ и тоже не прочь

*) Дѣло Меншикова въ Москвѣ. Архивъ Иностр. дѣлъ.

бы былъ побыть въ раю: онъ писалъ царю: «Я не сомнѣваюсь, что ваша милость къ намъ быть изволишь: того ради, какъ сами ваша милость изволите подняться, изволь тогда приказать и дѣвицамъ нашимъ ѣхать въ Смоленскъ... Путь намъ надлежитъ на Кіевъ; пойдемъ на Быховъ, чтобъ намъ стать на квартирахъ между Кіевомъ и Смоленскомъ, дабы ежели когда случай позволить и въ оба тѣ мѣста способнѣе походъ править». Петръ разсудилъ иначе; правда, онъ, потащилъ съ собою всю компанію въ Смоленскъ, изъ Смоленска въ Кіевъ, но назначилъ Меншикову свиданіе въ Кіевѣ только въ августѣ, приготовивъ другу сюрпризъ: Меншиковъ обѣщалъ жениться на Дарьѣ Арсеневой и долженъ былъ, не откладывая, исполнить обѣщаніе, какъ и Петръ намѣревался исполнить, когда-нибудь, свое рѣшеніе относительно матери «маленькихъ». Очередь была за Меншиковымъ, и царь писалъ, что они не выѣдутъ изъ Кіева, пока дѣло не будетъ сдѣлано. Послѣ свадьбы подѣлили общее достояніе: Петръ вернулся въ Петербургъ съ Екатериной Василевской и Анисьей Толстой; Меншиковъ остался въ Кіевѣ съ женой, сестрою Анной и свояченицей Варварою *).

*) Есиповъ; «Письма русскихъ государей»; Соловьевъ.

IV.

Исторія Екатерины Василевской заслуживаетъ отдѣльной главы въ этой книгѣ; на меня пеняли бы, если бы я не выдѣлилъ ее изъ легіона мимолетныхъ увлеченій великаго человѣка. Даже и послѣ брака и восшествія на престолъ избранницѣ приходилось каждый часъ бороться съ соперницами и даже дрожать за корону. Такъ было въ 1706 году во время пребыванія царя въ Гамбургѣ: лютеранскій пасторъ не допустилъ дочь до паденія, и тогда ей былъ обѣщанъ бракъ и разводъ съ Екатериной. Шафировъ уже получилъ предписаніе приготовить брачный контрактъ. Но слишкомъ довѣрчивая невѣста сдѣлала оплошность: она согласилась выдать въ кредитъ часть радостей Гименея, и, наградивъ ее тысячею дукатами, ее тотчасъ же удалили *). Также было и съ героиней болѣе продолжительнаго романа, которая, какъ говорятъ, почти добилась окончательной побѣды и высокаго положенія. Это была дочь одного изъ первыхъ приверженцевъ Петра, хотя и изъ семьи стариннаго, знаменитаго рода Татишевыхъ, преданной Софѣ,—Евдокія Ржевская. Петръ совратилъ ее, когда ей еще не было пятнадцати лѣтъ. Шестнадцати лѣтъ Петръ отдалъ ее замужъ за Чернышова, и, откупившись деньгами, держалъ ее при себѣ. Она родила ему четырехъ дочерей и трехъ сыновей; по крайней мѣрѣ его считали ихъ отцомъ, но слава маркитантки, упрочившаяся за этой

*) Донесеніе графа Рабутина, цесарскаго посла.

особой, заставляла сильно сомнѣваться въ истинѣ этого предположенія и подрывала успѣхи фаворитки. Если вѣрить скандальной хроникѣ, она привела ее только къ знаменитому приказу «высѣчь Евдокію»; полученному мужемъ отъ заболѣвшаго любовника, подозрѣвавшего ее въ причинѣ этой болѣзни. Петръ говаривалъ про нее: «*Авдотья бой баба*». Мать ея была знаменитая *княгиня-шуменья* *).

Случай этотъ не представлялъ бы никакого интереса самъ по себѣ, если бы онъ былъ единственнымъ. Къ несчастью, интересъ этой печальной страницы русской исторіи состоитъ именно въ томъ, что легендарная личность эта, въ высшей степени типична; это изображеніе извѣстнаго общества и извѣстной эпохи.

Почти тоже было и съ Маріей Матвѣевой, дочерью одного изъ именитыхъ бояръ того времени. Я уже описалъ, какимъ образомъ она стала женою Румянцева. Она была такая же красавица, какъ и Евдокія, но привлекательнѣе, очень умна и прелестна во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ и Евдокія, Марія была фрейлиной при дворѣ императрицы. Эта столь почетная должность была въ то время почти призывомъ къ безчестию. Придворныя Екатерины замѣнили царю придворныхъ Натальи. При дворѣ не было болѣе *терема*, но *гаремъ* сохранился, какъ остатокъ прошлаго вліянія Востока. Добродушные мужья смѣняли услужливыхъ отцовъ. Послѣ смерти Петра, Марія Румянцева осталась беременна сыномъ, будущимъ героемъ великаго царствованія, знаменитымъ полководцемъ при Екатеринѣ II, въ которомъ всѣ невольно признавали наслѣдственныя черты великаго царя.

Незаконное потомство Петра соотвѣтствуетъ по количеству такому же потомству Людвига XIV. Можетъ быть,

*) Долгоруковъ. «*Записки*».

преданіе передаетъ намъ все это въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ. Незаконнорожденность трехъ сыновей Строгановой, на примѣръ, не доказана исторически; скорѣе можно предположить, что мать ихъ, урожденная Новосильцева, была просто веселой собесѣдницей и собутыльницей Петра.

Вернемся къ извѣстной исторіи придворной дѣвицы, Маріи Гамильтонъ. Само собою разумѣется, что сентиментальный романъ, въ которомъ нѣкоторые писатели дали полный просторъ своему воображенію, ничто иное какъ вымыселъ. Марія Гамильтонъ была, повидимому, самое обыкновенное созданіе, и Петръ не ошибся, говоря съ нею о любви соответственнымъ образомъ. Вы уже знаете, что вѣтвь извѣстнаго шотландскаго рода, соперники Дугласа, поселилась въ Россіи въ предыдущую эпоху, вѣроятно во время великаго переселенія семнадцатаго вѣка, восходя такимъ образомъ къ времени Іоанна Грознаго. Породнившись со многими знатными русскими семьями, Гамильтонъ, повидимому, порядочно обрусѣли задолго до появленія царя-преобразователя. Внука Артамона Матвѣева, пріемнаго отца Натальи Нарышкиной, Марія Гамильтонъ, какъ и ея предшественницы, была принята при дворѣ и, такъ какъ она была недурна собою, то и раздѣляла общую участь. Но она внушила Петру только самую кратковременную страсть. Застигнутая между двумя дверями и тотчасъ же брошенная, она нашла утѣшителя въ царскомъ *денищикѣ*, произвела на свѣтъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, которые, одинъ за другимъ, исчезли. Для того, чтобы удержать при себѣ одного изъ своихъ, то и дѣло смѣнявшихся, любовниковъ,—довольно ничтожнаго молодого человѣка, Орлова,—она украдала для него деньги и брилліанты у императрицы. Всѣ эти мелкія и крупныя ея преступленія слу-

чайно раскрылись. Довольно важный документъ нечаянно былъ оброненъ въ царскомъ кабинетѣ; подозрѣніе пало на Орлова, который зналъ о немъ и провелъ ночь внѣ дома. Призванный къ царю для допроса, онъ смутился, воображая, что кто-нибудь подкапывается подъ него, чтобы поврвать его отношенія съ Маріей Гамильтонъ, упалъ царю въ ноги съ крикомъ: «*Виноватъ!*» и сознался во всемъ: въ кражѣ, которою онъ пользовался и въ дѣтубійствѣ, которое ему было извѣстно. Начался розыскъ и допросы. Несчастную Марію обвиняли еще и въ томъ, она что дурно отзывалась о царицѣ, поднимая на смѣхъ ея слишкомъ цвѣтущій видъ. Это большое преступленіе! Но, какъ бы то ни было, Екатерина, на этотъ разъ, выказала великодушіе. Она ходатайствовала о помилованіи виновной и вовлекла въ хлопоты о ней даже царицу Прасковью, вмѣшательство которой было тѣмъ болѣе вѣско, что она славилась своею строгостью. Въ старое время дѣтубійство въ Россіи не слишкомъ строго судилось, а Прасковья была русская стараго закала. Но монархъ оказался неумолимъ. «Онъ не можетъ нарушать высшіе законы, не хочетъ быть ни Ахавомъ, ни Сауломъ». Было ли у него вообще такое уваженіе къ закону? Врядъ ли! Но онъ говорилъ, что, убивая дѣтей, его лишили нѣсколькихъ будущихъ солдатъ, а это была вина непростительная въ его глазахъ. Приведенная нѣсколько разъ къ допросу въ присутствіи царя, Марія Гамильтонъ упорно отказывалась назвать имя своего сообщника, а онъ, — жалкій предокъ будущихъ любимцевъ Екатерины Великой, — только и думалъ о томъ, какъ бы взвалить всю вину на нее. Наконецъ, 14 марта 1719 года Марія Гамильтонъ взшла на эшафотъ «въ бѣломъ шелковомъ платьѣ съ черными лентами», какъ рассказываетъ Штелинъ. Петръ былъ большой люби-

тель театральныхъ эффектовъ и, конечно, не могъ не оцѣнить этого послѣдняго проблеска предсмертнаго кокетства. У него хватило духу смотрѣть на казнь и, такъ какъ онъ по натурѣ своей нигдѣ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ, то онъ и тутъ игралъ роль. У подножья эшафота онъ подарилъ приговоренную послѣднимъ поцѣлуемъ, уговаривалъ ее молиться, поддерживалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда она изнемогала, потомъ отошелъ,—и это послужило сигналомъ: когда она подняла голову, передъ нею стоялъ уже не царь, а палачъ. Шереръ добавляетъ къ этой картинѣ отвратительныя подробности: когда топоръ окончилъ свое дѣло, царь снова подошелъ къ эшафоту, поднялъ окровавленную голову, которая скатилась въ грязь, и спокойно началъ читать лекцію по анатоміи, указывая присутствующимъ на значеніе и функціи органовъ, которыхъ коснулось желѣзо, удѣляя особенное вниманіе разрѣзу позвоночнаго столба. Окончивъ лекцію, онъ прикоснулся губами къ поблекшимъ устамъ, принимавшимъ отъ него когда-то иные поцѣлуи, потомъ уронилъ голову, и, перекрестившись, ушелъ» *).

Я очень сомнѣваюсь въ истинѣ того, будто бы Меншиковъ настаивалъ на розыскѣ и приговорѣ несчастной, отстаивая интересы Екатерины. Эта соперница совсѣмъ не была опасна. У коронованной ливонки незадолго передъ тѣмъ была болѣе серьезная тревога. Въ депешѣ Кампредона отъ 8 іюня 1722 года сказано: «Въ случаѣ рожденія

*) Семевскій, «Слово и дѣло»; Коробановъ «Очерки» въ Русской старинѣ, Татищевъ «Судебникъ» Ивана Васильевича. Голицковъ. Hermann, *Peter der Grosse und d. Tsarevitch Alexei*; Мордовцевъ, «Русскія женщины»; Scherer. Разсказъ Любомирскаго (Царь, Эрцгерцогини и т. д.)—чистый вымыселъ.

сына у княгини, царица опасается развода съ нею и брака съ любовницею, по наущенію Валахскаго князя» *).

Это говорилось о Маріи Кантемиръ. Союзникъ Петра по несчастной турецкой кампаніи 1711 года, князь Дмитрій Кантемиръ по прутскому договору лишился своихъ владѣній и томился въ Петербургѣ, ожидая обѣщаннаго вознагражденія. Довольно долго онъ надѣялся получить его черезъ дочь. Передъ отбытіемъ Петра въ персидскую кампанію, въ 1722 году, эта новая любовная интрига, тянувшаяся уже нѣсколько лѣтъ, казалось, близилась къ концу, неблагоприятному для Екатерины. Обѣ женщины сопровождали царя. Но Маріи пришлось остановиться въ Астрахани, такъ какъ она была беременна. Это обстоятельство подкрѣпляло надежды ея сообщниковъ. Послѣ смерти маленькаго Петра Петровича (въ 1719 году) у Екатерины не оставалось сына, который могъ бы наследовать престолъ, и, всѣ были увѣрены, что если по возвращеніи экспедиціи, княжна Кантемиръ подаритъ Петру сына, то онъ, не колеблясь, поспѣшитъ избавиться отъ второй жены такъ же точно, какъ избавился отъ первой. Если вѣрить Шереру, друзья Екатерины ухитрились оградить ее отъ этой опасности: по возвращеніи изъ кампаніи Петръ засталъ любовницу въ постели, въ опасномъ положеніи послѣ выкидыша. Екатерина торжествовала: романъ, который угрожалъ ей гибелью, теперь легко могъ окончиться обычною въ такихъ случаяхъ развязкою. Незадолго до смерти монарха нашелся услужливый подражатель Чернышовыхъ и Румянцевыхъ, предлагавшій «для проформы» вступить въ бракъ съ княжною, еще не покинутой, но уже потерявшей всѣ свои тщеславныя на-

*) Иностранная дѣла—Франція.

дежды *). Побѣда осталась на сторонѣ ливонки: торжественная коронація избавила ее отъ всякой опасности. Честь ея была восстановлена бракомъ; она пользовалась всѣми почестями высшей власти и бдительно охраняла свой семейный очагъ; теперь она, наконецъ, стояла надъ той толпой, гдѣ простыя служанки держали себя на равной ногѣ съ дочерью шотландскаго лорда и княжною молдо-валахскою.

И вотъ въ это время появляется новая, неожиданная звѣзда, непохожая на прежнія: цѣломудренная подруга, пользующаяся уваженіемъ. Да,—нѣжный цвѣтокъ, распустившійся въ мутномъ болотѣ!

Въ этой роли является женщина, принадлежавшая къ народу, гдѣ женщины обаятельны. Это была знатная полька, славянка по крови, съ европейскимъ образованіемъ. Я уже вамъ рассказывалъ, какъ гулялъ Петръ въ садахъ Яворова въ обществѣ Синявской, сколько долгихъ часовъ провели они вмѣстѣ надъ постройкой барки, въ бесѣдахъ и катаньяхъ въ лодкѣ! Это идиллія. Жена короннаго генерала, стойкаго союзника Августа противъ Лещинскаго, Елизавета Синявская, урожденная княжна Любомирская, раздѣляла мятежную жизнь грубаго побѣдителя, не вызывая злословія. Петръ не столько восхищался ея красотой, сколько рѣдкимъ умомъ. Ему было хорошо съ нею. Онъ слушалъ ея совѣты, хотя они подчасъ и не были по вкусу ему, потому что она стояла за Лещинскаго противъ царскаго любимца и даже противъ своего мужа. Петръ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи уволить всѣхъ иностранныхъ офицеровъ, состоящихъ у него на службѣ, а она осмѣлилась ему противорѣчить и на дѣлѣ доказала ему его за-

*) Иностр. дѣла—Франція. *Воспоминанія и документы.*

блужденіе, отославъ нѣмца-дирижера оркестра польскихъ музыкантовъ. Тотчасъ же въ оркестрѣ послышались такіе нестройные звуки, что даже мало чувствительное ухо царя было неприятно поражено. Въ другой разъ, онъ говорилъ о своемъ намѣреніи опустошить русскія или польскія провинціи, черезъ которыя Карлъ XII долженъ былъ пройти для того, чтобы добраться до Москвы, а она его перебила и рассказала, какъ одинъ мужъ, чтобы проучить жену, вздумалъ сдѣлаться евнухомъ *). Она была прелестна, и Петръ невольно поддавался ея обаянію, облагораживался и весь преображался въ присутствіи этой чистой, тонкой, нѣжной, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердой натуры.

Итакъ, мы видимъ, что женщины играли въ жизни Петра большую роль; но и онъ, хотя въ другомъ отношеніи, сыгралъ не малую роль въ участи русской женщины. Чтобы сдѣлать настоящую оцѣнку всей дѣятельности великаго человѣка, надо хоть вкратцѣ рассмотреть и эту сторону дѣла.

Въ своемъ Коломенскомъ дворцѣ, въ окрестностяхъ Москвы, царь Алексѣй имѣлъ однажды пышную аудіенцію съ важнымъ иностраннымъ посланникомъ. Вниманіе дипломата было привлечено, шелестомъ шелковаго платья и звукомъ нѣжнаго голоса за полуоткрытой дверью. Оказалось, что аудіенція имѣла невидимыхъ свидѣтельницъ—обитательницъ таинственнаго *терема*, любопытство которыхъ вовлекало ихъ въ нѣкоторое нарушеніе запрета. Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и появилась краснѣя и конфузясь, красивая брюнетка въ сопровожденіи мальчика, прятавшагося въ ея юбку, но тотчасъ же скрылась среди общаго смятенія царедворцевъ. Красивая

*) Штелинь.

брюнетка была царица Наталья, а трехлѣтній мальчикъ съ властными движеніями, съ которыми онъ распахнулъ дверь, тотъ, кому предназначено было впоследствии разрушить самыя стѣны *терема*. Позднѣе въ этой картинной сценѣ усматривается предсказаніе *).

Въ семнадцатомъ вѣкѣ появилось въ русскомъ обществѣ какое-то недовѣріе и почти ненависть къ женщинѣ. Доказательствомъ тому служатъ многія русскія пословицы, напримѣръ: «У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ... Умъ бабій, что домъ безъ крыши. Бѣгай отъ женской красоты, какъ Ной бѣжалъ отъ потопа. Коня сдерживай уздой, а жену угрозой. Не выдавши женщины, думаешь, что она золотая, а увидавши узнаешь, что мѣдная».

Современные русскіе историки склонны приписывать эту черту вліянію извнѣ, чуждому русскому характеру. По природѣ своей русскій человѣкъ скорѣе склоненъ признавать равенство обоихъ половъ. Въ сущности русскимъ дѣйствующимъ законамъ такъ же, какъ и духу русскому и нравамъ противенъ тотъ родъ подчиненія женщины, который установился въ законахъ и обычаяхъ Запада. Если нѣтъ особаго договора, то замужняя женщина въ Россіи владѣетъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Понятія, бывшія до петровскаго преобразования, а также учрежденія и обычаи, соотвѣтствующіе этому времени, въ томъ числѣ и жизнь въ *теремѣ*, занесены были въ Россію съ Востока и проистекали изъ охватившаго Россію религиозно-аскетическаго теченія съ стремленіемъ къ монашеству, оставившаго глубокой слѣдъ на духовномъ и нравственномъ развитіи страны. *Теремъ* не *гаремъ*. Уединенная жизнь русской женщины въ этой темницѣ исходила изъ совершенно иныхъ побужденій.

*) Устряловъ.

Женщина скрывалась въ теремѣ не изъ-за ревности мужчины, а изъ страха передъ грѣхомъ и соблазнами міра, изъ религіознаго стремленія создать условія жизни, наиболѣе похожей на монашескую, болѣе угодной Богу. По *формѣ теремъ* не взяты цѣликомъ съ Востока, но *идея* его, конечно, навѣяна Византіей. *) Это несомнѣнно.

Но каково бы ни было наше понятіе о теремѣ, онъ все-таки представлялъ собою строго оберегаемую темницу. Женщина, и особенно дѣвушка, была въ немъ плѣнница. Она прозябала, лишенная воздуха и свѣта въ хоромахъ, похожихъ съ виду на келію или темницу: надъ крошечными окошками спущены плотныя занавѣски, а на дверяхъ висятъ тяжелые замки. На всякій выходъ изъ терема необходимо было дозволеніе главы семьи, мужа или отца, и ключи отъ терема хранились у нихъ въ карманѣ или подъ подушкой. Во время пира, когда гости сидѣли за столомъ, и на столъ подавались пироги и кулебяки, жена хозяина показывалась на порогѣ своего терема. Тогда гости вставали изъ-за стола, отвѣшивали низкій поклонъ и цѣловались съ хозяйкой. Послѣ того она тотчасъ же уходила. Но на дѣвушку не долженъ былъ упасть ни одинъ мужской взглядъ до замужества; даже женихъ не видалъ своей невѣсты. Женились, не выдавъ жены и не показавъ ей себя. Сватовство происходило заочно черезъ сваху и родственницу жениха, которая *высматривала* для него невѣсту и докладывала о своемъ осмотрѣ родителямъ жениха. Но сваха дѣйствовала въ пользу жениха. Невѣстѣ же осведомляться о качествахъ жениха считалось неприличнымъ. Объявляя ей, что она просватана, отецъ

*) Забѣлинъ: *Уединенная жизнь русскихъ царицъ*. Костомаровъ: *Исторія Россіи*.

указывалъ на плетку въ знакъ того, что онъ передаетъ власть мужу. Больше она ничего не видала, пока ее не вели къ вѣнцу. Обычай требовалъ, чтобы глава семьи при проводахъ употребилъ плетку въ послѣдній разъ, а женихъ въ первый—при встрѣчѣ. Невѣсту отправляли въ церковь подъ густымъ покрываломъ. Она входила и стояла въ церкви молча, и только отвѣчала на вопросы священника. Тогда только женихъ впервые слышалъ ея голосъ. За столомъ, послѣ вѣнца, молодыхъ раздѣляла занавѣска, и только, когда вставали изъ-за стола, начиналась брачная жизнь обвѣнчанныхъ. Тогда подруги вели невѣсту въ брачную опочивальню, раздѣвали, укладывали въ постель и ждали, пока жениха напоютъ пьянымъ. Тогда дружки приводили его въ опочивальню, ставили зажженные свѣчи вокругъ брачной постели въ кадки съ овсомъ, пшеницею и ячменемъ; постель стлали на ржаныхъ снопахъ. Наступала торжественная минута. Тутъ-то, наконецъ, мужъ видѣлъ жену съ непокрытымъ лицомъ. Она должна была привѣтствовать новаго властелина. Укутавшись въ длинную шубейку на куньемъ мѣху, она поднималась съ постели, низко кланялась ему и откидывала покрывало...

Невѣста могла оказаться горбатой, хилой, или лицомъ непригожа, а онъ ждалъ увидѣть красавицу. Даже если сваха-смотрильщица добросовѣстно исполнила свою обязанность, ее самое могли провести, показавъ другую дѣвушку. Это нерѣдко случалось. Обманутому мужу тогда оставался одинъ исходъ: молить жену постричься въ монахини и тѣмъ избавить его отъ неудачнаго выбора. Но затемненный винными парами, онъ могъ и не сразу разглядѣть всѣ недостатки жены, и для этого-то его и напавали въ достаточной мѣрѣ. Онъ спохватывался только, когда уже оказывалось поздно, и отступить уже было нельзя.

Можно себѣ представить, что за жизнь начиналась: Скандальная и судебная хроника того времени переполнены свѣдѣніями подобнаго рода: мужья, покидающіе семейный очагъ, сами ищутъ прибѣжища въ тишинѣ домашней жизни; жены, доведенныя до изступленія варварскимъ обращеніемъ недовольныхъ мужей, хватаются за ножъ или ядъ, чтобы свергнуть съ себя невыносимое иго.

Какъ ни ужасно наказаніе, которое налагалось на преступницу, оно не въ силахъ было предотвратить такіе случаи, и картины той эпохи переполнены подобными ужасами: мужеубійцу заживо закапывали въ землю, но только до половины, и оставляли такъ на съѣденіе червямъ и мукамъ голода и жажды, пока смерть-избавительница не сжадется надъ нею. Смерть же приходила иногда только на десятый день*).

Если же бракъ оказывался безъ обмана, и мужъ оставался доволенъ, то на другой день брачная сорочка отсылалась къ родителямъ и показывалась всѣмъ родственникамъ и близкимъ людямъ. У простонародья это дѣлалось даже при всѣхъ гостяхъ, и сваха разстилала сорочку на полу и на ней отплясывала русскую подъ веселья свадебныя пѣсни. Но если сорочка оказывалась не въ должномъ видѣ, то возмущенные дружки жениха клеймили дегтемъ дверь брачной горницы, потомъ выводили молодыхъ на улицу, запрягали ихъ въ тележку и долго водили по улицѣ, осыпая ихъ бранью и насмѣшками**).

*) Смотр. иллюстраціи книги Корба, также рассказъ Вебера у Hermann, *Peter der Grosse*.

***) Олеарій, *Путешествіе*, Амстердамъ, 1727 г., Корбъ. Котихинъ, *Воспоминанія*, Жеребцовъ, *Исторія цивилизаціи и Россія*. Рюкнеръ, *Женскій вопросъ*, Русское Обозрѣніе.

Все это составляло часть общественного строя, описаннаго въ *Домострой* *) при Иоаннѣ Грозномъ совѣтчикомъ его, попомъ Сильвестромъ, если не составившимъ это уложеніе, то по крайней мѣрѣ собравшимъ его воедино. Обычаи эти частью занесены были въ Россію татарами или Византіей, частью же чисто туземнаго происхожденія и носили на себѣ одинъ общій характеръ: отпечатокъ варварства. Жена являлась жертвою, вполнѣ подвластной мужу. Женщины высшаго класса, въ своемъ заточеніи въ *теремахъ*, находили себѣ развлеченіе въ нарядахъ и прическахъ, бѣлились, румянились и даже нерѣдко напивались допьяна. Когда въ 1630 году русское посольство прибыло въ Копенгагенъ, чтобы просватать дочь Михаила Ѳеодоровича, царевну Ирину, за датскаго принца, то послы ставили въ особую заслугу царевнѣ, что она *въ ротъ не беретъ ни водки, ни вина*. Простонародью не на что было рядиться, поэтому здѣсь преобладала выпивка. На такихъ-то женъ возлагалась обязанность растить дѣтей! Это зло хотѣлъ искоренить Петръ Великій. И этого одного было бы достаточно, чтобы составить ему славу.

Правда, и до него уже пошатнулась непроницаемая стѣна этихъ темныхъ, застарѣлыхъ обычаевъ и понемногу расшатывалась все болѣе и болѣе. Нѣсколько романической бракъ Алексѣя указываетъ на новое теченіе въ нравахъ и обычаяхъ того времени. Наталія привлекла къ себѣ мужа личными достоинствами и уже не была окружена той неприступной стѣной, которая держала ее предшественницъ, хотя и въ пышныхъ хоромахъ, но въ невыносимо скучномъ одиночествѣ. Въ извѣстной мѣрѣ Наталія уже принимала

*) По М. Некрасову, (о происхожденіи *Домостроя*), только часть книги мож. быть приписана Сильвестру; рукопись была напечатана только въ 1849 году Головачевымъ.

участіе во внѣшней жизни мужа, иногда она сопровождала его на охотѣ, посѣщала вмѣстѣ съ нимъ спектакли, даваемые выписанными Матвѣевымъ иностранными актерами, въ стѣнахъ стараго, изумленнаго Кремля. Она нерѣдко даже выѣзжала съ мужемъ въ открытомъ экипажѣ, а это уже почти революція! Въ царствованіе слабаго, хилаго преемника Алексѣя освободительное движеніе женщинъ еще болѣе выразилось. Царевны, сестры Θεодора, не замедлили воспользоваться ослабленіемъ власти и общею неурядицею. Наконецъ Софія захватила власть въ свои руки, и возстановила права женщины въ этой странѣ женскаго рабства.

Петръ пошелъ еще дальше. По крайней мѣрѣ, прилагалъ всѣ силы итти дальше. Указы его о бракѣ проникаютъ въ народъ и разбиваютъ вѣками установившіеся предрасудки. Свадьба обыкновенно игралась тотчасъ же послѣ сватовства, черезъ нѣсколько дней, нерѣдко даже черезъ нѣсколько часовъ. Петръ издалъ указъ дѣлать промежутки не менѣе шести недѣль, чтобы дать время жениху и невестѣ узнать другъ друга. Конечно это средство не сразу и не вполне достигло цѣли.—Еще недавно романъ Мельникова «Въ лѣсахъ» показываетъ пережитокъ древнихъ обычаевъ, продолжающихъ упорно держаться въ извѣстной средѣ. Но все-таки несомнѣнно произошелъ огромный переворотъ. До Петра законъ признавалъ полную, неограниченную власть мужчины, мужа надъ женою, отца надъ дочерью. Княгиня Салтыкова, урожденная Долгорукая, невестка царицы Прасковьи, за попытки избавиться отъ этого ига была замучена до полусмерти и бѣжала къ отцу, избитая, покрытая ранами. Мужъ-изувѣръ требовалъ ее къ себѣ обратно, и ей еле-еле удалось добиться позволенія похоронить свою молодость въ монашеской

кельѣ *). Можно себѣ представить, какъ дѣло обстояло въ низшихъ слояхъ. Именно въ этомъ-то отношеніи общество особенно упорно сопротивлялось нововведеніямъ. Деспотизмъ мужчины такъ прочно укоренился въ нравахъ и обычаяхъ страны, что самъ Петръ не посмѣлъ сразу разрушить его; онъ даже, какъ будто, поддерживалъ его (указами отъ марта—октября 1716 г.); но духъ обновленія, руководившій имъ, такъ противился такому порядку, что мало-по-малу несправедливая власть уничтожилась, отжила и была окончательнаго предана забвенію. Въ новомъ «Сводѣ Законовъ» ее уже нѣтъ и въ поминѣ, и, наконецъ, Кассационный судъ рѣшительнымъ постановленіемъ объявилъ ее уничтоженной навсегда **).

Въ высшихъ слояхъ общества Петръ какъ бы выводитъ за руку женщину изъ ея рабскаго положенія, вводитъ ее въ кругъ общественной жизни, свѣтской и семейной и указываетъ мѣсто, которое она должна въ ней занять. Она должна участвовать во всѣхъ собраніяхъ, блистать красотою и очаровывать всѣхъ умною бесѣдой и изящными манерами въ танцахъ, услаждать слухъ общества музыкой. Съ декабря 1704 года по улицамъ Москвы стали появляться небывалыя зрѣлища: молодыя дѣвушки участвовали въ народныхъ празднествахъ, катаясь по проспекту въ открытыхъ экипажахъ, и бросая въ толпу цвѣты, пѣли кантаты ***).

Преобразователь помышлялъ даже отправить боярскихъ дочерей, вслѣдъ за братьями, доканчивать образованіе за границей. Но родители возстали, и ему пришлось отступить отъ этой мысли. Тогда онъ сталъ радѣть о домаш-

*) Мордовцевъ.

***) 1869. Дѣло Соколовскаго.

***) Голиковъ.

немъ воспитаніи дѣвицъ и, въ примѣръ всѣмъ, выписалъ къ дочерямъ своимъ, Аннѣ и Елизаветѣ, французенку; онъ самъ присутствовалъ иногда на ихъ урокахъ, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы имъ былъ приданъ европейскій лоскъ и даже за тѣмъ, чтобы прически ихъ и наряды были по послѣдней парижской модѣ. За то, что невѣстка его, Прасковья, возставала противъ этихъ новшествъ, онъ называлъ ея домъ «убѣжищемъ дураковъ и недоумковъ» и своими поддразниваніями добился таки того, что и ее вовлекъ въ свои нововведенія. Вдова царя Іоанна, такимъ образомъ, тоже олицетворила въ себѣ типъ русской женщины переходнаго времени, созданный великою реформой. Она наняла дочерямъ учителей-французовъ и сама брала уроки у нѣмецкаго преподавателя, но не могла разстаться съ русскимъ нарядомъ и сохранила многіе дикіе инстинкты. Она была, на примѣръ, своихъ придворныхъ дѣвушекъ и, добиваясь признанія въ погрѣшности слуги, обливала ему голову водкой, которую всегда возила съ собою, поджигала ее и ударяла палкой по образовавшимся ожогамъ *).

Петръ намѣтилъ такъ много преобразованій, что, конечно, не могъ одинъ привести ихъ въ исполненіе. На это потребовалось много времени. И, по правдѣ сказать, по своей грубости и развращенности, онъ не могъ быть вполне желательнымъ вождемъ. Онъ часто останавливался на полпути, забывая къ чему стремился, и эти остановки имѣли роковыя послѣдствія. Создавъ для женщины общественныя собранія и отворивъ ей двери *терема*, онъ слишкомъ часто знакомилъ ее съ нравами солдатской жизни. Нравственный обликъ русской женщины надолго сохранить въ себѣ слѣды такого приобщенія къ общественной жизни, которымъ она всецѣло обязана преобразователю.

*) Семевскій, *Царица Прасковья*.

Хотя вся дѣятельность этого великаго человѣка заслуживаетъ того же упрека, который несомнѣнно умаляетъ его заслуги и славу, но даже и теперь, и не въ одной Россіи, женщина не можетъ не признавать въ немъ одного изъ самыхъ сильныхъ поборниковъ въ пользу возстановленія ея правъ, такъ же, какъ и цивилизація вообще не можетъ не ставить его въ ряды самыхъ могущественныхъ двигателей ея возвышенія.

Этотъ грубый циникъ подмѣтилъ въ женщинѣ не одно ея прекрасное тѣло для плотскихъ наслажденій; онъ призналъ въ ней нѣчто высшее. Онъ выдвинулъ ее въ общество и въ семьѣ и приблизилъ къ новѣйшему идеалу.

Этого одного достаточно, чтобы искупить многія ошибки, хотя бы среди окружающихъ царя женщинъ и не было той, о которой я сейчасъ буду говорить.

ГЛАВА III.

Екатерина.

I. Прибытіе въ Россію. — Взятіе Маріенбурга. — Происхожденіе. — Семья пастора Глюка. — Въ лагерѣ Шереметьева. — Въ домѣ Меншикова. — Женскій теремъ. — Екатерина Трубачева. — Мать «Петрушки». — Бракосочетаніе. — Прежняя служанка становится государыней. — II. Отзывы современниковъ. — Баронъ Пёльницъ. — Маркграфиня Байрейтская. — Кампредонъ. — Портреты изъ галереи Романовыхъ. — Ни красоты, ни изящества. — Энергичный темпераментъ; уравновѣщенный умъ. — Жена офицера. — Ея вліяніе на Петра. — Очаровательница и укротительница. — Ихъ переписка. — Супружеская дружба. — Политическая роль государыни. — Ея благодѣянія и заблужденія. — Торговля вліяніемъ. — Тучи на домашнемъ горизонтѣ. — III. Екатеринѣ удается ихъ разсѣять. — Восходящій ростъ ея счастливой судьбы. — Смерть Алексѣя. — Мать наслѣдника. — Она навязываетъ свою семью. — Ямщикъ съ рижской дороги. — Ревельская проститутка. — Сапожникъ. — Всѣ графы и вельможи. — Вершина. — Коронація. — Вопросъ о престолонаслѣдіи. — На краю бездны. — Преступная связь. — Камергеръ Монсъ. — Казнь. — Испытанія и угрозы. — Сомнительное примиреніе. — Смерть Петра и окончательная побѣда Екатерины. — Она плохо пользуется ею. — Снова появляется служанка. — Шестнадцатимѣсячное царствованіе.

I.

Въ іюль 1702 г., въ началѣ шведской войны, генералъ Шереметьевъ, которому поручено было занять Лифляндію и прочно основаться въ ней, осадилъ Маріенбургъ. Послѣ

нѣсколькихъ недѣль мужественной обороны, городъ былъ доведенъ до крайности, и комендантъ рѣшилъ взорвать крѣпость и погибнуть вмѣстѣ съ ней. Онъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ жителей, сообщилъ имъ по секрету о своемъ рѣшеніи и предложилъ возможно скорѣе покинуть крѣпость, если они не хотятъ раздѣлить участи его и его отряда. Въ числѣ предупрежденныхъ лицъ былъ мѣстный лютеранскій пасторъ. Онъ выѣхалъ съ женой, дѣтьми и служанкой, не захвативъ съ собою ничего, кромѣ славянской библіи, которая могла послужить ему, какъ онъ надѣялся, пропускомъ у осаждавшихъ городъ. Когда его остановили на аванпостѣ, онъ сталъ махать своей книгой, сказалъ тутъ же нѣсколько мѣстъ изъ нея наизусть, чтобы показать свое блестящее знаніе языковъ, и предложилъ взять на себя роль переводчика. Рѣшено было послать его въ Москву съ семьей. Но что дѣлать съ этой дѣвушкой? Шереметьевъ взглянулъ на служанку и нашель, что эта цвѣтушая блондинка очень недурна. Онъ улыбнулся. Пусть она остается въ лагерѣ; полки не будутъ этимъ недовольны. Петръ еще не думалъ тогда объ изгнаніи прекраснаго пола изъ среды своихъ войскъ, какъ онъ это сдѣлалъ впоследствии. Приступъ назначенъ былъ не завтра, а пока можно поразвлечься. Дѣвушка очутилась за столомъ съ своими новыми товарищами. Она была весела, не дичилась, и ее приняли очень привѣтливо. Музыканты заиграли на гобоѣ. Собрались танцовать. Вдругъ страшный взрывъ прервалъ ригурнель, танцующіе еле устояли на ногахъ, а служанка, внѣ себя отъ ужаса, очутилась въ объятіяхъ драгуна. Комендантъ Мариенбурга сдержалъ свое слово, и при этомъ громовомъ ударѣ и въ объятіяхъ солдата Екатерина «первая» вступила, такъ сказать, въ исторію Россіи.

Эта служанка была именно она *).

Въ то время она не носила еще имени Екатерины, и нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, какъ ее звали, откуда она была родомъ и какъ очутилась въ Мариенбургѣ. Въ исторіи, какъ и въ легендѣ, ей даютъ нѣсколько фамилій и называютъ нѣсколько мѣстъ ея рожденія. Всѣ болѣе или менѣе достовѣрные документы и всѣ преданія, болѣе или менѣе заслуживающія довѣрія, единогласно утверждаютъ только то, что такой удивительной судьбы не выпадало на долю никакой другой женщины. Это уже не «романъ Императрицы», а сказка изъ «тысячи и одной ночи». Попытаюсь передать не то, что достовѣрно,—достовѣрнаго нѣтъ почти ничего,—но то, что по крайней мѣрѣ правдоподобно въ этой совершенно исключительной судьбѣ.

Она родилась въ какомъ-то мѣстечкѣ, въ Лифляндіи. Была ли это польская Лифляндія или шведская—неизвѣстно; было ли это мѣстечко Вышки-Озеро въ окрестностяхъ Риги, или мѣстечко Рингенъ въ Дерптскомъ, теперешнемъ Юрьевскомъ, округѣ, тоже подлежитъ сомнѣнію**). 11 октября 1718 г., въ день годовщины взятія шведскаго города Нотебурга, Петръ писалъ той, которая въ то время сдѣлалась уже его женой: «Катеринушка, другъ мой сердешниной, здравствуй! Поздравляю вамъ симъ счастливымъ днемъ. Нога въ вашихъ земляхъ фугъ взяла, и симъ

*) Веберъ, *«Mémoires sur le règne de l'Impératrice Catherine»*. Устряловъ; Гротъ, *«Этюдъ о происхожденіи императрицы Екатерины»*, въ «Запискахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ».

**) Въ одномъ очеркѣ, изданномъ въ 1857 г. въ *«Westermanns illustrierte Monatschrift»*, доказывается, что Екатерина родилась въ Ригѣ, въ семьѣ Бодендикъ, изъ которой происходитъ авторъ статьи, Иверсенъ.

ключемъ много замковъ отперто». Сама она, кажется, очень дорожила Польшей. Ея сестры и братья, разысканные впоследствии, назывались Скворощенко или Скворотскіе, что передѣлали, вѣроятно, для благозвучія, въ Скавронскихъ *). Быть можетъ, это была семья эмигрантовъ,—во всякомъ случаѣ простыхъ крестьянъ,—бѣжавшихъ, вѣроятно, отъ слишкомъ суроваго крѣпостного права на родинѣ, въ надеждѣ найти менѣе тяжелое существованіе. Екатеринѣ было 17 лѣтъ, и она была сирота. Предполагаютъ, что мать ея принадлежала ливонскому дворянину фонъ Альвендалю, сдѣлавшему ее своей любовницей. Екатерина была плодомъ этой связи, быть можетъ, кратковременной. Такъ какъ ея законные отецъ и мать умерли, а незаконный отецъ ее бросилъ, то пасторъ Глюкъ пріютилъ ее у себя еще ребенкомъ. Она учила катехизисъ, но не училась азбукаѣ. Впоследствии она умѣла только подписывать свое имя. Она выросла въ этомъ пріютившемъ ее домѣ и съ годами старалась быть полезной, помогала въ хозяйствѣ, смотрѣла за дѣтьми. У Глюка жили посторонніе ученики, и она также помогала прислуживать имъ. Двое изъ нихъ рассказывали впоследствии, что она готовила имъ слишкомъ маленькіе бутерброды. Она всегда любила экономить. Но есть свидѣтельства, что въ другомъ отношеніи она рано стала проявлять большую щедрость. Одинъ литовскій дворянинъ Тизенгаузенъ и другіе пансіонеры пастора пользовались, какъ говорятъ, ея милостями. Говорятъ даже, будто у нея родилась въ это время дочь, умершая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Незадолго до осады, пасторъ рѣшилъ было положить конецъ распущен-

*) Арсеньевъ, *«Царствованіе Екатерины»*, Андреевъ, *«Представители власти въ Россіи послѣ Петра I»*.

ности ея поведенія, выдавъ ее замужъ. Но ея мужъ или женихъ—въ точности неизвѣстно — шведскій драгунъ, по фамиліи Крузе, исчезъ послѣ взятія города. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими и отправленъ далеко отъ своей родины, или по другой версіи, болѣе достовѣрной, его отправили во время перемѣшенія войскъ, съ его полкомъ въ сторону Риги, что и спасло его отъ катастрофы. Это случилось или до, или послѣ совершенія брака. Сдѣлавшись императрицей, Екатерина напала со временемъ на его слѣдъ и назначила ему пенсію *).

Плѣнница служила утѣшеніемъ отряду русской арміи, стоявшему въ Лифляндіи, была сначала любовницей унтеръ-офицера, который ее билъ, а потомъ самого главнокомандующаго, которому она скоро надоѣла. Какъ она попала въ домъ Меншикова, на этомъ свидѣтельства опять расходятся. Одни говорятъ, что временщикъ взялъ ее сначала къ себѣ въ услуженіе, чтобы стирать его рубашки. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Петру, написанномъ уже въ то время, когда она стала его женой, она какъ бы намекаетъ на этотъ фактъ изъ своего прошлаго: Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портамоі (прачки), однакожъ и старая васъ не забываетъ». Но Петръ возразилъ любезно: «А что пишешь, что у насъ хотя и есть портамоі, однакожъ вы послали рубашки, і то другъ мой, ты, чаю описалась, понеже у Шафирова то есть, а не у меня; сама знаешь, что я не таковскій да і старъ».

Вѣрно то, что вначалѣ Екатерина занимала довольно низкое положеніе у своего новаго покровителя. Въ мартѣ 1706 г., Меншиковъ писалъ своей сестрѣ Аннѣ и двумъ дѣвицамъ Арсеньевымъ, прося ихъ пріѣхать въ Витебскъ

*) Арсеньевъ, *Русскій Архивъ*, 1875.

на праздникъ Пасхи; при этомъ онъ высказывалъ предположеніе, что онѣ побоятся ѣхать по дурной дорогѣ, и просилъ въ такомъ случаѣ: «Буде того не желаете, или опасаясь распутицы, ѣхать не изволите, и вы пришлите ко мнѣ Катерину Трубачеву да съ нею другихъ дѣвокъ немедленно *). Фамилія «Трубачева», происходящая отъ корня «труба», является, можетъ быть, намекомъ на мужа, или жениха красавицы.

Между тѣмъ важное событіе вкралось уже въ жизнь той, которой все такъ свободно распоряжались до сихъ поръ: Петръ ее замѣтилъ и не остался равнодушнымъ къ ея прелестямъ. Объ этой первой встрѣчѣ рассказываютъ также различно. Зайдя къ Меншикову послѣ взятія Нарвы, царь былъ удивленъ чистотой всей обстановки временщика и его собственной особы. Какъ онъ достигаетъ того, чтобы имѣть такой порядокъ въ домѣ и такое свѣжее бѣлье? Въмѣсто отвѣта, Меншиковъ открылъ дверь, и государь увидалъ красивую дѣвушку, въ фартукѣ, которая пере-скакивала съ одного стула на другой и отъ одного окна къ другому, усердно вытирая губкой оконныя стекла **). Картина пикантная; одна бѣда: Нарва была взята въ августѣ 1704 г., а въ это время Екатерина была беременна, по крайней мѣрѣ въ первый разъ, отъ Петра. Въ мартѣ

*) Устряловъ не допускаетъ, чтобы въ этомъ письмѣ говорилось о будущей императрицѣ, ссылаясь на свидѣтельство Гордона, по словамъ котораго бывшая служанка называлась «Екатериной Васильевной» до своего обращенія въ греческую вѣру, а потомъ Екатериной Алексѣевной, но самъ Петръ и другіе современники называютъ ее въ документахъ, совершенно достоверныхъ, самыми различными именами. Слѣдовательно, этотъ аргументъ не имѣетъ никакого значенія. (Устряловъ, «Переписка Петра».

**) «Мемуары и документы». Внѣшн. дѣла Франціи.

мѣсяцѣ слѣдующаго года у нея былъ уже отъ него сынъ маленькій «Петрушка», о которомъ Петръ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Черезъ 8 мѣсяцевъ у нея было уже двое сыновей*).

Эти дѣти были, очевидно, дороги великому человѣку, такъ какъ онъ думаетъ о нихъ среди ужасныхъ заботъ, поглощавшихъ его въ эту минуту. Къ матери онъ какъ будто относился довольно равнодушно. Обстоятельства, при которыхъ совершился ея переходъ изъ дома временщика въ домъ царя, перетолковывались на всѣ лады, получая въ иныхъ передачахъ драматическій оттѣнокъ. Послѣ того какъ между двумя друзьями состоялось соглашеніе и формальная передача правъ, Екатерина поселилась въ своемъ новомъ домѣ и тутъ увидала, какъ рассказываютъ, великолѣпныя драгоцѣнныя вещи. Тогда она будто бы залилась слезами и спросила своего новаго покровителя: «Откуда эти украшенія? Если они присланы «тѣмъ», я возьму только это маленькое колечко; если вы ихъ положили, то какъ вы могли подумать, что они мнѣ нужны, чтобы понравиться вамъ?»

По всей вѣроятности, дѣло обстоило гораздо проще. Мнѣ трудно себѣ представить, чтобы Екатерина могла быть такъ безкорыстна, а Петръ такъ расточителенъ. Къ тому же эта сцена относится, конечно, къ тому времени, когда прекрасная уроженка Лифляндіи и ея державный покровитель были уже связаны двойными семейными узами. А между тѣмъ и въ послѣдующіе годы я не вижу никакой замѣтной переменъ въ скромномъ и двусмысленномъ положеніи, которое Екатерина продолжала занимать среди своихъ

*) Смотр. выше письмо съ ея подписью: «Екатерина саматретья», въ октябр. 1705 г.

товарокъ въ общемъ женскомъ теремѣ, гдѣ Петръ и Меншиковъ развлекались по очереди или оба вмѣстѣ. Екатерина то съ царемъ, то съ временщикомъ. Въ Петербургѣ она жила со всѣми этими дамами въ домѣ Меншикова, оставаясь неизвѣстной и снисходительной любовницей. У Петра были въ это время еще другія любовницы, но Екатерина не осмѣливалась упрекать его за это. Она даже охотно занималась сводничествомъ, ухитряясь извинять недостатки и даже невѣрности своихъ соперницъ и вознаграждая за неровности ихъ настроенія своимъ неизсякаемымъ весельемъ. Такимъ образомъ, она незамѣтно, шагъ за шагомъ входила все больше и больше въ душу государя и во всѣ его привычки, внѣдрялась въ нихъ все крѣпче и крѣпче и становилась ему необходимой. Была минута въ 1706 г., когда онъ боялся, казалось, чтобы она не ускользнула отъ него, какъ Монсъ. Его начинали заботить тѣ неудобства, которыя могутъ возникнуть изъ совмѣстнаго съ Меншиковымъ пользованія своими правами и удовольствіями. Онъ чувствовалъ какъ бы упреки совѣсти, которые были, можетъ быть, только безсознательными проблесками ревности. До сихъ поръ онъ долго осмѣивалъ данное временщикомъ Аннѣ Арсеньевой обѣщаніе на ней жениться и считалъ его невыполнимымъ; теперь оно представлялось ему законнымъ и священнымъ, и онъ писалъ своему «второму я»: «Еще васъ о единомъ прошу: ни для чего, только для Бога и души моей, держи пароль *)».

Меншиковъ покорился, и Петръ послѣдовалъ его примѣру, но гораздо позднѣе. Правда, съ этихъ поръ Екатерина считалась уже соединенной съ нимъ тайнымъ бракомъ. Съ 1709 г. она не покидала царя. Когда она со-

*) «Русскій Архивъ», 1875.

проводила его въ Польшѣ, и въ Германіи, съ ней обращались почти, какъ съ государыней. Рожденіе еще двоихъ дѣтей—двухъ дѣвочекъ, — связало ее еще тѣснѣе съ ея покровителемъ. Но официально она оставалась все еще его фавориткой. Уѣзжая изъ Москвы въ январѣ 1708 года, чтобы присоединиться къ арміи и выступить вмѣстѣ съ ней въ походъ, считавшійся рѣшительнымъ, Петръ оставилъ слѣдующую записку: «Ежели что случится волею Божіею, тогда три тысячи рублей, которыя нынѣ во дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Васильевной и съ дѣвочкой».—Piter *).

Они еще не далеки теперь оба отъ дуката первой ночи. Когда и какъ возникло это окончательное рѣшеніе,—рѣшеніе, повидимому, невозможное, экстравагантное, безумное,—сдѣлать изъ этой дѣвушки болѣе или менѣе законную супругу и императрицу? Говорятъ, это случилось въ 1711 г., послѣ похода на Прутъ. Своей постоянной преданностью, храбростью, присутвіемъ духа въ критическія минуты, Екатерина побѣдила послѣднія колебанія Петра. Онъ былъ покорень, и въ то же время онъ уже усматривалъ возможность сдѣлать извинительнымъ въ глазахъ народа выборъ такой подруги и такой государыни. Русская армія и ея глава были избавлены отъ непоправимаго бѣдствія и неизгладимаго позора вмѣшательствомъ бывшей служанки. Если царь поведетъ ее къ алтарю и увѣнчаетъ ее чело императорской короной, онъ только запла-

*) «Русскій Архивъ», 1875. Слова «и съ дѣвочкою» означаютъ Екатерину Петровну. Она родилась 28 декабря 1706 г. умерла 27 іюня 1708 г.

Въ вѣдомости о расходѣ 55 тысячъ изъ Казанскихъ доходовъ за 1710 г. между прочимъ показана статья расхода: «Екатеринѣ Алексѣевнѣ 2,500 р.». (Въ томъ числѣ за алмазъ 1000 р.).

титъ общественный долгъ. Впослѣдствіи Петръ высказалъ это открыто въ манифестѣ, обращенномъ къ его подданнымъ и къ Европѣ.

Но это, увы! опять-таки не болѣе какъ остроумная гипотеза, противорѣчащая фактамъ и числамъ. Освободительная роль Екатерины на берегахъ молдавской рѣки, гдѣ русская армія была окружена турками и татарами,— роль, которую не разъ оспаривали и которую можно оспаривать,—относится къ іюню мѣсяцу 1711 года. Между тѣмъ какъ Петръ уже *шесть мѣсяцевъ тому назадъ* призналъ уроженку Лифляндіи своей женой. Его сынъ, Алексѣй, жившій тогда въ Германіи, получилъ извѣстіе объ этомъ въ самомъ началѣ мая мѣсяца и написалъ своей мачехѣ поздравительное письмо *).

Великій реформаторъ былъ не изъ такихъ, чтобы подыскивать болѣе или менѣе законныя оправданія своимъ рѣшеніямъ и своимъ поступкамъ. Правда, *десять мѣсяцевъ спустя*, въ минуту коронованія прежней служанки, онъ нашель умѣстнымъ напомнить о той опасности, которая была отвращена въ 1711 году, благодаря ея содѣйствію. Но тогда, надо думать, ему необходимо было указать на смыслъ и важность этой необычной церемоніи, въ которой онъ, за отсутствіемъ наслѣдника престола, хотѣлъ какъ бы показать инвеституру своего наслѣдства; надо было обезпечить, «послѣ своей смерти» исполненіе воли,

*) 23 мая 1711 г. «Madame, слышалъ я, что Государь-батюшка изволилъ Вашу милость объявить себѣ супругою, и съ симъ вашу милость поздравляю, и прошу васъ, дабы и въ милости вашей ко мнѣ прежнѣй содержанъ былъ, въ чемъ имѣю надежду. Алексѣй.

«Государю-батюшкѣ съ своимъ поздравленіемъ не смѣлъ нынѣ для того, что ни отъ кого письменнаго вѣдѣнія не имѣю.

въ которой, пока онъ былъ живъ, онъ никому не давалъ отчета. Къ этому же времени относится опубликованіе манифеста, о которомъ я упоминалъ выше. Петръ какъ будто хотѣлъ отдать въ немъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, кто переживаетъ его.

Я долженъ добавить, что самый фактъ брака отрицался *). Но мы имѣемъ достаточно убѣдительное доказательство въ депешѣ англійскаго посланника Витворта, писавшаго изъ Москвы 20 февр. (2 марта) 1712 года: Вчера царь всенародно праздновалъ бракъ съ своей женой Екатериной Алексѣевной. Прошлой зимой, за 2 часа до отъѣзда изъ Москвы, онъ призвалъ къ себѣ вдовствующую царицу свою сестру, царевну Наталью, и еще двухъ сводныхъ сестеръ и объявилъ имъ, что эта дама его супруга и что онѣ должны уважать ее, какъ таковую. Онѣ должны были также, въ случаѣ еслибы его постигло какое-нибудь несчастіе въ предстоящемъ походѣ, признать за ней званіе, преимущества и доходы, принадлежащіе обыкновенно вдовствующимъ царицамъ, такъ какъ она его настоящая жена и, хотя онъ не успѣлъ совершить обряда сообразно обычаямъ страны, но сдѣлаетъ это въ самомъ ближайшемъ будущемъ... Теперь приготовленія заняли 4 или 5 дней, послѣ чего, 18-го текущаго мѣсяца г. Кикинъ, одинъ изъ начальниковъ адмиралтейства, и генерал-лейтенантъ Ягужинскій,—два лица, находящіяся въ большой милости у государя,—посланы были пригласить гостей на «прежнее» бракосочетаніе Его Величества (имъ былъ данъ приказъ употреблять именно это выраженіе). Царь женился въ званіи контръ-адмирала, и поэтому офицеры его флота должны были исполнять первыя роли въ цере-

*) Долгоруковъ, «Записки».

моніи, за исключеніемъ министровъ и представителей дворянства. Вице-адмиралъ Круиъ и одинъ контръ-адмиралъ были посаженными отцами, а вдовствующая царица и жена вице-адмирала—посаженными матерями. Собственные дочери Екатерины, 5 и 3-хъ лѣтъ исполняли обязанности фрейлинь... Бракосочетаніе было совершено частнымъ образомъ, въ 7 час. утра, въ маленькой часовнѣ, принадлежащей князю Меншикову. Присутствовали только тѣ лица, которыя были обязаны явиться по своимъ должностямъ *)».

Впрочемъ, по словамъ Витворта, въ этотъ день былъ большой пріемъ во дворцѣ, парадный обѣдъ; былъ и фейерверкъ. Голландскій резидентъ де-Би, говоритъ съ своей стороны, о празднествѣ, данномъ по этому поводу княземъ Меншиковымъ **). Такимъ образомъ, церемонія получила въ достаточной степени публичный характеръ. Мотивы, которыми руководился Петръ, и постепенный ходъ его мыслей и чувствъ, приведшихъ къ необыкновенной развязкѣ его романа, кажутся мнѣ достаточно выясненными въ англійскомъ документѣ, если сравнить его съ вышеприведенными. Петръ заботился явно объ обезпеченіи будущаго своей подруги и ея дѣтей и годъ отъ года все больше и больше стремился къ этому по мѣрѣ того, какъ росла его привязанность къ нимъ, нѣжность и уваженіе къ ней. Передъ походомъ 1708 года, равно какъ и передъ походомъ 1711 года онъ просто хотѣлъ исполнить требованіе своей совѣсти, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе это произведетъ. Въ первый разъ даръ въ 3000 р. показался ему достаточнымъ; во второй разъ

*) Лондонскіе Архивы.

***) Депеша отъ 5 марта 1712 года. Архивъ въ Гагѣ.

онъ счелъ нужнымъ доставить Екатеринѣ всѣ преимуще-
ства мнимаго брака. Затѣмъ, считая себя, конечно, къ
тому обязаннымъ (онъ пропустилъ еще годъ и, по всей
вѣроятности, выдержалъ за это время какой-нибудь на-
тискъ, какъ отъ самой Екатерины, такъ и отъ какихъ-
нибудь лицъ, знакомыхъ съ этой внутренней драмой, такъ
какъ Екатерина умѣла находить себѣ друзей), онъ сдер-
жалъ свое слово, не придавая, однако, особаго блеска
этому событію. Такъ какъ никакая духовная власть не
расторгла перваго брака Петра съ Евдокіей, и эта по-
слѣдняя была еще жива, то существовало мнѣніе, будто
этотъ второй бракъ былъ совершенно недѣйствителенъ.
Я согласенъ съ этимъ, но тѣмъ не менѣе считалось, что
Екатерина была повѣнчана должнымъ образомъ. Посмо-
тримъ, что думали и говорили о новой царицѣ ея
современники.

II.

Вотъ какъ рисуется ея портретъ баронъ Пельницъ, который видѣлъ ее въ 1717 году.

«Царица была въ цвѣтѣ лѣтъ, и ничто въ ней не указывало на то, чтобы она могла быть когда-нибудь красива. Она была высока ростомъ, и полна, очень смугла, и казалась бы еще смуглѣе, если бы слой румянъ и бѣлилъ не скрадывалъ нѣсколько смуглый цвѣтъ ея лица. Въ ея манерахъ не было ничего непріятнаго, и можно бы даже назвать ихъ хорошими, если принять во вниманіе происхожденіе этой государыни. Если бы подлѣ нея было какое-нибудь разумное лицо, то она навѣрное развилась бы, такъ какъ у нея было много доброй воли, но трудно было найти кого-нибудь смѣшнѣе дамъ ея свиты. Говорили, что царь, государь необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы выбирать именно такихъ, съ цѣлью унижить другихъ придворныхъ дамъ, болѣе заслуживавшихъ первенства... Можно сказать, что, если эта государыня не обладала всѣми прелестями своего пола, она обладала его кротостью... Во время своего пребыванія въ Берлинѣ, она выказывала большое уваженіе королевѣ, и показала, что ея высокое положеніе не заставило ее забыть разницы между этой государыней и ея».

Маркграфиня Байрейтская, воспоминанія которой относятся къ событіямъ, происходившимъ на годъ позже, выказываетъ, какъ и надо было ожидать, меньше снисходительности:

«Царица была небольшого роста, плотная, очень смуглая и не отличалась ни красотой, но граціей. Достаточно было увидеть ее, чтобы угадать ея низкое происхожденіе. По странному наряду ее можно было принять за нѣмецкую актрису. Ея платье, очевидно, куплено на толкучкѣ; оно было старомодное и все покрыто серебромъ и грязью. Весь передъ ея платья былъ убранъ драгоценными камнями. Они составляли странный рисунокъ: это былъ двуглавый орелъ, всѣ перья котораго были зашиты самыми мелкими алмазами въ оравѣ. Вдоль отворотовъ ея платья была нашита дюжина орденовъ и столько же образовъ святыхъ и мощей, такъ что, когда она шла, можно было думать, что идетъ навьюченный мулъ».

Но маркграфиня была ехидна. Кампредонъ, самъ не бывшій образцомъ снисходительности, признаетъ, однако, за царицей проницательность и политическій умъ. Если она и не спасла арміи во время Прутскаго похода, то эта заслуга осталась за ней во время похода на Персію. По разсказамъ Кампредона, Петръ является здѣсь не въ очень лестномъ свѣтѣ. Въ сильныя жары, Петръ давалъ своимъ войскамъ приказъ выступать въ походъ, а самъ засыпалъ. Просыпаясь, онъ видѣлъ иногда, что ни одинъ челоуѣкъ не двинулся, и на вопросъ его: «Какой же генералъ отмѣнилъ мое приказаніе?» государыня отвѣчала: «Это сдѣлала я, потому что иначе ваши люди издохли бы отъ жары и жажды *)».

Я уже сказалъ, что портреты лифляндки, сохранившіеся въ галлерей Романовыхъ въ Зимнемъ Дворцѣ, не даютъ никакого понятія о тѣхъ прелестяхъ, которымъ она обязана своей счастливой судьбой. Въ этихъ портретахъ нѣтъ

*) 6 янв. 1723 года. Внѣшн. дѣла Франціи.

ни красоты, ни изящества. Очень полное лицо, круглое и вульгарное, некрасиво вздернутый носъ, глаза на выкатѣ, полная шея, общій видъ служанки изъ нѣмецкой гостиницы. Видъ ея башмаковъ, благоговѣнно хранящихся въ Петергофѣ, навелъ графиню Шуазель—Гуфье на мысль, что царица жила *на широкую ногу* *). Исторія должна искать иного объясненія судьбы Екатерины. Эта неуклюжая женщина мало соблазнительной наружности по силѣ и выносливости своего физическаго темперамента почти не уступала самому Петру, а въ нравственномъ отношеніи была гораздо уравновѣшеннѣе его. Въ періодъ времени отъ 1704 г. по 1723 годъ она принесла своему любовнику, ставшему потомъ ея мужемъ, одиннадцать дѣтей, большинство которыхъ умерло въ раннемъ возрастѣ, и частая беременность проходила для нея почти незамѣтно, не мѣшая ей сопровождать государя во всѣхъ его странствованіяхъ. Она была настоящей женой офицера, «походной офицерской женой», по мѣстному выраженію, способной совершать походы, спать на жесткой постели, жить въ палаткѣ и дѣлать верхомъ на лошади двойные и тройные переходы. Во время Персидскаго похода она обрила себѣ голову и носила гренадерскую фуражку. Она дѣлала смотръ войскамъ, проѣзжала по рядамъ передъ сраженіемъ, ободряя словами солдатъ и раздавая имъ стаканы водки. Пуля, сразившая одного изъ людей, бывшихъ въ ея свитѣ, не смутила ее(**). Когда послѣ смерти Петра соединенныя эскадры Англій и Даніи угрожали Ревелю, она собиралась сѣсть на одинъ изъ кораблей своего флота и отправиться сама, чтобы отразить враговъ.

*) «Воспоминанія».

***) Пыляевъ, «Забывтое прошлое»; «Мемуары и документы» внѣшн. дѣлъ Франціи.

Екатерина не лишена была нѣкотораго кокетства: она красила въ черный цвѣтъ свои бѣлокурые волосы, чтобы ея свѣжій цвѣтъ лица выдѣлялся еще ярче, запрещала придворнымъ дамамъ подражать ея туалетамъ, танцевала чудесно и выполняла артистически самыя сложные пируэты, въ особенности, когда самъ Царь былъ ея партнеромъ. Съ другими танцорами она обыкновенно только дѣлала па. Въ ея характерѣ самая нѣжная женственность соединялась съ чисто мужской энергіей. Она умѣла быть любезной съ окружающими и сдерживать самыя дикія вспышки Петра. Ея низкое происхожденіе совсѣмъ не смущало ее; она о немъ помнила и говорила о немъ охотно съ людьми, знавшими ее до ея возвышенія—съ нѣмцемъ-учителемъ, занимавшимся у Глюка, когда она еще служила въ его домѣ *), съ Витвортомъ, котораго можетъ быть, хвастается, давая понять, что онъ былъ съ ней очень близокъ, и котораго она пригласила разъ на танецъ, спрашивая «не забылъ ли онъ прежней Катеринушки» **).

Очень большое вліяніе, которое Екатерина имѣла на мужа, зависѣло отчасти, по свидѣтельству современниковъ, отъ ея умѣнія успокаивать его въ минуты нервнаго возбужденія, которое сопровождалось нестерпимыми головными болями. Переходя отъ полнаго угнетенія къ неистовству, онъ, казалось, былъ близокъ къ безумію, и всѣ бѣжали отъ него. Она подходила къ нему безъ всякаго страха, заговаривала съ нимъ своимъ особымъ языкомъ, полнымъ ласки и въ то же время твердости, и самый ея голосъ уже дѣйствовалъ на него успокоительно. Потомъ она брала его за голову и тихонько ласкала, проводя рукой по его волосамъ. Скоро онъ засыпалъ, положивъ

*) Coxe, *Travels*.

***) Whitworth, *An account of Russia*, London 1771.

голову ей на грудь. Тогда она сидѣла неподвижно два или три часа, дожидаясь благодѣтельнаго дѣйствія сна, и просыпаясь, Петръ былъ опять свѣжъ и бодръ.

Она старалась также сдерживать всякаго рода излишества, которымъ онъ предавался: ночныя оргіи, пьянство. Въ сентябрѣ 1724 года, подѣ предлогомъ спуска новаго корабля состоялся пиръ, затянувшійся, по обыкновенію, до безконечности. Тогда Екатерина подошла къ двери каюты, гдѣ Петръ заперся съ ближайшими друзьями, чтобы пить вволю, и крикнула ему: «Пора домой, батюшка». Онъ послушался и ушелъ вмѣстѣ съ ней *).

Екатерина кажется дѣйствительно любящей и преданной, хотя нѣсколько театральное проявленіе горя послѣ смерти великаго человѣка набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на искренность ея чувствъ. Вильбуа говоритъ о двухъ англичанахъ, которые, въ теченіе 6-ти недѣль, наслаждались ежедневно этимъ зрѣлищемъ въ часовнѣ, гдѣ стояло тѣло почившаго, и заявляютъ, что самъ онъ испытывалъ при этомъ такое же волненіе, какъ при представленіи «*Андромахи*». Однако, это не мѣшало царицѣ требовать въ то же время наслѣдства послѣ царя съ большой энергіей и полнымъ присутствіемъ духа. Привязанность Петра была менѣе подозрительна; она была нѣсколько грубовата, но прочна. Письма, которыя онъ писалъ Екатеринѣ въ рѣдкіе моменты разлуки, выражаютъ съ очевидной искренностью глубокую привязанность «старика», какъ онъ любитъ называть себя, къ своей «Катеринушкѣ», къ «другу сердечному» къ матери дорогого «шишеньки» (маленькаго Петра). Эти письма носятъ обыкновенно веселый и шутливый характеръ. Никакихъ громкихъ фразъ; простыя слова, идущія отъ сердца.

*) *Büschings Magazin.*

Страсти нѣтъ, но много нѣжности. Письма не пылають огнемъ, но свѣтятся тихимъ и ровнымъ свѣтомъ. Ни одной рѣзкой ноты, и всегда выражается желаніе увидать возможно скорѣе любимую женщину и еще того болѣе подругу, товарища, съ которымъ чувствуешь себя хорошо. Онъ «ждетъ не дождется, когда ее увидить», пишетъ царь въ 1708 году, «потому что скучно безъ нея, и некому по-смотрѣть за его бѣльемъ». Въ своемъ отвѣтѣ она высказываетъ предположеніе, что онъ навѣрное плохо причесанъ въ ея отсутствіе. Онъ отвѣчаетъ, что она угадала, но пусть она пріѣзжаетъ, тогда найдется старый гребень, чтобы привести дѣло въ порядокъ. А пока онъ посылаетъ ей свои волосы *).

Какъ и прежде, письма часто сопровождались подарками: въ 1711 году Петръ посылаетъ часы, купленные въ Дрезденѣ, въ 1717 году мехельнскія кружева, лисицу и пару голубей съ Финляндскаго залива **). Въ 1723 году

*) «1 августа 1718. Я здѣсь остригся и хотя непріятно будетъ однакожъ обрѣзанныя свои волосищи посылаю къ тебѣ».

**) «Генваря 29-го 1708. Тетка и matka сама друга! (а скоро будетъ и сама третья!) Здравствуй, а мы, слава Богу, здоровы. Письмо ваше купно съ презентомъ принялъ, и за оныя благодарствую, а что пишешь, чтобъ къ вамъ всегда добрыя вѣдомости писать и то я отъ сердца радъ, да какое Богъ дастъ. Еще жъ объявляю свою нужду здѣшнюю: ошить і обмыть нѣкому, а вамъ нынѣ вскорѣ быть, сами знаете, что нельзя.

Р. С. При семъ посылаю вамъ презентъ: теткѣ—лимонную матерію, маткѣ—по желтой земле, да кольцо, маленькой—полосатую, дай Боже, носить на здоровье!

1708, мая 5. Matka і тетка, здравствуйте і съ маленькими! Письмо я ваше получилъ, изъ котораго не горазда добро видалъ; дай Боже здоровье! А что пишете, что нѣкому чесать гладко,—пріѣзжайте скорѣя, старый гребнишка същемъ.

онъ пишетъ Екатеринѣ изъ Кронштадта и извиняется, что ничего не посылаетъ ей, за неимѣніемъ денегъ. Проѣзжая черезъ Антверпенъ, онъ отправляетъ ей пакетъ, покрытый печатями съ его гербомъ и адресованный «Ея Величеству царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ». Открывъ ящичекъ, мать «пишеньки» нашла тамъ только клочекъ бумаги съ надписью большими буквами: «1-ое Апрѣля 1717 года *»). Екатерина тоже посылала небольшіе подарки, всего чаще напитки, фрукты, теплую жилетку **). Въ 1719 году, Петръ

1711, сентябрь 14. Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Посылаю при семь презентъ тебѣ часы новой моды: для пыли внутри стекла, да печатку, да четверной лапушкѣ втраюмъ; больше за скоростію достать не могъ, ибо въ Дрездене только одинъ день былъ».

*) Этими немногими словами, крупно написанными собственною рукою Петра I, онъ — слѣдуя обычаю — обманываетъ Государыню 1-го апрѣля. Подлинникъ былъ запечатанъ красною сургучною печатью съ изображеніемъ государственнаго герба. На оборотѣ надпись: Ея Величеству Государыне Царице Екатерине Алексѣевне.

1717, апрѣля 7. Катеринушка, другъ мой сердешнишкой, здравствуй. Посылаю къ тебѣ кружево на еантанжу (головной уборъ), и на агажанты (манжеты на груди и рукава); а понеже здѣсь славныя кружевы изъ всей Эуропы і не дѣлають безъ заказа, того для пришли образецъ, какіе імена іли гербы во оныхъ дѣлать. Хотя мы сего дня і отъѣзжаемъ отсель; однакожъ гдѣ мы ни будемъ, а когда получю отъ васъ образцы, то по почте пошлю сюды.

1717, августа 26. При отпускѣ лишнихъ людей, посылаю къ тебѣ 2 пары голубей—да лисицу; голуби гораздо хороши, а лисица зѣло смирна и ігрелива; а паче всего, что духу отъ нее нѣтъ, какъ отъ другихъ бываетъ, что гораздо дивно.

**) *Кабинетъ Петра.* 1714 г. Посылаю къ вашей милости поллива и эльбиру нѣсколько дюжинъ, также и огурчиковь свѣжепросольныхъ. Дай Боже, вамъ батюшка, кушать на здорвье.

заканчиваетъ одно изъ своихъ писемъ выраженіемъ надежды, что они въ послѣдній разъ проводятъ лѣто вдвое другъ отъ друга*). Черезъ нѣсколько времени онъ послалъ Екатерину букетъ сухихъ цвѣтовъ съ вырѣзкой изъ газетъ, гдѣ разсказывается о четвѣ стариковъ, достигшихъ—мужъ 126 лѣтъ, а жена 125-ти **). 26 июня 1724 года, приѣхавъ въ С.-Петербургъ и не заставъ тамъ Екатерины, которая находилась въ одной изъ дачныхъ резиденцій, въ Петергофѣ или Ревелѣ, онъ тотчасъ же посылаетъ за ней яхту и пишетъ ей:

«Вчера съ помощью Божіею сюда прибыли благополучно. Большую хозяйку и внучатъ нашель въ добромъ здоровьи, также и все—какъ дитя въ красотѣ растущее, і въ огородѣ повеселились: только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется—все пусто безъ тебя: одна медвѣдица ходитъ... и ежели бы не праздники, уѣхалъ

Въ 1715. Посылаю къ вашей милости венгерскаго вина и полпива нѣсколько бутылокъ, такожъ винныя ягоды и дынь изъ нашего огорода. Дай Боже вамъ и тѣмъ, кто вамъ вѣрно служить, кушать на здорье!

*) А что пишешь, что скучно гулять одной, хотя и хорошъ огородъ, вѣрю тому, ибо тѣ же вѣсти и за мной; только моли Бога, чтобы ужъ сіе лѣто было послѣднее въ разлученіи, а впередъ бы быть вмѣстѣ.

***) 1719 г. іюля 19. *Письмо Петра о прибытіи своемъ въ Ревель и о тамошнемъ садѣ.*

«Посылаю при семъ цвѣтокъ да мяты той, что ты сама садила. Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ придешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно.»

Съ корабля Ингермонландіи въ 19 д. 7 ч. поутру, отъ Ревеля.

При письмѣ приложены засохшій цвѣтокъ, мята и записка: «Въ прошломъ 1718 г. октября 11, прибыли въ Англію, въ Лондонъ изъ провинціи Момуть два человѣка, которые по женитьбѣ своей жили 110 лѣтъ; а отъ рожденія мужеска пола—126 лѣтъ, а женска 125.

бы въ Кронштатъ и Питергоѣ. Для приѣзда вашего сюды послалъ я яхту Наталью да два дамшхойта для людей; также послалъ венгерскаго, пива, помаранцоѣ, лимоноѣ, и агурцоѣ соленыхъ новыхъ, которыхъ здѣсь есть ужъ і по партикулярнымъ домамъ».

Екатерина тоже, кажется, была очень опечалена его отсутствіемъ. Въ іюль 1714 года княгиня Голицына, находившаяся съ ней въ Ревелѣ, пишетъ государю слѣдующую выразительную записку: «Все милостивѣйшій государь, дорогой мой батюшка! Желаемъ пришествія твоего къ себѣ вскорѣ и, ежели Ваше Величество изволишь замедлить, воистину, государь, проживаніе мое стало трудно. Царица государыня всегда не изволитъ опочивать за полночь. Три часа я при Ея Величествѣ безотступно сижу, а Кирилловна, у кровати стоя, дремлетъ. Царица государыня изволитъ говорить:—«Тетушка, дремлешь?»—Она говоритъ:—«Нѣтъ, не дремлю, а на туфли гляжу». А Марья по палатѣ съ постелью ходитъ и среди палаты стелетъ, а Матрена по палатамъ ходитъ и со всѣми бранится, а Крестьяновна за стуломъ стоитъ да и глядитъ на Царицу государыню. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу».

Отъ перваго времени ихъ связи сохранились только письма, адресованныя государемъ вмѣстѣ Екатеринѣ и Анисіи Кирилловнѣ Толстой, которую онъ называлъ «теткой». Екатерина называлась «мать». Онъ писалъ: *Muder*, по голландски, русскими буквами. Это прозвище остается за ней до 1711 года; съ этихъ поръ Петръ начинаетъ называть ее болѣе близкими, ласковыми и личными именами: «Катеринушка», «сердечный другъ» и т. д. Но она сама только много позже, съ 1718 года рѣшилась подражать ему въ этомъ отношеніи, тогда какъ прежде называла его только: «Ваше Величество»; начиная съ 1718 г., онъ уже становится ея

«сердечнымъ другомъ», ея «батюшкой», или же она называетъ его просто: «мой другъ». Разъ, она рѣшилась даже поддѣлаться подъ его шуточный тонъ и адресовала письмо такъ: «Его превосходительству, знаменитѣйшему и высочайшему князю-генералу, генераль-инспектору, кавалеру компаса и увѣнчаннаго топора» (письмо по-нѣмецки). Эта переписка никогда не была, да и не могла быть, напечатана цѣликомъ; она заключаетъ въ себѣ большую долю слишкомъ грубаго эротизма, такъ какъ самъ Петръ, а вслѣдъ за нимъ и Екатерина съ спокойной совѣстью доходятъ до такого цинизма мысли и выраженій, который показался бы вызовомъ, брошеннымъ печати:

«И я чаю, что ежелибъ мой старикъ былъ здѣсь, то-бъ и другая шишечка на будущей годъ поспѣла»,—пишетъ Екатерина въ минуту разлуки. Таковъ тонъ, а самыя выраженія часто еще менѣе сдержаны *).

Въ 1724 г., въ годовщину своего бракосочетанія, которая праздновалась въ Москвѣ, Петръ самъ приготовлялъ фейерверкъ, который долженъ былъ быть пущенъ подъ окнами императрицы. Ихъ инициалы переплетались въ сердцѣ; надъ этимъ сердцемъ помѣщалась корона, а по бокамъ эмблемы любви. Крылатая фигура, изображавшая купидона, несущаго факель и всѣ свои другіе атрибуты, кромѣ пояски, летѣла по воздуху и зажигала ракеты. Купидонъ, обыкновенно бывающій третьимъ лицомъ между любящими, не имѣлъ крыльевъ, но хотя нѣжность Петра и Екатерины не очень возвышеннаго характера и мѣстами даже грязновата, все же она представляетъ привлекательное и трогательное зрѣлище. Она проникнута безыскусственнымъ и здоровымъ

*) По этому поводу у Семевского, *«Императрица Екатерина»*. Брикнеръ, *«Переписка Петра Великаго съ Екатериной»*. Записная книжка Раумера.

добродушіемъ. Послѣ Ништадскаго мира Петръ подсмѣивался надъ женой по поводу ея лифляндскаго происхожденія: «Какъ договоромъ постановлено всѣхъ плѣнныхъ возвратить, то не знаю, что съ тобой будетъ». Она цѣлуетъ ему руку и отвѣчаетъ: «Я ваша служанка: дѣлайте, что угодно. Не думаю однакожъ, чтобъ вы меня отдали: мнѣ хочется здѣсь остаться.»—Царь отвѣчалъ:—«Всѣхъ плѣнныхъ отпускаю: о тебѣ же условлюсь съ королемъ шведскимъ». Этотъ анекдотъ, можетъ быть, вымышленъ, но онъ правдиво рисуетъ отношенія Петра и Екатерины. Но Екатерина, съ своей стороны, проявляла какъ будто больше лукавства и женской хитрости. Говорятъ, что во время совмѣстнаго пребыванія въ Ригѣ, она нашла случай показать государю на старомъ пергаментѣ, взятомъ изъ архива этого города, пророчество, по которому русскіе должны были завладѣть страной только послѣ событія, казавшагося неправдоподобнымъ: «Царь долженъ былъ жениться на лифляндкѣ». Часто она указывала ему на то, что ничто ему не удавалось, пока онъ ея не зналъ, тогда какъ послѣ того одинъ успѣхъ смѣнялся другимъ. Тутъ уже начиналась историческая дѣйствительность, и факты, больше чѣмъ пророчество, способны были производить впечатлѣніе на умъ суроваго воина.

Нѣтъ, конечно, онъ никому не отдалъ бы пріобрѣтенія, сдѣланнаго въ Маріенбургѣ. Екатерина обладала тысячею пріемовъ быть ему пріятной, полезной, необходимой. Какъ и прежде, она слѣдила неревнивымъ, но зоркимъ глазомъ за любовными прихотями своего супруга, заботясь только о предупрежденіи слишкомъ серьезныхъ послѣдствій *),

*) 1717 іюля 3. Что же изволите писать, что вы Метресишку свою отпустили сюда для своего воздержанія, что при водахъ невоз-

вступаясь всегда въ удачную минуту. Нартовъ рассказываетъ случай съ одной прачкой, родомъ изъ Нарвы—землячкой Екатерины—ухаживаніе за которой со стороны государя стало принимать одно время довольно тревожный характеръ. Петръ былъ очень удивленъ, найдя однажды эту дѣвушку въ покояхъ государыни. Онъ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ ея. Откуда она явилась? Екатерина спокойно отвѣтила: «Мнѣ такъ хвалили ея умъ и красоту, что я рѣшилась взять ее къ себѣ въ услуженіе, не посоветовавшись съ вами». Онъ не отвѣтилъ ни слова и сталъ искать въ другомъ мѣстѣ новыхъ развлеченій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина не проявляла никакихъ претензій на вмѣшательство въ дѣла государства, никакого духа интриги. «Что касается царицы», пишетъ Кампрдонъ въ мартѣ 1721 г., «то хотя царь и очень ласковъ съ ней и очень нѣженъ съ княжнами, ея дочерьми, но она не имѣетъ никакого вліянія на дѣла и не вмѣшивается въ нихъ. Она полагаетъ всю свою заботу въ томъ, чтобы сохранить расположеніе царя, отвращать его по мѣрѣ силъ отъ излишествъ въ употребленіи вина и отъ другихъ невоздержанностей, очень ослабившихъ его здоровье, и умѣрять его гнѣвъ, когда онъ готовъ разразиться на кого либо».

Ея вмѣшательство при прутской катастрофѣ,—если предположить, что оно дѣйствительно имѣло мѣсто,—было единственнымъ фактомъ. Ея переписка съ мужемъ показываетъ,

можно съ нею веселитца, і тому я вѣрю; однакожъ больше мню, что вы оную изволили отпустить за ея болѣзнь, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченія изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бы я (отъ чего Боже сохрани!), чтобы и галанъ (любовникъ) той Метресиски таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала.

что она была въ курсѣ заботившихъ его вопросовъ, но только въ общихъ чертахъ. Онъ обращается къ ней съ маловажными порученіями, покупкой вина и сыра для предположенныхъ имъ подарковъ, наймомъ художниковъ и мастеровыхъ для работы за границей. Онъ часто говорилъ съ ней довѣрчивымъ тономъ, но всегда касался только общихъ идей, не входя въ подробности. Въ 1712 г. онъ писалъ ей: «Мы, слава Богу, здоровы, только зело тяжело жить, ибо я левъшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь».

Екатерина сумѣла опредѣлить свою роль и взять на себя такую обязанность, выборъ которой указываетъ на изумительное для этой крестьянки пониманіе своего положенія. Французскій дипломатъ намекаетъ на это въ только что приведенномъ текстѣ. Она понимала, что рядомъ съ великимъ преобразователемъ, игравшимъ до крайности свою роль неумолимаго судьи, существовала другая необходимая роль,—проявленія состраданія и милосердія, что эта роль была какъ разъ по ней, смиренной служанкѣ, познавшей всѣ горести жизни; что, взявъ на себя эту роль, испрашивая возможно больше прощенія другимъ, она должна была заставить простить и ей ея возвышеніе, и что, наконецъ, среди злобы и ненависти, окружавшихъ государя изъ-за насильственнаго дѣла преобразованія, кругъ лицъ, расположенныхъ къ государынѣ и благодарныхъ ей, можетъ когда-нибудь, въ случаѣ поворота судьбы, послужить ей защитой и прибѣжищемъ.

Онъ оказался ей дѣйствительно нужнымъ и послужилъ ей больше чѣмъ прибѣжищемъ послѣ смерти Петра.

Какъ нѣкогда Лефорть, но съ гораздо большимъ тактомъ и послѣдовательностью, она постоянно вступалась

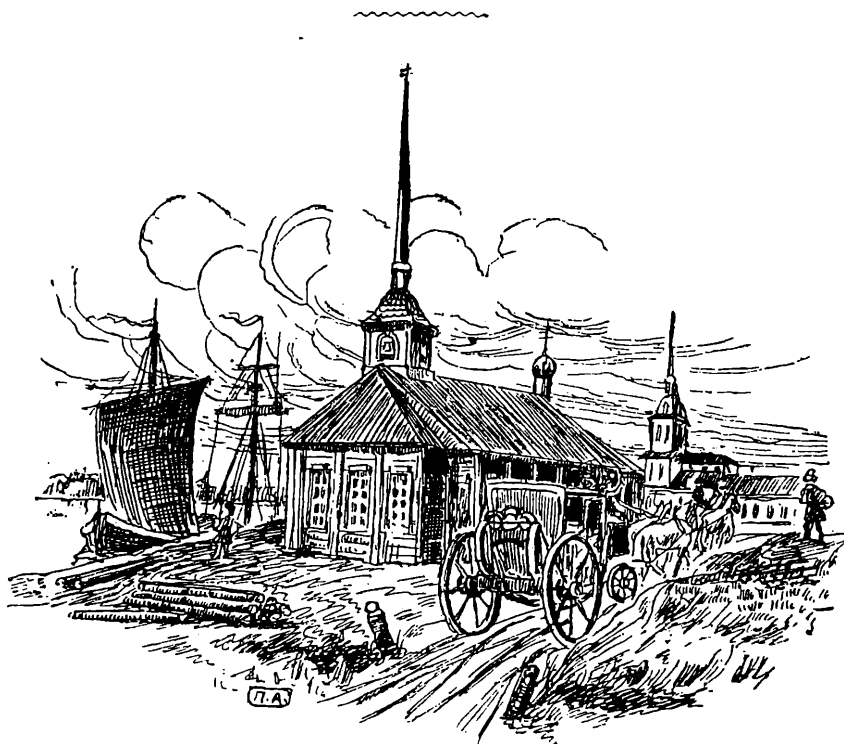
въ тотъ кровавый конфликтъ, который дѣло, преслѣдуемое царемъ, создавало между нимъ и его подданными, и который топоръ, висѣлица и кнутъ обостряли со дня на день. Петръ иногда скрывалъ отъ нея назначаемыя наказанія *). Къ несчастью, она не сумѣла, кажется, удовлетвориться тѣми прочными преимуществами, которыя сулилъ ей этотъ образъ дѣйствій. Со временемъ она захотѣла извлекать изъ него болѣе непосредственную выгоду. Она вообразила себѣ, или ей дали понять, что ей нужно было основать свою судьбу на прочномъ денежномъ фундаментѣ. Она думала, или другіе убѣждали ее въ томъ, что со временемъ ей нужны будутъ деньги, много денегъ, чтобы платить за необходимое содѣйствіе и предотвращать возможныя неудачи. И она начала собирать деньги съ своихъ кліентовъ. Чтобы постучаться къ ней въ дверь, въ надеждѣ избѣгнуть ссылки или смерти, надо было явиться съ мѣшкомъ въ рукѣ. Она скопила такимъ образомъ большіе капиталы, которые помѣстила по примѣру и, конечно, по совѣту Меншикова въ Амстердамѣ и въ Гамбургѣ на вымышленныя фамиліи **). Этотъ пріемъ недолго ускользалъ отъ проницательности Петра, и это открытіе было, вѣроятно, поводомъ къ образованію тѣхъ тучъ, которыя омрачили подъ конецъ ясность супружескаго горизонта царя и царицы. Въ 1718 г. Екатерина взялась спасти отъ висѣлицы князя Гагарина, виновнаго въ громадныхъ взяткахъ, въ бытность его генералъ-губернаторомъ Сибири. Екатерина получила съ него значительныя суммы и часть ихъ употребила на подкупъ князя Волконскаго, которому поручено было разслѣдованіе дѣла. Это

*) Внѣшн. дѣла Франціи; «*Мемуары и документы*».

***) Мем. Бюшинга; Шереръ.

былъ старый, изувѣченный солдатъ, но его славное прош-
лое не спасло его отъ искушенія. Арестованный въ свою
очередь, Волконскій представилъ въ свое оправданіе, что
онъ боялся, отвергая предложенія царицы, посорить ее
съ царемъ. Возраженіе, которое приписывается Петру,
вполнѣ соотвѣтствуетъ его характеру и его стилю:

«Дуракъ, насъ ты бы не посорилъ; я только бы хо-
рошенько жену поучилъ, что и сдѣлаю, а тебѣ висѣ-
лица». *)).

*) Долгоруковъ, «Записки».

III.

Трагическій конецъ ссоры царя со старшимъ сыномъ явился для мачехи несчастнаго Алексѣя высшей побѣдой, рѣзкимъ толчкомъ къ той головокружительной высотѣ, которой достигла ея судьба. Естественно, что ей приписывается нѣкоторое, болѣе или менѣе прямое участіе въ подготовкѣ этой развязки. Я еще вернусь къ этому вопросу. Послѣ того ея собственный сынъ сталъ наслѣдникомъ престола, и это является новою связью между нею и отцомъ этого ребенка. Она даже навязывала мужу до нѣкоторой степени свою семью, державшуюся до сихъ поръ въ сторонѣ, неизвѣстную семью лифляндскихъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи ей помогла, кажется, простая случайность. На дорогѣ изъ Петербурга въ Ригу одинъ ямщикъ протестовалъ противъ дурного обращенія со стороны одного изъ путешественниковъ, ссылаясь при этомъ на августѣйшее родство. Его арестовали, сообщили объ этомъ царю; тотъ назначилъ разслѣдованіе и очутился совершенно неожиданно обладателемъ цѣлой многочисленной семьи шурьевъ и свояченицъ, племянниковъ и племянницъ. Екатерина слишкомъ легко ихъ позабыла. Ямщикъ, Ѳедоръ Скавронскій, былъ ея старшимъ братомъ. Онъ былъ женатъ на крестьянкѣ, и имѣлъ трехъ сыновей и трехъ дочерей. Другой братъ, еще холостой, занимался полевыми работами. Старшую изъ сестеръ звали Екатериной, младшую, возведенную теперь на тронъ подъ тѣмъ же именемъ, прежде звали Мартой. Екатерина старшая занималась,

какъ говорятъ, въ Ревелѣ позорнымъ ремесломъ. Третья сестра, Анна, была замужемъ за честнымъ крѣпостнымъ, Михайломъ-Іоахимомъ; четвертая вышла замужъ за крестьянина, освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости, Симона-Генриха, который поселился въ Ревелѣ и занялся сапожнымъ ремесломъ.

Петръ призвалъ ямщика въ Петербургъ, устроилъ ему свиданіе съ сестрой, въ домѣ денщика Шапилова и, когда подлинность его была установлена, отослалъ его въ деревню, назначивъ ему пенсію. Онъ принялъ мѣры, чтобы обезпечить всѣмъ этимъ родственникамъ скромное существованіе, и устроилъ такъ, чтобы больше ничего они не слышать. Ревельскую свояченицу, слишкомъ компрометирующую, заперли подъ ключъ. Чтобы сдѣлать для родни больше, Екатеринѣ пришлось ждать смерти царя. Прежній ямщикъ, прежній сапожникъ, крестьяне и крестьянки явились тогда въ Петербургъ, неузнаваемые въ своихъ пышныхъ именахъ, титулахъ и костюмахъ. Симонъ-Генрихъ обратился въ графа Семена Леонтьевича Гендрикова, Михайлъ-Іоахимъ сталъ называться графомъ Михайломъ Ефимовичемъ Ефимовскимъ и т. д. Всѣ были щедро одарены*). Одинъ графъ Скавронскій занималъ блестящее положеніе въ царствованіе Елизаветы и выдалъ свою дочь за князя Сапѣгу изъ знаменитой польской фамиліи, очень извѣстной во Франціи.

Между тѣмъ судьба Екатерины по прежнему шла въ гору. 23 декабря 1721 года Сенатъ и Синодъ признали за ней единогласно титулъ императрицы. Два года спустя совершилась коронація бывшей служанки по опредѣленію самого Петра. Эта церемонія была новостью въ Россіи, а

*) Карновичъ, «*Большія богатства въ Россіи*».

обстоятельства придали ей кромѣ того важное значеніе. Во всей исторіи страны былъ только одинъ подобный примѣръ: коронованіе Марины Мнишекъ передъ ея бракосочетаніемъ съ Димитріемъ. Но тогда надо было освятить предварительно права гордой дочери польскаго магната, которую побѣдоносная политика дома Вазы предполагала навязать Россіи. Поддерживаемый оружіемъ республики только потому, что онъ былъ супругомъ Марины, самъ Димитрій игралъ только второстепенную роль. А вообще царицы были только супругами царей, безъ всякой политической инвеституры и преимуществъ. Но смерть единственнаго наслѣдника престола подняла въ 1719 году вопросъ о наслѣдїи. Этотъ вопросъ былъ на очереди всѣ послѣдующіе годы. Послѣ Ништадтскаго мира (въ 1721 году), давшаго государю возможность отдохнуть, вопросъ о наслѣдїи занялъ навремя первое мѣсто среди другихъ заботъ. По его приказанію, Шафировъ и Остерманъ вели нѣсколько разъ тайные переговоры съ Кампредономъ, которому они предлагали союзъ съ Франціей, на основаніи гарантіи, данной послѣдней державой по вопросу о престолонаслѣдїи. Въ пользу кого? Кампредонъ думалъ, что Петръ имѣлъ въ виду свою старшую дочь, которую онъ желалъ выдать за кого-нибудь изъ своихъ подданныхъ и родственниковъ, какъ напр. за Нарышкина. Шафировъ поддерживалъ его въ этомъ мнѣніи*). Въ обществѣ по этому поводу дѣлались самыя разнообразныя предположенія, до самаго коронованія. Въ эту минуту въ глазахъ большинства самая новизна событія рѣшала, казалось, во-

*) Дешши Кампредона отъ 29 октяб., 17 и 21 нояб. 1721 года *Вильш. дѣла Франціи.*

прось въ пользу Екатерины. Кампредонъ раздѣлялъ также это мнѣніе *).

Корона, заказанная нарочно, превосходила своимъ великолѣпіемъ всѣ тѣ, которыя употреблялись при прежнихъ царяхъ. Украшенная брилліантами и жемчугомъ, съ огромнымъ рубиномъ наверху, она вѣсила 4 фунта и оцѣнивалась въ полтора милліона руб. Она была сдѣлана русскимъ ювелиромъ въ С.-Петербургѣ. Платье императрицы не могло быть сдѣлано въ новой столицѣ. Оно было привезено изъ Парижа и стоило 4000 руб. Петръ самъ возложилъ корону на голову своей жены. Стоя на колѣняхъ передъ алтаремъ, Екатерина плакала и хотѣла обнять колѣна царя. Онъ поднялъ ее, улыбаясь, и передалъ ей державу, эмблему царскаго достоинства, но оставилъ себѣ скипетръ, знакъ власти. По выходѣ изъ церкви императрица сѣла въ карету, привезенную изъ Парижа — также, какъ и платье, — всю позолоченную и раскрашенную, съ императорской короной наверху**).

Церемонія была совершена 7/19 мая 1724 года. Полгода спустя въ Зимнемъ дворцѣ разыгралась драма, которая поставила на краю бездны мвропомазанную и коронованную государыню. По возвращеніи изъ поѣздки въ Ревель, Петръ былъ предупрежденъ, что между Екатериной и однимъ изъ его камергеровъ установилась съ нѣкотораго времени подозрительная дружба. Странно, что его не извѣстили объ этомъ раньше, такъ какъ, по словамъ свидѣтелей, заслуживающихъ довѣрія, связь императрицы съ молодымъ и красивымъ Вильямомъ Монсомъ была дав-

*) Деша отъ 26 мая 1724 года.

**) Мем. Бюшинга, т. XXII, стр. 447, 463; Голиковъ, т. X стр. 64.

нымъ давно извѣстна*). Чтобы знать, чего держаться, Петру достаточно было бы справиться, при посредствѣ чернаго кабинета, въ перепискѣ камергера. Онъ увидалъ бы тамъ письма, подписанныя самыми высокопоставленными лицами страны, министрами, посланниками, епископами. Всѣ эти лица писали молодому человѣку въ такомъ тонѣ, который ясно показывалъ, какое мѣсто они отводили ему въ домѣ государя**). Но инквизиторская политика великаго человѣка уже приносила въ это время свои послѣдніе плоды: всеобщее шпіонство заставило всѣхъ быть насторожѣ противъ шпіоновъ. Всякій, зная, что за нимъ слѣдятъ, слѣдилъ за собой и Петръ, желавшій знать все, что происходило у другихъ, въ концѣ концовъ, не зналъ того, что творилось въ его собственномъ домѣ.

Этотъ Монсъ былъ братомъ прежней фаворитки. Онъ принадлежалъ къ тому разряду авантюристовъ высшаго круга и высокаго полета, историческимъ предкомъ которыхъ можно считать Лефорта. Монсъ былъ мало образованъ, но уменъ, ловокъ, веселый товарищ и поэтъ въ свободныя минуты. Будучи очень суевѣрнымъ, онъ носилъ на пальцахъ 4 кольца: золотое, свинцовое, желѣзное и мѣдное: они служили ему талисманами; золотое кольцо означало любовь. Одна изъ его сестеръ, Модеста (по-русски «Матрена») была замужемъ за Ѳедоромъ Николаевичемъ Балкъ, отпрыскомъ стариннаго лифляндскаго рода Балкенъ, поселившагося въ Россіи съ 1650 года. Этотъ Балкъ имѣлъ чинъ генераль маіора и былъ губернаторомъ въ Ригѣ, а жена его пользовалась тоже большимъ расположеніемъ Екатерины и со временемъ стала ближайшей наперстницей государыни. Она

*) Кампредонъ, депеша отъ 9 декаб. 1724 года. *Вѣстн. дѣла Франціи.*

***) Семевскій, «*Императрица Екатерина*».

заботилась о судьбѣ своего брата и устраивала свиданія. Но этимъ ея роль не ограничивалась. Вмѣстѣ съ Анной Федоровной Юшковой, также большой фавориткой императрицы, герцогиней Анной Курляндской и еще нѣсколькими дамами она создала нѣчто въ родѣ камарилли, стягивая, мало-по-малу вокругъ государя сѣть клязъ, интригъ, тайныхъ влiяній и темныхъ козней, и въ этомъ морѣ зыбучаго песку его энергiя, ослабленная подтачивавшей его болѣзнью, обезсиленная неустаннымъ давленiемъ окружающихъ, увязала, казалось, все глубже и глубже. Вильямъ Монсъ былъ душой этой партii и подъ женскимъ именемъ переписывался съ Салтыковой, принадлежавшей также къ ней *)

Уже начиналось «царство женщинъ». Петръ былъ равно сбить съ толка, какъ инквизиторъ и какъ судья. Онъ долго не зналъ того, что ему такъ важно было знать и даже тогда, когда его предупредили, онъ не сумѣлъ отомстить за себя и покарать самое непростительное изъ всѣхъ оскорбленiй. Онъ получилъ анонимное предупрежденiе. Устроена была ловушка, подготовлявшаяся уже давно: Петръ засталъ врасплохъ Екатерину лунною ночью въ паркѣ, въ бесѣдкѣ, передъ которой г-жа Балкъ стояла на часахъ **). Жаль только, что эта обстановка не сходится съ календаремъ, т. к. по историческимъ даннымъ сцена должна была происходить въ ноябрѣ, градусамъ при десяти мороза. По официальнымъ документамъ тайной канцелярiи, Петръ былъ поставленъ въ извѣстность о происшедшемъ фактѣ 5 ноября. Онъ велѣлъ арестовать доносчика, котораго быстро разыскали среди лицъ, подчинен-

*) Мордовцевъ.

***) Шереръ.

ныхъ Монсу, самъ произвелъ быстрое разслѣдованіе въ застѣнкѣ Петропавловской крѣпости, но противъ всеобщихъ ожиданій, не сталъ дѣйствовать съ обычной ему молніеносной быстротой. Его честь и даже жизнь были въ опасности, потому что въ доносѣ говорилось о готовившемся заговорѣ и покушеніи, но онъ какъ будто колебался и скрывалъ свой гнѣвъ; можно подумать, что онъ при своемъ исключительномъ нетерпѣніи и порывистости старался выиграть время! 20 ноября онъ вернулся во дворецъ, ничѣмъ не выдавая того, что у него было на душѣ, ужиналъ по обыкновенію съ императрицей, бесѣдовалъ долго и запросто съ Монсомъ и въ концѣ концовъ успокоилъ его и всѣхъ. Но довольно рано, говоря, что усталъ, онъ справился который часъ. Екатерина посмотрѣла на свои часы съ репетиціей, присланные ей въ подарокъ изъ Дрездена, и отвѣтила: «Девять часовъ». Тогда онъ въ первый разъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, взялъ часы, открылъ крышку, повернулъ три раза стрѣлку и сказалъ своимъ прежнимъ тономъ недопускающимъ возраженій: «Ошибаетесь, 12 часовъ, и всѣмъ пора итти спать».

Это былъ снова левъ, съ его ревомъ и крѣпкими когтями,—повелитель, которому и самое время, и все и вся должны покоряться.

Всѣ разошлись, и черезъ нѣскольکو минутъ Монса арестовали въ его комнатѣ, при чемъ самъ Петръ взялъ на себя, какъ говорятъ, роль тюремщика и судебного слѣдователя. Но, ведя допросъ, онъ не произносилъ имени Екатерины. Онъ рѣшительно не впутывалъ ее въ дѣло. Разслѣдованіе дало возможность выставить противъ подсудимаго другіе обвинительные пункты: злоупотребленіе своимъ вліяніемъ и преступныя козни, въ которыхъ и Матрена Балкъ была замѣшана. Два дня сряду, 13-го и

14-го ноября, глашатай ходилъ по улицамъ С.-Петербурга, призывая всѣхъ кабатчиковъ, подъ угрозой строжайшихъ наказаній, дать свои показанія. Но самъ Монсъ дополнялъ эти показанія. Говорили послѣ, что онъ, подобно Глѣбову стоически оберегалъ честь своей любовницы, принося признанія другого рода. Но едва ли этотъ героизмъ, если онъ и проявлялъ его, былъ особенно высокой пробы: даже въ царствованіе Петра было менѣе рисковано прослыть взяточникомъ, чѣмъ соперникомъ царя. Жестокая смерть Глѣбова служила этому доказательствомъ. И красавецъ Вильямъ, кажется, не похожъ былъ на героя. Судя по протоколамъ его допросовъ, онъ при первой встрѣчѣ съ Царемъ послѣ своего ареста началъ съ того, что упалъ въ обморокъ, а затѣмъ признался, въ чемъ угодно. Надо думать, что дѣйствительно было нетрудно добиваться его признаній, такъ какъ его не подвергали пыткамъ, а это—подробность многозначительная. Что касается г-жи Балкъ, то она оказала сначала нѣкоторое сопротивление, но ослабѣла при первомъ ударѣ кнута.

Монсъ былъ обезглавленъ 28 ноября 1724 года. Саксонскій посланникъ докладывалъ своему двору, что Петръ заходилъ къ нему передъ казнью, чтобы выразить ему свое сожалѣніе по поводу разлуки съ нимъ. Молодой чѣловѣкъ сумѣлъ, по крайней мѣрѣ, сохранить бодрый видъ на эшафотѣ. Подобно другому позднѣйшему террористическому правленію, великое царствованіе научило людей умирать. Разсказъ о томъ, будто Монсъ попросилъ палача вынуть изъ его кармана портретъ въ рамкѣ, украшенной брилліантами, съ тѣмъ, чтобы оставить рамку себѣ, а портретъ,—портретъ Екатерины,—*) уничтожить, придуманъ, очевидно, неудачно.

*) Crusenstern, *Der russische Hof*.

Заключенныхъ навѣрное обыскивали въ тогдашнихъ тюрьмахъ. Г-жа Балкъ получила 11 ударовъ кнута, осталась жива,—что доказываетъ ея живучесть,—была и сослана пожизненно въ Сибирь, но вернулась оттуда послѣ смерти Петра. Ничего постоянного въ то время не было. Съ той минуты, какъ удавалось сохранить жизнь, можно было питать надежду на возможность выкарабкаться со дна самой глубокой пропасти. На столбахъ, окружавшихъ мѣсто казни, были прибиты объявленія съ перечнемъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ дѣло съ Монсомъ и его сестрой. Тутъ были представители всей іерархіи чиновъ, съ великимъ канцлеромъ Головкинымъ во главѣ. Фигурировали здѣсь и князь Меншиковъ, герцогъ Голштинскій и царица Прасковья Федоровна *)!

Екатерина выказала при этомъ испытаніи мужество, въ которомъ было что-то ужасающее. Въ день казни она казалась необыкновенно веселой. Вечеромъ она позвала къ себѣ княженъ съ ихъ учителемъ танцевъ и изучала вмѣстѣ съ ними па менуэта. Но Кампредонъ сообщаетъ въ депешѣ: «Хотя государыня и скрываетъ по мѣрѣ возможности свое горе, но оно написано у нея на лицѣ... такъ что всѣ внимательно слѣдятъ за ней, ожидая, что съ ней будетъ»**).

Въ тотъ же день ее ожидала довольно тяжелая неожиданность: собственноручнымъ указомъ царя, обращеннымъ ко всѣмъ коллегіямъ, предписывалось, на основаніи злоупотребленія, совершеннаго «безъ вѣдома государыни», не принимать отъ нея впредь никакихъ приказаній и рекомендацій. Въ то же время было наложено запрещеніе

*) Мордовцевъ.

**) С.-Петербургъ, 9 декабря 1724 года. *Внѣшн. дѣла.*

на конторы, завѣдовавшія ея личными средствами; онѣ были опечатаны подѣ предлогомъ предстоявшей правительственной ревизіи, и императрица оказалась въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что для уплаты 1000 дукатовъ денщику Василю Петровичу, пользовавшемуся въ это время большимъ довѣріемъ царя, она должна была прибѣгнуть къ помощи придворныхъ дамъ *).

На другой день—новая непріятность. Говорятъ, что царь выѣхалъ въ саняхъ съ женой и что царская чета проѣхала мимо эшафота, гдѣ было еще выставлено тѣло Монса. Платье Императрицы коснулось его. Но Екатерина не отвернулась и продолжала улыбаться. Тогда Петръ приказалъ положить голову казненнаго въ сосудъ съ спиртомъ и выставить на видъ въ покояхъ императрицы. Она примирилась съ этимъ ужаснымъ сосѣдствомъ и сохранила прежнее спокойствіе. Петръ напрасно выходилъ изъ себя. Говорятъ, что онѣ разбилъ въ ея присутствіи однимъ ударомъ кулака великолѣпное венеціанское зеркало съ возгласомъ:

— Такъ будетъ и съ тобой и съ твоими близкими!

Она возразила, не выказывая ни малѣйшаго волненія:

— Вы уничтожили одно изъ лучшихъ украшеній вашего жилища; развѣ оно стало отъ этого лучше?

Дѣйствуя такимъ образомъ, она укрощала царя и властвовала надъ нимъ, но отношенія оставались крайне натянутыми. 19 декабря 1724 года Лефортъ писалъ въ своей депешѣ: «Они почти не говорятъ другъ съ другомъ, не обѣдаютъ и не спятъ больше вмѣстѣ». Въ то же время Марія Кантемиръ снова выступила на сцену, возбу-

*) Büschings Magazin. (Описаніе Рабутина, посланника императора Германскаго).

ждая уже всеобщее вниманіе. Петръ бывалъ у нея каждыи день. И по всей вѣроятности, онъ узналъ именно въ это время правду о томъ, что произошло въ Астрахани, когда, какъ извѣстно, надежды княжны, а можетъ быть и ея любовника, рушились вслѣдствіе подозрительнаго аборта. Врачъ, лечившій молодую дѣвушку, грекъ Поликала, былъ подкупленъ. Кѣмъ? Отвѣтъ былъ ясенъ оскорбленному супругу.

Всѣ считали Екатерину погибшей. По словамъ Вильбуа, Петръ готовился къ процессу «на подобіе Генриха VIII». Онъ медлилъ только, чтобы обезпечить предварительно участь дѣтей, родившихся отъ невѣрной супруги. Онъ старался ускорить бракъ своей старшей дочери Анны съ герцогомъ Голштинскимъ. Дѣлались также попытки выдать вторую дочь, Елизавету, за французскаго принца или даже за самого французскаго короля. Но именно этотъ проектъ, который, повидимому, налаживался и представлялъ собою неодолимый соблазнъ, являлся всемогущимъ доводомъ въ пользу Екатерины. Толстой и Остерманъ, въ разговорѣ съ Кампредономъ признавали за нимъ большую важность: едва ли король Франціи могъ согласиться на бракъ съ дочерью второй Анны Болейнъ *)!

Счастливая звѣзда лифляндки въ концѣ концовъ одержала верхъ. 16 января 1725 года состоялось начало примиренія между супругами; Петръ былъ еще угрюмъ и, быть можетъ, примиреніе было притворное, но во всякомъ случаѣ многозначительное. Лефортъ писалъ такъ: «Царица долго стояла на колѣняхъ передъ царемъ, испрашивая прощенія всѣхъ своихъ проступковъ; разговоръ длился

*) Смотр. по поводу всего этого эпизода: Соловьевъ, Шереръ, Сборникъ; Guschings Mag. (Рабутинъ); Вильбуа, «Межуары».

больше 3-хъ часовъ, послѣ чего они поужинали вмѣстѣ и разошлись».

Не прошло мѣсяца, какъ Петра не стало; онъ унесъ съ собою въ могилу затаенную злобу и, быть можетъ, разработанный втихомолку планъ мести. Нечего говорить о томъ, насколько Екатерина сумѣла извлечь пользу изъ этого событія съ политической точки зрѣнія. Ея частная жизнь вполне оправдала со временемъ ревнивыя опасенія, отравившія послѣдніе дни жизни великаго человѣка. Двадцать лѣтъ шла она съ непрерывными усиліями, съ неустаннымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, ни разу почти не ослабѣвая, къ одной единственной цѣли, и теперь, когда эта цѣль была достигнута, ея нравственныя пружины какъ бы сразу ослабѣли, и въ то же время пробудились долго сдерживаемые инстинкты — грубая чувственность, стремленіе къ низкому разврату, низменныя склонности ума и плоти. Когда-то она сама усердно оберегала мужа отъ ночныхъ оргій, а теперь увѣковѣчиваетъ память о нихъ, предаваясь пьянству цѣлыя ночи напролетъ до 9 час. утра съ своими избранниками, смѣняющимися каждую ночь: Левенвольдомъ, Девіеромъ, графомъ Сапѣгой. Ея царствованіе, которое къ счастью для Россіи, продолжалось только 16 мѣсяцевъ, свелось къ размѣну верховной власти въ пользу Меншикова и другихъ временщиковъ, оспаривавшихъ другъ у друга падавшія крошки. И, такимъ образомъ, преданная подруга великаго царя, всегда готовая притти ему на помощь, доходившая иной разъ до героизма, превратилась теперь въ опереточную героиню, крестьянку, поставленную волею невѣроятной судьбы на высоту трона, гдѣ она развлекалась сообразно своимъ вкусамъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе К. Валишевскаго	5
Отъ переводчика	8

Часть первая.

ВОСПИТАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Изъ Азіи въ Европу.

Глава I. Кремль и Нѣмецкая слобода	13
Глава II. Царевна Софья	35
Глава III. Троицкій монастырь	65

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ школъ цивилизованнаго міра.

Глава I. Въ походѣ. — Школа войны. — Созданіе флота. — Взятіе Азова.	81
Глава II. Путешествіе. — Германія. — Голландія. — Англія. — Возвращеніе	111

Часть вторая.

ЧЕЛОВѢКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Плоть и духъ.

Глава I. Внѣшній обликъ. — Черты характера. . .	151
Глава II. Черты интеллектуальныя. — Нравственный обликъ	187

Глава III. Планы, принципы и приемы управления	241
Глава IV. Интимная жизнь.	269

КНИГА ВТОРАЯ.

Приближенные.

Глава I. Сподвижники, друзья и любимцы	291
Глава II. Женщины.	339
Глава III. Екатерина.	381

К. ВАЛИШЕВСКИЙ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Книга первая
ВОСПИТАНИЕ

Книга вторая
ЛИЧНОСТЬ

*Репринтное воспроизведение
издания 1911 года*

Редактор *А.А. Волков*
Художник *Б.И. Астафьев*
Технический редактор *Н.А. Посканная*

Подписано к печати 10.01.90. Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.печ.л. 26,5 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отт: 29,8. Уч.-изд.л. 18,7
Тираж 200000 экз. Тип. зак. 540. Цена 15 руб.

Совместное советско-финское предприятие "ИКПА"
103050, г. Москва, ул. Горького, 23

Текстовые диапозитивы изготовлены
во 2-й типографии издательства "Наука"
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6

Отпечатано с диапозитивов
в ордена Ленина типографии "Красный пролетарий"
103473, г. Москва, ул. Краспролетарская, 16